

Алексей Мартыненко

ЗВЕРЬ НА ПРЕСТОЛЕ

Алексей Алексеевич Мартыненко

ЗВЕРЬ НА ПРЕСТОЛЕ,
или правда о царстве Петра Великого

«Профессионал»
Москва 2010

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
М23

Мартыненко А. А.

М23 Зверь на престоле, или правда о царстве Петра Великого.
— М.: ООО «Профессионал», 2010. — 432 с.

ISBN 978-5-98151-028-1

Петр Великий, наверно, один из самых известных не только в России, но и во всем мире монархов. Но, как часто бывает это в истории, мы знаем о нем только то, что сочла нужным утвердить в массовом сознании официальная историческая наука. Нам известен миф о Петре Первом, великом реформаторе, полководце, «кузнеце, мореплавателе и плотнике». Но знаем ли мы о нем правду? Часто ли мы вспоминаем, что этот «самодержавный исполин» собственноручно заперол до смерти своего сына? Что при этом царю мужское население России сократилось почти что вдвое? Что из всех его реформ фактически ни одна так и не была воплощена в жизнь? Что народ называл его (и считал) антихристом, имея для этого немало веских оснований? Эта книга позволит читателю узнать всем известные, но хорошо забытые неллицеприятные факты времен правления Петра Великого.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-98151-028-1

©Мартыненко А. А., 2010
©ООО «Профессионал», 2010

И даже если Петр умер, то совершенно напрасно некоторые полагают, что его больше нет: «... как и полагается сатанинскому существу, Петр до конца не умер после своей физической смерти. Петр — единственный... после смерти окончательно превратившийся в беса»

(А. Буровский).

Часть 1

ЭПОХА «СЛАВНЫХ ДЕЛ»

Призрак в подкованном ботфорте

Источники, повествующие о Петре Первом всегда выглядели слишком туманно и неоднозначно. Разобраться же в личности реформатора, произведшего перекройку на западный образец нашей страны, которая уже ко времени его воцарения была величайшей в мире, достаточно сложно. Весьма странно слышать дифирамбы столь якобы необходимым реформам и новшествам, введенным Петром, на фоне отрубленных голов, раскачиваемых ветром гирлянд обледенелых трупов, висящих вдоль стен московского Кремля и во дворе Новодевичьего монастыря, и ставших атрибутом эпохи неких «славных дел» венценосного реформатора. Но не только первопрестольная Москва была «украшена» результатами его «преобразований». Ведь и северная столица, петровский «парадиз», основана все на том же страшном фундаменте: на горах вмерзших в лед, погибших от холода и истощения людей. Такие «стройки века» нам хорошо знакомы по Метрострою и Беломорканалу. Как и в Москве, после расправы над стрельцами, берега Финского залива и Невы, были усеяны виселицами с повешенными. Но был еще Таганрог, Воронеж, Архангельск, были многочисленные бунты и их жесточайшее усмирение... Не зря этот царь в русском народе был прозван антихристом.

Как и где теперь сыскать правду о нем, отделив ложь и вымысел, тем самым написав истинный портрет столь возвеличенного «державного исполина»?

После тарана американских небоскребов в газете «Русский вестник» появилась удивительная фотография. В клубах дыма и пламени, вырывающихся из горящей башни Всемирного торгового комплекса, виден силуэт какого-то странного существа с неумовимо знакомым профилем. Редакция газеты сопроводила снимок сообщением, что это сам дьявол явил свой облик.

Но этот загадочный джинн, вырвавшийся из своей взорванной долларовой обители, на первый взгляд, столь бесформенный и безличный, кого-то удивительно напоминает! Чью личину одел на себя этот бес?

Может, соблазнилось, показалось, может, это игра света и тени? Может, шалит воображение? Нет, это же вылитый Петр I! Такое же почти полное отсутствие плеч, как и у его странной, уродливой фигуры, сработанной из воска по образу его настоящего тела, имеющуюся в многочисленных музеях восковых фигур и совершенно непохожую на массу растажирированных портретов, бюстов и памятников, созданных в честь Петра и прославляющих его никогда не существовавшие исполинские плечи.

И уродливо срезанные плечи, и глаза навывкате, и многое другое, роднит это чудище, выглянувшее из адского пламени, с обликом царя Петра.

Может и впрямь, Петр был самым настоящим антихристом, как и считала народная молва?

Почти все сочинения о Петре созданы как под копирку: на 25–30 строк, восхваляющих его, приходится одна строка, как бы укоряющая великого человека в некоторых мелких погрешностях, несколько неприятных, но якобы, не столь серьезных, чтобы на них заострять внимание. Затем вновь идут восхваления неких свершений и реформ, которыми де единственно мы и были Петром оторваны от каменного топора и пещерного своего состояния.

Но если извлечь эти вроде бы и внимания не стоящие «погрешеньица» из моря приписываемых Петру заслуг, собрать их как некую мозаику и взглянуть на нее, сравнив с изображением на снимке из газеты «Русский вестник»...

Мы так и сделали, и получили *нечто*...

О том, что из вышеописанной затеи вышло, судить читателю.

Слово и дело

Кровавого диктатора, узурпировавшего власть в нашей стране, «вечно живого» мертвого обитателя мавзолея на Красной площади, православный русский народ прозвал, как и царя Петра, антихристом. И действительно, по своей зловещей сути, царь Петр, названный большевиками «первым революционером», явился предтечей Ленина. Будущий «вождь мирового пролетариата», и по сию пору наводящий хмарь на Москву из своего вавилонообразного капища на Красной площади, родился в 1870 г., а спустя три года, в 1873 г., Ф.М. Достоевский, почувствовав его, пророчествовал:

«Они и не подозревают, что скоро конец всему... всем ихним «прогрессам» и болтовне! Им и не чудится, что ведь антихрист-то уж родился... и идет!» [142, с. 102].

А так как дорогу Ленину подготовил Петр, то с рассмотрения целенаправленности именно его эпохи «славных дел» и начнем это повествование.

Сначала о западной «цивилизации», которую нам навязал этот «преобразователь» и которая теперь столь воспета и идеализирована.

«Сказка о сусальной Европе и варварской Москве есть сознательная ложь. Бессознательной она не может быть: факты слишком элементарны, слишком общеизвестны и слишком уж бьют в глаза...» [126, с. 435].

«Вспомним европейскую обстановку петровских времен. Германия только что закончила Вестфальским миром 1648 г. Тридцатилетнюю войну, в которой от военных действий, болезней и голода погибло **три четверти** населения страны. Во время Петра Европа вела тридцатилетнюю войну за испанское наследство, которая была прекращена **из-за истощения** всех участвующих стран, ибо и Германия, и Франция **снова стали вымирать от голода...** За сто лет до Петра 16 февраля 1568 г. Святейшая инквизиция осудила на смерть **всех** жителей Нидерландов, и герцог Альба вырезывал целые нидерландские города» [126, с. 432].

Уточним:

«Герцог Альба уничтожил при взятии Антверпена 8000 и в Гарлеме 20000 человек» [63, с. 16].

«... а всего в Нидерландах испанцы убили около 100 000» [63, с. 207].

Тут важно отметить и те варварские методы, которыми производились подобные «зачистки»:

«Повешенные и сожженные люди, обрубки рук и ног, раздавленные между блоками... Все это делалось среди бела дня, и никого это ни удивляло, ни поражало» [63, с. 15].

«Нидерланды были разорены. Голодные массы на улицах рвали в клочки представителей власти — власть отвечала казнями. Тот саксонский судья Корпцхоф, который казнил 20 тыс. человек, — это только в одной Саксонии! — двадцать тысяч человек, а Саксония была не больше двух — трех наших губерний, помер перед самым приездом Петра в ту Европу, которая, по Ключевскому, воспитывалась без кнута и застенка — в 1666 году. Я не знаю имен его наследников и продолжателей, — на самого Корпцхофа я натолкнулся совершенно случайно — но эти наследники были наверняка. Сколько людей повесили, сожгли или четвертовали они?

В Англии, куда направил свои стопы Петр из Саардама, при одной Елизавете было повешено и казнено другими способами около **девяти тысяч** человек. Вся Европа билась в конвульсиях войн, голода, инквизиции, эпидемий, в том числе и психических: обезумевшие женщины Европы сами являлись на инквизиционные судилища и сами признавались в плотском сожителе с дьяволом. Некоторые местности в Германии остались в результате этого совсем без женского населения» [126, с. 432–433].

Здесь нужно бы добавить: исповедующие культ сатаны женщины говорили правду, а инквизиция лишь сдерживала необыкновенно буйный всплеск выпестованного эпохой «Возрождения» сатанизма, заменившего собою христианство в Западной Европе. Сегодня сатанизм процветает в Америке, где никакой инквизиции и в помине не существует. К чему это может привести мир теперь?

Вот чем отмечены вехи пути Запада к его сегодняшнему состоянию полной и бесповоротной деградации: «... почти все население обширной средневековой Вестфалии имело шанс попасть в руки безжалостной Фем¹... » [5, с. 244].

И это немудрено — ведь Фем карала практически за все:

«... можно найти, например, решение преследовать тех, кто «выступает против чести и правосудия»» [5, с. 244].

¹ Суды в средневековой Западной Европе. Фемиды — греческая богиня правосудия.

А такая формулировка грозит смертью любому. Теперь понятна эта самая пресловутая немецкая аккуратность! За какую-нибудь мелкую неряшливость: плохо проглаженную сорочку, латку на не совсем приличном месте, изношенные старые башмаки, вышедший из моды галстук — за любое малейшее, нарушение безукоризненности следования этикету могли придаться судьи священной фем, объявив человеку смертный приговор за выступление против «чести»!

Но и с приходом так называемой эпохи «Возрождения» мрачное средневековое «правосудие» никуда не исчезло:

«Как написано в биографии герцога Юлиуса де Селя, в 1608 году на церемонии, называемой «Закон Фем», «обязаны были собираться все местные жители, чей возраст превышал двенадцать лет. Они рассаживались прямо на земле, посередине ставили столы, за которые садились местный феодал и его советники. Судьи докладывали о преступлениях и оскорблениях; они расхаживали среди собравшихся жителей с белой указкой и ударяли обвиняемых по ногам. Кто... чувствовал себя виновным в серьезном преступлении, имел право встать и покинуть родные места в течение суток; но если он получал удар указкой в третий раз, то неизбежно появлялся палач, пастор исповедовал виновного, а затем его ждало ближайшее дерево»... а его тело бросали хищным животным и птицам» [5, с. 246].

Теперь становится понятным, откуда в Западной Европе в те времена развелось столько бродяг! Ведь лишь сумасшедший, уже получив два удара указкой, станет дожидаться третьего!

Однако ж срывали их в бега с насиженных мест лишь затем, чтобы убить этих людей более безнаказанно:

«... в Средние века на европейских дорогах стояли патрули, и «попавшихся бродяг», то есть тех, кто не мог доказать, что он местный арендатор, тут же вешали» [87, с. 397].

Но здесь не следует чрезмерно удивляться. Ведь по части безнаказанного убийства людей Запад имеет несомненный опыт, прекрасную вышколенность катов и необычайную надежность в исполнении приговоров.

У нас же в кои-то веки не то чтобы за кражу носового платка, но за государственную измену с угрозой покушения на жизнь членов правящей династии решили все же предать смертной казни пятерых масонов-декабристов, причем:

«Сообразуясь с монаршим милосердием, в сем деле явленным смягчением казней, Верховный уголовный суд... приговорил: «Вместо мучительной смертной казни четвертованием... преступников за их тяжкие злодеяния повесить»» [66, с. 125].

То есть сама кара была уже изначально максимально по возможности смягчена. И вот:

«Во время казни на виселице оборвались две веревки. Один из декабристов бросил в сердцах: несчастная Россия — вешать и то не умеют!» [19, с. 128].

«Веревки оборвались, что ли? — хрипло спросил Чернышев.

— Никак нет... они, должно, отсырели... и тела соскользнули... » [66, с. 139].

Так что дело не в неряшливости или разгильдяйстве штатных катов этой самой «несчастной России», и даже не в попытке темных сил оставить в живых своих подручных. Тут скорее наоборот: оставшиеся в тени фактические организаторы сорвавшегося переворота желали по надежней отделаться от неудачливых исполнителей с треском провалившегося мероприятия по смене самодержавной власти на революционный богоборческий режим, который четырьмя десятилетиями ранее им удалось установить в несчастной Франции. А чуть не сорвавшаяся казнь лишь подтвердила вопиющий непрофессионализм наших карательных органов в деле приведения в исполнение смертного приговора, являвшегося в нашей, якобы деспотической стране, чрезвычайно редким на тот момент явлением. А без хорошей практики, естественно, профессиональные навыки не приобретешь. Что и стало ясно во время казни декабристов.

«Да, не поднаторели. Не то что в «альма матер» демократии и масонских лож — туманном Альбионе. В те же самые времена там вешали за кражу, превышающую пять фунтов стерлингов. Даже детей!» [19, с. 128].

То есть каты «старой доброй Англии», столь нам на все лады разрекламированной в качестве передовой цивилизованной державы того времени, вешали детей не во времена кровавых деяний Вильгельма Завоевателя, а в середине вызывающего ныне у англичан приступы ностальгии по «хорошим временам» века — XIX-го!

Между тем и сами масоны эту невероятную жестокость родины своих лож достаточно однозначно подтверждают. Причем,

не только когда речь идет о казни лиц, совершивших явные преступления. Но и о преступлениях, которые ну совершенно не вяжутся с их казалось бы материалистическими и просвещенными на тот день взглядами.

Розенкрейцер высоких степеней посвящения И. М. Херасков, свидетельствует: «В Англии еще в 1712 году вешали ведьм, а закон о них был отменен лишь в 1736 году» [5, с. 12].

То есть Средневековье в туманном Альбионе подошло к своему по крайней мере узаконенному завершению лишь тогда, когда косточки Петра, заимствователя их людоедских традиций, давно превратились в прах.

У нас же первой женщиной, удостоенной виселицы, стала замешанная не в связях с потусторонними силами колдунья и даже не причастная к покушению на чью-либо жизнь заговорщица, но женщина, замешанная в цареубийстве — Софья Перовская, «первая женщина, возведенная на российский эшафот!» [101, с. 361].

Это произошло лишь в 1881 г. А до этого женщин у нас не вешали — именно потому, что Средневековья у нас не было и в помине. То есть просто не было местностей, столь зараженных колдовством и чернокнижием, что требовалось бы учреждать безжалостные судилища инквизиции.

Что же Петр в таком случае ездил перенимать?

Так ведь именно то, что и век спустя у них отнюдь не только не выветрилось, но выветриваться вовсе не собиралось:

«Незадолго до декабристов в Британии казнили за инакомыслие некоего полковника Эдуарда Маркуса Деспарди и его друзей. Перед казнью им прочли следующее: «Каждый из вас будет взят из тюрьмы, и оттуда на тачках вас доставят на место казни, где вас повесят за шею, но не до смерти. Вас живыми вынут из петли, вам вырвут внутренности и сожгут перед вашими глазами. Затем вам отрубят головы, а тела будут четвертованы... «Надо думать, англичане все исполнили четко...» [19, с. 128].

Дореволюционный историк А. Нечволодов по этому поводу сообщает:

«Замечательно, что такое невероятное падение и ожесточение нравов в Западной Европе происходило в то время, когда науки, искусства и ремесла достигли в ней весьма большого развития и ученые пользовались повсеместно огромным

влиянием, а многие города славились своими высшими учебными заведениями — университетами, которые вмещали в себе по несколько десятков тысяч слушателей» [81, с. 92].

Но, увы, как выясняется, не впрок: от знания риторики и зачаточных основ пиитики в их нравах людоедства не поубавилось. По сию пору западная палочная дисциплина заключает в себе все приметы полной сохранности этой дикой человеко-ненавистнической «культуры».

Уже во времена Второй мировой войны в английской армии: «... тайком от союзников применялись телесные наказания (удары плетью по обнаженным ягодицам)» [90, с. 36].

Это в тот самый момент, когда русские солдаты, ни на миг не задумавшись, за други своя грудью ложились на вражеские доты, летчики и танкисты шли на таран...

Англичане в это же самое время, как теперь выясняется, указывая на всю дремучесть своей рабовладельческой культуры, в кровь драли на конюшине плетками по ягодицам, стянув штаны, своих соотечественников, имеющих хоть на одну лычку меньше их самих!

Что тут скажешь?

Цивилизация...

Но не все народы на Западе подлежали наказанию: порке, четвертованию и казни через повешение. У судов фем: «... были и исключения: ... евреи, язычники и им подобные — так как они не достойны принадлежать к солидному и уважаемому обществу...» [5, с. 244].

А остальных, значит, кто к этому пресловутому «обществу» имел неоспоримое право принадлежать, вешать всех подряд?!

Ну просто полная копия будущего СССР! Практически один в один!

«Официально эти ужасные трибуналы так и не были запрещены: разные монархи лишь пытались их реформировать. Утверждают, что суды святой Фем тайно действовали еще в XIX веке» [5, с. 252].

«... последний распорядитель тайного суда — фрайграф умер в 1835 году, но еще долго преступления, которые совершались под покровом тайны в Германии, молва связывала с деятельностью тайных судилищ» [23, с. 490].

Между тем, не подписавший и четырех тысяч смертных приговоров за все долгое время своего чрезвычайно насыщенного смутами и ересями правления Иван Грозный (за 51 год царствования,

то есть более чем за полвека!) даже не оказался в числе русских правителей, изображенных на памятнике Тысячелетия Руси.

«По подсчетам «советского» историка Р. Г. Скрынникова, жертвами «царского террора» стали три-четыре тысячи человек» (см.: Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. Книга являет собой весьма знаменательное сочетание фактологической полноты с традиционной концептуальной беспомощностью). С момента учреждения опричнины до смерти царя прошло тридцать лет. 100 казней в год, учитывая уголовных преступников. Судите сами, много это или мало. Притом, что периодическое возникновение «широко разветвленных заговоров» не отрицает ни один уважающий себя историк» [116, с. 154].

При этом и иной факт убедительно определяет всех этих единичных казней достаточно вескую причину. Степень виновности казенных никогда и ни у кого сомнения не вызывала: «... почти все они ранее бывали прощаемы под крестоцеловательные клятвы, то есть являлись клятвопреступниками, политическими рецидивистами» [65, с. 34].

То есть сначала, вместо чтоб четвертовать, замучить в застенке на дыбе или спалить на костре, их долго и упорно уговаривали прекратить изменять царю и Русскому государству. Но они, не вняв уговорам, повторяли предательства. И вместо того, чтобы преступников казнить, их опять уговаривали...

И это все у нас — в «царстве террора», высосанного из пальца «советскими историками», за полвека казнено около 4 тыс. политических и уголовных рецидивистов. У них же не за полвека, но за полночи произошел такой разгул убийств, который в России просто из-за отсутствия такого количества палачей технически является невозможным:

«Варфоломеевская ночь стала нарицательным названием любой массовой кровавой расправы. Тогда в результате нарастания непримиримых противоречий между протестантами и католиками в течение одной ночи 24 августа 1572 года, с благословения папы римского, было убито **60 тысяч человек**, большинство которых составляли женщины и дети» [113, с. 21].

И все нормально. По сей день Екатерина Медичи среди жителей города Парижа никем и никогда не была приравнена к своему прототипу — Бабе-Яге. Напротив: и ныне многопочитаема благодарным за ее деяния народом.

Однако ж и протестанты не остались в долгу, показав свой куда как еще более узколобый пещерный примитивизм:

«Английские, голландские пираты — протестанты по вероисповеданию и морские террористы по профессии — садистски топили в морской пучине экипажи и пассажиров с испанских и португальских галеонов, состоявших целиком из католиков» [113, с. 21].

Все нормально и здесь: многие флибустьеры даже получали зарплату из английской Казны. Но и это вполне объяснимо: в этих странах на троне восседали такие же пираты. И их не то чтобы никогда никто не посмел хотя бы пожурить, но им ставили памятники и воздавали почести, превознося их «благодетелями» чуть ли ни до небес.

Так в чем же они, эти «благодетеля», выражались?

«... в Англии стоят памятники Генриху VIII. В его правление только «бродяг» (крестьян, согнанных лордами с земли) было повешено 80 тысяч. И ничего, все по закону, все нормально... » [87, с. 404].

Да что там какие-то десятки тысяч! Их звериные обычаи позволяли убивать население Европы миллионами! И не когда-нибудь при царе Горохе, но именно во времена, ими же на все лады и расхваливаемые: «Британцы согнали в середине XIX века ирландцев с земли, и около 2 млн. человек умерло с голоду» [77].

И это в Европе — *европейцев!*

Но данная пронизанность переизбытком «гуманизма» по отношению к своим белым соседям посетила тогда обитателей туманного Альбиона отнюдь не в первый раз:

«После победы Английской революции в 1648 году часть тогдашней Великобритании — Ирландия — не признала новой власти». — И вот чем на такое ответили революционные власти Англии. Они прибегли к таким средствам, как «... выкуривание (поджог мелколесья) и голодная блокада (поджог и истребление всего, что могло служить... продовольствием)... » [50, с. 238–239].

Ну и, что вполне естественно, после трех лет такого изощренного чисто в английском духе пиратства «Ирландия к концу 1652 г. лежала в развалинах. Запустение страны было столь велико, что можно было проехать десятки верст и не встретить ни одного живого существа... население Ирландии сократилось почти вдвое» (Лавровский В. М., Барг М. А. Английская буржуазная революция. М, 1958, с. 346)» [50, с. 239].

Так этот самый хваленый белый человек, чем-то там таким особенным слишком уж «культурный», истреблял себе подобного белого человека не за океанами, но у себя во вполне европейской стране — в Великобритании.

На других же континентах, что и понятно, белый человек гадил с еще большим изощрением: «культура» Запада, чем-то там таким непонятным просвещенного, к проживающему на земле человечеству жалости не испытывала. Ведь сколько миллионов североамериканских индейцев было уничтожено европейским «цивилизатором» в протестантской, например, Америке?

«Протестанты просто уничтожали аборигенов, не признавая их за творение Божие. При этом использовались самые подлые методы. Например, индейцам в обмен на шкуры давали зараженную оспой одежду и одеяла, отравленную пищу и т. п. Вымирали целые племена» [65, с. 26].

«Всеми миру известна американская поговорка: «Хороший индеец — мертвый индеец»» [63, с. 8].

«За скальп мертвого индейца (причем, не только мужчины, но и женщины, и ребенка) выдавалось денежное вознаграждение правительством США» [64, с. 8].

«В менталитете Запада гвоздем сидит принцип: «Боливар не выдержит двоих». «Только люди — не дефицит»... их умение бороться с перенаселением внушает уважение... » [87, с. 404].

А вот как выглядит их **рыцарь**, воспетый поэтами и писателями как **образец** рыцарства:

«Король Ричард Львиное Сердце... однажды после взятия одной из сарацинских крепостей приказал распороть животы нескольким сотням пленников (некоторые источники оценивают число жертв этой резни в **три тысячи**), чтобы проверить, не проглотили ли они драгоценности... » [15, с. 27–28].

Но это лишь исключительно из **любопытности**: неумеренной склонности цивилизаторов к естествоиспытательским наукам. Сам же он, следуя сагам западных историков, весьма воспитанный и ученейший из числа европейских монархов своего времени.

А вот как Европа расправлялась с расхитителями частных лесных угодий:

«... у виновного в самовольной порубке вытягивали кишки и прибивали их гвоздем к дереву... » [15, с. 29].

Что ж, тут прослеживается просто искрящаяся своей вопиющей невинностью тяга все к той же «справедливости». Но *справедливости* исключительно на их манер: по-европейски.

И это не в затерянных джунглях черного континента среди диких каннибальских племен, но в самых что ни на есть центральных областях Западной Европы. До такой степени там, как видно, обожали природу.

Но отнюдь не меньшей экспрессивностью отличалось приучение к «порядку» и по соседству: «... что касается скандинавских стран, то там действительно меньше преступности, в частности, бытового воровства. Но в Швеции сдерживали преступность не свободами и демократией, а жестокими репрессиями, которые не снислись России. Там в течение столетий за кражу булки отрубали руку. После таких времен люди действительно перестали вешать замки на ворота. В России самый жадный лавочник пал бы на колени и возопил бы о помиловании воришки, который у него украл хлеб!» [77, с. 8].

Откуда, скажите, у нас такая странная традиция?

А ведь попытался ее некогда нарушить так же, как теперь выясняется, чрезмерно увлеченный веяниями Запада наш самодержец Алексей Михайлович. Однако ж закон об отрубании рук так и остался лишь зафиксированным на бумаге: ни один палач на себя такого греха по заведомому членовредительству взять не смог. Потому через пару лет его пришлось отменить: наш человек к европейскому варварству оказался морально еще не подготовлен. Ведь калечить временно заблудшую овцу для русского человека всегда являлось беспросветной дикостью, на которую он способен не был.

Но именно это наше врожденное добродушие так всегда и не нравилось Петру.

Его «славных дел» наследникам оно тоже сильно претило: не мог русский человек докалывать штыками уже лежащего кровного своего врага — мироеда-барчука. А китайцев да латышей на всю огромную страну явно не хватало. Ленин по этому поводу жаловался Троцкому: «Русский человек добёр», «русский человек рохла, тютя», «у нас каша, а не диктатура» [58, с. 32–33].

Миллионов изувеченных трупов этих самых «рохль» в предназначенной к самоуничтожению стране ему явно было не достаточно: гидре революции требовались Десятки миллионов

трупов, то есть тотальное уничтожение русского православного народа. Даже кронштадтские матросы подняли мятеж именно потому, что отказались продолжать убивать себе подобных! То есть убийцы, у которых руки по локоть в крови, убивать отказались — бузу устроили: «... сами побывали в деревнях, в карательных отрядах, тут не обманешь, знают, как мужиков расстреливают, сами расстреливали» [28, с. 112].

Вот чем отличен от немца русский человек — не может он так долго убивать. Потому Ленин и жаловался: «русский человек рохля, тютя».

Петр же в понимании этого вопроса на двести лет опередил своих последователей-большевиков. Он такое препятствие еще в самом зачатии своих «славных дел» совершенно осознанно учитывал, а потому и поехал перенимать опыт пыточно-палаческого искусства к заплочным дел непревзойденнейшим мэтрам — в Западную Европу.

В ту же самую большевистскую революцию, когда за отказ продолжать массовые убийства себе подобных многие десятки тысяч казалось бы полностью стоящих на страже революции кронштадтских матросов жизнью заплатились, в альма-матер обитания этих самых культуртрегеров, в Германии, данное искусство находилось на совершенно недостижимых для нас высотах.

Свидетельствует князь С.Е. Трубецкой, чьим соседом по нарам в советских застенках во времена большевистского террора временно оказался сбежавший из Германии активист красного революционного спартаковского движения:

«Народ, рассказывал мне спартаковец, захватил несколько булочников и возил их по городу в позорной повозке. Потом на площади их заставили съесть по сырой дохлой крысе (а наиболее виновного — даже живую крысу) и, удовольствовавшись таким наказанием, решили отпустить на свободу. Однако фронтовые солдаты, и, конечно, в первую очередь, сам мой берлинский рабочий, сочли это совершенно недостаточным и, когда крысы были съедены, растолкали штатскую толпу и с военной энергией тут же на площади повесили всех булочников — «врагов народа»...

Да, подумал я, большевизм в Германии, пожалуй, даже более жесток, чем у нас: у нас просто вздернули бы, не заставив предварительно съесть крыс...» [137, с. 246].

Но этот рассказ спартаковца был еще не окончен. Когда направляющиеся с фронта домой немецкие солдаты возвратились к своему вагону, то застали толпу горожан, рвущую погоны с их офицеров:

««Мы бросились на их защиту, выбили немало зубов... Коекого из них мы даже убили... это, пожалуй, было нехорошо», — задумчиво прибавил он» [137, с. 247].

Да уж — нехорошо.

Так всегда было принято поступать у них со **своими** согражданами и даже в еще более массовом порядке: «В Германии при подавлении крестьянского восстания 1525 г. казнили более 100 000 человек» [63, с. 16].

Так расправлялись они со своими гражданами. Но по отношению к своим **врагам** германцы были куда как менее щепетильны. некогда обитавшие в степях Причерноморья их предки:

«С неприятельской головы... снимали кожу...» [80, с. 27].

«После этого она употребляется как утиральник... Тот, кто владеет наибольшим числом таких утиральников из кож с неприятельских голов, почитается доблестнейшим человеком» [80, с. 27]. Они даже: «... готовили себе из неприятельских человеческих кож плащи, в которые и одевались; для этого кожи сшивались вместе, как козьи шкурки» [80, с. 27].

Такова эта самая заграница, на все лады нам настойчиво расхваливаемая и теперь. И это именно у них за безбилетный проезд в общественном транспорте можно схлопотать удар полисмена дубинкою по голове — у нас такое не привьется: мы не тот сорт народонаселения, который можно было бы так запросто лупцевать, где ни попадя, совершенно не рискуя при этом нарваться на адекватный ответ.

Но в варварстве, однако ж, всегда почему-то обвиняют именно нас. И даже жертвы русской революции, в которую вложены деньги, между прочим, в своей основе именно западноевропейских и американских налогоплательщиков, приписывают почему-то нам же. То есть стороне пострадавшей. И пострадавшей именно от интернационала, захватившего в России власть с их же помощью. Однако ж вот чего стоила революция у них. В данном случае во Франции: «... Французская революция пожрала, по разным оценкам, от 3,5 до 4,5 млн. человеческих жизней» [50, с. 103]. И это все притом, что: «... ко времени Революции население Франции составляло 25 млн. человек

... этот урон был настолько значителен, что французская нация так и не смогла от него оправиться...» [50, с. 103].

Вот какими варварскими методами происходило это самоистребление и по сию пору столь странным образом восхваляемое самими французами, умирительно увековечившими его в своем собственном гимне:

«Затоплялись барки, чьи трюмы были набиты не принявшими новых порядков... И маленькие дети были брошены туда, несмотря на мольбы матерей. «Это волчата, — отвечала рота Марата, — из них вырастут волки»... женщин и мужчин связывают за руки и за ноги и бросают. Это называют «республиканской свадьбой»... Вооруженными палачами «расстреливались маленькие дети и женщины с грудными младенцами... расстреливали по 500 человек за раз...» [50, с. 102–103].

«... гильотинировались мальчики 13–14 лет, «которым, вследствие малорослости, нож гильотины приходился не на горло, а должен был размозжить череп»» [50, с. 104].

И все это производилось на площадях и под одобрительные возгласы огромной толпы!

Но подобное, что и понятно, если и совершалось уже теперь в нашу революцию, то лишь за глухими заборами и толстыми стенами чекистских казематов. Потому как если бы такая ретивость наших интернационалистов вырвалась бы тогда на улицу, то революционерам грозила очень быстрая и очень постыдная гибель — страшен русский бунт!

Но все вышеуказанные жестокости для Запада являлись всего лишь цветочками:

««В Медоне... существовала кожевенная мастерская для выделки человеческих кож; из кожи тех гильотинированных, которых находили достойными обдиранья, выделялась изумительно хорошая кожа наподобие замши... История, оглядываясь назад... едва ли найдет в целом мире более отвратительный каннибализм...»»¹ [50, с. 103].

Но мы оглянемся не назад, но будем смотреть исключительно вперед! Ведь европейское варварство никуда не уходит, а ускоренно прогрессирует. Вот, например, какими кошмарами была отмечена теперь почему-то всеми позабытая поступь немецкого сапога по Европе еще в Первую мировую войну:

¹ Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991, с. 390–491, 504–505.

«В некоторые приграничные русские города вступили немцы и австрийцы. Поведение их было неопишимо — массовый грабеж, расстрелы заложников, насилия над женщинами...

Местом жуткой кровавой бойни стал Калиш. В официальном сообщении главного управления генерального штаба России сухо перечислялись только считанные злодеяния, совершенные по приказу немецкого командования: «Когда президент города Буковинский, собрав с населения по приказу генерала Прейскера 50 тысяч рублей, вручил их немцам, то был тотчас же сбит с ног, подвергнут побоям ногами и истерзанию, после чего лишился чувств. Когда же один из сторожей магистрата подложил ему под голову свое пальто, то был расстрелян тут же у стены. Губернский казначей Соколов был подвергнут расстрелу после того, как на вопрос — где деньги — ответил, что уничтожил их по приказанию министра финансов, в удостоверение чего показав телеграмму». Местных жителей расстреливали на каждом шагу — «трупы лежат неубранными на улицах и в канавах... За нарушение каждого постановления генерала Прейскера приказано расстреливать десятого».

Люди 1914 года были потрясены — вести о чудовищных зверствах потоком шли из Бельгии, Франции, России, отовсюду, куда ступал кованый сапог немецкого солдата. Мир еще не знал фашизма, Освенцима, Дахау, геноцида гитлеровцев, но уже Тогда, в августе 1914 года, хорошо знали, что враг систематически нарушает законы и обычаи войны. Попытки и убийство пленных в руках немцев и австрийцев были не исключением, а правилом» [151, с. 63–64].

Сюда же следует добавить и самые последние из достижений этих специалистов по борьбе с **перенаселением**, относящиеся к середине XX века, когда массовость совершаемых убийств этих дорвавшихся до господства в Европе головорезов многократно возросла, обнажив всю доподлинную пещерность воспитавшей эту волчью породу культуры. И на сегодняшний день все ее вопиющие «прелести» ужаснувшийся мир может наблюдать по оставленным в попытках сбежавшими палачами следам преступлений в Майданеке и Дахау, Треблинке и Бухенвальде. Так что отнюдь не в эпоху нибелунгов или «Персифаля» нация, считающаяся самой культурной в Западной Европе, создает просто поражающую своим размахом колоссальную машину истребления народонаселения планеты. Но последняя Мировая война вместе с предшествующей.

Союзные державы попытались прикрыть многие из обнаруженных слишком очевидных преступлений, стараясь отмежеваться от причастности к созиданию человеконенавистнической машины Третьего рейха. Ведь лишь стремительное русское наступление, заставшее этих профессионалов-людоедов врасплох, не позволило данному подвиду гомосапиенс в очередной раз уничтожить следы присущей ему каннибальской культуры, воочию показавшей теперь всему миру свой звериный оскал. В лагере Освенцим, например, из 35 имевшихся складов захвачено было совсем немного. Однако и они повествуют нам просто об ужасающих цифрах:

««Только в сохранившихся шести складских помещениях было обнаружено около 1,2 млн. комплектов верхней и нижней одежды замученных, а на кожевенном заводе Освенцимского лагеря найдено 7 тыс. килограммов волос, снятых с голов 140 тыс. женщин...»»¹ [44, Т. 10, с. 79].

И это лишь в шестой части одного лагеря столь любящих порядок и отчетность немцев. Но 83 % складов, что и естественно, содержащих наибольшее количество компромата, освенцимские палачи все же успели уничтожить. И, несмотря на это, обнаружены волосы, снятые со 140 тысяч женщин.

Каким образом эти изуверы снимали с них волосы? Может быть, в качестве скальпов?! Да еще и с живых?! Ведь свидетелей не осталось...

Но такое было для них так — маленький штришок. Потому именно этот компромат нам и достался.

Но что поспешили эти типичные представители западной культуры уничтожить в складах, сожженных в самую первую очередь?! Вывороченные на пытках из орбит глаза, раздробленные конечно-сти замученных жертв или перчатки из человеческой кожи?

Вот какой первый вопрос задал психологу Джильберту на Нюрнбергском процессе начальник этого лагеря Рудольф Франц Фердинанд Гёсс:

«— Вы хотите знать, нормальный ли я человек?

Еще бы, убийца трех миллионов человек имеет право на такое предположение.

А что вы сами по этому поводу думаете? — поинтересовался Джильберт.

¹ Нюрнбергский процесс. Т. IV. М., 1959, с. 367–369.

Я абсолютно нормален. Даже отправляя на тот свет миллионы людей, вел вполне нормальную семейную жизнь» [97, с. 404].

То есть этот паук, напившийся крови трех миллионов человек, как выясняется, по германским понятиям, то есть по понятиям страны этих самых пауков, ничем недостойным себя не скомпрометировал: вел вполне респектабельный образ жизни — был прекрасным семьянином! А потому без какой-либо тени смущения:

«... Гёсс рассказывает суду о преимуществах «своего» лагеря в сравнении с таким «отсталым» комбинатом смерти, как Треблинка. В Треблинке, например, чтобы уничтожить две тысячи человек одновременно, нужно было десять газовых камер, а в Освенциме для этого количества достаточно было одной» [97, с. 403].

Вот что об этом сообщает письменное показание Гёсса: «... мы построили нашу газовую камеру так, чтобы она могла вместить 2 000 человек одновременно...» [110, с. 338].

«Бывали дни, когда в крематориях и на кострах сжигали в сутки до 15 тысяч человек. Крематорий дымил, и костры во рвах горели днем и ночью» [111, с. 343].

Но сколько осталось нераскрытыми преступлений во всех иных лагерях, устроенных по Европе этими самыми «просветителями»?

А сколько сожженных русских деревень с сиротливо уставившимися в небо трубами печей разбросано на пути их следования?

Сколько безжалостно уничтоженного населения разрушенных городов: расстрелянных, повешенных, замученных?

И это все притом, что аппетиты у немцев в отношении России всегда были куда как более обширные, нежели убийство миллионов мирных граждан СССР, которое они успели произвести. Вот какие масштабы по уничтожению русского населения России были еще запланированы. Следуя своей людоедской программе:

«... Бах-Зеловски показал, что в 1941 году на совещании в Вельзегуре Гиммлером была поставлена задача: уничтожить в России тридцать миллионов человек. Речь шла, конечно, о мирном населении, ибо Гиммлер в данном случае толковал не о боевых действиях, а об уменьшении биологического потенциала славянских народов» [97, с. 55].

И не следует думать, что все эти прожекты явились лишь в больном воображении высшего командования Германии, невероятно распухшей от присвоения земель континентальной Европы и теперь ведущей непримиримую борьбу с ее

«перенаселением». Нюрнбергский процесс высветил немалое количество каннибалов среди исполнителей любого ранга:

«Перед Международным трибуналом прошли палачи и поменьше калибром. Из них мне запомнился, в частности, эсэсовец Олендорф, начальник эйзатцгруппы «Д». Этот заявил, что на юге Украины, в районе Николаева, он успел убить только... девяносто тысяч человек» [97, с. 405–406].

То есть «всего лишь» 90 тысяч русских людей лишил жизни этот вполне достойный своих людоедских предшественников убийца!

И вот при помощи каких изуверских инструментов немцами производились эти запланированные в их респектабельных кабинетах массовые преступления. Этими людоедами использовались произведенные их промышленностью «... агрегаты для дробления человеческих костей, аппаратура для производства из них химических удобрений, разработаны особые методы выделки для промышленных целей человеческой кожи» [97, с. 4].

Так что изготовлением все тех же плащей все из того же материала они вновь указали на тот сверхъестественный каннибализм, который сидит с давних пор в крови у данной породы недочеловеков.

А вот как использовались этими культуртрегерами снятые ими скальпы: «... волосы — для матрацев!» [97, с. 81].

Но германская «хозяйственность», столь воспеваемая и сегодня, просто не знала никаких границ: «... из человеческого жира нацисты производили мыло», которое пускали в продажу по всему свету «немецкие парфюмерные фирмы...» [97, с. 162].

После демонстрации перед нюрнбергскими судьями культуртрегерской продукции из человеческих волос и жира «... в руках обвинителя появляется нечто вроде куска кожи. Да, это кожа, и, если к ней присмотреться, не выделанная еще кожа. Но содрана она не с животного, а с человеческой спины...

У стены на столах тоже стоят какие-то предметы, прикрытые простынями. По указанию обвинителя простыни убирают, и перед глазами всех присутствующих появляются куски уже выделанной человеческой кожи, посаженные на распялки. На каждом из них следы красивой татуировки. Люди, которые имели несчастье в молодые годы легкомысленно разузорить себя, оказавшись в руках нацистов, сразу обрекались на страшные муки и надругательства... из их кожи делали абажуры и различную галантерею» [97, с. 162].

То есть здесь разговор идет даже не о самих палачах — с ними все ясно. Здесь сообщается, что эта вырожденческая разновидность так называемых нынешней наукой гомо сапиенс на самом деле является расой вурдалаков, более чем сознательно приобретающей в магазинах изделия из кожи, совершенно явно содранной с живого человека!!!

Вот когда прекрасно раскрылся тысячелетиями дремавший немецкий канныбализм, пытающийся теперь прикрыть свое звериное нутро некоей претензией на обладание культурными достижениями, чем-то там якобы уж чрезмерно полезными в бытоулучшительских нуждах человечества, усиленными темпами прогрессирующего в своей деградации.

«Тут же под стеклянным колпаком — высушенная голова человека величиной с кулак. На ней сохранились волосы, а на шее — следы веревки.

Мороз пробежал по телу. Чья это кожа? Кому принадлежала эта голова? ... Точно известно только то, что голова этого несчастного на специальной подставке как сувенир стояла на письменном столе начальника концлагеря Освенцим» [97, с. 163].

У этих зверей в человеческом обличье все было рационально и экономически обосновано:

«Когда Гёссу был задан вопрос: «Правда ли, что эсэсовские палачи бросали живых детей в пылающие печи крематориев? « — он немедленно подтвердил правильность этого. А дальше заявил: «Дети раннего возраста непременно уничтожались, так как слабость, присущая детскому возрасту, не позволяла им работать...»» [97, с. 9].

На Нюрнбергском процессе в качестве документального подтверждения полной тождественности современных немцев с людоедскими племенами, только еще совсем недавно спустившимися с дерева, были показаны кадры хроники, отснятые самими палачами. Притихший зал увидел:

«... печки-крематории. Перед входом в крематорий — горы обуви, детские вещи.

А это что такое? Целый склад тюков. Это волосы, срезанные у жертв перед казнью. На тюках надписи: «Волос мужской», «Волос женский»...

А на экране опять горы ботинок, горы трупов...

Освенцимские кинокадры сменяются кадрами из Бухенвальда. Снова всепожирающие печи и абажур из татуированной человеческой кожи.

...на экране появляются тюки волос, и диктор объявляет, что это «сырье» использовалось для производства специальных чулок для команд подводных лодок...» [97, с. 169–170].

То есть на матрасы, как выясняется, у них шел лишь «второй сорт». А волосы с чьих голов были «удостоены» использоваться первым сортом в качестве «сырья» для чулок подводных корсаров Деница?

«А вот и Дахау. 17 тысяч мертвецов...

Потом на экране появляется Иосиф Крамер — палач Бельзенского концлагеря. В яму сбрасываются женские тела» [97, с. 170].

«... о миллионах казненных людей: расстрелянных, повешенных, заживо сожженных, затравленных собаками, забитых сапогами, задушенных газом... стучат в сердце человечества худенькие кулачки пяти — шестилетних детей, которых гнали в газовые камеры и которые, пытаясь спастись, показывали на эти свои жалкие кулачки, шелестя бескровными губами:

— Мы еще сильные, мы можем работать... Смотрите, мы еще можем работать!...» [97, с. 246–247].

И все это, между прочим, совершалось отнюдь не во времена языческих камланий, когда готы шили себе плащики из кожи, снятой с голов своих врагов, а врагами были все окружающие их мирные народы. И еще не в те времена, когда в их среде был узаконен каннибализм. Молодой воин, что следовало их традиции тех далеких времен:

«... первый раз, как убьет врага, должен обязательно напиться его крови...» [80, с. 27].

Вышеописанные преступления совершены в XX веке: в самый пик амбициозных претензий германцев на опеку над якобы много уступающим им в культуре всем остальным миром.

Так что же это за такая культура, столь теперь сильно удивляющая?

Вот как высказался на Нюрнбергском процессе о культуртрегерской привычке к умерщвлению людей представителями своей нации министр юстиции гитлеровской Германии Ганс Франк:

«... варварство, видимо, характерная расовая черта немцев. Иначе как можно объяснить, что Гиммлер заполучил

в свое распоряжение столько людей для исполнения своих преступных приказов?» [97, с. 83].

Но исполняли эти людоедские приказы не только подопечные Гиммлера. Тут, судя по всему, практически каждый немец, получивший в руки оружие, своей неумолимой палаческой деятельностью удостоил себя той самой петли, которую затянул палач на шеях лишь только высших сановников Третьего рейха. В том числе и на шее того же Франка.

Вообще же следует отметить следующие особенности Второй мировой войны:

«Европа оказалась менее культурна, чем она казалась и считала самое себя. Именно из ее недр вышли орды изуверов гитлеровского толка, захватившие почти всю Европу и показавшие изумительные примеры варварства и жестокости. Война только показала яснее то, что было сокрыто в одном из уголков «европейской культуры», и нет никаких оснований полагать, что этого скрытого нет и в других странах, и формах, может быть, и похуже.

Породив гитлеризм, Европа показала себя «*au naturel*», без фиговых листочков. Ведь никто не может сказать, что Германия не есть плоть от плоти Европы. Забыть и замолчать позор гитлеризма нельзя. Все, что есть порядочного в Европе, отмахнуться от этого не может. Это давит тяжелым кошмаром на их сознание. Позор остается позором, и позором неизгладимым. Ведь очевидно, виноват не только гитлеризм, но и все, кто его воспитывал, а воспитывала вся Европа» [59, с. 367—368].

Но под стать своему коллеге по Тройственному пакту выглядели и японцы. В январе 1942 года Гитлер принимал японского посла Осиму. И вот как он поучал японцев расправляться с оставшимися в живых экипажами вражеских судов, убеждая, «... чтобы они тонущих в плен не брали! После торпедирования противника подлодки должны всплывать и расстреливать не только шлюпки, но и тех паршивых неудачников, которые кувыркаются среди обломков, отыскивая доску понадежней. Обучение новых команд обходится противнику дорого — это же чистая экономика!

Осима обнажил в улыбке квадратные зубы и сказал, что они всегда так поступают...» [90, с. 21].

Эту грязную пресловутую гитлеровскую «чистую экономику» японцы, как выясняется, знали ничуть не хуже своих коллег по Освенциму и Дахау, а, может быть, даже и получше. Вот как

описывают их нравы попавшие к ним в плен американцы, совершенно случайно спасшиеся от смерти:

«Первым на борт подлодки забрали 18-летнего юнгу, застрелили его и выбросили за борт. Остальным крепко связали руки и под разглагольствования на ломаном английском языке... били и истязали. Примерно в полночь началась (по словам японцев) настоящая забава. Каждого американца заставляли бежать по палубе между строем японских подводников, вооруженных дубинками, мечами и штыками. В конце этого строя жертва... сбрасывалась за корму. Так было покончено с 60 американскими матросами...

Но тут прозвучал ревун срочного погружения — японская субмарина быстро ушла в пучину, оставив на поверхности океана 35 американцев со связанными руками. Несколько человек — это почти чудо! — сумели в таком положении удержаться на волнах, пока их случайно не заметило индийское судно. Они-то и поведали миру, как действуют японские подводники...» [90, с. 6].

Но не только страны Тройственного пакта, но и наши союзники достаточно аргументировано доказали, что и они сами того же поля ягоды. Это стало ясно сразу, как только появилась возможность приступить к безнаказанному проведению массовых убийств мирного населения:

«... англо-американская авиация разрушила многочисленные города — Штутгарт, Вюрцбург, Дюссельдорф, Берлин, Потсдам, Магдебург, Дрезден и другие... Эти налеты не являлись необходимыми с военной точки зрения и не имели непосредственного отношения к боевым действиям...

Так, во время налета американской авиации на Дрезден в ночь с 13 на 14 февраля 1945 г., из 220 тыс. жилых домов 80 тыс. были полностью разрушены и 75 тыс. сильно повреждены. До сих пор неизвестно, сколько было убитых в Дрездене в эту ночь, — погибло ли там 350–400 тыс. человек, как сообщил в Берлин руководитель местного управления нацистской пропаганды, или «всего лишь» 100 тыс. человек, как сообщала печать нейтральных стран» [153, с. 14].

То есть за одну ночь некогда многотысячный город, куда в надежде спасения своих жизней с невероятными трудностями добрались и десятки тысяч беженцев из восточных германских земель, занимаемых нашими войсками, после варварской бомбардировки союзниками, был практически уничтожен! И все потому, что англоамериканцы вовсе не пытались вывести из строя

военные заводы, чем занималась обычно авиация наша. Целью их бомбардировок являлось уничтожение мирного населения Германии, со дня на день способного оказаться в руках союзника по коалиции — России.

Не меньшей людоедской бессмысленностью запятнал себя и налет на Хироси му и Нагасаки. Таковы их нравы.

Но за последние годы эти нравы не только не улучшились, но много и еще более усугубились. К делу уничтожения Православия приступили сначала в Югославии, где издевательства мусульман и католиков над православными сербами ужаснули своей изощренностью палаческого искусства, а затем еще и у нас — в Чечне.

«Плен испокон веков считался самым страшным, что может случиться с человеком. Плен — это неволя, это издевательства. Жизнь показала, что чеченский плен — это самое страшное, самое **нечеловеческое**, изуверское, что вообще может быть на свете» [94, с. 51].

И это в сравнении со звериной традицией хорватов, которые у захваченных ими сербов отрезали нос и уши, выкалывали глаза... Что же может быть еще ужаснее?!

Вот лишь один из многочисленных эпизодов чеченского плена, когда банда Хойхороева в течение ста дней издевалась над попавшими к нему в лапы четырьмя русскими солдатами. Рассказывает мать одного из них — Родионова Любовь Васильевна:

«Когда мальчики сказали, что их родители не смогут найти столько денег, для них начался ад. Их избивали, морили голодом и снова избивали. Не было пыток, которые бы ни испробовали чеченские торговцы людьми на восемнадцатилетних русских мальчиках.

— Мне больно об этом рассказывать... — говорит Любовь Васильевна. — Больно думать... Я до сих пор не могу понять зачем... Если перед тобою враг, убей... Но зачем мучить? Чего чеченцам от этого? Сломать человека? Уничтожить как человека?

Конечно же, сломать...

Конечно же, уничтожить.

Это совершенно ясно, хотя православному человеку и невозможно понять это...

Невозможно понять и другое.

Представьте себе на минуту, что вы приезжаете в русскую деревню и видите: посреди нее сделана земляная тюрьма, в которой содержат украденных из Москвы и Петербурга чеченцев... По вечерам пьяные и обкуренные мужики отстреливают этим чеченцам пальцы, отпиливают бензопилами головы...

Как вы себя поведете? И как вели себя соседи Р. Хойхороева, которые не участвовали в его зверствах? Ведь они знали: Хойхороев торгует людьми, знали о том, что он подвергает свои жертвы изуверским пыткам... Ведь это же невозможно было скрыть от односельчан!

— А этого и не скрывал никто, — говорит Любовь Васильевна. — Никаких секретов. Там все родственники. И вот я слышу, что надо пожалеть мирную чеченскую женщину. А если она неделями не кормила наших детей, которые у нее сидели в подвале?! Она что, не могла им кусок лепешки дать? Даже их чеченские дети измывались над нашими ребятами! Пленные, которым удалось освободиться, рассказывают, что чеченские дети и стрелять на них учились, и палками насмерть забивали... Это — нелюди! — Посмотрите... Мы говорим, что есть боевики и есть мирное население... Но издевались над пленными не только боевики. Нет. Я другой такой нации не знаю» [94, с. 147–148].

Но подобным издевательствам и умерщвлению подвергались в Чечне не только русские военные. Геноциду здесь подвергалось вообще все проживающее на момент вручения власти чеченцам русское мирное население:

«... в первой половине 90-х годов в Чечне совершался тотальный геноцид русского населения: если до прихода к власти банды Дудаева в Чечне проживало до 40 % (а в Грозном все 60 %) русского населения, то к 2002 году их осталось лишь 3,7–3,8 %» [99, с. 8].

И пока не найдено человека, который отобразил бы в своих документальных свидетельствах все те ужасы, которым, при полном попустительстве властей, подверглось здесь коренное население этой местности. Понятно без комментариев — русское население. Ведь тем, кому не удалось отсюда сбежать в самые первые дни прихода к власти в России так называемой демократии, суждено было принять все те муки и издевательства, которые для них подготовили Ельцины и Дудаевы, Басаевы и Гайдары...

Именно по данной причине на стороне этой жуткой народности и оказался наш ярый правозащитник чеченских «мирных

жителей» — Сергей Ковалев. Что вполне естественно. Ведь защищаемое им «прогрессивное человечество» действительно прогрессирует: тот же Адольф Гитлер, в сравнении уже с нынешними «мирными» чеченцами, просто совершеннейший мальчик, так как он не знал, как ему **правильно** воспользоваться попавшим к нему в плен сыном Сталина.

А вот «мирные» чеченцы как поступать в подобных ситуациях прекрасно знают: они отрубают у ребенка по кусочку пальца и рассылают в конвертах родителям. Вот он где, этот самый «прогресс», столь удивительно дружно защищаемый Ковалевыми и К°.

И вместо централизованного уничтожения миллионов, когда людоедские фабрики смерти избравших себя вершителями чужих судеб культуртрегеров просто поражали своими размерами и масштабами, нынешние чеченцы унифицировали промышленную основу этой людоедской традиции, перешли на хозрасчет — «семейный подряд»: каждой семье свой зиндан.

Но не следует думать, что и немец застоялся без этого самого столь ему присущего пресловутого «прогресса». Следует здесь заметить, что абажурчики с татуировкой в респектабельных германских магазинах — это все тот же цивилизаторский XX век! Ведь это не измазанный в крови гяуров абрек его себе по случаю на заработанные торговлей людьми деньги приобретал для подсветки входа в любимый зиндан (что, может, и выглядело бы вполне обоснованно). Но препотеннейший бургер в свою великосветскую меблированную гостиную!

И вряд ли можно определить, что выглядит более подло по отношению к связанному по рукам и ногам человеку: выкалывание глаз или отпиливание пилой головы. Или, может быть, менее людоедски выглядело обливание в мороз человека ледяной водой?

А ведь именно сегодняшняя Европа, где мусульмане-албанцы и католики-хорваты совсем недавно подтвердили со времен войны много возросшее людоедство, указывает на свое все прогрессирующее озверение. Но и как всегда в подобных ситуациях:

«... средства массовой информации молчат о страшных издевательствах над сербами в Боснии и Косово: о зверски замученных младенцах, о бусах из детских пальчиков...» [112, с. 147].

Но и немцы, думается, тоже не стоят в этом вопросе на месте. Поэтому всю эту свору каннибалов следует поименовать одним термином:

евразийской бандой потенциальных убийц, лишь ждущих очередного военного конфликта для демонстрации врожденной тяги к кровавым оргиям и издевательствам над православными людьми.

Почему именно православными?

Так ведь производимыми этими поборниками прав людоедской «культуры» действиями они сами демонстрируют целенаправленность своей политики. Ведь именно на истреблении православных славян были сосредоточены цели походов: Батия, Наполеона, Гитлера и уже нынешних более мелких (но не менее кровавых) бандитов: хорватов, албанцев и чеченцев. На сегодняшний день, лето 2008 г., сюда же следует добавить и снаряженных в поход Дядюшкой Сэмом американизированных грузин, лишь каким-то чудом не осуществивших запланированную ими операцию над православным населением Южной Осетии, именуемую ими «Чистое поле». Это наименование, видимо, должно обозначать, что после их нападения должно было остаться от народа, не пожелавшего очистить свою исконную территорию, переподаренную Грузии большевиками. Нападение это, понятно, было произведено по недавнему чеченскому сценарию — без какого-либо объявления о начале военных действий. Потому в упор были сначала расстреляны российские миротворцы. Причем, сразу с двух сторон: в спину им стреляли находящиеся в Южной Осетии для поддержания Мира грузинские «миротворцы». И более подлого удара невозможно даже и предположить: «миротворцы» сами развязывают военные действия. Это уже что-то новенькое. Хотя, если честно, достаточно легко прогнозируемое...

Но если с Батыем и Наполеоном все вроде бы понятно, так как в те времена Православие являлось государственной религией страны, то почему в этом длинном ряду указана и политика Адольфа Гитлера, направленная против, казалось бы, атеистического государства — СССР?

Вот какие цели по отношению к Православию ставили как Германия с ее сателлитами, так и СССР с пришедшими в 1917 г. к власти в стране Троцкими и Бухарчиками:

«... в Югославии, которую немцы заняли за одиннадцать дней, водворение «нового порядка» гитлеровцы возложили на католическую церковь — в полном соответствии с чаяниями Ватикана. В этой славянской стране оккупированной немцами

и фактически переданной ими во власть католиков, чудовищным образом было зверски уничтожено около миллиона православных сербов. Так осуществлялся очередной крестовый поход.

Мы приведем здесь всего лишь несколько примеров католического геноцида против Православия. 12 мая 1941 года в городе Глина было совершено заклание 1200 православных сербов: им рубили головы топором — в алтаре, на престоле православного храма. После этой ужасающей по своей жестокости казни храм, набитый трупами, подожгли. Летом 1941 года в Ливантийском округе францисканец доктор богословия Сречко Перич обратился к хорватам с речью. Он призывал «братьев-католиков»: «Братья хорваты, идите и перережьте всех сербов, а для начала зарежьте мою сестру, вышедшую замуж за серба, а потом всех сербов по порядку. Когда с этим покончите, приходите ко мне в церковь, я вас поисповедую, и все грехи вам простятся...» — В этом округе были с необычайной жестокостью убиты все сербы, все до одного, более пяти тысяч человек...

Член ордена иезуитов Филиппович в феврале 1942 года возглавил отряд усташей. Он повел их на рудник, находившийся неподалеку от города Банья-Луки. Все рудокопы, православные сербы, 52 человека были убиты. Затем отряд направился в село Дракулицы, где жили семьи убитых шахтеров, и там зверски вырезали их домочадцев — от старух до младенцев. Смертью мучеников погибли 1500 православных. Только одной женщине, матери пятерых детей, чудом удалось убежать. Ее расшудок не выдержал увиденного: она сошла с ума...

В селе Балевицы католический священник Сидония Шольц «благословил» свою паству убить православного священника Георгия Богича. В полночь в его дом ворвались католики. Священника выволокли из дома, отрезали ему нос и язык, сожгли бороду, вспороли живот и кишки обмотали вокруг шеи...

В Столичком округе «по благословению» католических священников Марко Зовко и Томаса Ильи было убито четыре тысячи православных сербов. Как это делалось, показывает происшедшее в селе Клепец, где Томас Илья угрозами мучительной смерти принудил жителей перейти в католичество, причастил их, а затем всех этих людей перерезали. «Вы ошибаетесь, — говорил этот «добрый католик» обреченным на смерть, — если думаете, что мы переводим вас в католичество для сохранения вашего имущества, пенсии или содержания.

Мы не хотим спасать вашу жизнь, а только ваши души». Это была обычная практика «благочестивых и богобоязненных католиков».

В Словении в католической церкви на горе святого Урха с благословения местного католического епископа был устроен страшный застенек — для православных. Их пытали, затем умерщвляли мучительно, — одним из способов было закапывание живьем. Пуля считалась проявлением милосердия. Руководил всем этим кошмаром католический священник, доктор теологии Петр Крижай, обычно сам показывавший своей пастве, как нужно мучить и убивать православных сербов.

Бывший председатель народной власти в Словении Борис Кидрич был одним из очевидцев тех ужасов, которые происходили в Словении под властью католиков и фашистов. Вот его слова: «Я помню католических священников, которые в Долинском своей рукой закалывали пленных... Я помню католических священников в Хорватии с полными корзинами вырванных человеческих глаз...»

Людей закалывали ножом особой формы, который убийцы называли «сербосеком», православным вырезали глаза, разбивали головы... Убивали всех: мужчин, женщин, стариков, детей. В горных местностях после войны были обнаружены сотни «ям» — глубоких колодцев, в которые сбрасывали сотни и тысячи людей, — часто поголовно всех жителей целых селений. Для православных детей устраивались концлагеря, в которых начальствовали католические монашки. «Милосердным католическим сестрам» было поручено уничтожать сербских детей. В августе 1942 года только в одном из таких сербских концлагерей в Ястребарском за месяц было умерено голодом и забито до смерти 100 из 400 православных детей. Попытка бежать из лагеря смерти каралась безжалостно — пойманных детей убивали. Так, за попытку бежать из Ястребарского лагеря был забит до смерти ребенок Божя Шарич. Еще двое детей погибли от руки католической монашки. Она убила их — «за непослушание»: вывела их за лагерь, чтобы не были слышны крики, и хладнокровно била, пока те не умерли» [129, с. 239–241].

Но вот интересен итог этого кровавого противостояния. В результате казалось бы победы русских и сербов над немцами и союзными им хорватами «Главный форпост Православия на Юго-западе, Сербия, оказывается в руках хорватов, католиков — Иосиф Броз Тито хорват,

и Хорватия становится наиболее развивающейся республикой. Православные области Югославии не просто в забвении, но Косово заселяется мусульманами так, как сейчас Россия и Москва» [115, с. 111].

И если кто-то считает, что от мусульман следует ждать все же меньшей агрессии, чем от протестантов Адольфа Гитлера и католиков, постоянно снаряжаемых в крестовый поход на тотальное истребление православных славян Ватиканом, то он заблуждается. О необходимости исключительно лишь таковой же программы действий к гяурам, то есть людям им иноверным, ну ни капельки не стесняясь, говорит даже их священная книга — Коран:

««И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами... И убивайте их, где встретите... И сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения, а вся религия будет принадлежать Аллашу» [Сура 2, аяты 186, 187, 189]. Пусть мусульманин прокомментирует эти слова. Спросите его: «Разве может Творец призывать к всеобщей междоусобице? Разве Ему угодно, чтобы верили в Него под дулом автомата?»» [131, с. 75].

Вот типичный ответ мусульманина христианке, замешкавшейся при вступлении в данное вероисповедническое сообщество:

«Становись мусульманкой, или мы навсегда расстанемся. А сейчас твоя жизнь ничего не значит, каждому мусульманину позволено убить тебя» [131, с. 36].

И **позволено убить**, повторимся, даже не в раннесредневековые мрачные времена завоеваний арабского халифата, но именно сегодня — в наши так называемые «цивилизованные» времена их вероисповедание просто **предписывает** нас убивать! И даже не у себя в Турции, но в Европе на территории христианской страны...

Так что история, если ее по каким-либо причинам не поняли и оставили в презрении, всегда повторяется! Это хорошо бы нам намотать все же на ус. Потому следует себе уяснить, что именно прикинувшийся безвинной овечкой братающийся сегодня с нами: «Ватикан призывал католиков вступать добровольцами в корпус легионеров, благословляя убивать русских схизматиков на Восточном фронте III Рейха...

Но вот что удивительно: эти зверства, характеризующие геноцид целого народа, по мнению правительств победивших стран: СССР, Америки и Англии, не были холокостом — как «не было холокостом» и продолжавшееся уже четверть века уничтожение

русского народа, оказавшегося между молотом и наковальней — между двумя Барбароссами — Гитлером и Сталиным, символизирующими фашизм и коммунизм» [129, с. 241].

И какими зверствами сопровождался геноцид захвативших в России власть интернационалистов можно судить по страшной статистике десятками миллионов на протяжении десятилетий постоянно куда-то исчезающего русского населения России:

«Обратимся к беспристрастным цифрам, к статистике.

В 1923 году — всего за пять послереволюционных лет — в России исчезло 29,5 миллионов человек. Это означает, что жертвой «Великой Октябрьской Социалистической революции» стал каждый пятый из населявших нашу страну» [129, с. 93].

«Даже по официальной статистике, к концу 1922 года в стране было 7 миллионов (!) беспризорных — то есть лишившихся обоих родителей детей»¹ [50, с. 64].

«Следующий период: с 1923-го по 1927 год — это уже не гражданская война, более-менее мирное время. За считанные годы страна потеряла 10,7 миллионов своих граждан. Пойдем далее: 1929–1933 гг. убыль населения — 18,4 миллионов. Наконец, пятилетие 1934–1938 гг. потери 9,6 миллионов.

Эти сведения содержатся в беспристрастных и абсолютно чуждых идеологии трудах ученых-демографов Института социально-экономических исследований Госкомстата России: Андреева, Дарского и Харьковской»² [129, с. 93–94].

Так что «... с октября 1917 года вплоть до 22 июня 1941-го в истории России не было ни одного года без чудовищных людских потерь... Что это, если не война, цель которой — уничтожение России и ее народа?» [129, с. 94].

И эта война Запада против России и ее народа, знаменуемая лишь периодической заменой внутренней агрессии на агрессию внешнюю, ведется постоянно: на протяжении всей истории Православной Руси.

Потому о западном иноверческом обществе следует сказать так: «... это общество не что иное, как организация для убийства...» [60, с. 231].

¹ *Малая советская энциклопедия. М., 1929, т. 1, с. 703.*

² *Население Советского Союза. 1922–1991. М., 1993.*

Но для чего эти вурдалаки так изощрены в палаческом искусстве? Почему они не могут просто убивать? Зачем им так всегда требовалось человека перед смертью помучить?

Чтобы сломать, растоптать, заставить предать свой народ и начать убивать себе подобных.

А для того чтобы к этому принудить, требуется богатый опыт.

Вот именно за ним Петр и устремился на Запад (в Чечню и в его времена было отправляться достаточно рискованно: могли ведь и отловить и на нем же самом свое умение и продемонстрировать).

Так чем же столь прославилось его царствование? В чем выражаются его «славные», мало того, — «великие» дела?

Давайте посмотрим с самого начала.

На Руси при оболганном историками «кровавом» тиране Иоанне Грозном: «... смертной казнью карали за: убийство, изнасилование, содомию, похищение людей, поджог жилого дома с людьми, ограбление храма, государственную измену» [63, с. 207].

То есть всего за семь видов преступлений.

При самой малейшей попытке попугайничания у старушки Европы в данной области эта цифра резко возрастает:

«В Уложении Алексея Михайловича доходило наказание до смертной казни в 50 случаях...» [121, с. 308].

Так что очень зря он поименован историками «Тишайшим». Ведь его дела, при которых введенное им европейское варварство — крепостное право — потребовавшее в десяток раз увеличить и причины умерщвления русских людей, не согласных с закрепощением, слишком красноречиво указывают на не слишком-то кроткий характер этого человека.

Но «прогресс» в палаческом искусстве на месте не стоял. В современном Петру французском законодательстве было узаконено 115 проступков, достойных с точки зрения правосудия этой европейской страны смертной казни.

Но Петр переплывает границу уже в самом начале своих «славных дел». Его законы предусматривают: «... уже 200 таких артикулов» [121, с. 308].

То есть по части применения палаческой практики Петр границу не только догнал, но и перегнал. Что ж, для начала его «славной» карьеры совсем неплохо...

Шаромыжная шваль и чухонская шушера

Так какую же культуру к нам из-за «бугра» завез Петр? Чему, кроме палаческого искусства, он мог поучиться на совершенно по тем временам (да и по этим) диком Западе?

Вот как по временам «этим», в период Великой Отечественной войны, слишком разительно отличался наш русский окоп от окопа немецкого. Свой разговор с уголовником в штрафбате записал в выпущенной им книге «Взять живым» наш фронтовой разведчик, Герой Советского Союза Владимир Карпов:

«—... Навоевались, устали фрицы, сидят, наверное, в блиндажах, вшей бьют.

Они же культурный народ, — возразил Петр Иванович.

Все до одного вшивые.

Ты в газетах читал или сам видел?

— Даже вшей ихних кормил. Как поспишь в огнятом у фрицев блиндаже или в доме, где они стояли, обязательно этой дрянью наловишься» [48, с. 280–281].

То есть немец, как выясняется, был до поразительности вшив!

Но ведь и не только немец и не только во время войны: в той же Франции, в наиболее модном у них месте, этой живности, и даже во вполне мирные времена, всегда было в преизобилии. И даже у того, кто этой модной местностью управлял:

«Версальский двор купался, конечно, в роскоши, но еще больше он купался во вшах: на карточный стол короля ставилось блюдецко, на котором можно было давить вшей...» [126, с. 434].

Вот и еще любопытнейшая подробность об этом месте, откуда по всему свету всегда расползались самые последние моды. Историк Молчанов:

«... знаменитый Версальский дворец и не менее знаменитый дворец в Коломенском были построены практически в одно время. Но в Коломенском дворце для всех — и для бояр, и для челяди, были устроены «мыльни» — домашние бани и туалетные комнаты. В Версале туалета не было даже у короля, не говоря уже о том, что во дворце не было ни одной ванной комнаты» [43, с. 185].

Вот по какой, самой тривиальной причине, на карточный стол короля ставилось блюдецко, на котором можно было давить вшей.

Однако ж здесь, после подетального уточнения средств гигиены монархов самого модного в Западной Европе двора, теряется даже смысл нашей излюбленной поговорки о том, **куда короли пешком ходят**. Становится непонятно: **под себя**, что ли?..

Но вот привычки французов уже теперь и в наши дни вполне подтверждают полное отсутствие у этой нации каких-либо малейших позывов к чистоте, им совершенно не свойственной еще и изначально:

«Ну почему утром все, вылезая из постелей, бредут с закрытыми глазами сначала сразу пить кофе с круассанами, а только потом начинают мыться, одеваться, краситься?» [19, с. 154].

Да что там о привычке куда-то «брести» — ведь именно у них принято, еще и до горшка не добравшись, требовать «кофе в постель»!

Далее:

«Почему почти не имеют вешалок в прихожих, а шубы и пальто чаще всего заносят в хозяйскую спальню и бережно укладывают на широкий сексодром?»!

И это, не говоря уже о пододеяльниках, которых просто нет...» [19, с. 154].

То есть мало того, что спят по-цыгански, но туда же еще и мокрые с улицы пальто и шубы своих гостей раскладывают. И уж тут неизвестно, чему более угрожает стать испачканным: постели о грязную мокрую верхнюю одежду или шубам о столь грязную «цыганскую» никогда не стираемую постель?

Но и умывание — лишь после завтрака!

Таков и сегодня тот Запад, чьим модам Петр выучил нас попугайничать. Однако ж и сам он за ними этот грешок все же признает:

«В Голландии Петра, по его признанию, поразила странная картина: целая семья зажиточного горожанина дружно мылась у одного единственного корыта. Русский царь никак не мог взять в толк, как может такое быть в стране, где так много воды, если в России даже в самых засушливых краях у всех есть бани» [43, с. 185].

Но ведь общеизвестно, что «... Западная Европа и в самом деле не грешила регулярным мытьем лица и тела» [15, с. 28].

Вот как описывает офицер русской армии Ф. Н. Глинка оставленный французами бивак еще только в самом начале отступления французской армии из Москвы:

«В одном месте лежали груды тлеющих трупов французских, погребения не удостоенных, в другом — разбросанные церковные утвари, изломанные оклады с образов; далее скелеты издохших лошадей, которых мясо съедалось голодными завоевателями... Целые главы сахару, вина и прочие лакомства брошены были подле жареного конского мяса... одежды, зеркала, бронзы, обрызганные кровью, члены человеческие валялись вместе с членами убитых скотов» [22, с. 145].

Но это было только начало того грандиознейшего отступления. Чуть позже нравы французов все более и более указывали на совершенно нечеловеческое происхождение:

«В каком печальном виде представлялись нам завоеватели России!.. На той дороге, по которой шли они так гордо в Москву и которую сами потом опустошили, они валялись в великом множестве мертвыми, умирающими или в беднейших рубищах, окровавленные и запачканные в сажу и грязи, ползали, как ничтожные насекомые, по грудам конских и человеческих трупов. Голод, стужа и страх помрачили их рассудок и наложили немоту на уста: они ни на что не отвечают, смотрят мутными глазами на того, кто их спрашивает, и продолжают глотать конские кости» [22, с. 36–37].

«В самых диких лесах Америки, в области каннибалов, едва ли можно увидеть такие ужасы, какие ежедневно представляются здесь глазам нашим. До какой степени достигает остервенение человека! Нет! Голод, как бы он ни был велик, не может оправдать такого зверства. Один из наших проповедников недавно назвал французов **обесчеловечившимся** народом; нет ничего справедливее этого изречения. Положим, что голод принуждает их искать пищи в навозных кучах, есть кошек, собак и лошадей; но может ли он принудить пожирать подобных себе? Они нимало не содрогаясь и с великим хладнокровием рассуждают о вкусе конского и человеческого мяса! Зато как они гибнут: **как мухи в самую позднюю осень!** У мертвых лица ужасно обезображены. Злость, отчаяние, бешенство и прочие дикие страсти глубоко запечатлелись на них. Видно, что сии люди погибли в минуты исступления, со скрежетом зубов и пеною на устах... вчерашняя ночь была для меня самая ужасная! Желая немного обсушиться, мы оправили кое-как одну избу, законопатили стены, пробитые ядрами, и истопили печь. Сотни стелящихся привидений, как Шекспировы тени, бродили около нас. Но едва почуяли

они теплый дух, как со страшным воплем и ревом присыпали к дверям. Один по одному втеснилось их несколько десятков. Одни валялись под лавками и на полу, другие на верхних полатях, под печью... Перед светом страшный вой и стоны разбудили меня. Под нами и над нами множество голосов на всех почти европейских языках вопили, жаловались или изрыгали проклятия... Иной кричал: «Помогите! Помогите! Кровь льется из всех моих ран... У меня оторвали руку!» «Постойте! Удержитесь! Я еще не умер, а вы меня едите!» — кричал другой. В самом деле, они с голоду кусали друг друга. Третий дрожащим голосом жаловался, что он весь хладеет, мерзнет; что уже не чувствует ни рук, ни ног! И вдруг среди стоны, вздохов, визга и скрежета зубов раздавался ужасный хохот...

Когда рассвело, мы нашли несколько умерших над нами и под нами и решили лучше быть на стуже в шалаше... Кстати, не надобно ль в вашу губернию учителей? Намедни один француз, у которого на коленях лежало конское мясо, взламывая череп недавно убитого своего товарища, говорил мне: «Возьми меня: я могу быть полезен России — могу воспитывать детей!» Кто знает, может быть, эти **выморозки** поправятся, и наши расхватают их по рукам — в учителя, не дав им даже и **очеловечиться...**» [22, с. 41–42].

Совершенно аналогичным образом телевидение пытается в массовом порядке внедрить в наше сознание стряпню подобных же **выморозков** все с того же Запада. И учительствуют они теперь не только у наших детей, но и у взрослых. Эти, избежавшие лютой кончины недобитки, чудом унесшие свои ноги из-под Москвы в 1941-м, теперь точно так же, как тот **вымороженный** французик, не просто **очухались** и только просятся, но совершенно настырно и бесцеремонно лезут к нам в учителя.

Однако ж еще тогда, чудом выбравшийся живым из подмосковных лесов генерал Шааль, про то страшное лютое время, когда немцы полностью уподобились своим французским предшественникам, так описывает тот сброд, в который под Москвой превратилось его воинство:

«Дисциплина пошатнулась. Все чаще встречались солдаты, отступавшие пешком, без оружия, волоча за собой теленка на веревке или санки с картошкой... Психоз, почти паника охватила войско... солдаты отступали куда глаза глядят» [47, с. 177–178].

Так что несомненное сходство этих двух нашествий вроде бы двух разных европейских народов не оставляет никакого сомнения.

А вот еще о бегстве французов из сожженной ее жителями Москвы:

«Мы остановились в разоренном и еще дымящемся от пожара Борисове. Несчастные наполеонцы ползают по тлеющим развалинам и не чувствуют, что тело их горит! Те, которые поздоровее, втесняются в избы, живут под лавками, под печами и заползают в камин. Они страшно воют, когда начинают их выгонять.

Недавно вошли мы в одну избы и просили старую хозяйку протопить печь. — Нельзя топить, — отвечала она, — там сидят французы. — Мы закричали им по-французски, чтобы они выходили скорее есть хлеба. Это подействовало. Тотчас трое, черные как арапы, выпрыгнули из печи и явились перед нами. Каждый предлагал свои услуги: один просился в повара, другой в лекари, третий в учителя!.. Мы дали им по куску хлеба, и они поползли под печь» [19, с. 117].

И эти маленькие фрагменты рассказов о том отступлении неприятеля оказались зафиксированы не только на бумаге под пером очевидцев тех событий, но даже в нашем родном наречии:

«Помнит русский язык французское нашествие. С тех пор в русском языке завелось слово *шаромыжник*, от французского *cher ami* — дорогой друг, так голодные французы, скитаясь по холодной России в 1812 году, просили чего поесть» [33, с. 13].

С тех самых пор: «Обмороженные «шер ами» стали **шаромыжниками**, а изголодавшиеся «шевалье» — просто **швалью**. Замечателен русский язык!» [19, с. 117].

Такова наша привычка потчевания незваных пришельцев.

«Французский [язык] ответил на эти события по-своему. Обжегшись о сковородку на кухне, француз по сей день орет: «Березина!!!»...» [19, с. 117].

Очень впечатляющий ответ: **память свою тренируют**. А то ведь забудут, вновь полезут в нашу страну, тогда могут нарваться куда как на еще большую грубость.

К приведенному наблюдению за развитием их языка следует присовокупить и французское «бистро», появившееся после требования русских казаков, в составе армии-победительницы в те времена прочно обосновавшихся в парижских ресторациях, подавать на стол **быстро**.

Но это вполне понятно: ведь если мы оккупированную ими Москву просто-напросто спалили своими же руками, то они — под лавку, как тараканы, и в рот глядят верноподданически, желая исполнить любую прихоть захвативших их в плен врагов.

Оттого кроме как **швалью** и **шаромыжниками** мы этих полуцыган, спящих без пододеяльников и не имеющих никакой нужды в умывании по утрам, никогда и не называли. Мы к грязи не привыкли. Потому и одарили этих незваных пришельцев столь нелестными для них эпитетами.

Так что полную подложность используемых заграницей в свою пользу неких изобретенных ею «фактов» нам теперь раскрывает сам наш язык: в нем заложено наше об этих грязнулях не подложное мнение, сфокусированное со всей непредвзятостью во всех многообразных формах нашего языка.

Но и используемые ими воспоминания о Березине и «быстро» тоже внушают надежду, что и у них о той прогулке по России сохранится какая-то память: лишний раз сунуться не захотят.

Вот что о европейской культуре сообщает Солоневич, оказавшийся в Германии в период Второй мировой войны:

«В Европе бань не было. И сейчас, больше двухсот лет после Петра, бань в Европе тоже нет. Города моются в ваннах — там, где ванны есть; деревня не моется совсем, не моется и сейчас.

В том же городке Темпельбурге, о котором я уже повествовал, на пять тысяч населения имеется одна ванна в гостинице. А когда мой сын однажды заказал ванну для нас обоих, он пришел раньше и вымылся, я пришел позже, и администрация гостиницы была искренне изумлена моим требованием налить в ванну чистой воды: истинно русская расточительность — не могут два человека вымыться в одной и той же воде!» [126, с. 434].

Следует добавить, что и до сих пор в Германии бытует традиция, по которой существует даже узаконенная очередность купания семьи в ванне, естественно, без какого-либо намека на замену грязной воды.

Но и для умывания лица проточная вода Западом не используется традиционно. Вот как Алексеем Толстым освещается этот европейский обычай в описании правил личной гигиены нанятым Петром за 3 тыс. ефимков австрийским фельдмаршалом Огильви:

«— Наши жалуются, что больно горд. К солдатам близко не подойдет — брезгует... Зашел к нему нынче утром — он

моется в маленьком тазике, — в одной воде и руки вымыл и лицо и нахаркал туда. же... А нами брезгует. А в бане с приезда из Вены не был.

— Не был, не был... — Шафиров весь тряся — смеялся, прикрывая рот кончиками пальцев. — В Германии, — он рассказывал, — когда господину нужно вымыться — приносят чан с водой, в коем он по надобности моет те или иные члены... А баня — обычай варваров...» [135, с. 582].

О том же и Солоневич:

«У нас есть бани, в Германии и в Европе их нет» [126, с. 230].

А нет вот по какой причине. Перенимаемый с просвещенного Востока обычай заводить бани в диких странах Запада всегда заканчивался одним: сооружения, предназначенные у нас для очистки тела, в этих дремучих краях всегда превращались в заведения, слишком сходные с публичными домами. В случае же полного отсечения возможности совмещенного купания разных полов — в притоны для педерастов.

«Петр Чемберлен, один из членов знаменитого поколения врачей Чемберленов, в 1649 году испрашивал у парламента привилегию на открытие бань во всей Англии и опубликовал об этом брошюру. План его, однако, не был приведен в исполнение, потому что ему отказано было в разрешении построить общественные бани из нравственных соображений» [11, с. 156].

То есть для неандертальского склада ума человека, не испытывающего никакой тяги к чистоте и непонимающего для чего она вообще необходима, нужда в строительстве этих заведений по очистке тела отсутствовала. Что зафиксировано Солоневичем уже и в середине XX века:

«Немецкий мужик моется в лоханке, — кое-как для очистки не столько тела, сколько совести. Он не купается вовсе. Когда мы с сыном в 1932 году вздумали купаться в горной речке Чу за озером Иссык-Куль — окрестные киргизы съезжались табунами глазеть на сумасшедших русских, которые ни с того, ни с сего лезут в воду.

Почти так же глазели на нас немецкие мужики в Баварии, Мекленбурге, Померании и Нижней Саксонии: вот взрослые люди, а плещутся в воде, как дети» [126, с. 230].

О происхождении терминов «чухонцы» и «шушера» встречаем объяснение в «Путеводителе из Москвы в С. — Петербург и обратно», написанном еще в начале XIX века И. Дмитриевым:

«На 9/22-й версте Государевой Царско-Сельской вотчины деревня **Сусары**, или **Шушары**... В Сусарах обитают **Чухонцы**, первоначальные жители прибрежных окрестностей новой столицы: в домашнем быту, в нравах, в одежде и даже в земледелии вы много найдете оригинальных отличий от характеристики русской, даже по порядку, т. е. **беспорядку**, расстановки домов, вы тотчас заметите и отличие чухонского от русского... здесь финская борона видится едва ли не в первый раз» [32, с. 598].

Однако же, и за век до Дмитриева это название уже было. О чем сообщает нам Татищев: «Корелия и великая часть Финландии и по сей день от россиян чухонскою землею... называются...» [133, гл. 17].

А вот как жилось англичанам во времена пика их некоего культуртрегерского просветительства снимаемых ими с дерева (и сажаемых в клетку) народов мира:

«... с 1770 по 1830 «свободные земледельцы» лишились более чем 6 миллионов акров общинных пашен и выпасов. Об условиях жизни наемных сельскохозяйственных рабочих дает представление свидетельство современника: «Их жилища мало чем отличаются от свиарников, и питаются они, судя по их виду, не намного лучше, чем свиньи... За всю свою жизнь я нигде и никогда не видел столь тягостного человеческого существования, как это — даже среди свободных негров в Америке»»¹ [15, с. 215].

Петр, однако же, именно их порядочки, а точнее беспорядки, столь продуманно и «мудро» решил насадить на русской почве:

«Петр — в числе прочих своих войн — объявил войну и русским баням. Они были обложены почти запретительным налогом... Ключевский пишет: «В среднем составе было много людей, которые не могли оплатить своих бань даже с **правежа под батогами**». Даже с правежом и под батогами московская Русь защищала свое азиатское право на чистоплотность. На чистоплотность, вовсе не известную даже и сегодняшней Европе, не говоря уже о Европе петровских времен» [126, с. 435].

Вот и еще одно обстоятельство, по которому русский человек никогда не селился вдали от рек, стало теперь очевидно: мы без чистоты, которая без наличия большого количества воды немыслима, жить не привыкли.

¹ Уильям Коббетт. *Сельские прогулки верхом*.

Если быть до конца последовательными, то и о наших нравах, как правило, диаметрально расхожих с инородными, было бы нелишне здесь же и упомянуть.

В случае неудовлетворительной работы желудка мы стараемся, по возможности, скрыть от окружающих вдруг охвативший нас неожиданно недуг. У немцев же имеется очень простой для подобного рода проявлений внутреннего расстройства организма обычай. В случае выхода газов не от старого человека, которому у нас обычно такое, хоть и с достаточной натяжкой, но все же прощается, а от молодой здоровенной девицы, причем даже за столом, — у них лишь вырывается возглас восхищения: «Ja, ja — sehr gut!» И аплодисменты.

Нам странно: почему им, немцам, это не противно. Однако им не только не противно, но, напротив, они от этого получают еще и эротическое удовольствие:

«Этнические немцы, как оказалось, имеют особое пристрастие к вопросам, связанным с фекальными выделениями и анальностью (См.: Dundes 1984; см. также: Dundes 1983/о всеобъемлющем значении фольклора для национальной идентичности/» [107, с. 40].

То есть тут явно у кого-то из нас, что называется, головка перегрелась. Мы, со своей стороны, естественно, думаем, что у немцев. И при своем мнении останемся всегда. Понятно, что мы вытерпеть такое сможем. Но получать при этом еще и удовольствие?! А они, как нам ни покажется здесь странным, не то чтобы думают, но уверены, что головушка в данном вопросе перегрелась именно у нас.

Ведь что значит плескание в шаечке? Это возможность погрузить свою часть тела, именуемую лицом, в собственные выделения (в сопли и грязь из полости рта)! Пускай пока еще и не анальные... но все-таки.

Что может собою означать плескание в ванной не в свеженалитой воде, но в воде грязной, после купания кого-нибудь из членов твоей семьи?

Предоставление уникальнейшей возможности «поиметь удовольствие» от сбора грязи, налипшей на немые тела твоих ближайших родственников! Это все равно, что на тело собирать пылцу запретного зелья, бегая мокрым и голым по плантации конопли. И уж в очередности такого семейного мытья никакого

не остается сомнений: мужчина, как глава этого копрофильского семейства, будет принимать ванну самым последним. Это чтобы грязь досталась ему одному, как командующему сбором этого почему-то у нас не используемого «наркотика».

По той же причине некоторые «гурманы» ванну иногда устанавливают даже на кухне. В этом случае при каждом приеме пищи у них перед глазами будет стоять вместительная шаечка, наводя на приятные размышления о грязи. Не исключая, между прочим, и анальные нечистоты родственников, в которых совсем недавно довелось наслаждаться, словно свинье в грязной луже. Это все равно, что наркоману, выстроив себе фазенду с видом на поля конопли или мака, наслаждаться при каждой всприскиваемой шприцем дозе вспоминая о своем личном участии в сборе этого зелья, строго-настрого запрещенного в местах, чуждых этому наркоманскому миру.

Такова основа удовольствия, получаемого немцем и от услышанного им громкого анального «выхлопа». И морщиться, думается, немец просто не подумает, но с удовольствием будет вдыхать, усиленно втягивая ноздрями, этот самый «аромат», не донесенный до туалета, наслаждаясь лишь от одной мысли о природе его происхождения. И если эту «гульку», словно из гаубицы бронебойным снарядом, выпустила весьма фривольная дама из общества, то удовольствие будет повышенным и наводящим на приятные размышления о возможности продлить это общение, начатое столь пикантно, в более интимной обстановке.

Для немца — это секс прямо за столом!

И такое заболевание головного мозга имеет даже свое научное обозначение:

«Копролагния — вид полового извращения, при котором удовлетворение достигается при вдыхании запаха или рассматривании экскремента партнера» [11, с. 265].

Именно по этой причине немец даже унитаз при случае стремится установить на кухне: странно, но факт.

А удивительным это является лишь для нас, не посвященных в существо их образа мировосприятия. На самом деле установка унитаза прямо на кухне дает просто универсальный шанс: кроме процесса поедания, поймать одновременно и удовольствие от вывода из организма готовой, то есть прекрасно переработанной продукции. Это как раз и входит в их столь

обожжаемое застольное наслаждение, свойственное в нашей среде лишь людям больным.

Потому русскому человеку, с их точки зрения — просто пещерному — такого понять не дано. Он ушербен и по природе своей ушербности ничего не сможет определить во всех тонкостях этикета заграницы. И это не она, заграница, спятила, а он, ничего не понимающий во всех тонкостях преимуществ анально-орального секса вкупе с работой всех столь обожествляемых ими систем, выделяющих фекалии. Ведь для закордона даже соплю свою заглотать, тягучую и зеленую, — бесспорно, сплошное и безоговорочное наслаждение. Ежеутренне им следует выбирать — что производить в шаечке сначала: чистку зубов, а затем обливание своего лица этой в пасте и гниющих остатках пищи жижей, или, наоборот, сначала высморкаться, а затем этой водой с соплями полоскать рот от зубной пасты.

Ну а как, ежели, не то чтобы свою соплю заглотать, но позариться еще и на чужую?!

Для того, отправляясь в служебную командировку в Россию, англичанин кладет в карман свою заветную резиновую затычку. И теперь будет иметь прекраснейшую возможность вставлять ее в раковину, куда не просто сморкаются великолепными зелеными соплями и харкают коричнево-желтыми осклизлыми тромбами из вечно прокуренных и простуженных в командировках плоток все кому ни попадя, но даже и периодически блюют.

В России, в гостиницах, принято напиваться до поросычьего визга, а потом блевать. Вот и спешит он вычислить такую счастливую раковинку, вставить поскорей туда свою заветную карманную затычку и наслаждаться от полоскания в этой радующей натуру иноземца самой что ни есть натуральнейшей грязи, вывернутой наружу из чьего-то чрезмерно переполненного яствами желудка.

Так ведь от более чем близкого общения с его содержимым они получают еще и эротическое удовольствие:

«Процесс пищеварения для них — это процесс расчленения и уничтожения еще недавно живых растений и плоти трупов животных. Отсюда — результаты пищеварения для них есть верх совершенства, а отверстия, это совершенство выделяющее — нечто сакральное. Некрофилы бывают разных типов... он/она будут

возбуждаться от одного вида испражнений или от облизывания... всех отверстий выделения» [70, с. 57–58].

Вот в чем кроется причина нашего полного непонимания их секса! Нам не хватает сдвига фазы своих мозговых извилин в сторону столь патологического заболевания заграницы — некрофилии.

Но нездоровое возбуждение охватывает людей Запада не только от нечистот. У них всегда существовал и иной вид сексуальных удовольствий, поставленный чуть ли ни на промышленную основу:

«Эдвард Фукс, немецкий исследователь, сообщает в своей «Истории нравов»: «Во всех культурных европейских странах публичные казни относились к числу народных праздников». Возьмем, к примеру, книгу «Wanderungen durch London» («Прогулки по Лондону»), вышедшую в 1852 году... В ней мы читаем: «Вы хотите знать, как совершаются наши народные торжества? — Они празднуются, сударь, в день казни... Толкотня и давка от зари и до того момента, когда палач совершит свой ужасный долг. Окна окрестных домов сдаются за большие деньги, издалека люди прибегают, приезжают в колясках или верхом, чтобы насладиться зрелищем, а в первых рядах стоят женщины — и вовсе не только из низших классов...»

...Известный криминалист XIX века Франц фон Гольцендорф в капитальном исследовании о смертной казни в европейских странах излагает свои наблюдения: «Во время казни среди собравшегося населения царил настоящий карнавал разврата...» Богатые люди платили баснословные цены за окна, выходящие на место казни. У этих окон в продолжение целых часов и возлежали знатнейшие дамы. «Подобное зрелище служило также изощренным возбуждающим средством, — пишет Фукс, — в таких случаях чернь иногда насиловала сотни женщин или врывалась в дома терпимости и там устраивала ужасающие оргии; знатные же дамы, смотревшие на казнь с высоких балконов, праздновали у окон вакханалии с шампанским и вели себя самым бесстыдным образом».

Французский хронист пишет об этом: «Никогда наши дамы не бывают уступчивее; вид страданий колесованной жертвы возбуждает их так, что они хотят тут же на месте вкусить наслаждение»» [130, с. 209–210].

Как классифицировать теперь еще и эту их массовую сексуальную патологическую восприимчивость к виду страдания других? Ведь от подобного зрелища наши люди, кроме отвращения, доводящего желудок до выворачивания «наизнанку», ничего иного получить не смогут. Так что наш менталитет отличается от западного чем-то очень существенным. Ведь с какой стороны ни подойди, русская и европейская культуры практически ни в чем не имеют точки соприкосновения, занимая диаметрально противоположные позиции по самым главным показателям, отличающим человека даже не просто от животного (животные таких безобразий не творят), но от какого-то по-особому сумасшедшего животного. И сравнить это их совершенно нечеловеческое сообщество можно лишь с inferнальным сборищем Вия из повести Н.В. Гоголя. Ведь составляющие его inferнальные объекты больше напоминают упырей и вурдалаков, чем обычно ставящихся нам в пример западных высокообразованных господ.

И чтобы подытожить полноту этого отличия, стоит лишь припомнить главный атрибут культуры нашей — **летний умывальник**.

Кто отважится после утренней процедуры личной гигиены зачерпнуть воды из стоящей под ним посуды и облить содержащейся в ней смесью нечистот свое лицо??

Но ведь даже купаться в ванной, имеющейся в номере гостиницы, даже и в свеженалитой воде, вряд ли кто из нашего покроя людей отважится, принимая в этом случае лишь душ. Что говорить об общественной раковине и затычке?

Но что мы будем кому-то навязывать свои традиции? У каждой нации они свои. Свои они и в Западной Европе...

Однако ж вскрываемая нами болезнь заграницы основывается не только на грязи телесной. Ведь жители некогда уничтоженных городов древнего Ханаана, Содомы и Гоморры, имели полный набор нами перечисленных «качеств». А история, как известно, повторяется. Вот что о половой ориентации содомитов сообщает апостол Павел:

«... предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам...» [Рим 1,26–27].

И это именно у них (в Голландии, например) подобного типа «браки» теперь даже узаконены.

Но нам слишком хорошо известны слова Писания, сообщающие о мерах воздаяния за подобное: «... делающие такие дела достойны смерти...» [Рим 1,32].

И этот приговор за границе вынесен не нами, но Священным Писанием.

А вообще: «С точки зрения православной антропологии, Запад уже полностью заселен нелюдями, забесовленной биомассой. Вести переговоры с этой злой и коварной стороной (неслучайно она борется за действительно отсутствующие у нее «права человека»), как будто ты имеешь дело с людьми, по меньшей мере, неразумно. Вступая в контакт с Западом, надо помнить: перед тобой носители лжи и смерти, существа уже нечеловеческие» [18, с. 28].

Такова серьезная разница в менталитете русском, который застал Петр при узурпации им государственной власти в стране, и менталитете за границы. Того, который у него самого, весьма странным образом, был буквально в крови, и который он со столь присущей ему бешеной энергией насильственными методами пытался привить русским.

И хоть нас сломать ему все-таки и не удалось, но набранную им самим по злочным местам братию, образовавшую некую прослойку общества, он переделал в иноземцев достаточно быстро и достаточно успешно.

Вот теперь и разберем вопрос о созданном Петром некоем творении, которое и помогло ему наворотить столь удивительных пресловутых «славных дел».

Друзья, товарищи и сыны

Петр I открыл двери инородчине и беспощадно ломал наши древние учреждения...» [69, с. 331]. Но он, что теперь выясняется, вовсе не являлся в этом вопросе первооткрывателем. Ведь еще Лжедмитрий I учредил ту самую форму управления, которая приписывается пресловутому «гению Петра»: «Дмитрий преобразовал боярскую Думу и назвал ее сенатом» [51, с. 308].

Так что Петр моду на иноземный порядок управления в нашей стране лишь повторил. Но это и понятно: моды никогда обычно и не являются плодом чьего-либо изобретения, но лишь повторением чего-то уже бывшего, пусть старого и хорошо забытого.

А вот что еще роднит Петра с самозванцем, словно детей одной матери: «Царь, забывая свой сан, работал вместе с другими...» [51, с. 309].

Тут даже и не определишь, о ком эти строки написаны. Многие решат, что о Петре. Однако Костомаров имел в виду не Петра, а его на посту самозванства предшественника. То есть и шутовство с «надувным бревнышком» Ленина, и молот в руках Петра роднят этих антихристов с самым еще первым из самозванцев — Лжедмитрием.

Но и «открыл двери инородчине» впервые вовсе не Петр, а все тот же его предшественник Лжедмитрий:

«Он постоянно приглашал к себе иноземцев и составил около себя стражу из французов и немцев... Дмитрий резко говорил о превосходстве западных европейцев перед русскими, надсмехался над русскими предрассудками, наряжался в иноземное платье, даже умышленно старался показывать, что презирает русские обычаи» [51, с. 311].

«Объявлена была война старой житейской обрядности. Царь собственным примером открыл эту борьбу, как поступил впоследствии и Петр Великий, но названный Димитрий поступал без того принуждения, с которым соединялись преобразовательные стремления последнего. Царь Димитрий одевался в иноземное платье, царь танцевал, тогда как всякий знатный родовитый человек Московской Руси почел бы для себя такое развлечение крайним унижением... Царь Димитрий беспрестанно порицал русское невежество, выхвалял перед русскими превосходство иноземного образования» [51, с. 336].

Петр, как видим, его во всем вышеперечисленном лишь копировал.

Но копировал прилежно. А потому правящий слой при нем и отошел от отеческих патриархальных устоев. И как он мог не отойти? Ведь реформы Петра на месте не стояли. И тот, кто осмелился бы им оказать хоть самое минимальное сопротивление, очень сильно рисковал своим здоровьем. И о таких мы не слишком слышали, потому как любое противодействие заканчивалось всегда одинаково: смертью. А реформы были предприняты Петром очень кардинальные, и у создаваемой им прослойки общества не было ни малейшего шанса оставаться русской. Для умерщвления веры он придумал ерничество над Православием — «всешутейший собор»; для искоренения остатков целомудрия — ассамблеи; для воспитания себе подобных монстров — обязательное участие своих «птенцов» в пытках и казнях всех нежелающих подчиниться его железному диктату. Была придумана и стратегия для умерщвления каких-либо зачатков совестливости — полная бесконтрольность в финансовых операциях, что привело к воровству в небывалых до той поры размерах и масштабах.

А разговаривать было что: «По описанию венецианца Иосафато Барбаро, зимою привозят в Москву такое множество быков, свиней и других животных, совсем уже ободранных и замороженных, что за один раз можно купить до двухсот штук... Изобилие в хлебе и мясе так здесь велико, что говядину продают не на вес, а по глазомеру» [92, с. 458–459].

Вот еще сведения иностранцев о сказочно богатой допетровской Московии: ««Русские продают огромное количество коровьего и свиного мяса... Сотню кур отдают за дукат; за эту же цену сорок уток...

Ежедневно на льду реки (Москвы) находится громадное количество зерна, говядины, свинины, дров, сена и всяких других необходимых товаров. В течение всей зимы эти товары не иссякают»¹...

«... я купил в дороге при моем отъезде ягненка такого большого, как баран у нас во Франции, за 10 деннингов»²...

¹ А. Канторини. Рассказ о путешествии в Москву. XVв.

² Ж. Маржерет. Состояние Российской империи и Великого княжества Московии. К. XVI — н. XVII вв.

«Конопля и лен в большом количестве, вследствие чего полотно в России очень дешево»¹...

«В Москве такое изобилие всех вещей, необходимых для жизни, удобства и роскоши, да еще покупаемых по сходной цене, что ей нечего завидовать никакой стране в мире, хотя бы и с лучшим климатом, с плодороднейшими пашнями, обильными земными недрами»²...» [64, с. 74–77].

То есть, что красть было. И крали. Алексашка Меншиков, например, перевел только в одни английские банки около пяти миллионов рублей, что в среднем составляло бюджет всей Российской империи!

«За Меншиковым следовали и другие. Но не только «птенцы», а и всякие более меньшие птенчики. «Финансовое доверие» было организовано так прочно, что в начале Северной войны понадобился указ, запрещающий деньги «в землю хоронить» — не всем же был доступен английский банк, хоронили и в землю. У каких-то Шустовых на Оке нашли по доносу 700 000 рублей золота и серебра. Сколько было таких Меншиковых, которые сплавляли за границу сворованные деньги, и таких Шустовых, которые прятали свои деньги от меншиковского воровства, а воровство развилось совершенно небывалое! М. Алданов в своих романах «Заговор» и «Чертов мост» рисует как нечто само собою разумеющееся переправку чиновных капиталов в амстердамские банки. Речь идет о конце екатерининской эпохи. Надо полагать, что эта традиция далеко пережила и Екатерину» [126, с. 457].

Давайте-ка теперь и обсудим, что же это такое в нашей процветающей великой православной стране вдруг произошло, что какой-то безродный проходимец умудряется единолично украсть годовой ее бюджет?!

И он, к тому же, как выясняется, вовсе не одинок: у каких-то Шустовых, в истории вообще никакого следа не оставивших, находят сумму денег, эквивалентную полумиллионному стаду коров! А сколько таких Шустовых по стране?..

И все эти Чичиковы с Коробочками, да Плюшкины с Собакевичами аж до гоголевских романов в удивительнейшей своей с петровских времен неизменности дожили отнюдь не случайно!

¹ А. Олгарий. Описание путешествия в Московию.

² А. фон Мейерберг. Путешествие в Московию... XVII в.

Так что же это за племя такое незнакомое? Почему простому русскому постсоветскому человеку столь удивительны их повадки?

Говорят, что эти люди государство российское строили.

Это кто же строил-то, позвольте? Это Плюшкин, что ли, страну нам создал, заменив экономику экономией, с успехом повыковыряв все до единой козявки из рюмки с коньяком? Или, может, нам ее Чичиков из-под Коробочки со двора чужого увел, словно конокрад лошадь?

Ну уж нет. Такие люди строить не умеют.

Зато они распрекрасно умеют воровать и комбинировать.

««За Петром могли пойти только нерусские оппортунисты, беспринципные карьеристы, гонящиеся за наживой... <То, что у> Петра не нашлось достойных преемников, было вовсе не случайно: действительно — достойные русские люди и не могли примкнуть к Петру»»¹ [46, с. 155–156].

П. Н. Милюков признает, что попытка европеизации России была достигнута «... «ценой разорения страны»²... По утверждению Милюкова, тяготы русского крестьянина в это время возросли в три раза» [43, с. 13].

Страна умирала в устроенном «Преобразователем» концлагере, странным образом получившем в наше время эдакое бодренькое наименование — «Россия молодая»:

«Никогда народ не был подавлен такой неслыханной тиранией, как при Петре. До какой степени тяжело приходилось населению, показывают не только опасные бунты, но и общий результат Петрова царствования. Население при нем не возросло, но значительно сократилось...» [69, с. 154].

Но зло всегда порождает имеющийся в природе механизм самоуничтожения всего этого наносного. И практически все «птенцы гнезда Петрова» кончили плохо:

«Любопытно отметить однообразие развития всех этих блестящих карьер: все они неизбежно ведут к падению, в котором над мелкой злобностью и личными счетами как будто утверждается закон какого-то высшего исторического возмездия. Похожие друг на друга, не имеющие ничего заветного и никаких руководящих принципов, кроме честолюбия и своей собственной выгоды,

¹ Трубецкой Н., 1920-е.

² Струмилин С.Г. Петровская эпоха и экономика России. М., 1959. С. 68.

откуда бы они ни явились и по какому бы пути ни пошли, эти люди приходят к одной и той же пропасти» [16, с. 230].

Все это государство, возводимое на костях Московской Руси, и именуемое теперь так называемой «Россией молодой», было основано на ворах. И когда Петр однажды высказал Ягужинскому свое заветное желание когда-нибудь переловить и физически уничтожить всех расхитителей государственного имущества, тот ответил фразой, ставшей теперь знаменитой: «Разве ваше величество хочет остаться без подданных?» [16, с. 221].

««Трагическая судьба всякой революции — в том числе и петровской — заключается в том, что она всегда строится на отбросах... около Петра подбиралась совершеннейшая сволочь, и никакой другой подбор был невозможен вовсе... Петр шархался от всякого порядочного в России, и все порядочное в России шархалось от него»¹» [46, с. 442].

По Сеньке и шапка.

Но не только свои доморощенные отбросы коллекционировал Петр, набирая наиболее подлых из них в свои управленческие структуры. Под его руку с большим удовольствием шли и те иностранцы, которые благодаря неразумным распоряжениям предыдущих царствований в большом количестве оказавшиеся у него под рукой — в Кукуевой слободе. Вот как их дружную помощь Петру объясняет корреспондент «Нового времени» М. О. Меньшиков в начале XXв.:

«... Немецкая колония, сложившаяся в Москве еще до Петра, сообразила тогда, что нет нужды завоевывать весь народ — достаточно покорить себе нравственно одного властителя, и вся земля будет лежать у их ног. Замысел почти удавшийся... Может быть, все ужасное, что мы переживали за эти двести лет и переживаем сейчас, могло бы быть объяснено этой старой немецкой интригой» [69, с. 529].

Так как же очутилось это враждебное нам скопище инородцев в самом сердце Святой Руси?

«Что славянам не достает твердости характера, то есть ясно выраженного стиля души, об этом чуть ни в один голос твердят все европейские наблюдатели... многие говорят о славянском добродушии, о славянской мягкости, простоте, безыскусности,

¹ Солоневич, 1940-е.

возможности без особых церемоний сойтись с человеком и сдружиться с ним. Сдружившись же с русским человеком, очень нетрудно и поэксплуатировать его, приспособить к тому, чтобы он обслуживал вас без большой, а иногда и без всякой требовательности относительно вознаграждения.

Это дорогое и прямо-таки золотое свойство русского сердца из европейцев прежде всего открыли немцы и... начали использовать этот источник дохода» [69, с. 531].

А потому: «... Петр, под внушением немецкой колонии, взял да и скрыл родную государственность» [69, с. 528].

То есть упростил немцам задачу, приспособив законы своей страны под их аппетиты! Ведь даже «друзья, товарищи и сыны», если они не являлись инородцами, не пользовались такими абсолютными правами, какие при Петре получили представители Запада, имеющие менталитет упырей. И этот факт зафиксирован совершенно четко. Костомаров:

«Петр Великий... установил иностранцам, служащим в русском войске, производить двойное жалованье против природных русских» [51, с. 822].

Церковь Петра

Свт. Афанасий (Сахаров) такими словами характеризует итоги антицерковной политики:

«К великому прискорбию, с печальных времен петровского обмирщения Святой Руси, одурманенные чадом, проникшим с Запада сквозь прорубленное Петром окно, русские люди стали больше глядеть на землю, чем на небо, стали все дальше и дальше уходить от церковного уклада жизни, все больше и больше забывать церковный устав» [21, с. 201].

Публицист «Нового времени» О. М. Меньшиков:

«Петр Великий и Екатерина II приобщили Россию к неохристианской культуре. Последняя основана на эпохе Возрождения... вследствие этого снова Русская Земля... омрачилась отсталостью и смутами, до сих пор не перестающими терзать Россию» [69, с. 363–364].

И даже «красный Наполеон», Тухачевский, сбежавший из германского плена, нарушив офицерскую клятву чести, считал церковь Петра отнюдь не христианской:

«Вы не понимаете Петра! Это был гигантский грандиозный варвар... он сохранил культ наших старых богов» [28, с. 42].

Тех самых богов, в причастности к которым пришедшей в 1917-м году в России власти пробалтывается этой фразой этот «красный Бонапарт».

А вот и еще мнение о вероисповедании Петра. На этот раз историка:

«...»бог его — вовсе не христианский Бог, а древний языческий... Если был когда-нибудь человек, менее похожий на христианина, то это Петр...» (Мережковский, 1904)» [46, с. 193].

И именно поэтому вся его деятельность была направлена против существовавших в народе обычаев, помогающих русскому человеку оставаться верным своим традициям. Вот один из них:

«... ежели кто не бывает во всю Светлую седмицу Пасхи у утреди, того обливают водою и в реках и прудах купают» [98] (с. 17).

Всю эту неделю, как известно, русский человек не работал. Однако ж не работал именно потому, чтобы в это время имелась возможность ежедневного посещения церковных служб. Однако ж некоторые этот праздник отмечали по-своему, уходя

в. недельный запой. И таких граждан имелся обычай купать в студеной апрельской/майской водице, дабы отрезвление быстрее пришло. А потому Петр решил такое «безобразие» запретить: «И хотя себе простой народ делает все будто на забаву праздничную, однако от той суетной забавы делается не только здоровью, но и животу человеческому тщета, ибо оным от невежд купанием в глубинах иногда людей потопляют или разбивают, а сонных и хмельных внезапным обливанием иногда ума лишают» [98, с. 17].

Хорошо лишать ума того, у кого он имеется.

И каков же результат этой его затеи?

Русские люди вовсе позабыли о Светлой седмице и узнают о ней сейчас с большим для себя удивлением.

23 февраля 1722 г. открылось гонение на колокола:

«В всех всероссийского государства монастырях колоколов не делать из казны монастырской, а ежели есть разбитыя, то и тех без повелительного указа из Св. Синода не переделывать и в строение тех колоколов через собирателей — прошаков денег и прочего не собирать, и нигде не просить» [98, с. 18].

Вот такими средствами Петр боролся против атрибута нашей национальной культуры — *колокольного звона*. И сослаться на нехватку пушек здесь уже нельзя: ко времени издания этого указа война со Швецией была давно закончена!

Однако же русские люди на этот указ ответили жертвою денег на церковь несколько иным способом. На что вновь получили реляцию, ущемляющую Русскую Церковь в правах:

«В Чудовом монастыре продается приходящим людям некий мед, собственный его чудотворцев называемый; а в церкви Василия Блаженного употребляется в продажу некое масло, и в почтении содержится. И в других монастырях и церквах подобныя той продажи бывают. Такие продажи, яко подозрительныя, весьма пресечь» [98, с. 18].

Петр отнял у церкви уже казалось бы совершенно невозможное — предание земле упокоившихся, устроив свой царский бизнес на *любви* русского человека к *отеческим гробам*:

«... из указа о гробах от 15 января 1705 г.: велено было отобрать дубовые гробы по указанной цене, под страхом наказания не приславшим; собранные продавать по цене вчетверо; если принесут покойника в дубовом гробе без указанного ярлыка, допрашивать» [98, с. 7].

Однако ж не только сам Петр, но и практически каждый проходимец имел возможность взять у царя на откуп любую сферу доходной деятельности, отобранную им у законных этой статьи дохода владельцев — клира православных церквей:

«... в 1721 г. церкви была предоставлена исключительная монополия изготовления церковных свечей и торговли ими... однако торговля ими, доставлявшая большую прибыль, продолжалась частными лицами...» [95, с. 556].

Иными словами, эта самая «исключительная монополия», как теперь выясняется, была инспирирована Петром для отъема у Русской Церкви и этой, чуть ли ни последней статьи ее дохода. Ведь продажа свечей в русских храмах это не бизнес, но сбор за работу певчим, служителям, сторожам и т. д.

Но это было еще только «славных дел» начало. Для подрыва нормальной работы православных приходов при масонском правительстве Александра I издается вот какого рода издевательское постановление:

«По указу 1708 г. церквам даровано исключительное право на розничную продажу церковных свечей и *запрещена продажа их во всех остальных лавках и ярмарках*» [95, с. 556].

Иными словами, Русская Церковь теперь лишалась еще и права продажи свечей за пределами своих стен, где теперь, после объявления такой «милости» от царя-масона, полностью и безраздельно хозяйничали барышники, закупившие патент на их изготовление и продажу.

«Странна была церковная политика Петра. С одной стороны, он требовал распространения просвещения, с другой, отнял у духовенства всякую возможность материальную к распространению его» [98, с. 38].

Но все вышеизложенные мероприятия, направленные против русской культуры, Петру казались все еще недостаточными и не столь значительными для полного уничтожения столь ненавистой ему веры — веры русских. Ему хотелось предварить большевиков в деле не просто разорения, но уже и физического уничтожения русского вероисповедания. А потому 28 марта 1722 года им был отдан указ об «упразднении» часовен. Однако же при Петре, даже под страхом смерти, ни у кого не поднялась рука на уничтожение русских святынь.

Зато ровно через двести лет она очень даже поднимется у последователей его «славных дел» — большевиков-ленинцев (Троцких-Ярославских/Бронштейнов-Губельманов/). И теперь становится более понятно, почему революционные вожди с такой пещерной ненавистью накинулись на ворота русских крепостей, вроде бы даже и вовсе не принадлежащих к культовым сооружениям. Оказывается, над каждым воротами висела икона, у которой и проходили уличные крестные ходы. Потому большевики довершили то, чего за двести лет до них не удалось привести в исполнение Петру. А потому и города наши выглядят сейчас столь куцыми и как две капельки воды похожими друг на друга: русскую культуру убивали целенаправленно, чтобы изгладить из памяти все только лишь ей присущие черты.

Но начали это истребление даже не они, а масонское воинство французов, пришедшее к нам все под тем же красным флагом. Именно оно продолжило эти самые «петровские преобразования» взрыванием наших въездных ворот, где столь любимые и почитаемые народом иконы стали предметом святотатства, совершаемого революционным воинством Наполеона.

А вот с чего началось формирование петровских полицейских полков, называемых им армией. В своих войсках, уже изначально бутафорских, Петр запретил пост. То есть армия его от турецкой отличалась теперь одним лишь своим названием, так как вся сила духа русского воина была сведена на нет. Вместо защитников Отечества эти войска, разодетые Петром в иноземные мундиры, представляли собой теперь обыкновенные жандармские части, способные «воевать» лишь на внутреннем фронте.

А на этом фронте антихристианская деятельность велась полным ходом:

«... был издан регламент, в котором изложены были правила относительно религиозного воспитания народа... Руководствуясь этим регламентом, Синод издал постановления против обрядности, крестных ходов, хождения с образами, дорогих окладов на иконах, умножения часовен... число монахов при Петре было очень ограничено... а самые монастыри были по преимуществу обращены в богадельни» [92, с. 784].

Подобное же отношение к Православию прослеживается и в ленинскую революцию:

««Красная революция» начала XX века размещала в монастырях сумасшедшие дома... (То же повелевал сделать и столь чтимый ныне Петр I)» [19, с. 361].

«Главное зло, и притом для всей России, заключалось здесь в том, что Петр отобрал у монастырей и вообще у Русской Церкви ее имущество... Ясно, что отобрание церковного имущества... является тягчайшим грехом нарушения Божественной заповеди и св. канонов, низводит страшные проклятия и в сей и в будущий век...

...православная вера разрушалась не только реформами Петра, но и личным его поведением. Мы имеем в виду учреждение им так называемого «Всешутейшего и всепьянейшего синода», в котором он кощунственно и открыто перед русскими людьми высмеивал иерархические степени до патриарха включительно и в котором сам участвовал, принявши на себя должность протодиакона...» [92, с. 784].

«За первое десятилетие, — говорит Л. А. Тихомиров, — после учреждения Синода большая часть русских епископов побывала в тюрьмах, были расстригаемы, биты кнутом... В истории Константинопольской Церкви после турецкого завоевания мы не находим ни одного периода такого разгрома епископов и такой бесцеремонности в отношении церковного имущества» [92] (с. 785).

Выходит, что даже басурмане, открытые враги Православия, в завоеванной и покоренной ими стране не позволили себе по отношению к чуждому им Богу того, что позволил себе царь Петр к Богу «своему» в кровно и наследственно (по официальной версии) принадлежащей ему державе!

Подобного не помнят и столетия татаро-монгольского пленения, когда Святая Русь находилась поистине на волосок от полной и окончательной своей гибели.

«Но и этим не исчерпывалось зло, которое причинил Петр России, — продолжает свое повествование архиепископ Серафим (Соболев). — Петр отнял у церкви имущество. В силу этого, просвещение русского народа не было в ведении церкви, распространялось не на исконных исторических началах нашей православной веры, но с XIX столетия даже внедряло отрицательное отношение к вере и потому в себе носило гибель России.

Церковные иерархи так же были полностью заменены западными, которые и помогали коверкать устои русской православной государственности столь удивительнейше дружно» [92].

Разберем характеристики на самых значительных из них:

«Феодосий Яновский родом был из малороссийской шляхты. Что-то темное тяготеет под первыми годами его монашества. Он оклеветал перед патриархом Симоновского архимандрита, его постригшего... Феодосий назначен был «администратором дел духовных» — то было временное управление церковное, в ожидании Синода...

...Царевич Алексей Петрович выражался: «Разве-де за то его батюшка любит, что он вносит в народ лютеранские обычаи и *разрешает на вся*»» [98, с. 61, 62].

То есть, на исповеди отпускает практически любые грехи.

«Между тем, Феодосий вошел в такой фавор, что значение его стало выше всех архиереев. При таких обстоятельствах он не забыл нисколько себя и умел выпрашивать материальные блага не только себе, но и своим родным... кляузник, заносчивый, неуживчивый, он путался в чужие дела.

Но Петр приказал поставить его архиепископом Новгородским, а когда основан был Св. Синод, сделал его первым его вице-президентом» [98, с. 62–63].

Однако же верхушка петровского духовенства и после смерти самого монарха кусала и жалила другу дружку не менее ожесточенно, нежели скорпионы в банке. И конфликт с Феофаном Прокоповичем для Феодосия закончился весьма плачевно:

«... Феофан явился к императрице, сделал донос на Феодосия.

Минута для Феофана была критическая. Феодосий, ненавидевший его, подкапывался под него. По его наущению, на Феофана было донесено, что им спорот был жемчуг с облачений псковской кафедры, который Феофан присвоил себе. Дело принимало плохой для Феофана оборот. Лучшим средством спасения он выбрал погибель своего главного врага, Феодосия» [98, с. 66].

И хоть выдвинутые обвинения больше относились к личности самого покойного императора, но Феодосий Яновский в созданном Петром безбожном государстве был первым духовным лицом, а потому и нес всю меру ответственности за духовное

падение нравов вместе с почившим антихристианским царем, который умер, по словам Прокоповича:

«... от безмерного женоистовства и от Божия отмщения за его посяжку на духовный и монашеский чин, который хотел истребить. Излишняя его охота к следованию тайных дел показывает мучительное его сердце, жаждающее крови человеческой» [98, с. 66].

Дмитрий Ростовский почил еще задолго до смерти Петра, а потому в своих высказываниях много сдержаннее своего коллеги. И это не удивительно. Если при духовном наследнике Петра, Иосифе Виссарионовиче, любое опрометчиво сказанное слово могло стоять жизни, то чем это могло грозить незадачливому болтуну во времена царствования самого начинателя этих самых «дел»?

«Как отмечают исследователи, Д [митрий] Р [остовский] осторожно намекает на деятельность Петра I, подвергая критике «сущих на владательствах», которые «вельми согрешают... и безгрешных осужают вместо грешных», в то время как царю должны быть присущи «милость, кротость и незлобие»» [120, с. 40].

И неслучайно Петр доверил столь важную кафедру, Ростовскую, именно Дмитрию. Русское училище для детей духовенства он переделывает в школу, которая:

««... была общеобразовательной, а не специальной», она «являлась своеобразным связующим между древнерусскими училищами и народными школами XVIIIв.» (В.В. Калугин)» [120, с. 40].

То есть бациллу безбожного обучения в древнерусскую школу внес именно он лично. И вот какими науками, помимо обучения иностранным наречиям, он развлекал детей русских священников в стенах своего сконструированного на западный образец обмирщенного детища:

«... стихосложение, риторика» [120, с. 40].

Петр пробовал заставить читать модные за границей книги. Однако эта программа по внедрению чужеродных вирусов разврата потерпела полное поражение: русский человек упрямо не желал читать печатаемую им книжную продукцию:

«Со смертью Петра ослабело типографское дело, а с ним рост книжного дела. Многие петровские издания были уничтожены за неимением покупателей...» [96, с. 1387].

И лишь много позже усилиями масонов удалось приступить к продолжению перекройки мозгов верхних слоев общества посредством выпуска душевредных книг.

Дмитрий же Ростовский стоял у истоков этих «просветительских» реформ, в самом их еще зачатии. Он же начал вводить в обиход и всякие «пиески».

Но вот как относилась Русская Церковь к этой языческой традиции. Архимандрит Рафаил (Карелин):

«... по правилам древней Церкви, к крещению не допускались изготовители идолов, блудницы и *артисты*; занимающиеся этими «ремеслами» после крещения отлучались от причастия и молитвенного общения. Есть и еще правило: будущий священник не должен брать в жены *артистку*...» [18, с. 268].

Св. праведный Иоанн Кронштадтский:

«... Театр и церковь противоположности. То — храм мира, а это — храм Божий; то — капище дьявола, а это — храм Господа». [18, с. 269].

«Нет, недаром Ленин говорил, что место религии займет театр» [18, с. 269].

«В обращении к политбюро ЦК РКП (б) в начале 1922 года председатель ВЦИК М. И. Калинин писал: «Как-то в частной беседе на мой вопрос, чем можно заменить религию, Владимир Ильич ответил, что эта задача целиком лежит на театре, что театр должен отлучить от обрядовых сборищ крестьянские массы». Именно так считал вождь — задача целиком и полностью на театре вслед за предварительной карательной работой чекистов» [58, с. 161].

И примером для подражания для него стал зачинатель «славных дел», который именно этими средствами пытался выбить из русского человека все русское:

«... надобно было вывести русского человека из его национального... Средствами для этого Петр почитал *газету* и *театр*» [49, с. 452].

Вот по какой причине Даниил Саввич Туптало, возведенный Петром в чин митрополита, и оказался на одной из важнейших по тем временам кафедр: Ростовской.

И подобные нововведения Дмитрий Ростовский деятельно внедрял в обиход даже в таких местах, где и сейчас это будет выглядеть не просто удивляющим, по отношению к занимаемой им должности, но и кощунственным. Как же это выглядело тогда?!

Его так называемая «Успенская драма» была написана:

«... на Украине в конце XVIIв. для исполнения монахами и писцами в монастыре... прививая вкус и интерес к спектаклям, митрополит осуществлял нравственно-воспитательную программу» [120, с. 40].

И если пьески в им организованной школе еще можно как-то хотя бы и попытаться чем объяснить, то подобные мероприятия в монастыре — это уж явно чересчур.

Потому-то его патрон Петр именно ему, а ни кому другому доверил столь важную в государстве кафедру: замена Церкви театром, судя по всему, и лежала в основе этой самой пресловутой «нравственно-воспитательной программы». Но как все это выглядело в те времена, можно только лишь догадываться, так как даже сами названия его пьесок и сейчас-то выглядят достаточно шокирующе:

«... Комедия на Рождество Христово... Комедия на Успение Богородицы...» [120, с. 41].

Здесь хотелось бы напомнить достаточно не комедийные ситуации обеих вышеперечисленных сюжетов.

На похоронах Богородицы, например, некий воин попытался кощунственно опрокинуть гроб с Ее телом, за что невидимый небесный Ангел отсек ему руки, которые упали на землю. Воин, обливаясь потоками крови, бился в судорогах от нестерпимой боли, что повергло в ужас и всех окружающих.

Ну что, хороша комедия?

Да, потом он был помилован: руки, принародно же и в назидание окружающим, чудесным образом обратно приросли к телу. Однако этот страшный урок, показавший многотысячной толпе силу Божьего воздаяния, был дан не для глумливого над ним похихикивания, но чтоб страх отступничества от единственно правильного пути сохранился в веках.

Но если в первом случае ситуация все же закончилась достаточно позитивно, то с Рождеством Христовым эти похотушки выглядят куда как более кощунственно: на фоне тысяч малолетних и грудных детей, убитых по приказу царя Ирода в Вифлееме. И уж отнюдь не в чем-то видимом воображении, но слишком по-настоящему, чтоб над этим можно было как-то и пробовать надсмехаться.

Потому приходится лишь удивляться: как ему в голову не взбрестило присовокупить сюда же и еще одну очередную «комедию» на тему, скажем, «усекновения главы Иоанна Предтечи»?!

Так что одни лишь его этих «комедий» названия не просто удивляют, а валят с ног! Ведь такое явное кощунство не смогло бы пройти даже в наш безбожный век. А как все это должно было выглядеть тогда?

И вот чья личность, явившая свой некий патронаж над почившим проповедником-пиетистом, вызывает удивление в особенности:

«Первое издание «Келейного летописца» осуществил в 1784 г. Н. И. Новиков» [120, с. 40].

То есть наряду с алхимическими трактатами, масону Новикову, впоследствии даже Екатериной II, самой либеральной государыней того времени, за подрывную деятельность посаженному в Шлиссельбургскую крепость, среди самых первых своих изданий захотелось выпустить труды казалось бы не имеющего к розенкрейцерам никакого отношения — православного митрополита Дмитрия Ростовского.

Странно все это как-то. Но такая связь может показаться вполне логичной лишь в одном единственном случае: если оба они работали на одну и ту же организацию.

Организация же, на которую работал Новиков, выпуская алхимические труды в своей тайной типографии, представляла собой масонский орден мартинистов — самых лютых врагов Русского Православия.

Связь с масонством четко прослеживается и со стороны иного забравшегося ко двору русских царей проповедника Запада — Симеона Полоцкого. Вот что сообщается о них обоих:

««Иеромонах Симеон Полоцкий и иеромонах же Дмитрий (впоследствии св. ростовский митрополит) занимались при дворе Алексея Михайловича астрологическими наблюдениями и предсказаниями» (Пушкин А. С. Полн. Собр. соч. Т. 10)» [55, с. 147].

Но вот чем всегда считалось данное занятие на Святой Руси:

«Церковь всегда считала ворожбу, волхование, как непосредственное общение с демонами, одним из самых тяжких грехов» [55, с. 220].

Смотрим, кем же является коллега Дмитрия Ростовского по пиитомании и принадлежности к приверженцам древней гадательной науки чернокнижия:

«Симеон Полоцкий (1629–1680), белорус по национальности, сыграл большую роль в истории русской литературы и просвещения. Он считается основателем русского силлабического стихосложения и одним из зачинателей русской драматургии» [102, с. 364].

И вот чем отличалась его драматургия. Симеон Полоцкий: «... в своих сочинениях разводил и рекомендовал такую похотливую любовь, о которой стыдно не только говорить, но лишь упоминать в приличной среде» [67, с. 220].

Вот какого вероисповедания был этот пионер российского сексуального романа:

«... он как недавний униат и тем более как монах униатского Ордена легко мог быть обвинен в религиозном инакомыслии, подвергнут наказанию. Самое удивительное, что Полоцкий, живя в центре Православия и сам выступая защитником официальной церкви, не отрекся от своих униатских убеждений. Не заявляя о них вслух, что было бы равносильно самозакланию, он в тишине своей кельи подписывает некоторые книги личной библиотеки, правда, на латинском языке, так: «Эта книга есть надежное вместилище знаний Симеона Петровского-Ситниановича, полоцкого иеромонаха Ордена святого Василия Великого». Дата — август 1670 года...» [132, с. 101].

Уточним еще раз имя нами разбираемой личности: «... по последним данным — Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович...» [55, с. 135].

Иными словами, он являлся самым настоящим масоном! О чем и пробалтывается в своем секретном отчете, только лишь по чистой случайности после его смерти попавшем в чужие руки. Однако ж лица, вступившие в обладание его отчетом о подрывной деятельности, так и не поняли, что держат в руках! Потому для них и непонятно: каким же это образом тайный униат и вольнодумец оказался в палатах русского царя. Ответ на это их недоумение предельно прост: масонская секта, столетиями подкапывающаяся под подножие Престола Господня, ограничений в использовании финансовых средств практически не имеет.

Однако ж масонство, при этом, просто так денег не выдает, требуя отчетности о проделанной работе. Вот именно эта отчетность, попавшая не по назначению, достаточно ясно теперь и вскрывает деятельность агента иностранных спецслужб,

являющегося масоном из ордена «Василия Великого», тайного униата по вероисповеданию — Самуила Емельяновича Петровского-Ситниановича, вошедшего в высшие эшелоны власти при дворе Алексея Михайловича под монашеским именем Симеона Полоцкого.

То есть отчетность растраты казенных денег лишь одна теперь и доводит до нашего сведения настоящее имя в те годы резидента масонства в Москве.

А ведь воспитателем молодого царя Федора Алексеевича, как указывает Б. П. Кутузов, является:

«... Симеон Полоцкий (Петровский-Ситнианович)...» [55, с. 59].

Вообще-то засланный к нам Западом «казачок» мог бы оправдательных писем в свою тайную организацию и не отсылать — проделанная им работа видна и невооруженным глазом:

«Царь Федор, брат его Иоанн и сестра София — все учились у С. Полоцкого и «получали от него польско-литовское образование, сделавшееся тогда модным во всем высшем русском обществе»¹» [55, с. 137–138].

Мало того:

«Воспитанник Симеона Полоцкого царь Федор в 1680 г. женится на польке Агате Грушецкой, что еще более усиливает польское влияние и дает повод некоторым говорить, что «царь скоро введет ляцкую веру и будет вести себя, как Дмитрий Самозванец»²...

Именно в период царствования Федора, ученика Полоцкого, «начали в Москве волосы стричь, бороды брить, сабли и кунтуши польские носить, школы польские и латинские закладывать»³» [55, с. 138].

Так что многие нововведения Петра особыми нововведениями и не являлись, но лишь копировали действия, предпринятые Лжедмитрием для устранения Православия на Руси. Но чтобы доказать принадлежность Симеона Полоцкого не к ордену иезуитов, как ошибочно посчитали писавшие о нем историки, следует упомянуть и о его слишком явной в том числе и антикатолической деятельности:

«... ко всему прочему он был еще и оккультист-астролог» [55, с. 146].

¹ Знаменский П. В. *История Русской Церкви*. М., 1996. С. 298.

² Соловьев С. М. *История России*. М., 1960. Кн. 7. Т. 13.

³ Там же.

То есть чернокнижник, принадлежащий к высшей степени ма-
сонства, ко всему прочему занимающейся еще и алхимией.

Но каким образом этому адепту тайной секты удалось вте-
ряться в доверие нашей правящей династии?

«... царь Алексей Михайлович посетил Полоцк, и моло-
дой учитель «имел радость» поднести царю свое сочинение
«Метры на пришествие великого государя» и тем обратить
на себя его внимание. В 1664 году, после того, как Полоцк
снова перешел под власть Польши, Симеон Ситнианович пе-
реселился в Москву» [55, с. 135].

То есть исключительно благодаря лести этот агент тайной
секты и пробирается в царский дворец.

И ряд отравлений, в те годы парализовавших жизнь царской се-
мьи, исходил именно из его окружения. А его окружением было окру-
жение самого потерпевшего — Романова Алексея Михайловича:

«К кругу латинников принадлежали достаточно влиятель-
ные при дворе люди: начальник Посольского приказа Афанасий
Ордин-Нащокин, окольничий Федор Ртищев, свояк царя Борис
Морозов, боярин Артамон Матвеев...» [132, с. 102].

Последний, как выясняется, так же как и Симеон Полоцкий,
был чернокнижником, о чем имеются свидетельства. Лекарь
Давид Берлов сообщал, что видел сам:

««... как Матвеев с доктором и переводчиком греком Спафа-
рий, запершись, читали черную книгу; Спафарий учил по этой
книге Матвеева и сына его Андрея»¹» [55, с. 180].

Между тем:

«... Спафарий имел связь с Лейбницем, пристально интере-
совавшимся Россией, находился с ним в деятельной переписке
и выполнял его поручения» [55, с. 179].

А сам Лейбниц, как прекрасно известно, был масоном и ал-
химиком. Так что становится понятна и окраска всей этой ком-
пани, нами вызванной на свет Божий из полумрака.

Потому выглядит вполне естественным стремление масона
Новикова выгородить в своих книгах и Матвеева, сосланного
в 1676 г. в Пустозерск за колдовство:

«Известный «просветитель» Н. И. Новиков пламенно защи-
щает своего собрата в сочинении «История о невинном заточении
блжнного боярина А. С. Матвеева» (М., 1785 г.)» [55, с. 367].

¹ Соловьев С. М. *История России*. Т. 13. М., 1960.

И вот чем увенчана «просветительская» деятельность члена тайного масонского ордена Петровского-Ситнеановича:

«... Полоцкий создал своеобразную энциклопедию, в которой перемежены изложения церковных легенд, анекдоты... Смелым начинанием Полоцкого был стихотворный перевод Псалтыри» [132, с. 106].

Но при Алексее Михайловиче этот нововед не прошел: «... попытка вложить в рифмы нерушимо хранившиеся текст казалась дерзостью, вызвала недовольство и сопротивление» [132, с. 106].

И сама эта поэтическая акция представляла собой: «... явное небрежение к старинной традиции...» [132, с. 106].

Но получаемые с Запада финансовые средства все ж позволили тайному масону и униату воспользоваться типографией склоненного на свою сторону воспитанника — будущего царя Федора:

«Избегая контактов с противоборствующим ему Иоакимом, Полоцкий на своих изданиях самовольно ставил пометку, что книга печатается с благословения патриарха» [132, с. 107].

Но и это не слишком помогло спрятавшемуся под рясой православного священника агенту тайной секты. Впоследствии его еретические книги были запрещены не только к печатанию, но даже и к прочтению.

Следующим священником из плеяды того духовенства, слишком откровенно отдающего гнилостными бактериями Запада, является Георгий Дашков, чье, по словам Петра, особое «радетельное происхождение» поставлено ему в заслугу. Но в особенности он обязан своему взлету по служебной лестнице удачным усмирением стрелецкого бунта, вспыхнувшего в Астрахани.

Этот «победоносный» Георгий, со дня поворота церковной политики монарха в еретическое русло, в очередной раз затуманивший мозги протестантской пропагандой стрельцам, оказавшись по милости монарха еще только келарем Троицкого монастыря, уже:

«... завел свой стол. Прислуги у него было лично для него 20 человек. Вклады, которые приносили в монастырь усердствующие золотом и серебром, Дашков в казенный приказ не отдавал, а покупал на эти деньги экипажи, сбури, лошадей. Он был великий охотник до конской части, строил конюшенные дворы, держал до 150 конюхов. Нужных ему людей он дарил деньгами и лошадьми. Снабжал всем возможным своих многочисленных родственников...

Его поездки... совершались с баснословною роскошью... он ехал громадным поездом в 200 лошадей...» [98, с. 69].

В награду за столь неприкрытое алчное мздоимство он был постоянно повышаем в должностях, что подтверждает утверждение этого наглого вора на одной из самых важных в Московском государстве кафедр — Ростовской, в управление которой он вступил в 1718 г.

А вот теперь рассмотрим «житие» Феофана Прокоповича, столь удачно «утопившего» своего соперника — Феодосия Яновского, так удивительно долго державшегося «на плаву» — во главе учрежденного Петром Священного Синода:

«Религию свою он в молодости переменял дважды. Молодым человеком он перешел из Православия в католичество и уехал в Рим, где жил и учился при папском дворе... Через восемь лет он вернулся... опять перешел в Православие и стал монахом» [146, с. 55].

Но каким же образом этот подготовленный папой агент умудрился угодить на вершину создаваемой Петром лжеправославной церкви?

Оказывается, все было подготовлено для его внедрения в высшие эшелоны петровской церковной власти в тот самый момент, когда Петр, после уже казавшейся совершенно бесконечной серии поражений, вдруг, совершенно неожиданно, одерживает викторию. Пусть и при достаточно странных обстоятельствах, о чем еще будет сказано несколько позднее, но все-таки одерживает. И пребывает в тот момент на вершине эйфории от случившегося уж не в меру «славного» его военного предприятия. Вот тут-то некоей нам пока неведомой организацией и устраивается возможность произнести речь какому-то безвестному монаху не где-нибудь, но в самом центре устроенного по этому поводу торжества:

«... Феофан Прокопович в соборе, в присутствии Петра произнес проповедь, в которой прославил подвиг русской армии и ее вождя. В своей проповеди он страстно, с глубоким пониманием восхвалял петровские реформы, и, естественно, Петр был восхищен таким проповедником. Он взял его с собой в Петербург и вознес на высокие церковные степени» [146, с. 55].

А потому, что и естественно:

«Человека, сочувствующего всем безусловно его реформам, всегда готового слепо действовать в его видах и ставившего угождение ему выше угождения Христу, Петр нашел в Феофане» [98, с. 47].

«... он писал стихи, в которых прославлял деяния Петра, произносил блестящие проповеди, в которых восхвалял петровские нововведения, объяснял их пользу...» [146, с. 56].

Иными словами, этот странный «чернец», столь услужливый и необходимый узурпатору, является полной копией своего предшественника при царе Федоре — Петровского-Ситниановича: оба они лестью проложили себе путь в царские палаты. Феофан Прокопович:

«... был захвачен течением, развитию которого способствовал сам Петр и которое проникло уже к подножиям алтарей. Священника с подобной нравственной физиономией Россия еще не видела; он представлял собой, тогда еще не известный, теперь почти исчезнувший тип западного прелата.

Умный, пронырливый, властолюбивый... Он ел мясо круглый год, но кроме того в его доме употреблялось 1500 лососей, 21000 сигов, 11 пудов икры, 11 бочек спиртных напитков и т. д.» [16, с. 471].

Это пока о его необычайной прожорливости. Но не в ней одной заключалась его вредоносность:

«Он жил широко и так же широко благотворительствовал. В 1721 году устроил в одном из своих петербургских домов лучшую в то время школу. О том, как надо вести преподавание в этом заведении, он составил наставление, под которым свободно мог бы подписаться *любой иезуит, и пригласил учителей-лютеран*» [16, с. 471–472].

Вот таким «благотворительством» и ознаменованы «славные» дела этого пожирателя сигов: устроенная Одним из руководителей школа оказалась полулатинской, полууниатской, полупютеранской.

«... он служил тараном, которым Петр совершенно разрушил старую московскую церковь» [16, с. 472].

Одним из нововведений был следующий закон, принятый петровской верхушкой духовенства:

«...»налог на мертвых» уничтожается: Регламент назвал так вымогаемые воздаяния за молитвы по усопшим, которые по обычаю должны были читаться в продолжение сорока дней. Издержки по содержанию церковей должны покрываться исключительно налогом на прихожан» [16, с. 481].

Но вот что советует уже теперь настоящий священник Русской Православной Церкви протоиерей Андрей Устюжанин:

«Очень хорошо, чтоб верующие люди читали по усопшему псалтирь в течение всех сорока дней» [140, с. 64].

И это столь необходимо потому, что:

«... душа-то в сорокадневный период проходит мытарства, ей нужна сугубая помощь — молитвенная, чтение псалтири, приношения в храм Божий, поминовения на проскомидии...» [140, с. 66].

«... в сороковой день изрекается определение Божие о душе, решающее участь ее до Страшного Суда. Потому-то и советуется служить и заказывать о скончавшихся «сорокоусть». Польза, важность и сила этого поминовения засвидетельствована многими примерами не только в житиях святых, но и в устных и письменных сообщениях от начала христианства и до настоящего времени» [86, с. 169].

Так что закон этот основан исключительно на желании Петра как можно большее количество душ русских людей от райских куш переориентировать в свои владения. В те самые, откуда он и послал свой пламенный привет, показавшись своей личиной из клубов дыма от американских небоскребов.

Попытка отделения Церкви от государства в петровских нововведениях прослеживается явственно и вполне очевидно. Но это именно та самая идея, которую уже полностью воплотит его дел наследник — Ленин.

И вот как «славно» завершается итог многолетней работы Прокоповичей-Дашковых по разваливанию Русской Православной Церкви:

«Недовольство, на этот раз всеобщее, не останавливает однако реформатора. 25 января 1721 года был опубликован Регламент, а 11 февраля — открыта Духовная Коллегия, названная впоследствии Священным Синодом... Патриарх уничтожен» [16, с. 481].

И взамен исконному клиру, своими традициями уходящему вглубь веков — в еще довладимирскую Русь, во главе Русской Церкви петровской реформацией было учреждено:

«Постоянное собрание, в котором простые священники заседают рядом с епископами...» [16, с. 481].

И таким образом:

«Сбылось предреченное св. Афанасием Великим: одним из признаков приближения антихриста станет переход церковного управления в светские руки» [19, с. 43].

То есть, вместо некогда обретенной после падения Константинополя духовной власти русского патриаршества в единственном

в мире Православном Царстве, мы получили самый настоящий западного образца униато-католико-протестантского толка балаган, своей структурой полностью схожий с подобными же «народоправческими» балаганами. И как их ни называй: сенатами, советами, думами или синодами — вся их «народоправческая» деятельность легко управляема стоящими за их спинами финансовыми магнатами, у которых бог один — золотой телец. А кукловоды лишь дергают за ниточки.

Наше же государство, Святая Русь, с самого дня своего возникновения была не от мира сего. Она была изначально — от Бога. А потому ее вероисповедание всегда столь серьезно и отличалась от иных «церквей». И весь иноверный инородный нам мир всегда вел с нами свои войны с одной только целью: низвести веру русского человека до состояния своей собственной.

Священный Синод Петра как раз и предназначался играть роль той самой антиправославной организации, которая должна была привести к полному уничтожению нашего древнего вероисповедания в традиционно упрямой России, все никак не желающей впитывать в себя антихристианские идеи.

Но уже после следующей революции — ленинской — часовни так и не были снесены, а ворота с иконами так все еще и продолжали заставлять даже пришедших к власти безбожников испытывать к себе уважение.

Имеются свидетельства, что и к 1920-му году еще не успело у революционеров повыветриться к ним почтение. Арестованный большевиками князь С. Б. Трубецкой так был проводим своими конвоирами через главные ворота Кремля:

«Когда проходили через ворота, по старой московской традиции, почти все мы сняли шапки. Я заметил, что большая часть нашей стражи тоже их сняла. С. П. Мельгунов, как принципиальный атеист, с интеллигентской цельюностью и прямолинейностью, не снял шапки, и один из конвоиров ему заметил: «Спасские ворота — шапку снимите!» Мельгунов запротестовал, и стража, разумеется, не настаивала на этом чуть ли не «контрреволюционном» требовании» [137, с. 278–279].

А вот когда революционеры Ленина довершили «славные дела» революционеров Петра по уничтожению московских часовен, когда не только икон над воротами, но и многих самих

этих ворот уже не досчитались, когда вслед за зверским истреблением сотен тысяч русских людей священнического и монашеского звания и преданием мерзости запустения десятков тысяч православных храмов. Православие в России считалось ими уже полностью уничтоженным, совершенно удивительнейшим образом и лишь по воле Божьей оно вдруг в самые тяжелые дни Великой Отечественной войны в нашей стране — *восторжествовало!* И помогло этому поистине чуду воплотиться возвращенное нашим священством (а уж никак не коммунистическим кровавым режимом, как некоторые и по сию пору считают) ровно после двух веков отсутствия (чуть ли ни день в день!) Патриаршество на Земле Русской.

Но вот какова была основа петровского нововведения в Русской Церкви:

«Постановление, требующее, чтобы священники доносили об открытых им на исповеди государственных преступлений, которое Екатерина II впоследствии скрывала от Вольтера, было составлено Петром, так же, как и постановление о карательных мерах против ослушников...» [16, с. 168–169].

«Петр I даже тайну и неприкосновенность исповеди не пощадил и нарушил, обратив и ее в орудие сыска» [145, с. 99].

Вот какова была механика исполнения пунктов им запущенной машины:

«По требованию синодского Регламента, священник, выпытавший у кающегося его грехи, за которые он должен быть арестован, и сам должен с ним ехать «неотложно и неотбывательно» в указанные в высочайшем указе «места» — «Тайную Канцелярию» (тогдашнюю Чрезвычайку) или «Преображенский Приказ» (Петровское ГЭпэу)» [67, с. 93].

Так что даже связанное с чисто моральными Ценностями учреждение Петром превращалось в карательный орган.

Были и иные кошунства над русским вероисповеданием:

«В церквях, обыкновенно посещаемых царем, были поставлены кружки для сбора штрафов, которые царь налагал на болтающих; спящих и, вообще, лиц, неприлично ведущих себя во время церковной службы.

В Александро-Невской лавре сохранился железный ошейник, употреблявшийся... для наказания рецидивистов:

они должны были слушать обедню привязанные за этот ошейник к колонне храма»¹ [16, с; 169].

Но и про такое нам слышать теперь уже не впервой. Именно его наследники довершили начатое Петром превращение русских храмов в тюремные застенки.

«Петру не нравилось, что в России много церквей, особенно их изобилием славилась Москва; и он приказал... все лишние церкви упразднить» [51, с. 739].

Так что к Православию вероисповедание Петра, как нами разобрано теперь достаточно подробно, уж точно не могло иметь никакого отношения.

Но каковым же было истинное его вероисповедание?

«... его слова и поступки заставляли заподозрить в нем склонность к протестантизму. Он окружил себя кальвинистами и лютеранами... и внимательно слушал их проповеди» [16, с. 168–169].

А ведь не секрет, что именно протестантизм является самым надежным внешним прикрытием масонства, так как на такой сорт религии легче всего сослаться поклонникам культа Бафамета. Вот как это на словах выглядело в рассказах о внешней обрядности масонов послепетровского образца — времен подчинения русского масонства Фридриху Вильгельму II:

«Членам кружка рисовалось счастливое братство независимых дворян... верующих в Бога, но не связанных выполнением церковных обрядов» [40, с. 21].

То есть обрядов Русской Православной Церкви: ведь у них свои обряды. Зачем же мешать их отправлению? Потому выпущенное Петром:

«Постановление 1706 года разрешало всем протестантам свободное исповедание их религии» [16, с. 169].

Однако ж это вовсе не значит, что Петр хоть чем-то был при этом против католицизма:

«... Тейнер опубликовал ряд документов, свидетельствующих о надеждах, которые царь подавал, и до и после этого постановления, в Риме относительно возможности соединения двух церквей; и иногда монарху приходило в голову собирать вокруг себя даже иезуитов» [16, с. 169].

И это вовсе не удивительно:

¹ Шерер, т. III, с. 238.

«Только Петр I дал кат [оличеству] полную свободу в вере, и право строить храмы — и начинается распространение кат [оличества] ...» [96, с. 1232].

Здесь он явно переигрывает своего менее удачливого предшественника:

«Первый самозванец, приверженец папы, построил домовую церковь по кат [олическому] образцу и начал др. нововведения, чем навел нелюбовь народа и был убит» [96, с. 1232].

Петр это понимал. Полностью заменить католичеством наше Православие в ту пору было еще слишком опасно. А потому он отворил двери не только католицизму и лютеранству, но практически любым религиозным поветриям, где-либо возникавшим и кем-либо усвоенным. Ведь главное не форма, но конечная цель — уничтожение истинной веры в истинно Божьем народе.

«На словах он показывал себя ревнителем Православия, но преспокойно принимал в Англии причастие по англиканскому образцу, а в Германии перед памятником Лютеру произнес хвалебную речь в честь «сего великого пастыря»» [15, с. 410].

Все это творилось совершенно в открытую. А потому появилось достаточно устойчивое мнение, что:

«Петр и его приближенные — оборотни...» [15, с. 410].

Так оно, судя по всему вышеизложенному, и было на самом деле. А потому нет в том ничего необычного, что русские люди уже тогда:

««почувствовали дух петровских нововведений, определив его как дух *антихристов*»¹» [15, с. 410].

Но и Лжедмитрий в этом вопросе от своего последователя совершенно не отставал:

«... предоставляя католикам свободу совести в своем государстве, Димитрий равным образом предоставлял ее протестантам всех толков» [51, с. 309].

Но Петр, за что следует отдать ему должное, все же в этой области «обштопал» своего предшественника по самозванству. Потому и магометанство запустил в Россию абсолютно так же преднамеренно, как и католичество с лютеранством:

«Первым переводом К[орана] на русский яз. является «Алкоран о Магомете, или закон турецкий», книга, представляющая

¹ Протоиерей Лев Лебедев. Москва патриаршая. М.: Вече, 1995.

перевод К [орана], сделанный по приказанию Петра В [еликого] Постниковым в 1716 году» [96, с. 1468].

Но здесь не следует думать, что и иные вероучения, ранее не пускаемые к нам и на порог, Петр чем-либо обошел в своем безмерном почитании:

«Царь хотел ознакомить русских с другими вероисповеданиями и иными верами и приказал в начале 1723 года перевести лютеранский и кальвинистский катехизисы на русский язык» [51, с. 739].

Мало того. Именно на этих «дел» эпоху приходится таинственная деятельность каббалиста, масона и чернокнижника:

«... Якова Брюса (сподвижника Петра I), который, как известно, был выдающимся астрологом» [144, с. 47].

Симоновский архимандрит Петр Смилянич, родом серб, приводит слова полковника Пантелеймона Божича:

«Мы думали, что в Москве лучше нашего благочестие, а вместо того худшее иконоборство, чем у лютеран и кальвинов, начинается какая-то новая ересь. Человек, у которого отведена мне квартира, какой-то лекарь... на церковь православную страшный хулитель, иконы святые и священнический чин сильно уничтожает; всякий вечер приходят к нему русские молодые люди, сказываются учениками немецкой школы, которых он поучает своей ереси, про священнический чин, про исповедь и причастие так ругательно говорит, что и сказать невозможно. Я не смог снести ругательства вере Христианской и чуть в беду не попал, вчера вечером чуть саблию всех не перерубил, вынул саблю и всех еретиков выгнал из хором; а нынче поутру пришел он ко мне с женою, упал в ноги и просил прощенья: «Пожалуй, не гневайся на нас, ныне у нас на Москве... вольно всякому — кто какую веру себе изберет, такую и верует...»» [124, с. 540].

Вот такого толка в те времена ходило в модных салонах вероисповедание, за которое православный человек, углядев в его проявлениях хулу своим святыням, мог (или обязан был) адепта подобной ереси саблей в капусту искрошить.

Так что очень зря историки пытались объявить Петра православным царем. Он им не мог являться, прежде всего по той обыкновенной причине, что не являлся исповедником этого вероисповедания. То есть изучаемый нами царь исповедовал какую-то совершенно иную религию, не имеющую с Православием ничего общего.

Потому ясно стало для всех:

«Пришла кончина света и антихрист настал... И какой Петр царь... От такого царя нужно отступать, не надо его ни слушать, *ни платить ему податей*» [46, с. 191].

Все правильно: во времена голода в Поволжье и на Украине, который искусственно устроили продолжатели дел Петра, самыми первыми от истощения умирали именно те, кто сдал весь свой хлеб без утайки. То есть исполнил пожелание властей насчет взимания непомерных податей в полном их объеме.

Во времена же Петра народ большевистской пропагандой одурманен еще не был. Потому люди последнее с себя все-таки не спешили отдавать. Весьма вероятно, что лишь эта осторожность и позволила тогда русскому народу не подвергнуться полному вымиранию от антихристианской политики пришедшего к власти в нашей стране супостата.

А вот что можно сказать об одной из первых его затей, которой он не бросал в продолжение всей своей жизни:

«Это был «Сумасброднейший, всепьянейший всешутейший Собор»» [14, с. 73].

И самое здесь удивительное, что этот его антихристов орган был учрежден уже тогда, когда за «великий ум» избранный в цари мальчик еще не знал основных правил арифметики — умножения и деления!

И этот с ног сшибающий одним лишь своим наименованием институт властных структур был учрежден:

«... задолго до того, как Нарышкины пришли к власти. Даже в наши просвещенные, невероятно прогрессивные времена не одна бровь поднимется, если мальчик лет 14–15 захочет собрать компанию под таким названием» [14, с. 73].

Почему же Петру это *позволили* еще тогда? Причем, в тот период, когда подобное действие было еще не возможным из-за слишком явно враждующих правительственных группировок, одна из которых просто обязана была искать компромат на свою соперницу?

Ответ единственен: обе группировки находились под единым началом — иного объяснения произошедшему попросту нет.

Еще одна деталь: все эти вроде бы на первый взгляд выюношеские игрушки, на игрушки вовсе не похожат. Но на серьезную организацию, структуру которой знающему пока лишь

два правила математики мальчику самому разработать было просто невозможно:

«В уставе подробнейшим образом определены члены Собора и способы избрания «князь-папы» и рукоположения всех чинов пьяной иерархии. Да, рукоположения!

Собор полностью воспроизводил всю церковную иерархию и все церковные обряды» [14, с. 73].

На что такая пародия похожа?

Так ведь уже на нынешнюю нашу церковную иерархию, верхушка которой прогнила и уже сегодня готовится к встрече антихриста, устраивая уже теперь из нашей церкви такую же пародию! Ведь сегодня во многие церкви уже ходить нельзя — экуменизм наступает.

Все это грозит в самые ближайшие времена мерзостью запустения вообще везде!

И на эти грабли непонятой нами некогда истории мы сегодня наступаем уже в третий раз!

Ведь совершенно ту же политику по отношению к Русской Церкви некогда проводили и большевики-ленинцы:

«Паскудства, творимые Петром и его сподвижниками, вполне подобны всему, что выделяли члены «Союза воинствующих безбожников» в 1920-е годы. И с черепахи на палках бегали, и матом орали в церкви, и блевали на алтарь...» [14, с. 74].

Следующими действиями, которые точно определяют антихристианскую сущность Петра, явилось продолжение уничтожения священноначалия Русской Церкви:

«При Петре I архиереев перестали возводить в сан М [итрополита]» [96, с. 1574].

Сейчас же, судя по всему, наше священноначалие уже само себя уничтожило, вступив в союз со Всемирным советом церквей, предав Бога нашего в пользу идолища кришнаитов и адвентистов, иеговистов и лютеран, масонов и католиков.

Тогда же, при Петре, балаган, изобретенный для главенства над Русской Церковью, был ничуть не менее антиправославен. И следующим шагом, что здесь выглядит вполне логично, являлось прекращение возведения уже и в сан священника. То есть практически то же, что большевики планировали завершить в эпоху безбожной пятилетки — к 1943-му году.

Потому планы царя-антихриста продолжались совершаться в вышеизложенном ключе: обезглавленная Церковь подверглась новым нападкам. В 1705 г. по указу Петра:

«Запретили строить новые церкви и монастыри... Вообще Петр стремился превратить монастыри в нечто среднее меж богадельнями и мастерскими. В знаменитом «Духовном регламенте» Петра так и говорилось: «... добро бы в монастырях завести художества, например, дело столярное»» [15, с. 411].

Подобный же разгром святорусских духовных учреждений планировал провести и его предшественник по самозванству — Лжедмитрий. Он:

«... приказать сделать опись всем монастырским имениям и заранее заявлял, что хочет оставить им необходимое на содержание, а все прочее отберет в казну» [51, с. 309].

И как далеко простиралось это самое «все прочее» было известно лишь ему одному.

«Далее Петр... запретил монахам в кельях держать перья и чернила, писать что бы то ни было (Очень быстро Петр творчески развил эту мысль, распространив ее на все население. Появился указ, предписавший выявлять и сдавать начальству всех тех, «кто запершись пишет...» Формулировалось это так: «о донесении на тех, кто запершись пишет... и о наказании тем, кто знал, что запершись пишет, и о том не донесли»» [15, с. 411].

Потому и вполне понятна на такие его действия реакция народа: ««... ныне-де у нас не государь царствует — антихрист» (Никитин, 1705)» [46, с. 191].

«... он служил и приносил жертвы высшему, бесконечно требовательному божеству, признаваемому вместе с ним всеми» [16, с. 174].

«Иго с Запада — более тяжелое, нежели прежнее иго с Востока, иго татарское. В истории константинопольской церкви, после турецкого завоевания, не найти ни одного периода такого разгрома церкви и такой бесцеремонности в отношении церковного имущества, кои на Руси случились. Государь наш, Петр Алексеевич, испытав влияние протестантов, упразднил патриаршество. Государство перестало быть органом церкви, и на духовно едином русском организме, как наросты злокачественные, вырастать начали извне привитые протестантского, иудейского и иезуитского характера секты... С Петра, с Петра Алексеевича началось духовное дробление народа» [4, с. 394].

Вот как отзывался о Петре некоторое время благоволивший к его «славным делам» Лев Толстой, который, после получения только незначительной дозы правдивой информации о своем былом кумире, резко переменял мнение о нем: «осатанелый зверь», «мерзавец», «убийца, который кощунствовал над Евангелием» [15, с. 421].

И такое отношение к Петру просматривается практически у всех, кто ненароком забирается в исподнее белье шумно воспетого пропагандой «преобразователя»:

«Романтически-приподнятое, радостное отношение к Петру меняется по мере узнавания эпохи, по мере изучения документов» [14, с. 7].

Более сотни лет после кончины этого монарха автором «Путеводителя от Москвы до С. — Петербурга и обратно» Дмитриевым перед самым въездом в построенный Петром безбожный город была подмечена очень существенная деталь, точно указывающая на характер проектируемого в нем вероисповедания:

«Верхняя Ижора, богатый, довольно населенный ям, состоящий из 300 дворов и не имеющий ни церкви, ни гостиницы» [32, с. 589].

Автор тут же замечает, что ввиду необычайной близости С. — Петербурга гостиница здесь практически ни к чему. Однако же отсутствие церкви для москвича, обычно набожного, выглядит фактом, достойным удивления. Но удивляться излишне: этот ям — визитная карточка задуманного Петром «творения», где центральным божеством является отнюдь не Иисус Христос, а кумир масонства — Бафомет. Ведь это завезенное Петром с Запада модное в ту пору вероисповедание устраивает любая религия мира, что и доказывает рассмотренная выше лояльность Петра ко всем им. Любая, заметим, но только кроме одной: веры русских — Православия. А потому:

«... привезенное из Европы Петром I масонство активно вторгалось в разные сферы общественной жизни страны, распространялось по верхним слоям общества, полагавших себя составной частью Европы и мира» [23, с. 168].

Вот какую церковь в России основал Петр.

Охота на людей

«Какие же меры употреблял Петр для приведения в исполнение своих великих преобразований? Попытки Преображенского приказа и тайной канцелярии, мучительные смертные казни, тюрьмы, каторги, кнуты, рвание ноздрей, шпионство, поощрение наградами за доносничество...» [51, с. 765–766].

Потому отнюдь не лишено справедливости мнение, что: ««Никогда, нигде не было такого сыска, как при Петре в России» (Пильняк, 1919)» [46, с. 122].

Но, может, он был не совсем вменяем?

««Двигательное и речевое возбуждение... бредовые интерпретации... случай, по-видимому сложный... шизофрения, надо полагать. А тут еще алкоголизм...» (М. А. Булгаков)» [14, с. 17].

Но и это не аргумент при попытке его хотя бы частичной реабилитации.

«До какой степени он был свиреп и кровожаден, показывает то, что он не побоялся унижить свое царское достоинство, взявши на себя обязанность палача во время дикой казни стрельцов... Несчастный Алексей Петрович замучен отцом после того, как этот отец выманил его из безопасного убежища царским обещанием прощения» [51, с. 765–766].

Отступников от поклонения его божеству ждала неминуемая гибель. И в этом его двуличном правлении:

«... практика на каждом шагу противоречила теории. В теории — иногда даже подчеркнутое свободомыслие; на практике почти всегда деспотизм, произвол, розыск, террор. Это правление было так же террористично, как правление Робеспьера, как правление Кромвеля... Он был страстным любителем этого ужасного искусства, испещрять рукописными заметками поля допросных листов, часто лично принимал участие в допросах, ловил каждое слово, следил за малейшим движением. Он вызвал во дворец ювелира, подозреваемого в краже драгоценностей, и два раза допрашивал его, каждый раз пытая его на дыбе в продолжение часа; в тот же день, вечером, он весело рассказывал герцогу Голштинскому о перипетиях допроса (Голиков, т. VIII, с. 406). Он имел в своем распоряжении армию доносчиков и шпионов и лично помогал их усердию, подслушивая у дверей, прислушиваясь

к словам гостей во время пирушек, когда обязательные возлияния горячили головы и развязывали языки...

Революции следуют одна за другой и похожи одна на другую. Для современника, автора мемуаров, история одного года великого царствования превращается почти в голос перечисления казней (Желябужский, с. 26).

За арестом одного обвиняемого следовали аресты десятков и сотен других. Арестованного прежде всего пытали, требуя, чтобы он назвал соучастников преступления. Он называл первые приходящие ему в голову имена. Потом ему на голову надевали мешок из толстой холстины и водили в таком виде по улицам; он указывал палачу на первого попавшегося навстречу прохожего. От ужасного крика «язык!», более ужасного, чем крик «горим!», мгновенно пустели самые людные кварталы.

«Языками» народ прозвал этих невольных, правда, но необыкновенно покорных помощников в этой охоте за людьми. При появлении «языка» происходило всеобщее бегство.

Доносы процветали.

Ряд указов способствовал этому, одобряя доносчиков, обещаая им награды и грозя ужасным наказанием тем, кто, имея сведения, интересующие царя и государство, не сообщит их...

Всякий пришедший в государственную полицию и произнесший формулу: «Слово и дело» мог вызвать следствие. Немного требовалось, чтобы доказать обвинение: достаточно было какого-нибудь неосторожно сказанного слова; иногда даже это не было необходимо...

Такой режим продолжался до самой смерти Петра» [16, с. 176–179].

И такой же точно террор, учрежденный наследником «славных дел» Лениным, продолжался ровно сорок лет и выдохся лишь к 1957 году, когда началась подготовка лицемерного международного фестиваля молодежи и студентов. А до этих летних месяцев вся страна содрогалась от любого ночного стука в дверь.

Введение Петром этого драконовского бесчеловечного обращения с людьми касалось практически всего населения страны:

«Указом 1718 года января 15 повелено: «на правеже дворян и дворянских детей бить до тех мест, покамест с должники не разделаются»» [36, с. 473].

Весьма «добрый» закон — такая его формулировка позволяет любого человека забить практически до смерти!

Но не всех Петр колесовал, вешал и четвертовал:

«Он часто приглашал к себе в кабинет чиновника (маленького или занимающего высокую должность), которым был недоволен, и ударом дубины свидетельствовал свое недовольство...

Конечно, вспыльчивость и горячность царя играли известную роль в этих расправах, но они составляли в то же время часть системы и являлись плодом обдуманного желания...

Царь употреблял дубинку, как я уже сказал, только наказывая друзей, которых любил и которых хотел пощадить. Остальных карало иначе вооруженное правосудие... Указы и регламенты гражданского права были так же суровы, как регламенты военные.

Смерть солдату, который испускает «дикие крики», идя на приступ, и останавливается, чтобы поднять раненого, если даже раненый этот — его родной отец...

Смерть и канцелярскому писцу, не покончившему дело в продолжение предписанного законом времени... »¹

Смерть, смерть, почти всегда...

К концу царствования взаимный страх среди окружающих царя и всеобщее взаимное недоверие сделали жизнь невыносимой. Он следил за всеми, и все следили... друг за другом подозрительно и недоверчиво... Разговаривали только шепотом.

...Жестокость карательных мер... не могла пресечь многочисленных побегов, число которых все увеличивалось. Военный регламент предлагал клеймить рекрут так, как клеймили каторжников. Создалась легенда, рассказывающая, что отступивший от истинной веры царь кладет на своих слуг печать антихриста...²

И побег все-таки не прекращались» [16, с. 180–184].

Кроме как революцией, производимые Петром реформы по-другому назвать было нельзя. Он не просто резал бороды своим подданным, но, в первую очередь, этими своими модными введениями вполне целенаправленно разрушал соблюдение канонов Православия.

««Стрелецкий бунт» от начала до конца выдуман Петром» [14] (с. 132).

¹ Письма и заметки Петра, т. III, с. 77; Филиппов, Петр Великий и уголовный закон, с. 283 и сл.

² Русский Архив, 1873 г., с. 2067 и 2296.

При ближайшем рассмотрении, все выглядело куда как более безобидно, чем изобретенная историками версия заговора против Петра.

А произошла тогда в петровское правление практически на каждом шагу встречающаяся обыденная история с изъятием «птенчиками» в свой карман денег из казны. В тот злополучный момент, один из них, как это в их среде было принято, обобрал казну, на этот раз изъяз в свою пользу некую сумму денег, причитающуюся для прокормления одной из стрелецких частей:

«Стрельцам было голодно... Семьи у них оставались в стрелецких слободах, в Москве, и стрельцы хотели вернуться домой. Они отказались подчиняться приказу, и солдаты Гордона легко рассеяли их картечью... стрельцы вовсе не бунтовали, практически не сопротивлялись правительственным войскам.

Ромодановский провел расследование с обычной для него жестокостью, но никакого бунта не нашел, и стрельцы были наказаны «легко»: слетело 56 голов, остальные разосланы обратно по месту службы» [14, с. 132].

Петру показалось не достаточно кровавых репрессий, произведенных его подручным:

«Следствие, поверхностно веденное и законченное Шейным и Ромодановским, было начато снова и поставлено в условия, которым, хотелось бы верить, не было подобных в истории человечества. Четырнадцать застенков были устроены в Преображенском и работали и днем и ночью. В них можно было найти все обыкновенные и необыкновенные орудия пыток, в том числе жаровни, на которых поджаривали пытаемых. Один из них подвергался пытке семь раз и получил девяносто девять ударов кнута, из которых пятнадцати было бы достаточно, чтобы убить человека. Подполковник Корпаков пытался перерезать себе горло, чтобы положить конец мученьям; он только поранил себя, и пытка продолжалась. Женщин — жен, дочерей и родственниц стрельцов, служанок и приближенных Софьи — допрашивали таким же образом. Одна из них разрешилась от бремени во время пыток... Одного стрельца подвергли пытке на дыбе, дали ему тридцать ударов кнутом и долго поджаривали, но из него не удалось вытянуть ни слова. Едва удавалось вырвать у него полупризнание, неясный намек, — как только ему давали перевести дух, он снова возвращался

к своим первым показаниям или застывал в немом молчании. Софья, которую, как говорят, допрашивал и пытал сам Петр, также осталась непреклонной в своем заперительстве¹...

Но ни малейшего следа заговора, в сущности, не было обнаружено!» [16, с. 424—426].

Спрашивается: почему? Ведь пыточное дело у этих революционеров было поставлено ничуть не менее изуверски, нежели у их чекистских последователей, когда подвергающиеся бесчеловечным пыткам люди доносили друг на друга и то, чего не только никогда не было, но и то, чего никогда просто быть не могло. А потому и дрожали по ночам от каждого шороха: что рядовые просоветенные граждане, что ответственные и привилегированные партработники.

Здесь же — под бесчеловечным пытками палачей — упорное молчание тысяч...

В чем ответ на столь, казалось бы, неразрешимый вопрос?

Умучиваемые в пыточных камерах Преображенского перед Московской Голгофой русские люди совершали свой беспримерный в истории человечества коллективный подвиг отнюдь не с целью попытки сохранения каким-либо образом своих жизней: они были обречены и знали это наверняка; стрельцов, схваченных петровскими жандармами без какой-либо видимой причины, заставила сцепить зубы попытка защиты веры святорусской от поругания воцарившимся на русском троне антихристом. И оказавшись в лапах зверя, они теперь точно знали, что дорога в Жизнь Вечную у них теперь проходит лишь через короткое крестное страдание в застенках пыточных казематов перед самой Голгофой, которая и определена была для них не где-нибудь, а именно на Лобном месте, в самом сердце Третьего Рима — прямого духовного наследника той далекой земли в Палестине, где омыла честная Кровь Христа главу Адама, избавив тем человечество от греха его первородного. И каждый из этих тысяч царем-антихристом умучиваемых жесточайшими пытками русских людей нес свой Крест страдания за Христа Спасителя, претерпевшего эти муки много ранее. А потому одни выдерживали по семь считающихся

¹ Корб, с. 84; Гвариент у Устрялова, т. III, с. 159, с. 407; Фокерод [Германн], мтр. 20; Вильбоа, Изданные записки; Соловьев т. XIV, с. 286; Костомаров, т. II, с. 517.

смертельными доз ударов бича при хрусте выламываемых суставов на дыбе, другие даже рожали под бесчеловечными пытками петровских изуверов и, забрызганные собственной кровью, сцепив зубы, все так же упорно продолжали молчать.

И зверь, видя невероятное стояние в вере русских людей, окончательно рассвирепел, тем вынеся из тайных застенков Преображенского всю свою подлинную людоедскую личину на показ московскому люду, ужаснувшемуся увиденному и понявшему — какое чудовище сидит в этом страшном недочеловеке. Даже самый настойчивый и упорный его защитник — историк Ключевский — все же не может не отметить, что:

«... Петр был совершенно вне себя во время этого розыска и в пыточном застенке... не утерпев, сам рубил головы стрельцам» [49, с. 427].

«30 сентября 1698 г. к месту казни отправляется первый транспорт осужденных. Пятеро были по дороге собственноручно казнены Петром перед его домом в Преображенском. Этот факт удостоверен многочисленными свидетелями... Петру мало было того, что он сам работал топором, он хотел, чтобы его приближенные делали то же. Голицын оказался неловким и заставлял долго мучиться казнимых; Меншиков же и Ромодановский оказались более способными...» [16, с. 426–427].

И даже маленького тогда сына Алексея он пытался приучить все к тому же:

«Пьяный Петр, заставляя заспанного восьмилетнего сына рубить стрельчонку голову зазубренным топором, действует и как... демоническая сила... (Кузьмин-Караваев, 1911)» [46, с. 208].

Только людоеды могут приучать к человеческой крови своих маленьких детенышей, пока еще недостаточно искушенных в этом пагубном пристрастии. И если мальчик пытался при этом в чем-то папе-монстру перечить, то ребенок получал совершенно не детское мздовоздаяние:

«Сам родитель впоследствии объявлял, что, желая приучить сына к делу, не только бранил его, но и бивал палкою» [51, с. 790].

«Приговоренных привезли на Красную площадь в санях попарно, с зажженными свечами в руках, и положили рядами по пятьдесят человек вдоль бревна, служившего плахой. 11 октября было совершено 144 новых казни; 205 человек было казнено 12 октября; 141 — тринадцатого; 109 — семнадцатого; 65 — восемнадцатого;

106 — девятнадцатого. Двести стрельцов были повешены перед окнами Софьи в Новодевичьем монастыре...

Одновременно с этим в Азове и других местах государства также велись следствия, сопровождавшиеся массовыми казнями... Приостановленные на несколько недель ввиду пребывания Петра с ноября по декабрь в Воронеже допросы и казни возобновились в самой Москве в январе 1699 г. Целыми тысячами убирали трупы, загромождавшие площадь. Впрочем, вся уборка ограничивалась тем, что их перетаскивали на соседние поля... а топор палача начинал работать снова. Пики с насаженными на них головами и виселицы с висячими гроздьями человеческих тел вплоть до 1727 года продолжают украшать на Красной площади... Лобное место» [16, с. 427].

Но если в эпоху Валишевского описание антиправославных кощунств Петра не считалось приличным, то революция Ленина сняла этот запрет. Вот как в помощь пропаганде Губельмана придворный романист революционеров Алексей Толстой дополняет исторические находки дореволюционного историка, сочувствующего Петру, раскрытием кощунств, производимых над убиваемыми русскими людьми кровавым палачом, обряженным в царское достоинство:

«Петр сам пытал Цыклера, и тот в отчаянии от боли... много нового рассказал.

В Донском монастыре разломали родовой склеп Милославских, взяли гроб с останками Ивана Михайловича, поставили на простые сани, и двенадцать горбатых длиннорылых свиней, визжа под кнутами, поволокли гроб через всю Москву по навозным лужам в Преображенское.

...Гроб раскрыли... Петр, подъехав, плюнул на останки Ивана Михайловича. Гроб подтащили под дощатый помост. Подвели изломанных пытками Цыклера, Соковнина, Пушкина и трех стрелецких урядников. Князь-папа, пьяный до изумления, прочел приговор...

Первого Цыклера втащили за волосы... Палач с резким выдохом топором отрубил ему правую руку и левую, — слышно было, как они упали на доски. Цыклер забил ногами, навалились, вытянули их, отсекли обе ноги по пах. Он закричал. Палачи подняли над помостом обрубок его тела с всклоченной

бородой, бросили на плаху, отрубили голову. Кровь через щели моста лилась в гроб Милославского» [135, с. 219–220].

И смысл устроенного Петром кошунства очевиден: это осквернение Голгофы, когда «жида Христа мучали-распинали» [116, с. 62]:

а) двенадцать свиней — по числу апостолов;

б) помост изображал собою Голгофу;

в) пролитая на кости Милославского кровь мучеников за веру христианскую — пролитая Кровь Христа на ветхие кости Адама.

Так что глумление было продумано Петром до тонкостей. И такое не в иной какой стране, но в цитадели Православия!..

Может, Алексей Толстой сам все вышеописанное присочинил? Дескать, жил царь такой, никем не понятый: чудил, юродствовал да в непонятки играл. А мы его своим полным непониманием порешили в палачи записать.

Но ведь имеется его версии железное подтверждение. Вот что сообщает об этом эпизоде буквально в рот нашему «преобразователю» и Западу заглядывающий историк Костомаров:

«Петр приказал вырыть из земли гроб Милославского и привезти в Преображенское село на свиньях. Гроб открыли: Соковнину и Цыклеру рубили прежде руки и ноги...» [51, с. 614].

То есть четвертовали!

«... потом отрубили головы; кровь их лилась в гроб Милославскому» (там же).

Таким образом, это кошунство, устроенное Петром, подтверждает даже Костомаров — восхвалитель из восхвалителей этого самого нам на все лады перехваленного «чудесного гения».

Алексей Толстой продолжает:

«Закованных стрельцов отовсюду отвозили в Преображенскую слободу...

В конце сентября начался розыск. Допрашивали Петр, Ромодановский, Тихон Стрешнев и Лев Кириллович... В четырнадцати застенках стрельцов поднимали на дыбу, били кнутом... держали над горящей соломой... опять вздергивали на вывороченных руках, пытая имяна главных заводчиков...

Стрельцы признавали вину лишь в вооруженном бунте, но не в замыслах... В этом смертном упорстве Петр чувствовал всю силу злобы против него...

Ночи он проводил в застенках» [135, с. 253–254].

Казалось бы, романист революции лишку наговаривает на Петра?

Да ничего подобного! Лишь пытается завуалировать тот простой факт, что никакого бунта не было вообще! Ведь на самом деле лишь была направлена стрельцами совершенно безобидная челобитная царевне...

Так что ж певцы «дивного» нашего «гения» так громогласно разбалтывают эту жуткую историю про Петра — никогда и нигде не виданного самого страшного и самого жестокого палача, волей судьбы облеченного государственной властью?

Ими, что и естественно, описываются лишь те факты, которые на слуху у миллионов очевидцев и которые просто уже никак не сокрыть!

Далее в рассказе об устройстве пыточных увеселительных заведений возрастающего «гения» Петра, который тогда своими неспособными к наукам мозгами еще только лишь дошел до самого мудреного действия в математике — деления:

«Один из секретарей цезарского посольства записывал в дневнике то, что видел в эти дни, и то, что ему рассказывали» [135, с. 254].

И вот что сообщают его записи в пересказе Алексея Толстого — одного из немногих русских эмигрантов, вернувшихся в Советскую Россию в 20-х гг:

«К ряду казарменных изб в Преображенской слободе прилегает возвышенная площадь. Это место казни: там обычно стоят позорные колья с воткнутыми на них головами казненных» [135, с. 255].

Такой «обычай», насколько помнится, бытовал исключительно у тех персонажей русских народных сказок, которые безошибочно, даже на расстоянии, могли определить национальную принадлежность своих извечных жертв. Лишь поглубже втянув своими людоедскими ноздрями воздух, они могли засвидетельствовать:

«Русским духом пахнет». То есть эти самые «избы» Преображенского точно так же, как и у некой нам всем известной старушечки с избушкой на курьих ножках, были окружены забором из насаженных на колы человеческих голов!

Но и это вновь: отнюдь не плод фантазии Алексея Толстого. О наличии у Петра такого вот «чудесного» заборчика упоминает и Костомаров:

«На Красной площади был поставлен столп с железными спицами, на которые были воткнуты головы казненных» [51, с. 614].

То есть не где-то там в стороночке, о чем пытается уверить нас Алексей Толстой, возвратившийся в захваченную большевиками страну для восхваления «славных дел» им столь лелеемого безбожного монарха-революционера, но в самом что ни есть центре Москвы — на Красной площади!

«... уже были приготовлены плахи. Дул холодный ветер... Писарь... читал народу приговор на мятежников. Народ молчал, и палач начал свое дело.

Несчастные... шли на казнь поочередно... На лицах их не было заметно ни печали, ни ужаса предстоящей смерти...

Мне рассказывали, что царь в этот день жаловался генералу Гордону на упорство стрельцов, даже под топором не желающих сознавать своей вины» [135, с. 255].

На что Алексей Толстой сетует:

«Действительно, русские чрезвычайно упрямы...» [135, с. 255]. И в попытке сломить это упрямство ужасом царем-антихристом:

««У Новодевичьего монастыря поставлено тридцать виселиц четырехугольником, на коих 230 стрельцов повешены. Трое зачинщиков, подавших челобитную царевне Софье, повешены на стене монастыря под самыми окнами Софьиной кельи. Висевший посредине держал привязанную к мертвым руками челобитную...» [135, с. 255].

И здесь вновь воспеватель «чудесного гения», Алексей Толстой, несколько sluкавил. Челобитной-то никакой так и не нашли! Ведь именно по этой причине, о чем пробалтывается другой его восхвалитель — Костомаров:

«... троим из них, висевшим под самыми окнами, дали в руки бумаги в виде челобитных» [51, с. 617].

То есть они якобы поданную царевне челобитную должны были только лишь имитировать! Но была ли она вообще?!

Не может уклониться от упоминания вышеизложенных зверств и Соловьев — самый титулованный историк-западник, к Петру благосклонный ничуть не менее уже упомянутых авторов историй об истории. Он сообщает, опираясь на слишком хорошо всем известные источники, которые просто невозможно утаить, ввиду их общеизвестности, что у стрельцов:

«... ломаны руки и ноги колесами; и те колеса воткнуты были на Красной площади на колья; и те стрельцы, за их воровство, ломаны живые¹...» [125, с. 552].

Алексей Толстой продолжает:

««Его царское величество присутствовал при казни попов, участников мятежа. Двум из них палач перебил руки и ноги железным ломом, и затем они живыми были положены на колеса...»

«... царь велел всунуть бревна между бойницами московских стен. На каждом бревне повешено по два мятежника... Едва ли столь необыкновенный частокол ограждал какой-либо другой город, каковой изобразили собою стрельцы, перевешанные вокруг всей Москвы»» [135, с. 255–256].

Факт данной массовой казни подтверждает и Соловьев:

«...2 195 стрельцов повешено...» [125, с. 552].

Пусть такого количества стрельцов и не хватило бы Петру на его затею в полном своем объеме, но этого подтверждения маститого историка вполне достаточно, чтобы полностью опровергнуть уже к сегодняшнему дню нам навязанную новейшими историками версию о всего лишь сотнях казенных стрельцах. Но говорить надо о многих тысячах казенных или даже десятках тысяч.

««...27 октября... Эта казнь резко отличается от предыдущей. Она совершена различными способами и почти невероятными... Эта громадная казнь могла быть использована только потому, что все бояре, сенаторы царской думы, дьяки — по повелению царя — должны были взяться за работу палача. Мнительность его крайне обострена... Он придумал связать кровавой порукой всех бояр...»

Всю зиму были пытки и казни. В ответ вспыхивали мятежи в Архангельске, в Астрахани, на Дону и в Азове. Наполнялись застенки, и новые тысячи трупов раскачивала вьюга на московских стенах. Ужасом была охвачена вся страна» [135, с. 256].

«Целые пять месяцев трупы не убирались с мест казни, целые пять месяцев стрельцы держали свои челобитные перед окнами Софьи» [125, с. 552].

Заметим, чисто символические челобитные.

Таковы начала на все лады нам расхваленных петровских «преобразований»!

¹ *Записки Желябужского. С. 125–127 (Изд. Д. Языкова); с. 57–58 (Изд. И. Сахарова).*

Петр *преобразил* цитадель Православия в грандиознейшую и нигде до этого не виданную виселицу. Более чем двухкилометровые стены Кремля, включая и башни, имели не менее полутора тысяч бойниц! Между тем, имеются сведения и о повешенных на стенах Белого города. А ведь они протяженностью в десяток километров!

Всю зиму тела тысяч (!) (может быть, и десятков тысяч!) повешенных русских людей указывали на то страшное свершившееся обстоятельство, что *на русский трон возшел сын беззакония — сам антихрист*. И лишь к весне это ужасное «убранство» столицы было снято со стен!

И каково приходилось чиновникам иностранных посольств, при обязательных ими служебных посещениях центра столицы русских, можно только лишь гадать!

«Устроено было четырнадцать застенков... Признания до бывали пытками. Подсудимых сначала пороли кнутом до крови на виске (т.е. его привязывали к перекладине за связанные назад руки); если стрелец не давал желаемого ответа, его клали на раскаленные уголья. По свидетельству современников, в Преображенском селе ежедневно курилось до тридцати костров с угольями для поджаривания стрельцов. Сам царь с видимым удовольствием присутствовал при этих варварских истязаниях» [51, с. 615–616].

Из дневников Корба. 4 и 5 октября:

«Мятежников за упорное молчание подвергают пыткам неслыханной жестокости. Высеченных жесточайшим образом кнутами, их жарят на огне; опаленных секут снова, и после вторичного бичевания опять пускают в ход огонь... Царь... сам составляет допросные пункты, спрашивает виновных, доводит до сознания запирающихся, велит подвергать жестокой пытке особенно упорно хранящих молчание; с этой целью в Преображенском (месте этого в высшей степени строгого допроса) пылает ежедневно, как это может всякий видеть, по тридцати и более костров» [4, с. 81].

То есть Корб сообщает, что эти пыточные мероприятия Петр вовсе не собирался ни от кого скрывать. Но исключительно для устрашения выставил всем напоказ.

10 октября: «Царь сам покарал в Преображенском пять преступников...» [4, с. 82].

13 октября Корб сообщает, как было поступлено со стрельцами, каким-то чудом избежавшими смертной казни:

«... им были отрезаны носы и уши, и с этим вечным клеймом... они сосланы были в самые отдаленные из пограничных областей» [4, с. 82].

И все вышеописываемые ужасы у Петра прекрасно сочетались с веселыми пирушками.

14 октября: «Франц Яковлевич Лефорт отпраздновал день своих именин великолепнейшим пиршеством, которое почтил своим присутствием Царь...» [4, с. 83].

17 октября: «Ходил упорный слух, что его Царское Величество сегодня вторично чинил всенародную расправу над несколькими преступниками...» [4, с. 83].

18 октября: «Царь обедал у генерала Лефорта» [4, с. 83].

20–21 октября: «Снова вокруг белой городской стены у каждых ворот ея были повешены двести тридцать преступников...» [4, с. 83].

22–23 октября: «... Вторично несколько сот мятежников повешены у белой Московской стены...» [4, с. 83].

26 октября: «Когда пробило десять часов, его Царское Величество приехал в тележке (rheda) на роскошно устроенный пир... В общем с лица его Царского Величества не сходило самое веселое выражение, что являлось признаком его внутреннего удовольствия» [4, с. 83].

И вот в чем обычно это самое его *удовольствие* выражалось.

27 октября: «... две постельницы зарыты живыми в землю... Все Бояре и Вельможи, присутствовавшие на совещании, на котором решено было бороться с мятежными Стрельцами, были призваны сегодня к новому судилищу: перед каждым из них было поставлено по одному осужденному, и всякому нужно было привести в исполнение топором произнесенный им приговор. Князь Ромодановский, бывший до мятежа Начальник четырех полков, по настоянию его Величества поверг на землю одним и тем же лезвием четырех Стрельцов; более жестокий Алексашка хвастался, что отрубил двадцать голов...

...Сам царь, сидя в кресле, смотрит с сухими глазами на всю эту столь ужасную трагедию и избивание стольких людей, негодуя на одно то, что очень многие из Бояр приступали к этой непристойной обязанности с дрожащими руками» [4, с. 83–84].

13 февраля: «День этот омрачен казнью двухсот человек... все преступники были обезглавлены... все они подходили один за другим, не выражая на лице никакой скорби или ужаса пред

грозящей им смертью... Одного вплоть до самой плахи провозжали жена и дети с громкими, ужасными воплями. Готовясь лечь на плаху, он вместо последнего прощания отдал жене и малым деткам рукавицы и платок, который у него оставался... По окончанию расправы его Царскому Величеству угодно было отобедать у генерала Гордона...» [4, с. 84].

3—4 марта: «Послы Датский и Бранденбургский много пили с Генералом Лефортом под открытым небом, пользуясь приятным вечером» [4, с. 85].

11 марта: «Начали предавать погребению тела убитых преступников. Зрелище это было ужасно и необычно у более образованных народов [тут он врет: об обычаях «образованных народов» см. выше — А. М.], а пожалуй даже и отвратительно. Тела лежали во множестве на повозках, в беспорядке и без разбору; многие были полуобнажены; везли их к могильным ямам, как заколотый скот на рынок» [4, с. 85].

Таково содержание дневников Корба, открывших всему миру истинную личину «преобразователя», в ХХI веке напомнившего о себе появлением в клубах дыма горящих американских небоскребов.

А вот что записал секретарь цезарского посольства о весьма рискованном самовольном посещении пыточных казематов Преображенского застенка чиновниками датского посольства, весьма наивно считавшими себя находящимися под юридической защитой дипломатической неприкосновенности:

«Они обходили разные темничные помещения, направляясь туда, где жесточайшие крики указывали место наиболее грустной трагедии... Уже они успели осмотреть, содрогаясь от ужаса, три избы, где на полу и даже в сенях виднелись лужи крови, когда крики, раздирательнее прежних, и необыкновенно болезненные стоны возбудили в них желание взглянуть на ужасы, совершающиеся в четвертой избе.

Но лишь вошли туда, как в страхе поспешили вон, ибо наткнулись на царя... Царь, стоявший перед голым, подвешенным к потолку человеком, обернулся к вошедшим, видимо, крайне недовольный, что иностранцы застали его при таком занятии... в погоню за ними пустился офицер, намереваясь обскákat и остановить их лошадь. Но сила была на стороне чиновников — их было много... Впоследствии я узнал

фамилию этого офицера — Алексашка, царский любимец и очень опасен...» [135, с. 254].

И не спасла бы их никакая дипломатическая неприкосновенность, окажись на тот момент под рукой у Меншикова пара-тройка конных солдат. Его хозяин не желал раскрывать перед миром свою явно нечеловеческую внутреннюю личину антихриста (еще рановато было). Но это вовсе не удивительно: все революционеры, а в особенности в началах своих дел «славных», желают убедить мир в благости намерений. Ужасаются пусть потом, когда, вдруг проснувшись от навеянного «преобразователями» легкого бриза некоей лишь видимости свободы, неожиданно увидят себя связанными по рукам и по ногам, в застенке и с кляпом во рту...

А вообще-то странно это все: почему сразу столько человек, несколько тысяч одновременно, явно не сговариваясь между собой (да кто б им и дал), так отчаянно противостояли бесчеловечным пыткам столь воспетого историками нами скрупулезно разбираемого «по косточкам» этого супостата — в их интерпретации «дивного гения»?

«Пришествие антихриста ожидалось в 1666 году, а когда оно не исполнилось, стали считать 1666 не от рождения Христа, а от Его Воскресения, то есть в 1699 году [1666+33=1699— *А. М.*] За несколько дней до наступления этого года... Петр вернулся из своего заграничного путешествия [в те времена новый год наступал с 1 сентября — *А. М.*]...» [14, с. 176].

И вот когда началась эта грандиозная расправа, сопровождаемая, между тем, насильственным бритьем бород, что для русского человека, который тем лишался *образа и подобия Божия*, теряя право на Жизнь Вечную, было равносильно добровольному отказу от Царства Небесного, всем стало вдруг ясно, что Петр — это и есть антихрист. Потому сопротивление Петру для русского человека приняло характер борьбы за веру, наступившей в последние апокалипсические дни. И здесь стойкость его оказалась просто потрясающей: хрустели выламываемые суставы, трещали разрываемые на дыбе хрящи и сухожилия, ломались кости, лопалась под страшными ударами кнута прорванная кожа, разрывались ткани тела и брызгала из рваных ран святая мученическая русская кровь. Но доносов друг на друга, чем впоследствии

в 30-х годах XX века стали столь знамениты подвалы Лубянки, от настоящего русского, то есть православного человека, царь-антихрист так и не услышал.

Может исключительно лишь потому, что русский человек антихристу не покорился, конец света в те мрачные времена так и не наступил?!

Финансовая политика

Петру на все требовались деньги: на содержание огромной полицейской армии, на увеселительные мероприятия, «стройки века» и т. д., и т. п. И вот какие новшества в области налогообложения для этой цели он изобрел:

«... учреждается Монастырский приказ, контролирующий церковное имущество. Как итог деятельности только этого приказа — с 1701 по 1710 годы государство получило дополнительный доход более миллиона рублей» [43, с. 210].

Корова стоила 1,5 рубля. Таким образом, это будет ровно: 666 666 коров. Что-то сильно напоминающая цифра...

Помимо того налоги были введены по следующим пунктам:

1. «Орленая» бумага (все официальные документы, от договоров по мелким сделкам до прошений в гос. учреждениях, должны были подаваться на гербовой бумаге).

2. Сбор на рождение (родился ребенок — плати).

3. Сбор на похороны (помер близкий — плати).

4. Сбор на заключение брака.

5. Сбор на составление завещания.

6. Налог на пшеницу.

7. Налог на свечи.

8. Налог с владельца лошади.

9. Налог на конскую шкуру (сдох у тебя конь, ободрал ты его — плати).

10. Налог на конские хомуты.

11. Налог на упряжные дуги.

12. Налог на ношение бороды.

13. Отдельный налог на ношение усов.

14. Каждый десятый поросенок от каждой свиньи должен сдаваться в казну.

15. Налог на домовладение (в Москве).

16. Налог на ульи (по всей России).

17. Сбор с покупки кровати.

18. Банный сбор (с каждой баньки).

19. Мельничный сбор и сбор с владельца постоялого двора.

20. Трубный сбор (есть у тебя печь с трубой — плати) [вот откуда берет начало проевшая нам сегодня всю плешь черная хата!!! — А. М.].

21. Сбор с дров, купленных для собственного употребления.
22. Налог на орехи (купил орехи, а в их цену включен и налог).
23. Налог на арбузы.
24. Налог на огурцы.
25. Налог на питьевую воду.
26. Налог на продажу лошадей.
27. Налог на частные рыбные ловли.
28. Налог на покупку гробов.

Кроме того, источником вышибания денег стали так называемые казенные монополии на тот или иной продукт или товар, над производством или продажей которого государство осуществляло контроль и по своему усмотрению регулировало на него цену. В этот перечень входили: все виды спиртного, смола, деготь, рыба, рыбий жир, масло, мел, ворвань, поташ, ревень, свиная щетина, сибирские меха, шахматы, игральные карты, лен, табак, соль (что до соли, ее указом от 1705 г. предписывалось продавать со стопроцентной «накруткой», и люди, которым не по силам было платить бешеные деньги, из-за отсутствия соли болели и умирали).

Однако и этого не хватало, чтобы прокормить государственных монстров, отрицавших все нормальные законы экономики, грянуло невиданное в России новшество — подушная подать, как и многие иные нововведения Петра, позаимствованная во Франции. Вместо принятой раньше податной единицы, «двора», отныне брали с каждой живой души — от младенцев до стариков. Эту систему отменил лишь в 1887 г. Александр III...

Петр тем не менее не достиг в увлекательном деле измышления все новых податей подлинных высот. Во время Отечественной войны немецкие оккупанты в Белоруссии брали налог за каждое окно в избе, а также налог на собак и кошек. В свое время Петр отчего-то не обратил внимания на столь заманчивые статьи доходов, и, слава Богу, не исключено, что в этом случае на Руси вовсе перевелись бы собаки и кошки [но сначала перевелись бы люди — А. М.] ...

Стоит еще добавить, что попутно сдирали колокола с церквей, дабы переплавить их на пушки, забривали в солдаты монахов...

Подобное налоговое ярмо требовало драконовских мер для его выполнения, а потому по всей стране были расквартированы войска, которые и взяли на себя функцию сборщика налогов.

Выглядело это так. Была произведена «раскладка полков на землю», и по всей стране разместили воинские части, которые население обязалось взять на полное содержание. Денежки должен был вышибать особый комиссар, избравшийся из дворян данной губернии. Полк, разместившийся в конкретной местности, не только жил за ее счет, но и брал на себя массу полицейских функций...

Тяжелее всего приходилось при сборах подушной подати, которую собирали земские комиссары с прикомандированными к ним воинскими отрядами. «Каждый объезд продолжался два месяца; шесть месяцев в году села и деревни жили в паническом страхе под гнетом или в ожидании вооруженных сборщиков».

В Казанской губернии менее чем через два года этакого военно-финансового хозяйствования полк не досчитался при очередной ревизии 13000 душ — более половины всех числившихся по бумагам налогоплательщиков. Народишко попросту разбежался...» [15, с. 377–380].

Вот какова была цена лишь одного из всех перечисленных взиманий финансовых средств с русского человека. На людей, не пожелавших расстаться со своей бородой:

«... указ о брадобритии, выпущенный Петром после возвращения из Голландии... предусматривал откуп — 100 рублей в год с купцов, 60 рублей с бояр, 30 рублей с прочих граждан» [14, с. 146].

А ведь это очень большие деньги. Мало того, грабеж граждан, упрямо остающихся непреклонными, продолжался до тех самых пор, пока они не ломались и не становились в строй к царю-антихристу.

Но как такие сумасшедшие деньги мог набрать простой крестьянин?!

Так от него, понимая что это бесполезно, брадобрития особо и не требовали:

«... крестьяне платили сумму совершенно несопоставимую: всего 1 копейку при въезде в город и при выезде оттуда. А в деревнях... на бороды никто не покушался» [14, с. 146].

Так что зря нам сегодня пытаются внушить, что непреклонно остались в вере отцов исключительно лишь старoverы, единственные якобы в ту пору носители бород. Сбрил свои бороды, что выясняется, выделившись из среды русского народа, обасурманившись, лишь правящий класс:

«... смена одежды и брадобритие касалось от силы 3 % населения» [14, с. 146].

Исключительно лишь эту прослойку общества тогда заставили и переодеться:

«... подвергалось пени русское платье. У городских ворот приставленные целовальники брали за него с пешего по 13 алтын 2 деньги, с конного по 2 рубля» [51, с. 650].

Много это или мало?

Этими драконовскими мерами у конного, не желающего превращать себя в ряженого клоуна, практически отбирали его лошадь! Вот что грозило русскому человеку за нежелание попугайствовать за границе. Потому естественно, что правящее сословие, не желая постоянно подвергаться таким грабёжам, постепенно переделось по требуемой Петром моде. Но отступление в малом всегда порождает отступление и в большом:

«После Петра служилые верхи и податные низы понимают друг друга все хуже. У них складываются разные системы ценностей и представления о жизни, и они все чаще осознают друг друга как представителей едва ли не разных народов» [14, с. 147].

Так и была Петром поделена Россия на два враждебно друг к другу настроенных лагеря. Одним из них стала обриту, переодетая и переобученная в инородчину некая наднациональность, состоящая из правящего страной сословия. Их интересы защищала так же переодетая и так же обриту армия. Всех их объединяло и еще одно свойство: отречение от веры отцов, что, собственно, и являлось стержнем произведенного Петром реформирования. И вся энергия раскручиваемого маховика этой пресловутой «России молодой» была направлена на подавление исконной веры русских, а так же на подавление всех, этому противящихся.

Потому население страны, чтобы отбить у него охоту к сопротивлению, для начала требовалось обобрать до нитки: голодный человек, что прекрасно известно все смуты затевающим «мудрецам», просто обречен на поражение при любом даже самом отчаянном сопротивлении. Ведь большевики именно так и поступили с захваченным ими населением огромной страны. Но большевики не являются первооткрывателями в данной области. Все это прекрасно знал еще Петр. Чем и занялся, учреждая просто кабальную систему налогообложения: даже монгольские

баскаки не могли бы похвастаться тем разором, который принесла его экономическая политика. И это все потому, что:

«Прежде Петра никто не додумался до оккупации *собственной страны*...

...Петровская армия вела себя в России, словно в завоеванной...» [15, с. 380–381].

Но кроме полицейской армии, буквально оккупировавшей страну, были и иного рода дармоеды, которые терзали отданные им территории с проживающими на них людьми уже на свой лад:

«Царские чиновники под предлогом сбора казенного дохода притесняли и мучили жителей, пользовались случаем брать с них лишнее: удобным средством для этого служил праваж. Со своей стороны ожесточенные жители открыто сопротивлялись царским указам, собирались толпами, били дубьем чиновников и солдат» [51, с. 650].

««Платежом подушных денег земские комиссары и офицеры так притесняют, что крестьяне не только пожитки и скот распродавать принуждены, но многие и в земле посеянный хлеб отдают и оттого необходимо принуждены бегать за чужие границы»...

В начале XX столетия П. Н. Милюков, изучив петровские архивы, пришел к страшным выводам: уже к 1710 г. *податное население* (т. е. за вычетом дворянства, высшего духовенства и купечества — *А. Б.*) уменьшилось на одну пятую. Конечно, в это число входят и беглые, но все равно, не менее пятнадцати процентов податного населения России *погибло*...» [15, с. 383].

А так как подать в те времена собирали исключительно с мужчин, то здесь следует все-таки заметить, что в Великую Отечественную войну, когда наша страна потеряла убитыми на фронте 10 % своих мужчин, урон населением России был понесен все-таки меньший. Однако ж это было той «славных дел» эпохи только лишь начало...

«Рекрут приводили в города скованными и держали, как преступников, долгое время по тюрьмам и острогам... пропитание им давали самое скудное, от этого между ними свирепствовали болезни, и многие безвременно умирали на дороге без церковного покаяния; другие же, от всевозможных лишений потеряв терпение, разбегались...» [51, с. 680].

«Всякая казенная служба омерзела в глазах русского народа... в начале 1715 года убежавших со станции из Москвы и с дороги было до двадцати тысяч» [51, с. 680].

«... рекруты беспрестанно убегали со службы. Чтоб предупредить побег, их обязывали круговою порукою, грозили ссылкой за побег рекрута его родителям... Но побег от этого не прекращались... Села пустели от многих поборов, беглецы собирались в разбойничьи шайки, состоявшие большею частью из беглых солдат. Они нападали на владельческие усадьбы... грабили и сожигали их...

...Города Псков, Торжок, Кашин, Ярославль и другие дошли до такого разорения, что современники находили едва возможным поправиться им в течение пятидесяти лет. Много народа вымирало, много разбегалось. В 1711 году насчитывалось в этом крае 89 086 пустых дворов» [51, с. 664].

«В Казанской губернии один из полков недосчитался всего за 2 года половины тех, кто должен был их содержать: «ушли в бега» больше 13 тысяч душ» [14, с. 129].

«Народ постоянно всеми способами убегал от службы, и царь издавал один за другим строгие указы для преследования беглых... Но беглых солдат было так много, что не было возможности всех казнить, и было принято за правило из трех пойманных, одного повесить, а двух бить кнутом и сослать на каторгу. С не меньшей суровостью преследовали беглых крестьян и людей. Передерживавшие беглых такого рода подвергались смертной казни. Беглецы составляли разбойничьи шайки и занимались воровством и грабежом. Принято было за правило казнить из пойманных беглых крестьян и холопов только тех, которые уличены будут в убийстве и разбое, а других наказывать кнутами, налагать клейма, *вырезывать ноздри*. Последний способ казни был особенно любим Петром. В его бумагах остались собственноручные заметки о том, чтобы инструмент для вырезывания ноздрей устроить так, чтоб он *вырывал мясо до костей*» [51, с. 651].

То есть уродовать и мучить людей для этого монстра являлось самой приятнейшей из забав. Что подтверждено, как здесь сообщает Костомаров, даже документально.

«Неудовольствие было повсеместное, везде слышался ропот, но везде бродили шпионы, наушники, подглядывали, подслушивали

и доносили. За одно неосторожное слово людей хватали, тащили в Преображенский приказ (Преображенский приказ ведал политическим сыском), подвергали неслыханным мукам» [51, с. 651].

«Невыносимые поборы и жестокие истязания, которые повсюду совершались над народом при взимании налогов и повинностей, приводили народ в ожесточение. Народ бежал на Дон и в украинные земли, по рекам Бузулуку, Медведице, Битюгу, Хопру, Донцу завелись так называемые верховые казачьи городки, населенные сплошь беглецами» [51, с. 653].

Но и не только Украины принимали покидающее Россию население:

«Народ толпами уходил за границу, и по указу 26 июня 1723 года устроены были по границе заставы. Польскому правительству написано было, чтоб оно, со своей стороны, назначило комиссаров для поимки и отсылки в Россию бежавшего в Польшу русского народа. Расставленные на границах драгунские полки не могли сладить с беглыми, которые уходили за рубеж с ружьями, рогатинами и, встречая на рубеже драгун, готовы были биться с ними, как с неприятелями; другие же толпами успевали пройти мимо застав» [51, с. 749].

К тем же, кто не успевал убежать, применялись следующие меры воздействия:

«Неоплатных казенных должников с 1718 года стали отправлять с женами и детьми в Петербург в адмиралтейство, оттуда годных мужчин рассылали на галерные работы, а женщин — в прядильные дома, детей же и стариков — на сообразную с их силами работу, все они должны были отрабатывать свой долг казне... Их кормили наравне с каторжниками... Случалось, однако, что таких отрабатывающих свои долги удерживали и после срока...» [51, с. 683].

Однако же, думается, при бытовавших тогда отношениях Петра к скованным по рукам и ногам людям, таких на момент окончания отработки задолженности оказывалось уж слишком немного...

Так что все нам расписанные «преобразования» «преобразователя» ни чем иным как самым настоящим *геноцидом* именовать просто нельзя.

При подобных поборах русскому человеку, чтобы не умереть от голода, приходилось убирать дымовыводящую трубу и жить в грязи, саже и дышать угарным газом, ломать свои собственные

бани, прекращать высаживать огурцы. Даже для покупки гробов для умерших своих близких от такой страшной жизни денег не всегда можно было найти.

А нас всегда попрекали этой самой топящейся по-черному хатой! Так вот откуда она вообще берет свое начало — с петровского ограбления русского человека непосильными поборами, когда следовало выбирать между грязью и смертью. И, выбирая жизнь, русский человек переходил на топку избы *по-черному*...

Но этот временно используемый вынужденный прием, направленный против голодной смерти своего семейства, ввиду полной невозможности выплаты еще и этого налога, теперь вменен нам в якобы извечную нашу чуть ли ни врожденную чуждость! И окажись Петр чуть расторопнее фашистов, нашим обогателям можно было бы уже сочинять саги о том, что русские-де и окон-то в своих избах не прорубают.

Однако ж для выживания от спустившегося бремени налогов пришлось бы не только рубить себе избы-чуланы западного образца, но заколачивать уже имеющиеся окна.

Вот где лицо этой самой их западной цивилизации! Вся их чуждость отталкивается от привычки сидеть в грязи и в потемках. И если они видят, что есть люди, которые распознают в этих варварах грязных неандертальцев, то у них тут же вспыхивает острое желание этих людей приравнять к себе: запретить бани, печные трубы, окна и т. д.

А суммы из России вышибались Петром поистине астрономические. Не мог русский человек сидеть в грязи — за то и расплачивался своей кровью.

И вот еще какой особенностью перед всеми иными монархами Европы выделялся Петр: пятки его шерстяных носков, явно напоказ, всегда были кем-то старательно заштопаны. Это могло внушать окружающим мысль о бережливости с его стороны, явно, как выясняется, мифологической.

Эта чисто пропагандистская, весьма топорная с его стороны фальшивая уловка просто смешна: один только Меншиков в одни только английские банки упрятал целый годовой бюджет огромной страны! Да и сам Петр никак не меньше вбухал в одно только лишь свое первое путешествие по заграницам, когда «делам» этим своим, впоследствии столь поимевшим *славу*, причем достаточно *дурную*, у него в Саардаме было положено начало

в койке с горничной. Да и дипломов он там себе фальшивых с десяток прикупил, да бражничал, да кутил...

Так что просадил он тогда, всего за одну свою поездку, тоже будь здоров: отнюдь не менее, нежели Меншиков за всю свою жизнь уложил в английские банки!

А сколько транжирили «птенцы», разворовывающие страну за его спиной?

Зато пятки у копеечных носков их хозяина сверкали латками всем напоказ...

А для того, чтобы «птенчикам» было что воровать, нужно было откуда-то все же изыскивать средства. Тому и способствовала проводимая Петром *финансовая политика*.

«... почти всегда она откровенно отвратительна...

...Вместо того чтобы изыскивать способы увеличить производительность тех источников дохода, которые уже существуют и соответствуют производительным силам страны, он выбирает политику финансового вымогательства, облагая наудачу все, что кажется ему подлежащим обложению... с 1678 года, со времени последней переписи, число подлежащих обложению имуществ сократилось на одну пятую. На севере потеря доходит до 40 %» [16, с. 504–507].

То есть политика Петра по отношению к своим подданным была столь бесчеловечна, что введенный им впоследствии еще и подушный налог, когда каждая вновь рожденная душа уже с пеленок подвергалась поборам, не стал каким-то особым нововведением этого страшного человекообразного существа, развернувшего геноцид русского народа еще задолго до своих коммунистических последователей. И точно так же, как его последователи отдали власть в нашей стране потомкам Ханаана, Петр отдал ее созванным со всех концов света инородцам. А от того ненависть русского человека к иноземцам столь возросла, что любая даже самая стихийная случайность могла стоять этим пирующим на нашей крови инородным пиявкам жизни.

Может, потому Петр и учредил строительство своей синтетической, инородной русской державе столицы в местах исконного обитания «шушеры чухонской» — подальше от пределов исконного проживания русского человека? Ведь сосавшие из нас кровь иностранцы и полуиностранцы очень сильно рисковали своим здоровьем. А потому:

«В момент смерти Петра дипломатический корпус считал опасным положение свое и всех живших в Петербурге иностранцев, так как можно было опасаться насилий со стороны черни, умиравшей с голода... (Депеша Кампродона от 6 февраля 1725 г.)» [16, с. 510].

Но и еще за три года до этого обстановка в окрестностях столицы выглядела слишком накалившейся, чтобы иностранцы могли не опасаться за свою жизнь:

«... голод и побегии приводили к размножению разбоев. Летом 1722 года дошло до царя, что на Оке и на Волге разбойники убивают хозяев, грабят товары, а наемные работники на купеческих судах не только не обороняют своих хозяев, но еще сами подговаривают разбойников. Около самого Петербурга не было проезда за разбойничьими шайками; а одна из этих шайек, доходившая, как говорят, до 9000, под командою отставного полковника помышляла напасть на столицу, сжечь адмиралтейство и все военные склады и перебить всех иностранцев» [51, с. 750].

И очень жаль, что в город-кровосос все же не нагрянул тот отставной полковник и не раздавил этот созданный Петром нарыв, который гнил затем еще очень долго, вплоть до большевистской революции.

А может, и есть в том какой-то высшего порядка смысл, что вся эта распложенная «преобразователем», жирующая на нашем горе орава дармоедов в конце концов сама же себя в 1917 году, словно Иуда к петле, приговорила к смерти? Поистине: как аукнется, так и откликнется.

«... ближайшим результатом реформы было устройство выгодных мест, из-за которых ссорились любимцы государя, которыми они торгуют и дорого оплаченное получение которых побуждает должностных лиц возмещать расходы за счет подчиненных. Если на них донесут, что редко случается, так как торговцы эти держатся настороже, то они выходят из затруднений по-турецки, предлагая господину долю взятки. Принятая Петром система стремится сделать из губернаторов что-то вроде откупщиков податей (*fermiers genegaux*), с почти неограниченной властью для добывания средств, из которых взималась требовавшаяся огромная военная контрибуция» [16, с. 518].

«... число бродяг все росло. Это было следствием общих условий, слишком тяжелых, слишком жестоких... карали за подачу

милостыни штрафом и присуждали к кнуту... В 1719 году за это преступление ежедневно наказывали кнутом¹... Это очевидное доказательство, что средство было недействительно» [16, с. 526–527].

И тут Валишевский прав. Вот если бы за это расстреливали, четвертовали или вешали, как за вязанку хвороста, что Петром было введено в окрестностях строящегося его детища — города-монстра, то, может быть, число желающих не дать доведенным до нищеты антирусской властью людям умереть с голоду несколько и поубавилось бы...

Эта наша неспособность к черствости сердца, которая ни первому к нам пожаловавшему антихристу, ни даже его двухсотлетней давности последователю не позволила из народа-богоносца сконструировать вырожденческую богоборческую нацию — и есть наша столь непробиваемая защита, которая и составляет основную часть менталитета истинно русского человека.

Да что там кнут! Даже под страхом смерти не помочь умирающему от голода человеку мы так никогда и не сможем. Об этом Петр, в силу его полностью противоположного нашему менталитета, не мог и догадываться. Такого чувства у него в природе заложено не было. Он не являлся человеком. Он был зверем. И это еще раз подтверждает лишь только тот факт, что он не имел обычно присущей его приятелям-королям страсти к охоте на зверей.

Но пристрастие к утехам с кровавыми последствиями он все же имел. Это была тоже охота. Только несколько иного свойства — *охота на людей*.

«В марте 1711 г. Петр сделал доносительство *официальной* государственной службой. Было создано особое ведомство из чиновников-доносчиков, названных фискалами, состоявшее из пятисот человек, а во главе их стоял обер-фискал, в чью задачу входило «выведывать случаи злоупотребления и доносить на виновных Сенату, невзирая на чины и звания».

Доносительство стало *профессией* — даже большевики этого повторять не стали, держа своих многочисленных стукачей «за штатом»...» [15, с. 390–391].

И эта профессия, на Руси до того времени совершенно невиданная, приносила немалый доход:

¹ Костомаров, *История России*, т. II, с. 629

«... в случае правильности доноса половина штрафа шла в пользу фискала, в случае же, если донос оказывался ложным, предписывалось фискалу «в вину того не ставить»» [15, с. 391].

То есть обливаться грязью им было разрешено кого заблагодарасудится. Однако ж если компромат имелся слишком достоверный, то более выгодно было его запродать самому обвиняемому и разойтись с ним по-турецки.

Но одними фискальными службами законодательство Петра не ограничивалось:

«Поняв наконец что с казнокрадством и взяточничеством (вызванными к жизни его же реформами) обычными средствами не справиться, Петр создал особые комиссии по расследованию. Каждая состояла из гвардейских офицеров — майора, капитана, поручика, которым было приказано рассматривать дела и вершить суд не по закону, а «согласно здравому смыслу и справедливости».

Известно, что творится, когда огромные полномочия получают люди, каждый из которых имеет *свой* здравый смысл и по-разному понимает справедливость... Брауншвейгский посланник Вебер писал: «... члены почтенного Сената, куда входили главы знатнейших родов из всех царских владений, были обязаны являться к какому-то лейтенанту, который судил их и требовал от них отчета».

...эти самые гвардейские офицеры сплошь и рядом совершенно не разбирались в сложных делах, которые им предстояло решать «по справедливости». Об их поведении наглядный пример дает жалоба фельдмаршала Шереметева, к которому неожиданно-негаданно оказался приставленным гвардии сержант Щепотьев. И не просто согладатаем — Щепотьев привез с собой адресованную фельдмаршалу царскую инструкцию, где говорилось, что Щепотьеву «велено быть при вас некоторое время, и что он вам будет доносить, извольте чинить». Другими словами, фельдмаршалу предлагалось следовать приказам сержанта.

Сохранились письма Шереметева своему свату Головину. В одном он жалуется: «Он, Михайло (Щепотьев — *А. Б.*), говорил во весь народ, что послан он за мною смотреть и что станет доносить (приказывать — *А. Б.*), чтоб я во всем его слушал». Строчки из второго письма: «Если мне здесь прожить, прошу, чтоб Михайло Щепотьева от меня взять... непрестанно пьян. Боюсь, чево б надо мной не учинил; ракеты денно и ночью пускает, опасно, чтоб города не выжег». Судя по сочувственному

ответу Головина, репутация Щепотьева была всем известна — как самая незавидная.

Если так поступали с фельдмаршалом, одним из любимцев Петра... легко представить, как куражились над менее высокопоставленными чинами облеченные высочайшим доверием гвардейцы. Даже на заседаниях Сената, считавшегося высшим правительственным учреждением, постоянно присутствовал гвардейский офицер, чтобы своей властью отправлять в крепость тех, кто на заседании станет вести себя «неподобающе и неблагопристойно» [15, с. 389–390]. На что такое похоже?

Так это же «святая» фем! Но лишь с тем маленьким отличием, что у немцев ее суды вершились под покровом таинственности, а Петр выволок ее из подземелий аж в Сенат!

Каково чувствовалось себе самим сенаторам, вроде бы как всей огромнейшей страны владыкам, если над шеей каждого из них постоянно нависало лезвие петровской гильотины в виде приставленного к их заседаниям какого-то полупьяного капрала-выдвиженца, и что на уме у него — вряд ли кто мог даже приблизительно определить.

Так что при Петре вообще никто во всей стране не мог чувствовать себя в безопасности: награбленный капитал, при возникновении неурядиц с соглядатаями, конечно же, помочь мог. Но ведь мог и не помочь!

А полномочия у этих посланцев, выбранных Петром, не имели никаких пределов:

«Посланным в провинцию гвардейцам предписывалось «губернаторам непрестанно докучать», чтобы они неотложно исполняли царские требования, в противном случае гвардейцы должны были «как губернаторов, так и вице-губернаторов и прочих подчиненных сковать за ноги и на шею положить цепь, и по то время не освобождать, пока они не изготоят ведомости (отчетность — А. Б.)». В 1723 г. в Твери за волокиту со сбором налогов тверского воеводу вкупе с прочим высшим начальством долго держали в оковах по распоряжению гвардейского *рядового* солдата, нагрянувшего из Петербурга. *Солдат* Преображенского полка Пустошкин посадил на цепь московского вице-губернатора Воейкова, имевшего чин бригадира (средний меж полковником и генералом) — а вдобавок чуть ли не всю губернаторскую канцелярию» [15, с. 390].

Если в центральных губерниях за недостаточное разорение русского человека рядовые уполномоченные от Петра генералов на цепь саживали, в попытке заставить их под страхом смерти выколотить из своего народа последние крохи, то что можно говорить о глухой провинции?

Потому там, чтобы не погибнуть с голоду, сидя все на той же цепи, русский человек стремился сбежать в лес, за границу, в горы — подальше от нагрянувшего на Святую Русь супостата, узаконившего полное разграбление и уничтожение русского человека на всех просторах огромной страны. И это касалось вообще всех, невзирая на чины и звания. То есть полная аналогия кровавого большевистского режима, когда в считанные недели редели целые кварталы с проживающими в них вроде бы и обласканными властью партработниками. И вчерашних палачей сегодня не спасали их бывшие революционные заслуги. Просто после выполнения ими своей иудинной миссии пришла теперь и их очередь быть закланными на жертвеннике дорвавшегося до власти антихриста, который без человеческой крови обходиться просто не умеет.

Так что вся финансовая система Петра — Ленина основывается исключительно на уничтожении попавшего в ее тиски человека. То есть всеми этими «враждебными вихрями» всегда руководит отнюдь не глупость, способная обогащать или карать Меншиковых, Шустовых и им подобных, но расчетливая жестокость, основанная на массовом уничтожении людей, где Меншиковы и Шустовы являются лишь исполнителями, временно оказавшимися в фаворе. Назавтра их все равно поджидает иудина петля: закон любой революции — «каждая революция пожирает своих детей» — не оставляет ее участникам никаких шансов. Они лишь исполнители звериной воли своих владык и, отслужив свой час в качестве халифа, каждый из них из палача обязан превратиться в жертву. Так что участь массово расстреливаемых в 1938-м комиссаров Ленина предваряет участь комиссаров Петра, которых от уничтожения, судя по всему, спасла лишь скоропостижная смерть своего сюзерена.

И вот какую кошмарную резервацию представляла по тем временам вздернутая Петром на дыбу страна, разворовываемая и умерщвляемая теперь еще и его «птенчиками» — наследниками «дел»:

««Помещиков и старост, — пишет историк Болотин (1735–1792), — отвозили в город, где их содержали многие месяцы в тюрьме, из коих большая часть с голоду, а паче от тесноты, померли. По деревням повсюду слышен был стук ударений палочных по ногам, крик сих мучимых, вопли и плач жен и детей, голодом и жалостию томимых. В городах бряцание кандалов, жалобные гласы колодников, просящих милостыню от проходящих, воздух наполняли». В стране был голод, свирепствовали повальные болезни, неистовствовала Тайная канцелярия, творившая суд и расправу по бесчисленным наветам. Подымали «на дыбу», били кнутом, рвали ноздри и вырезали языки у вовсе неповинных людей» [75, с. 120–121].

А вся эта некая «система общежития», прекрасно известная нам по прошедшим перед нашими глазами образцам военного коммунизма и фашизма, чье исполнение на практике было прекрасно осуществлено Робеспьером и Лениным, Гитлером и Пол Потом, имеет достаточно лаконичное название: *геноцид*.

И Петр, чисто физически, уничтоживший половину мужского населения вверенной ему страны, драконовскими законами оставшуюся часть русских людей отодвинув за грань выживания, не просто прекрасно вписывается в вышеперечисленный список и даже не просто находится во главе его, но, показавшись в клубах дыма от американских небоскребов, указывает на занимаемое своею персоною в этом списке совершенно обособленное главенствующее место.

И даже если Петр умер, то совершенно напрасно некоторые полагают, что его больше нет: «... как и полагается сатанинскому существу, Петр до конца не умер после своей физической смерти. Петр — единственный... после смерти окончательно превратившийся в беса» [14, с. 180]. Как и Ленин, который, оставаясь в своем мавзолее, все еще тянет нашу страну в бездну, на которую ему указал Петр.

Загадки родословной

Но почему же все-таки столь не соответствовала петровская ментальность русской? Почему привычки инородца, откуда-то вдруг появившиеся в его генах, столь смахивают на цыганку, взятую из детдома на воспитание, которая, чуть выучившись стоять на ногах, уже идет на промысел, сидящий у нее в крови?

И внешностью Петр на своих русских предков совершенно не походил. В чем здесь загадка?

Пробуем разобраться. Вот что о его происхождении сообщают тайные дознания Преображенского приказа:

«Какой он нам, христианам, государь? Он не государь, латыш: поста никогда не имеет; он льстец, антихрист, рожден от нечистой девицы, писано о нем именно в книге Валаамских чудотворцев, и что он головою запрометывает и ногою запинаясь, и что его нечистый дух ломает... (Дела Преобр. прик. 1705 года (ЦГА-ДА ф.371, Преображенский приказ, 1705 г., д.328, л.1–13; д.305, л.1–9; д.293, л.1–34; 1706 г., д.452, л. 1–12.))» [124, с. 99].

«Старец Александр передает убеждение очень многих священников и крестьян, что Петр родился от «нечистой девицы»¹» [14, с. 83].

А вот как темная родословная Петра засвечивается в изложении Костомарова:

««Что это за царь? « — восклицал на допросе в 1698 году один из арестованных. — «Это — турок! Он в среду и в пятницу ест говядину... Жену заточил, с иноземкой живет!.. Невозможно, чтобы человек этот, для которого нет ничего святого в том, чем живет и во что верит вот уже сотни лет Святая Русь, рожден был от русских родителей. Он, наверно, сын немца. Это сын Лефорта и немки, им подменили в колыбели дитя Алексея и Натальи»²» [16, с. 546].

Такое вот мнение в пыточных застенках высказывает перед своей мученической смертью русский человек. Ему уже теперь терять нечего, и он высказывает все то, что накопилось в душе народной о действительном происхождении этого царя, даже на внешний вид слишком мало чего общего имеющего с русским человеком.

¹ Соловьев С. М. *История России с древнейших времен. Книга VIII.* М., 1962. С. 102.

² Костомаров, *Этюд в русской старине 1875, т. VII.*

Валишевский, очень серьезно покопавшийся в «грязном белье» Петра, сообщает, что бороденка у этого не похожего на русского человека царя, куцехвостая, словно у мулата, была:

«... очень редка...» [16, с. 175].

А ведь бороды не имеют или чистокровные монголоиды, например — калмыки, или чистокровные негры.

Потому Петр, думается, чтобы спрятать от людских глаз эту свою явную от русского человека отличительную особенность, сбрил ее. Но чтобы не выглядеть при этом белой вороной, принудил к тому и все свое окружение.

Алексей же Михайлович, его якобы отец, напротив, обладал: «... белым лицом, обрамленным красивой бородой, с пухлыми румяными щеками, русыми волосами...» [49, с. 382].

И это высказывание Ключевского, лица, явно не заинтересованного в раскрытии самозванства Петра, открывает нам теперь всю правду о случившемся некогда подлоге ребенка в люльке куда как с еще большей убедительностью и непредвзятостью.

Петр же, в отличие от своего русоволосого якобы отца, был: «... таким темноволосым, как будто он родился в Африке¹...» [16, с. 105].

Выпуклые навывкате «рыбьи» глаза, с оголенным белком в нижней их части даже Алексей Толстой, певец «прекрасного гения», не смог не отметить в Петре в качестве особенности, столь не свойственной чертам лица русского человека:

«... выпуклые глаза...» [135, с. 231].

А еще: толстая отвисшая нижняя губа, столь свойственная проклятому Ноем темнокожему семени Ханаана, сына Хамова; ярко выраженная сутулость и покатошь плеч — все подтверждает в нем внешность даже не просто безликого иноземца-немца, но чистокровного туземца Палестины. Белокожие племена Израиля в данном регионе являлись населением пришлым:

«язык ханаанский — язык, которым говорили коренные жители земли ханаанской, потомки Ханаана, сына Хамова, и который непонятен был как Аврааму, так и потомкам его, живущим среди хананеев, следовательно, это — древний еврейский язык [Ис 19,18] ...» [36, с. 849].

Тот самый, которым, весьма странным образом, пользуются в своей основе все же белокожие адепты иудаизма — потомки

¹ Лувиск, Мемуары. Париж 1818, т. II, с. 239.

Авраама, из числа не принявших Христа фарисеев и книжников, ушедших (судя по наречию, на котором записаны теперь их книги) к поклонению богу своих бывших рабов.

Но в слишком невеликом числе населяющих теперь Землю хананеев нет ничего удивительного: ведь Ханаан был проклят Ноем за грехи его отца — Хама. А: «Пророческое проклятие Ноем Ханаана [Быт 9, 25–27] исполнилось» [36, с. 781].

И сказалось на его потомстве, главным образом склонностью к содомии, которая, что и понятно, отнюдь не способствует бурному рождению детей.

Затем исполнилось и следующее пророчество:

«... и не будет более ни одного *Хананея* в доме Господа Саваофа...» [Зах. 14,21].

То есть в храме Бога истинного: после принятия Нового Завета Апостольской Церковью — храме православном.

Сыну же погибели, то есть антихристу, судя по всему, суждено появиться именно из темнокожего потомства Ханаана. Ведь даже нынешний Израиль склонен подбирать для себя мессию исключительно из этого рода-племени, тщательно выискивая в Африке чудом уцелевших чистокровных хананеев:

«Еврейские ученые вычислили это колено в «фалашах», которые <...> были вывезены из Эфиопии в Израиль в ходе операции «Моисей» (С ноября 1984 по январь 1985 г. из Эфиопии и Судана с помощью израильской разведки «Моссад» было вывезено 18000 «*черных эфиопских евреев — фалашей*»...)» [142, с. 356].

То есть адепты иудаизма, «нечаянно» спутав белое колено Дана с черным туземным населением древней Палестины, своего мессию видят исключительно в потомках Хама — родоначальника темнокожего населения планеты. Тем и расставляя все точки над I.

А между тем именно подобный цвет кожи имел и сам основатель научного коммунизма — Карл Маркс. Что сводит всех предтеч антихриста в единую национальность:

«Людей, окружавших Маркса, больше всего поражала его чернота. У него даже была кличка «Мавр». Та самая негроидная чернота, которую Маркс находил у Лассалья, о котором писал: «Теперь мне совершенно ясно, что, как показывает форма его черепа и волосы, он — потомок тех черных, которые сопровождали

Моисея при его исходе из Египта (если его мать или бабушка со стороны отца не скрестились с негром)»» [38, с. 311].

Так что Петр происходил из какого-то уж больно редко теперь встречающегося племени, чьи повадки и наклонности просто обязаны были на это указать.

Они и указали. Ведь уже с детства отмеченное в Петре столь удивительнейшее для русского человека пристрастие к инородной культуре изобличает отсутствие в нем генов русского человека. А потому, словно подброшенную цыганку, его с самого раннего детства потянуло во враждебный нам мир — Кукуеву слободу:

«... легенда называла его подкидышем — сыном иностранца; он не имел ничего общего со средой, в которой вырос...» [16, с. 106].

То есть со средой того народа, в одно из самых привилегированных семейств которого он был подброшен. И не подходил к вырастившей его среде очень существенной деталью: не имел ничего общего со всегда явно выраженным генетическим родством высших кругов аристократического общества, которые очень спокойно относятся к своему высокому положению. Попавшие в эту среду из кухарок и прачек люди всегда сильно отличаются от тех, кто уже на генном уровне впитал в себя с молоком матери свое высокое положение, а потому и не будут иметь того вызывающе надменного выражения лица, которое имел маленький Петр. И этот столь явный переход «из грязи в князи», нами теперь разгадываемый, в поведении Петра был особенно ощутим:

«Петр ни характером, ни внешним обликом не походил ни на Софию, ни на... Ивана и Федора... Может быть, немецхирург подменил своим ребенком девочку...» [16, с. 4–5].

Вот и опять вполне оправданно называется весьма вероятная версия подмены.

Эта возможность была облегчена тем, что рождение Петра произошло не в Кремле, у всех на виду, и даже не во дворце села Коломенского:

«Некоторыми исследователями ставится под сомнение факт рождения Петра в Коломенском или же в Кремле, а доказывается, что местом его рождения было именно Измайлово» [117, с. 126].

А находится то оно, между прочим, аккурат за Кукуевой слободой. То есть за владениями того самого «немца», чьим сыном Москва почитала Петра.

Каков процент вероятности подмены ребенка, родившегося где-то за Кукуем?

Так ведь в Петре нет вообще ничего русского!

И вот еще один из эпизодов последующей бурной деятельности нами рассматриваемого «реформатора», то есть очередная попойка Петра, проливает некоторый свет на его загадочное происхождение:

«... однажды, в пьяном чаду, Петр пробовал осветить эти потемки. Он крикнул, будто бы указывая на Ивана Мусина-Пушкина: «Этот хоть знает, что он моего отца сын. А я чей? Твой, что ли, Тихон Стрешнев? Говори, не бойся! Говори, а то задушу!» — «Батюшка, смилуйся! Что мне ответить?... Ведь я не один был!!»¹» [16, с. 5].

Вот и это свидетельство подтверждает народную версию о царе антихристе. Ведь именно от блудной девицы из колена Данова, которое нынешние идеологи сионизма видят в темнокожих фалашах, он и обязан появиться.

Но не только уже описанные детали внешности Петра подтверждают народную версию о царе антихристе. Ведь в Петре нет вообще ничего русского.

Он очень боялся привычной стихии русского человека — воды:

«Петр чувствовал... такое отвращение к воде, что дрожал и бледнел при виде ручья» [16, с. 35].

Мало того, он терпеть не мог именно ту живность, которую в этой самой воде и вылавливают — рыбу!

А вы только лишь себе на секундочку представьте китайца, с раннего детства ненавидящего рис! Что на такое ответите?

Это вовсе не китаец!

Вот-вот...

А врагов у нас всегда было более чем предостаточно, и за всю нашу историю хоть единожды попытаться им произвести подмену государя — дело вполне возможное. Они прекрасно понимали, что склонить на свою сторону человека, в чьих жилах течет русская кровь, практически невозможно, а потому и нужен им на нашем троне такой человек, чьим генетическим особенностям чужда русская культура. И таковые особенности менталитета Петра видны за километр. Он не русский — ни телом, ни, тем более, душой:

¹ *Вокеродт. Переписка, опубликованная Геррманном. Лейтциг, 1872. Соловьев. История России, Москва 1864–1878, т. 15. Семевский. Долгорукий. Мемуары.*

«Малейшее волнение потрясло его морально и физически; он инстинктивно отступал перед опасностью; он легко приходил в ужас и терял самообладание.

...Он остался ребенком на всю жизнь, робким и потому жестоким... болезненная судорога кривила его надменное, суровое лицо и придавала ему ужасное выражение» [16, с. 32].

И ко всему вышеперечисленному:

«... его инстинктивно тянуло к иностранцам» [16, с. 33].

Вот и здесь о его *инстинктивных* особенностях сказано вполне определенно. И цыганку столь же отчаянно потянет пристать к проходящему мимо табору. А потому он и пропадал в Кукуевой слободе, где уж доподлинно ведали о тайне его происхождения, а потому и знали наверняка, чем его к себе приманить, поскольку дети любой определенной нации имеют и определенные к чему-либо наклонности.

Из-за того столь ненавистна ему была рыба, употребляемая почти двести дней в году всеми его мнимыми родственниками. Его настоящие родственники в пищу употребляли ее крайне редко. Зато мясом питались каждый день: протестанты, чью веру с целью эмансипации столь всегда охотно перенимали адепты ортодоксального иудаизма, посты вообще отвергают. Вот и Петр стал есть мясо, когда получил такую возможность, каждый день. Мало того, ел по утрам, что в ту далекую пору в среде русских людей было делом просто невозможным.

И еще одна особенность. Он не спал днем (в те времена после первого приема пищи). Тогда как:

«... в старину наши предки, обедавшие часу в одиннадцатом утра, отдыхали, т.е. спали после обеда часа по два или по три. Об этом обыкновении Олеарий пишет: «нет ни одного россиянина, какого бы он состояния или качества ни был, который бы, пообедавши, не спал; от чего происходит, что в полдень все почти торговые лавки бывают заперты, и купцы или служители их спят каждый пред своею; а потому в это время, как бы в самую полночь, нельзя иметь никаких сношений с купцами». — Хотя повествование это и слишком увеличено, однако известно, что *Лжедмитрия почитали не россиянином между прочим и потому, что он после обеда не отдыхал*» [32, с. 32].

Так что и в этом отношении Петра, как и его далекого предшественника по императорству, обличает в инородстве даже обыкновенный распорядок дня.

Но и сам заказ на тотальное изменение русских традиций Петр позаимствовал именно у самозванца:

«Попытка нарушения старых традиций и обычаев, предпринятая мимолетным «гостем» на московском престоле Лжедмитрием I, окончилась его гибелью; она удалась лишь Петру Великому, после того как сами эти обычаи и традиции «поисшатались»» [42, с. 78].

А между тем русский человек еще задолго до этого имел столь несвойственный иным нациям распорядок дня:

«Послеполуденное время посвящалось отдыху. Это вполне понятно, если вставали до рассвета. «Спать есть от Бога присуждено полудне, — говорит Мономах, — от чина бо почивает и зверь, и птица, и человеки»» [78, с. 154].

Именно русские князья всегда являлись примером для подражания своих подданных, ведя слишком скромную на увеселения, чуть ли ни монашескую жизнь:

«... вставали они рано поутру, вместе с рассветом, и прежде всего шли в церковь... Некоторые благочестивые князья имели обыкновение приходить в церковь до начала службы и сами зажигали свечи» [78, с. 151].

А наиболее набожным из них считается, между прочим, якобы отец Петра — царь вся Русь Алексей Михайлович Романов! Так что своими чисто иноземными сидящими в его крови привычками не только на своего отца — примера для подражания — но и вообще на русского человека Петр явно не походил.

Его замедленное умственное развитие, по сравнению с ускоренным развитием физическим, очень сходно именно с генетическими особенностями столь знакомых нам южных народностей. Но и от Европы мы имеем очень ошутимое отличие — наши дети уже с пяти лет умеют читать, что в среде иностранцев встречается крайне редко.

Между тем это наше раннее умственное взросление прекрасно прослеживается по неизменно блистательным результатам именно в детском спорте. А в особенности в тех его видах, где требуется проявление ранних интеллектуальных способностей. Напротив, ранним половым созреванием славились всегда исключительно лишь южные страны. Именно у них вполне естественным считалось брать в жены одиннадцатилетних девочек. В Древней же Руси эти рамки были сдвинуты на пяток лет уж вовсе не случайно.

Петр же:

«В три года он питался еще молоком кормилицы, в одиннадцать не умел еще ни читать, ни писать» [16, с. 31]. То есть Петр начал вообще что-либо соображать только лишь к тому возрасту, когда учебу, по хорошему, пора было бы уже и заканчивать.

Тем и обнаружилась вопиющая, редкостная у нас, но закономерная у них генетическая неспособность даже не простолюдина, но наследника престола (!) к искусству жителей Великого Новгорода, чьи берестяные грамоты XI века сообщают нам о не встречаемой нигде в мире необычайной грамотности проживающего там населения. Однако ж эта наша традиция уходит куда как и еще далее (см. [26]). Но это о простолюдинах. А что можно сказать о наследственных способностях принца крови?

«По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые» [Мф 7,16,17].

И к каким таким «им», после всего вышеизложенного, следует отнести родословную Петра достаточно несложно определить сопоставлением его врожденных «способностей» со способностями обыкновенного крестьянского мальчика Сережи, родившегося и возросшего в среде многих таких же, как и он, босоногих огольцов с голубыми глазами и золотыми кудрями в селе Константиново на Рязанщине. То есть в среде русских простолюдинов. А ведь Сергей Есенин:

«В пять лет одолел грамоту, в десять бросился в омут поэзии»¹.

То есть уже пишущий своими руками свои собственные стихи русский мальчик оказался своей генетической способностью к слову настолько выше этого якобы «принца крови», что фантазировать что-либо о каком-то особом «петровском гении» не только смешно, но и невообразимо глупо.

О чем это говорит? Могут ли подданные быть генетически на тысячелетия более привычны к грамоте, нежели те лица, которые над этими грамотными людьми поставлены начальствовать?!

«Не заметили» же этого обстоятельства исключительно лишь те, кто «не заметил», что объявленный ими царем не имеющий никакого права на русский трон негроидного вида мальчик и умственно полностью соответствует своей внешности, слишком несхожей с окружающей его средой.

¹ «Красная звезда» 03.10.1995, с. 4.

А объявлен-то он был царем по той странной причине, что своего старшего брата, единственного законного наследника престола, якобы *более смышлен* оказался!

Но, может быть, во всем виновата придворная знать, злокозненно порешившая это юное «дарование» оставить без столь необходимой ему учебы?

Оказывается, что нет. Ключевский пишет:

«По старорусскому обычаю, Петра стали учить с пяти лет» [49, с. 411].

Да, да — именно по старорусскому обычаю. Что осталось запротоколировано и на бумаге, а потому никак не могло быть не предано гласности:

«Крекшин отметил и день, когда началось обучение Петра, — 12 марта 1677 г., когда, следовательно, Петру не исполнилось и пяти лет» [49, с. 412].

Это подтверждает и Костомаров:

«... его начали учить грамоте. Учителем был ему назначен 12 марта 1677 года дьяк Никита Моисеевич Зотов» [51, с. 619].

Однако тут же наш исторический мэтр свои суждения заводит в тупик:

«Петр учился быстро читать и писать, выказывая необычайную понятливость» [51, с. 619].

Так что же это в понятиях Костомарова является *быстрым*, если известно, что Петр:

«... в одиннадцать не умел еще ни читать, ни писать» [16, с. 31]?

Но при всем при том:

«... книжки с картинками Петр любил!» [14, с. 40].

Так ведь был он безграмотным, потому разглядывание картиночек и оставалось его единственным удовольствием от общения с книгой...

Ложь всегда смешна, а в особенности тогда, когда фальсификаторам так и не удалось до конца заретушировать правду.

Так что начали-то обучение Петра как раз таки вовремя, как и положено испокон веку в самой грамотной в мире державе! Однако же, что невозможно теперь не отметить, — не в коня корм: лишь разглядывание картиночек и предоставляло в книгах для этого недоросля какой-либо интерес.

И в альтернативу — у нас на Рязанщине, в бедной глуши, грамотность пятилетнего ребенка Сережи Есенина ни у кого

не вызвала никаких ассоциаций с появлением на свет вундеркинда. И это потому, что лишь совсем в недавнем прошлом освобожденные от крепостной зависимости русские люди корнями великой культуры упирались в тысячелетия своей безраздельной грамотности. А потому никто из его земляков, даже и после смерти прославившегося на весь мир поэта, ничем особым из среды односельчан его так выделить и не мог. И это не от черствости души: наша Родина — это синеокая страна Есениных, где каждый второй тоже пишет стихи, а грамоте обучаются испокон веков так же — лишь для иноземцев — удивительно рано...

«... Есенин был по-настоящему глубоким, мыслящим человеком. В пять лет он научился читать, в 12 лет он прекрасно знал Льва Толстого и Гоголя, которого цитировал страницами. Знал Библию, апокрифическую литературу, великолепно знал народные поверья и сказки. Хорошо изучил мировую литературу — об этом можно судить по его письмам, по ссылкам в его произведениях, по количеству библейских, литературных, исторических реминисценций в его стихах» [138].

И если прекрасно изучивший Ветхий и Новый Завет, а также классическую литературу шестнадцатилетний Сергей Есенин, давно набивший оскомину своей энергичностью у московских издателей, уже в который раз пробивает для публикации в журналах свои стихи, являющиеся сегодня классическими, то в отношении Петра наблюдается совершенно противоположная картина. Подобного же возраста Петр был еще только в начальной стадии не просто ученичества, но никогда ранее у нас не встречаемого *очень плохого ученичества*.

Ключевский:

«До нас дошли учебные тетради Петра... он пишет невозможно, не соблюдает правил тогдашнего правописания, с трудом выводит буквы, не разделяет слов, пишет слова по выговору, между двумя согласными то и дело подозревает твердый знак: *всегьда, сътьрелять, възяфь*» [49, с. 417].

Но и Костомарову эту полную безграмотность Петра никак не возможно объявить незамеченной. Потому и он маслица в огонь все же подливает:

«... он не умел правильно написать ни одной строки и даже не знал, как отделить одно слово от другого, а писал три-четыре слова вместе, с беспрепятственными описками и недописками» [51, с. 620].

И вот где особенно прослеживается его родство именно с южными народностями, которые своим половым развитием сильно опережают развитие интеллектуальное:

«11-летний Петр по развитости показался иноземному послу 16-летним юношей» [49, с. 413].

По «развитости», заметим, исключительно физической! При внешности взрослого человека его замедленное интеллектуальное развитие в тот период «взрастания» Петра не позволяло ему читать даже еще только по складам!

А ведь он был объявлен царем именно за какие-то невиданные «способности»! Что не может не отметить и Костомаров. Однако ж на фоне всего вышеприведенного его аргументация по поводу выбора монарха выглядит просто вызывающе непоследовательно:

«Из двух царевичей старший Иван был слабоумен, болезнен и вдобавок подслеповат, младший Петр был десяти лет, но *выказывал уже необычайные способности*» [51, с. 591].

Тут следовало бы спросить у историка Костомарова: *способности к чему?! Ведь Петр, в тот самый момент, когда был провозглашен имеющим «необычайные способности», еще не умел не только писать, но даже и читать... И второе: в кои-то веки законный наследник на Руси отстранялся от престола только лишь за то, что здоровьем-де хил да еще вдобавок к тому и подслеповат?*

Но по прошествии и еще пяти лет, когда Петр выглядел, судя по всему, уже двадцатилетним молодым человеком, вот как обстояли его дела с постижением книжных премудростей:

«В шестнадцать лет он знал только два первых правила арифметики; его почерк плох, тетради пестрят орфографическими ошибками» [16, с. 33].

Два первых правила арифметики — это сложение и вычитание! Умножать, а уж не дай Бог — делить, Петр в ту пору, когда уже, между прочим, готовился стать отцом, еще не умел!!!

Да, женится он в том еще возрасте, когда не успел освоить даже умножения. Чем и обнаруживает свое явное родство скорее с Бре-ке-ке-ке-кексом из «Дюймовочки», «не хочу учиться — хочу жениться!», нежели с принцем крови, за которого себя выдавал.

Однако же при всем при этом, уже готовясь стать отцом, Петр продолжал играть в солдатики. Но солдатики были живыми.

А потому, ему на потеху, они иногда умирали совершенно по-настоящему. Тому свидетельством, например:

«Трехдневные маневры под Кожуховым, на берегу реки Москвы, в 1694 г.» [49, с. 422].

Вот что сообщает об этих «маневрах» принимавший в них участие князь Куракин:

«... тогда «убито с 24 персоны пыжами и иными случаи и ранено с 50»» [49, с. 422].

«Правда, сам Петр об этой последней своей потехе писал, что под Кожуховым у него, кроме игры, ничего на уме не было...» [49, с. 422].

Отметим, что *ничего не было на уме* все ж не у семилетки и не у третьеклассника, но у здорового, правда, пока еще только лишь телом, двадцатидвухлетнего недоросля, своими игрушками ухайдакавшего насмерть двадцать четыре человека и покалечившего еще «с 50»!..

Но не только солдаты у Петра калечили друг друга. Собранная им шайка обучалась будущим убийствам на занятии, нигде и ни в какой стране небывалом — пальбе из пушек по своему собственному мирному населению:

«... когда стал «потешным» генералом Федор Зоммер, из Пушкарского приказа привезли 16 самых настоящих орудий и «стали учить потешных стрелять чутунными бомбами... Было уже не до потехи. Много побили в полях разного скота и перекалечили народу».

...картина это совершенно реальная, причем жаловаться на материальные расходы и даже на убийства некому. Ведь во главе... сам царь!..

Иные из историков ставят в большую заслугу Петру, что он... истово готовил и тренировал солдат... Но это вовсе не были маневры в строго военном смысле этого слова; речь шла скорее о любимой игрушке, с которой Петр был не в силах расстаться» [14, с. 69].

И что в солдатики он лишь играл, можно заметить еще и потому, что несмотря на защищавшее его тридцатитысячное войско, которое в десятки раз своей численностью превышало количество стрельцов его мнимого соперника, при первом же упоминании о якобы грозящей ему опасности:

«Петр бежал. Не пытаясь даже проверить полученное известие и не убедившись, насколько реальна грозившая ему опасность, он босиком вскочил с постели и в одной рубашке бросился в конюшню, вскочил на лошадь, опомнившись лишь

в соседнем лесу. Несколько конюхов догнали его и привезли ему платье. Несколько офицеров и солдат последовали за ним. Увидев вокруг себя достаточную охрану, не теряя ни минуты времени, не предупреждая мать... пришпорил лошадь и понесся во весь дух в Троицу. Он приехал туда в 6 часов разбитым душой и телом, почти в обмороке; ему предложили постель; он был не в состоянии отдыхать; возбужденный, взволнованный, захлебываясь от слез, испуская жалобные стоны, он снова и снова спрашивал архимандрита Викентия, можно ли ему рассчитывать на помощь... слова архимандрита в конце концов успокоили молодого царя» [16, с. 47].

У страха глаза велики. Однако же:

«Действительность этого покушения совершенно не доказана и совершенно неправдоподобна. Документы, собранные лучше других осведомленным русским историком Устряловым, доказывают, что Софья в тот момент не смела и думать о нападении на Преображенский лагерь. Она знала, что он хорошо защищен, содержится в боевой готовности и не удивится никакой неожиданности. Она скорее боялась... выступления со стороны потешных полков, возбужденные, пылкие солдаты которых страстно стремились отличиться в каком-нибудь дерзком деле» [16, с. 46].

А весь кем-то спровоцированный конфликт между регентшей Софьей и опекаемым ею играющим в своем уже давно великовозрастном состоянии в потешные игрушки Петром окончился, как и все иные последующие затем «славные дела», одинаково — дыбой в пыточных камерах Преображенского:

«Кому отрубили голову или вырезали язык, кого били...» [56, с. 371].

Выданный по его запросу Щегловитый:

«... стал ужасным орудием в руках Петра. На допросе, под ударами кнута, он дал все нужные для обвинительного акта против Софьи и ее соумышленников показания... Щегловитый и его действительные или мнимые воображаемые товарищи были приговорены к смерти. Медведев, заключенный сначала в монастырь и подвергнутый ужасным пыткам, разделил их участь. Все были равны перед плахой. Софья была пострижена» [16, с. 49–50].

Но начавшиеся с застенков Преображенского «славные дела» «великим преобразователем» были восприняты лишь как некоторое разнообразие в его потешных играх. А может,

он просто и не знал никакой разницы между пыточными и потешными своими увеселениями?

Нам все тычут в нос некий его игрушечный ботик, на котором он, на самом деле, столь панически боящийся воды, вряд ли отважился бы еще и прокатиться. А следовало бы показать те казематы, давно заготовленные им заранее, где он проводил первые свои опыты над попавшими в его лапы людьми. Очень удивили бы экскурсантов и те страшные орудия пыток, которые этим самым «вьюношем», как бы вроде не смышленным еще, были установлены в этих ужасных каменных застенках, ожидая того самого Щегловитого, который первым пройдет апробацию обустроенного Петром заведения — некоего его *творения*. Хорошо, если бы и о набранных заранее этим «Великим гением» специалистах — заплечных дел мастерах — так же упомянуто было в экскурсионных программах: народ должен знать историю своих палачей и палаческого искусства.

И никакой разницы между игрушками в войнушку, где под сотню человек за раз бывало убитых и изувеченных, и пыточных увеселениях, где всего-то пару-тройку и замучивал этот «вьюнош» в свое «детское» удовольствие, Петр не видел. А потому сразу же после зверской расправы с мнимыми зачинщиками мнимого путча великовозрастный наружностью, но совсем еще подросток своими недалекими мозгами Петр продолжил свои игрушечные ристалища с живыми солдатиками, которые иногда так забавно всамделишно ему на потеху умирали:

«... Час будущего великого человека еще не пробил. Серьезная борьба, в которую он был вовлечен, не сделала его взрослым, не заставила забыть о потешных полках...» [16, с. 51].

И здесь нам так же следует провести параллель с Лжедмитрием. Ведь именно этого рода забавами он и отличался от всех предшествующих ему настоящих царей:

«Димитрий... сам пробовал оружие и устраивал военные маневры, которые вместе были и потехою...» [51, с. 309].

Силуэты заговора

А вот где Петр научился главной составляющей части своих «славных дел» — пить и курить:

«... Лефорт владел на берегах Яузы просторным, устроенном во французском вкусе домом, в котором уже несколько лет охотно сходились жители слободы. Даже во время его там отсутствия туда приходили курить и пить. Закон Алексея запрещал употребление табаку, но этот закон, как и многие другие, не исполнялся в слободе. Женевец был несравненным устроителем всяких развлечений... Банкеты, которые он устраивал своим друзьям, продолжались обыкновенно трое суток...» [16, с. 55].

«Нетрудно представить себе, сколько денег это требовало. Но цель оправдывает средства: веселое застолье любил посещать Петр» [4, с. 65].

Но странная любовь этого юноши к спиртному, как выясняется, в среде русского человека в ту пору была еще в диковинку. А потому:

«Во время первого путешествия Петра за границу он удивил даже немцев и голландцев *способностью пить*» [16, с. 55]. А между тем:

«Способность много пить не пьянея свидетельствует исключительно о том, что печень алкоголика уже подверглась первым изменениям. Здоровый человек — это как раз тот, кто пьянеет резко и сразу... Тот же, кто выдудливает «поллитру» и потом танцует вместе с Зотовым, не более здоров, чем наркоман, вводящий себе в вену 100 смертельных доз героина» [14, с. 77–78].

Петр же, родившись в те времена в стране трезвенников, являясь при том чадом более чем трезвый образ жизни ведущего папы (по крайней мере, по имеющейся о нем версии), всем просто на удивление, с самых еще юных лет уже являлся врожденным алкоголиком:

«Уже в 1698 г. английский епископ Бернет заметил, что Петр с большими усилиями старается победить в себе страсть к вину» [49, с. 441].

И это монарх страны, которая «способности пить» в те еще годы не имела.

Запад же, что нам теперь в полное удивление, в те времена не просто попивал, но спивался:

«Кто усомнится, пускай откроет «Декамерон» Боккаччо либо сборник итальянских новелл эпохи Возрождения, либо прочтет пьесы Шекспира...» [43, с. 124].

Кто этим себя несколько затруднит, тот поймет, что на Западе: «... пить вволю и вовсе не возбоялось» [43, с. 124].

Причем, не возбоялось вообще нигде:

«Английский священник Уильям Кет признавался, что иногда был вынужден прерывать воскресную проповедь, чтобы унять прихожан, разгоряченных спиртным, а к концу службы иные из них валились на пол прямо в храме» [43, с. 124].

И вот где они успевали набраться по дороге в их храм:

«В одном только Лондоне насчитывалось 17 тысяч пивных! ...но если бы у нас в то время (да и в наше) кто-то попробовал заявиться пьяным в церковь, был бы тут же выдворен. А в те времена еще и отлучен на какое-то время от причастия.

Так что еще один миф, миф о непробудном пьянстве русских, давайте оставим на совести тех, кто его многие десятилетия культивирует» [43, с. 125].

Но вот интересно, а откуда у этого самого *женевца*, Лефорта, оказалось столько лишних денег, коль даже в его отсутствие им продолжалось субсидирование людей, совращенных дурными привычками, в том числе и пьянством?! И второе: куда же этот самый *женевец* столь подозрительно часто имел возможность отлучаться?

А к себе домой — в Женеву.

И где же это такая есть?

Так ведь аккурат в самой что ни на есть Швейцарии — и поныне стране банковского капитала, куда везут наворованное у своих сограждан богатство жулики всего мира! Где именно в банках ее крупнейшего города — Женевы он, то есть капитал адептов иудаизма, всегда имел свое сосредоточение.

Но каким же образом в христианском государстве вдруг возникает целая ростовщическая империя — ведь сама христианская мораль ростовщичество не поощряет?

«... Жан Кальвин обосновал шкурничество «теологически». Он сделал «открытие»: Библия, дескать, ошиблась с осуждением процентщиков. Их надо не только терпеть, но и поощрять» [20, с. 185–186].

Таким образом:

«Первая кальвинистская страна, Швейцария, и стала одним из центров банковского дела» [20, с. 185].

А разработал эту банковскую ростовщическую систему и внедрил в жизнь не кто иной, как сам Бернар Клервосский — магистр первого ордена вольных каменщиков — Сионского приората:

«... они устроили и распространили по всей Европе банковские — финансовые операции...» [23, с. 32].

Так что капитал швейцарских банков является масонским, что подтверждает теперь все ранее имеющиеся на эту тему догадки. Потому вовсе и не является удивительным, что так щедро его расходовал на увеселительные занятия Петра сын какого-то неизвестного аптекаря — Франц Лефорт.

А увеселительные забавы здесь были и такого плана, за которые вне пределов немецкой слободы можно было поплатиться достаточно сурово. Петр, как нами уже выяснено, представлял собой тип южного человека отличающегося именно необычайно быстрым половым созреванием. То есть уже в самом раннем возрасте необыкновенно похотливому юноше **Петру**, для удовлетворения «естественных» для его натуры нужд, требовались девицы чрезмерно легкого поведения. Этим-то «добром», что и естественно, и снабжал Петра неизвестно чьи сумасшедшие деньги легко растрачивающий молодой человек — Франц Лефорт:

«Среди гостей можно было увидеть и очаровательных шотландок, и пышногрудых голландок, в числе которых, как пишут, были и такие, что не отличались чересчур строгим нравом.

Петр I бывал в доме Лефорта часто. Два или три раза в неделю обедал у него... Частенько Франц Яковлевич уговаривал Петра остаться заночевать, и гость принимал приглашения...

До раннего утра в залах гремела музыка, кружились пары...

«Тамошние свободные пирушки, где, в облаках табачного дыма, все было нараспашку, — писал М. П. Погодин, — гремела музыка, разыгрывались разные замысловатые игры, раздавались веселые песни, волновавшие кровь, кружились до упаду разгоряченные пары далеко за полночь; где женщины и девицы, одетые не по-нашему, с полуоткрытыми или открытыми грудями и обнаженными плечами, с перетянутой талией, в коротеньких юбочках, бросали умильные взгляды, улыбались кокетливо на всякие двусмысленности, и не слишком строго

относились к военному обращению, напрашивались почти на поцелуй и объятия...» [4, с. 66].

Военным же обращением у «просвещенной» Европы являлись весьма обыкновенные изнасилования попадающих на дороге у проходящего войска лиц женского пола. В данном же случае подобранные Лефортом женщины такое к себе обращение не просто допускали, но требовали. На что такое похоже?

Лишь на то, что их «добровольные» домогательства до чрезмерно неприятного и потливого несуразного тела юноши. Петра были заранее очень прилично оплачены.

Так что невидимая щедрая рука братства вольных каменщиков с первых же слов повествования о посещении Петром своего закадычного друга просматривается весьма ощутимо.

Очень четко в этом плане прорисовывается и прекрасная подготовка засылаемого к нам агента. Франц Лефорт:

«... сумел, в отличие от многих иностранцев, хорошо овладеть русским языком» [43, с. 122].

Но, судя по всему исключительно для конспирации, подерживал свой имидж иностранца: «... писал по-русски латинскими буквами» [43, с. 122].

То есть масонами на эту роль был избран резидент, прекрасно владеющий языком той страны, в которую его командировали вольные каменщики страны банкиров — Швейцарии.

А между тем, вовсе не за свою религиозную крамолу, как теперь выясняется, принял лютую смерть в дни юности Петра протопоп Аввакум: «... в 1682 г. он «за великие хулы на царский дом» был казнен...»

Знал, видать, слишком много. А такое в те времена каралось более чем строго.

И казнь вроде бы и помилованного возвращенного из ссылки приверженца старых обрядов произошла в тот знаменательный момент, когда десятилетний Петр, так еще и не выученный лучшими в стране педагогами даже читать, в роли какого-то там особого «великого ума», в нарушение всех ранее существовавших традиций, очередной боярской кликой был возведен на царство.

Так на что же похоже все вышеизложенное?

На самый настоящий заговор! Причем, заговор именно держателей банковского капитала, определенного в оборот Сионским приоратом, который и по сию пору всецело распоряжается

сокровищами тамплиеров, после ареста «каменщиков» так и не обнаруженными французским королем Филиппом Красивым. Потому становится совершенно очевидным, что своего резидента в Москве напрямую субсидировали именно те масонские структуры, которые, после разгрома христианским монархом их дочерней организации, ордена тамплиеров, смогли остаться в тени и продолжить свою подрывную деятельность.

Но почему же эта явная провокация была столь удивительнейшим образом *не замечена никем?!*

Похоже, что слишком много денег было вложено в данное предприятие мировым капиталом, а потому никто произведенной подмены в люльке ребенка заметить *не пожелал!*

Ну, ладно царь-отец — но и мама-царица своего ребенка от подкидыша отличить не смогла!!!

Почему?!

А уже для посвящения в масоны Петру, как теперь оказывается, вовсе не обязательно было ехать куда-то за границу. Франц Лефорт, к которому столь неравнодушен был юный Петр, содержал в исправности целое заведение, где под предлогом выпивок и кутежей, практически открыто, сходились масоны для тайных своих бдений. Потому справедливым является мнение, что:

«Петр правил Россией держа в руках не скипетр с державою, а молоток масонского мастера» [19, с. 169].

Но имеются сведения о посвящении Петра в масонство и за границей. А ведь в свое первое путешествие он отправляется именно в год, когда ему исполняется 25 лет. Однако же известно, что в масонство принимают именно в этом возрасте! Что, судя по оставшимся с тех пор документам, и произошло в Голландии, куда он устремился со своей свитой, почему-то поименованной «Великим посольством»:

«Г. В. Вернадский в своей книге «Масонство в царствование Екатерины II» сообщает, что, согласно существующему документу — письменной присяге Петра I, русский царь был принят в «шотландскую степень Св. Андрея». По указанию того же исследователя, «среди рукописей масона Ленского есть письменные свидетельства, подтверждающие, что Петр I и Лефорт в Голландии были приняты в тамплиеры»» [130, с. 197]. А вот и еще все о том же:

«В одной рукописи Публичной библиотеки рассказывается, что Петр был принят в шотландскую степень св. Андрея, причем дал обязательство, что сей орден восстановит в России, что и исполнил (в виде ордена св. Андрея Первозванного, учрежденного в 1698 г.); его письменное обязательство существовало в прошлом веке в той же ложе, где он был принят, и многие оно читали» [4, с. 68–69].

Очередная версия посвящения в масонство Петра утверждает, что:

«Сделал это в 1699 году английский архитектор Кристофер Рен» [19, с. 130].

А вот и еще о том же сообщается, что Петр масонство: «... вывез из своего путешествия (второго, 1717 г.) масонский статут и на его основании... открыл ложу в Кронштадте» [23, с. 169].

Так когда же он на самом деле вступил в масонство?

«... первая ложа существовала в России еще в конце XVII столетия. Мастером стула в ней был Лефорт...» [23, с. 169].

Это полностью подтверждает выше выдвинутую версию, откуда у этого самого «швейцарца» имелись столь неистощимые финансовые возможности, которые позволяли устраиваемым кутежам не прекращаться ни на единую секунду, продолжаясь даже в отсутствие самого хозяина. И наш «реформатор» здесь был не просто вольным слушателем и собутыльником. Он имел достаточно солидную должность. В этом ордене, возглавляемом Лефортом:

«...первым надзирателем Гордон, а вторым сам Петр» [23, с. 169].

Однако ж градус посвящения у Петра был куда как выше, нежели позволяет иметь гоям, пусть даже и монархам своих государств. В городе Реймсе:

«... где венчались на царство французские короли, до сих пор хранится Евангелие... короли при своем помазании давали обет Господу на этом Евангелии... оно считалось ими написанным на каком-то совершенно неведомом языке» [80, с. 229].

Юрий Воробьевский в своей книге «Шаг Змеи» поясняет, что французы объясняли это тем, что язык Евангелия из Реймса раньше был их собственным языком. Но теперь он давно забыт, а потому они и не могут прочесть эту свою старинную священную книгу.

«22 июля 1717 года, когда император Петр Великий проезжал через город Реймс и осматривал соборную ризницу, то Евангелие это было ему показано с пояснением, что никто не знает,

на каком оно написано языке. К величайшему удивлению присутствующих, великий русский царь, взяв его в руки... начал его тотчас же бегло читать» [80, с. 229].

Что и вполне естественно — Евангелие было написано на старославянском языке! Ведь именно этот язык, как теперь выясняется, до покорения местных славян германцами и являлся некогда в данной местности разговорным.

И здесь нет ничего удивительного: уж к сорока пяти-то годам, то есть за двадцать лет знакомства с этой тайной, лишь у масонов сохранившейся нашей рунической письменностью, можно было ее с грехом пополам все-таки освоить даже и такому не слишком способному к наукам ученику, каким был Петр. Однако ж набраться глупости продекламировать это свое тайное знание перед толпой зевак?!

И вот какова история появления в Реймсе записанного древним руническим письмом прочитанного Петром по-славянски Евангелия:

«Хлодвиг, еще язычник, женится на бургундской принцессе Клотильде... хотя сами бургунды исповедовали в своей массе арианство, Клотильда была православной... В 496 году под Кельном войска Хлодвигу вынуждены были сдерживать натиск вторгнувшихся алеманов. И впервые воины Хлодвигу дрогнули. И тогда молодой рекс воздел руки к небу и стал истово молить Христа даровать ему победу. И только он закончил столь неожиданную и для себя самую молитву, алеманы дрогнули и, поддавшись панике, побежали... Клотильда упросила мужа немедленно креститься» [57, с. 100–101].

И вот где произошло крещение этого предводителя франков: «В Реймском кафедральном соборе...» [57, с. 101].

Именно там с тех пор всегда и:

«... венчались королевской короной французские монархи...» [57, с. 154].

И вот когда Петр был там проездом, ему:

«... показали таинственное Евангелие, на котором с незапамятных времен давали присягу короли воинственных франков» [57, с. 155]. Его-то он и прочел бегло, всем на удивление, на славянском наречии. Что является очередным доказательством полной абсурдности крещения Руси князем Владимиром. Ведь

это Евангелие существовало за полтысячелетия до событий, от которых принято отсчитывать ход нашей истории:

«Все что России было необходимо, она уже имела — Слово Божие на родном и священном языке» [57, с. 155].

Вот что сообщается о происхождении Евангелия, столь бегло прочитанного Петром в Реймсе:

«В 633 году в гавань города Булонь-сюр-Мер, что на северо-западе Франции, зашел таинственный корабль. На его борту не оказалось ни единого человека, только небольшая статуэтка «Черной Мадонны» и рукописное Евангелие на арамейском языке, языке, на котором разговаривал Спаситель» [57, с. 163].

Население данной местности, как становится все более очевидным, в ту далекую пору состояло исключительно из славян. Что:

«... необходимо учитывать, как некий исторический контекст таинственного появления в Реймсе славянского Евангелия, без преувеличения главной святыни французской короны» [57, с. 194].

Так что, с какой стороны ни глянь, а получается:

«... что Евангелие было написано «роусьским» языком, подобно другому, которое видел [приобрел — А. М.] в Крыму просветитель славян Константин-Кирилл Философ» [57, с. 219–220].

Но на смену нашей слоговой рунической письменности пришла буквенная кириллица, которая стала потихоньку вытеснять нашу древнюю грамоту. Князь же Владимир первым своим шагом по якобы уничтожению язычества приказал предать огню все писанные рунами книги. Что и было исполнено. Так мы были лишены нашей древней грамоты. Масоны же, устроившие нам эту странную реформу, впоследствии стали использовать наше древнее письмо в качестве тайнописи.

Между тем лишь принадлежность Петра к доизраильскому населению Палестины, то есть к туземному населению Ханаана, могла позволить ему подняться в масонской иерархии выше 33 градуса посвящения. Потому и оказалась ему знакома руническая грамота, используемая этой глубоко законспирированной организацией в качестве тайнописи. Эту тайнопись в своей работе «Праславянская письменность. Результаты дешифровки. Том II» перевел на наш современный язык Г. С. Гриневич [27], что позволило заглянуть во многие тайны, которые масоны столько лет скрывали от посторонних глаз.

Но потому и оставались все их секреты до сих пор не расшифрованными, что эта тайнопись доверялась лишь единицам, которых адепты ортодоксального иудаизма очень уважали и называли князьями изгнания. И если Петр знал эту грамоту, то, значит, и не мог не являться одним из них.

Это еще раз говорит о его настоящей, а не вымышленной национальности.

И отнюдь не случайно бессменным «другом» Петра оказался самый первый вор в его же государстве — безродный Алексашка Меншиков. И, судя по колоссальности этим самым «другом» практически в открытую наворованных у своего сюзерена финансовых средств, он был своему господину отнюдь не просто «другом», но именно «братом». А потому и сходило ему с рук все то, миллионная доля чего для любого простого смертного закончилась бы дыбой, кнутом и плахой.

Наряду с получением массы всеразличных наград в 1706 г., кроме вораха незаслуженных званий и орденов этот странный соратник Петра ко всем прочим своим регалиям прибавляет и звание адмирала какого-то: «красного флага» (!) [16, с. 210].

И вот интересный момент: именно под красным флагом на миниатюре из книги П. Н. Крекшина «История Петра I» изображены: «Учения в селе Преображенском под командованием Петра I» [13, иллюстрации к с. 224].

Но и морские флаги Петра оказываются красными [53] (иллюстрации к с. 256). Картины: «Спуск на воду фрегата «Штандарт»», «Балтийский флот в походе» и «Петр I идет к адмиралтейству» — совершенно однозначно передают тот простой факт, что у Ленина и Петра знамена имели один цвет.

Так что *красный флаг* и является знаменем раздутой над миром именно Петром гидры революции! И во Франции, и на Красной Пресне, а затем и над половиной мира нависло это страшное чудовище, начало которому было положено еще в ту далекую эпоху адмиралом «красного флага», масоном высокого градуса посвящения, правой рукой пришедшего в мир антихриста — Алексашкой Меншиковым, плутом, вором и кутилой.

Так какая же тайна кроется за вручением этой символической власти второму лицу безбожного революционного кровавого режима?

Но вот вскрывается еще одна достаточно серьезная связь Петра с европейским масонством:

«Петр много лет переписывался с Лейбницем, а Вольфа даже позвал возглавить Санкт-Петербургскую де сиянс Академию наук» [14, с. 65].

Но кто же это такие?

Лейбниц является теоретиком некоего так называемого «регулярного государства», представляющего собой что-то вроде Утопии Томаса Мора. Именно эту Утопию, судя по всему, всю свою жизнь и выстраивал Петр I.

«По словам Лейбница, в этой машине «как в часах одно колесо приводит в движение другое, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точною соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни будет показывать стране счастливые часы»» [14, с. 64].

Что-то до боли знакомое. Мы через такое прошли — побывали в качестве винтика для такого вот механизма. Потеряли, правда, при этом то ли треть, то ли вообще половину своего населения...

Но и ученик Лейбница, Вольф, Петром почитаем был ничуть не менее. Ведь именно его идеи затем и воплотили в жизнь большевики:

«Правительство должно иметь право и обязанность принуждать каждого к работе, устанавливать заработную плату и цену товаров, заботиться об устройстве хороших улиц, прочных и красивых зданий, услаждать зрение обывателей радующими глаз картинками [Во, в наших советских довоенных фильмах все счастливы. В то, между прочим, самое время, когда в стране стоит страшный голод и людей сажают в тюрьму за поднятые с убранного поля колоски... — А. М.], а уши — музыкою [бравурными маршами — А. М.], пением птиц и журчанием воды, содействовать общественному развлечению театральными представлениями и другими зрелищами, поощрять поэзию, стараться о школьном воспитании детей, наблюдать за тем, чтобы взрослые прилежали добродетели и благочестию» [14, с. 64].

Что ж, красиво. Не даром говорят, что благими пожеланиями устлана дорога в ад.

Что значит: *быть обязанным прилежать добродетели и благочестию?*

А это как в судилищах доблестной фем: ежели не *прилежишь*, то руки за голову и в лагерном клифте:

По тундре,
По широкой дороге,
Где мчится поезд Воркута — Ленинград.

Так что мы на собственной шкуре уже эту Утопию Лейбница-Петра-Ленина апробировали. Обкушались, что называется, больше некуда — вождам спасибо.

Но для каких нужд, если задуматься, кому-то всегда так настырно лезть к нам в поводыри, чтобы руководить:

«... даже пением птиц и журчанием воды» [14, с. 64]? Чтобы и саму воду забоять: как бы ей за отказ от этого пресловутого *журчания* не заполучить экзекуции — бамбуковыми палочками и по пяткам?

Так ведь такой железобетонный режим требуется создать исключительно лишь для прихода антихриста!!!

Потому Лейбниц и его ученик Вольф работали для воцарения над миром Петра — в те годы намечающегося претендента на роль антихриста. Но с ним не повезло: долго вошкался с Карлом и рано кончился от дурной болезни (о чем несколько позже).

Что делать? Готовить следующего претендента. Работают: Вольф, его ученик Ломоносов, его ученик Новиков, Вейсгаупт (Вашоп). Французская революция выдвигает на роль антихриста Наполеона Бонапарта.

Но и он не потянул — и этого москвиты сгубили (Подробно см.: «Противостояние. Три нашествия»).

Что делать? Готовить следующего претендента. Работают: Карл Маркс (Мордехай Леви), Фридрих Энгельс, Ленин (Ульянов-Бланк), мадам Блаватская, Рерихи и т. д.

Устроили революцию. Кого антихристом: Ленина? Троцкого? Рериха? Сталина? Гитлера?

Готовили, судя по всему, Бронштейна-Троцкого. Все остальные из кожи вон тоже лезли. Но кто же из них «ожив», словно Петр, выбравшийся из разрушенного своего в Нью-Йорке жилища?

Ленин. Он антихрист. Он в мавзолее.

А не восстанет ли он из гроба, когда на Москве следующий — самый последний перед кончиной мира антихрист воцарится??? Не он ли и есть «зверь из бездны»???

Ох, как на нашу голову, восстанет!..

Так что если таких кошмариков не желаете заполучить, то трубите во все трубы, чтобы его оттуда вытряхнули поскорей — от греха подальше...

Так что *революция*, как любил говаривать предапокалипсический Михаил Меченый, *продолжается*: и ох как нам еще откушать предстоит от ее этого самого продолжения!!!

Сейчас нами совершенно в открытую командуют масоны, и мы молчим. Ох, судя по всему, и накомандуют...

А вообще совершенно открыто:

«... масоны появляются в России как раз в эпоху Петра I, и очень многое в его решениях, в особенностях того «регулярного государства», которое он собирался построить, объясняется именно масонским влиянием. Ведь и Лейбниц, и Вольф, и Лефорт, и Яков Брюс — это масоны...» [14, с. 202].

Так что масонский заговор, силуэты которого просматриваются теперь более чем четко, отнюдь не является элементом чьей-либо фантазии. Это факт, о чем просто вопиют собранные пока еще лишь слишком поверхностные материалы. Но их более чем достаточно, чтобы уже в общих чертах экспансия тайной организации в нашей стране оказалась вскрыта, как гнойный волдырь, нарывавший столько лет и за своей неизвестностью не подлежащий излечению. Теперь же мы его без жалости вскрываем и обнаруживаем метастазы болезни нашего государства в их еще самом зародыше. Совершенно очевидно и иное: не Петр создал свою утопию, используя Лейбница, но, наоборот, Лейбниц создал для себя Петра.

И лишь одно это говорит о том, что Петр просто обязан быть подкидышем. А так как весь двор, причем, и Нарышкины, и Милославские, и, что и понятно, сами Романовы — представляли собой зачатки нами рассматриваемого гнойного волдыря (о Романовых см.: «Противостояние. Три нашествия»), то теперь понятно, почему даже мама «не заметила», что ей в люльку подложили чужого ребенка.

«Факт остается фактом: Петр боготворил ученых-механистов; идеи «регулярного государства» вызывали у него совершеннейший восторг. Петр много лет переписывался с Лейбницем...» [14, с. 200].

Вообще-то достаточно странно слышать о том, что Петр, который ну ни на секунточку никогда не мог усидеть «без дела», что подтверждают практически вообще все, смог бы хоть

на полчаса заставить себя просидеть даже не над работами Лейбница, но хотя бы над чтением его письма.

Все так — сам он и действительно премудрость этого философа даже и не пытался осилить:

«Брюсу Петр поручал составить для него синопсис — то есть краткое содержание, выдержку из трудов Лейбница» [14, с. 200].

Вот, исходя из содержания этих записей, судя по всему, Петр и начал:

«... перестраивать жизнь Московии на «регулярных началах». В истории известны два государства, построенные согласно теоретическим представлениям: одно из них — это США... Второе — это Российская империя, построенная Петром согласно идеям «регулярного государства» Лейбница» [14, с. 200].

«Вот, пожалуй, самый краткий и самый точный диагноз произошедшего при Петре — Петр предпринял попытку построить искусственное общество и государство. Для этого он *уничтожил естественное общество*, отношения в котором складывались веками» [14, с. 201].

И пусть воцариться ему над миром так и не удалось, но самое главное в деле своей жизни он сделал: сломал аппарат Святорусской государственности — усадил на наше монархическое древо прожорливого жучка, подгрызающего сук, на котором высажен.

А ведь они себя успокаивают тем, что в ими устраиваемом «раю» будут чирикать птички (их заставить, как они считают, легко — стоит лишь заманить в клетку), будет журчать ручеек (пусть только попытается от журчания отказаться — руки ему за голову и в лагерном клифте)...

«Для достижения этого они готовы применять ложь, жестокость и насилие, загоняя всех нас в счастье железом и кровью» [14, с. 201].

Но эти жучки лишены главного — мозгов. Они не понимают, что когда подгрызаемый ими сук упадет, они рискуют лишиться не только еды, но и самой своей жизни. Второе, чего они просто ну никак не желают и пытаются понимать, это механики машины, в которой в качестве винтиков они позволили себя установить: *революция пожирает своих детей*. Так было и во Франции, когда Робеспьер, в точности исполнивший заказ Вейсгаупта, был убран с дороги, расчищаемой для Наполеона, последовав за королем Людовиком, тоже, между прочим, масоном, мнившим себя, что и естественно, в полной безопасности.

Так было и в России, когда сделавшие свое черное дело члены Временного правительства оказались в Петропавловской крепости. И лишь когда их поставили к стенке, возможно, какие-то правильные мысли и пронеслись в их головах напоследок. Но было уже поздно.

Так будет и теперь: *масоны, бойтесь вами же накликаемого зверя из бездны* (очень хорошо «помогает» в этом плане, в качестве клистира: «Противостояние. Исследуйте писание. Часть III. Второе Пришествие. Апокалипсис»)!

Наступательная оборона Москвы

Но как все же России удалось выбраться из столь далекого от нас, но столь близкого своим разором смутного времени XVII века?

Страна лежала в руинах. Интервенты и эпидемии выкосили большую часть населения, все еще способного защищать страну с оружием в руках. И наступившая анархия могла быть остановлена лишь одним присущим лишь нам средством — возвратом страны на единственно верный для нашей державы путь: восстановление попранной чужеземцами монархии. А такое непростое решение позволял вынести остающийся лишь единственным в управлении русским государством инструмент: *собор*.

Такая форма выборности предусматривает не просто подсчет количества голосов, но учитывает особые мнения, чего невозможно достигнуть ни при одном виде демократии. А наибольшее количество соборов, как это теперь ни выглядит странным, приходится на правление самого самовластного правителя Древней Руси — Иоанна IV. Самодержавие:

«Это исключительно русское явление — не диктатура аристократии под вывеской «просвещенного абсолютизма», не диктатура капитала, подаваемая под соусом «демократии», не диктатура бюрократии, реализуемая в форме социализма, а «диктатура совести, диктатура православной совести». Предложенное Солоневичем понятие «соборная монархия» обозначило совершенно конкретное историческое явление, проверенное опытом веков и давшее поистине блестящие результаты: это была самая совершенная форма государственного устройства, какая только известна человеческой истории. Она не была утопией, она была фактом» [92, с. 831].

Доказательством тому служит поистине небывалое строительство защитных сооружений от иноплеменников, безнаказанно разоряющих пределы нашей Державы, развернувшееся на южных рубежах. Это невиданное своими масштабами строительство позволило ослабленной длительной войной против европейской коалиции стране в удивительно короткие сроки не только полностью себя обезопасить от частых набегов басурманских шаек, но и отвести передовые посты своих укреплений на многие сотни километров, полностью оградив от разбойных набегов свою столицу.

В те времена граница со степью проходила по Оке. Южные русские города к тому времени были обескровлены, и уже от Коломны вплоть до Бахчисарая пролегало вечно враждебное Руси Дикое поле.

А потому и оборонительные порядки Московии начинались от самого Кремля. Далее шли бастионы Китай-города, а за ними и еще два кольца крепостных укреплений — мощнейшая крепость мира тех времен: Белый город, а затем еще и Земляной вал.

На более дальних подступах столицу охраняли: Богородск, Бронницы, Подольск и др. От них в сторону степи проходили вооруженные щупальца засек, застав, сторожей и пр., которые упирались в линию укреплений: Муром, Коломна, Серпухов, Боровск, Можайск, Волоколамск.

Вся эта система укреплений очень напоминала древние Змеевы валы. И даже во времена, по словам Солоневича, «отсутствующего царя Федора», лишь только завершились долгие изматывающие сражения с коалицией европейских государств, она сначала была приведена в надлежащий порядок, что позволило несколько поохладить пыл непрестанно пытающихся прорваться в поисках поживы степных разбойников. Затем вся эта удивительнейшая, нигде в мире более не встречаемая система оборонительных сооружений пришла в движение, щупальцами своих засек, застав и сторожей все дальше и дальше уходя в южные районы земель, некогда являющихся русскими, но за годы Ливонской войны обескровленных степными ордами.

«Беспрерывные войны вынуждали князя Московского иметь многочисленное войско, по свидетельству некоторых иностранцев, будто бы даже до 400 000 человек, преимущественно конницы, сидевшей на небольших, но крепких лошадях и совершавшей чрезвычайно быстро все свои передвижения, причем при встрече с противником она обыкновенно старалась зайти ему в тыл.

Барон Герберштейн говорит о русских войсках, между прочим, следующее: «Каждые два или три года государь производит набор по областям и переписывает детей боярских с целью узнать их число и сколько у них лошадей и служителей. Затем он определяет каждому жалованье. Те же, кто может по достатку своего имущества, служат без жалованья. Отдых им дается редко, ибо государь ведет войну или с литовцами, или с ливонцами, или со шведами, или с казанскими татарами, или, если он

не ведет никакой войны, то все же каждый год обычно ставит караулы в местностях около Танаида (Дона) и Оки... для обуздания набегов и грабежей перекопских татар»...» [81, с. 282].

Мало того:

«... все высшее Служивое сословие, какие бы оно должно-сти ни занимало, было прежде всего военным и службу эту несло от молодых лет до смерти.

«За то,— говорит... итальянский историк Павел Иовий,— несущие воинскую службу пользуются свободой от податей, имеют преимущество над поселянином и во всех делах сильны царским покровительством»» [81, с. 285].

И вот какую выучку, сообщает Герберштейн, имели наши пращуры, воюющие сразу на пять фронтов:

«Хотя они вместе и одновременно держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плеть, однако ловко и без всякого затруднения могут пользоваться ими» [81, с. 283].

Ну, если наши ратники чуть ли уж и не рождаются в седле, то их особая воинская сноровка не могла не бросаться в глаза иностранцам.

Но и попав в плен, русский человек вел себя не менее достойно:

«Московские пленники, движимые горячей любовью к Родине, совершали постоянно побеги или, по крайней мере, делали постоянно попытки к этим побегам, а потому ценились на рынке дешевле рабов из Литвы и Польши» [81, с. 278].

Потому южным хищникам из Крыма всегда было предпочтительнее вторгаться все же в западные земли наших единоплеменников, несмотря даже на получаемую с Литвы ежегодную дань в 15 000 червонцев [81, с. 228].

И вот что собой представлял главный элемент наших оборонительных рубежей. Засака:

«... состояла из поваленных (ссеченных) деревьев, положенных вершинами на юг, надолбов из толстых дубовых бревен и рвов, на дно которых вбивали заостренные колья» [37, с. 56].

Платонов «изумительно быстрый успех» южной колонизации объясняет прекрасным взаимодействием царского правительства и общества:

«В борьбе с врагом обе силы, и правительство, и общество, как бы наперерыв идут друг другу навстречу и взаимной поддержкой умножают свои силы и энергию («Очерки смуты» с. 85)» [126, с. 355].

Так откуда же была «заимствована» эта система активной обороны, столь нами с большим успехом используемой?

«В 1066 году через Киев, по пути к печенегам, проезжал немецкий миссионер епископ Бруноф» [126, с. 222].

Русский князь лично провожал его до границ своей земли.

«Об этих границах Бруноф пишет: «они со всех сторон ограждены крепким частоколом на весьма большом протяжении, по причине скитающихся около них неприятелей» [126, с. 222].

А так как начало появления этих сооружений на наших границах относится еще к Vв. до Р.Х., то и построение подобных же защитных сооружений и в дальнейшем удивлять вовсе не должно. А потому уже давно проторенным методом:

«... киевские князья «рубят города» на границах своих владений, заселяют эти города «лучшими мужами», соединяют их рвами, засеками, заставами, словом, организуют очень сложную укрепленную систему, которая в почти неизменном виде повторяется и при Иване Третьем, и при Борисе Годунове, и при Потемкине-Таврическом, и наконец продвигается в казачьи области Терека, Семиречья, Забайкалья и Амура. Вспомните станицу в «Казаках» Льва Толстого: те же «города», засеки, вышки и прочее. Позже мы увидим, с какой железной настойчивостью, с какой организационной тщательностью, с каким муравьиным терпением строила Москва свою «китайскую стену» против востока. Как эта стена, зародившись у стен Москвы, в Коломне, Кашире, Серпухове, продвинулась до Балтийского, Черного, Каспийского и Охотского морей.

В мировой истории ничего похожего на эту систему нет» [126, с. 222–223].

Но не только стройка оборонительных сооружений являлась основой напряжения производительных сил Русской Державы.

Для военного обеспечения всех этих средств обороны требовалось содержать необыкновенно огромную армию, которая, в дни войны, увеличивалась более чем в два раза. Военное же время почти не прерывалось.

И о каких там еще «новшествах» в ведении боевых действий, позаимствованных Петром у невоюющей Европы, можно серьезно говорить?

Воевали почти непрерывно именно мы! И по тем самым временам лишь у своих и действительно весьма квалифицированных военных только-то и можно было делиться опытом.

Европейские же армии имели исключительно бутафорскую предназначенность. Тому подтверждение их бессмысленные при ведении военных действий: и строевая муштра, и рассадник гниды — посыпанные мукой волосы, и неудобная для войны одежда, созданная исключительно для парадов, и многое иное, что могли себе позволить государства, содержащие свои армии лишь для полицейского контроля над своими подданными.

И вот что вместо отваги и мужества, на чем извечно держалась армия наша, могла предложить эта их бутафорская полицейская армия европейского образца.

В случае самой малейшей провинности в их армиях: «... бьют палкой» [106, с. 13].

А потому, вместо столь необходимого для ведения военных действий оружия, в руках: «У каждого капрала — палка» [106, с. 13].

И ведь этот капрал, самый нижний чин в их войске: «... насмерть убьет и отвечать не будет!» [106, с. 14].

Но для Европы, сегодня именуемой «просвещенной», такое являлось нормой. Потому прусский король Фридрих, за свои палочные наклонности официальной историографией произведенный в «великие», на эту тему поясняет:

«Солдат должен бояться палки капрала больше, чем неприятеля» [106, с. 29].

Но еще более «модернизированные» в этом вопросе турки всегда использовали для подобных же целей: «... толстый бич из кожи гиппопотама» [106, с. 635].

Таким-то оружием уж как врежут, так врежут!

В случае же более серьезного проступка, противостоящий русскому воинству солдат должен знать, что ему: «Не миновать... виселицы...» [106, с. 31].

И в альтернативу этим диким законам, которые пришедшие в 1917 году к власти большевики пытались приписать нам, как теперь выясняется, у нас даже перед самым их приходом: «Телесных наказаний уставом не предусматривалось» [39, с. 44].

Но и XVIII век ими не грешил исключительно у нас: «... в писаном уставе не сказано было обучать побоями» [106, с. 65].

То есть все эти изобретенные большевиками мифы о некоей-де палочной дисциплине, якобы царящей в царской армии, совершенно безосновательны: именно в законах наших такого безобразия нет. То есть *даже в законах*.

И это все притом, что именно у нас воинская служба являлась обязанностью. В их же армиях использовались ландскнехты, которые: «... все наемные. За деньги служат!» [106, с. 14].

О чем такое говорит?

Лишь о том, что раз западноевропейские солдаты готовы умереть не только от неприятельской пули, но даже от побоев, то, отринув невзначай такую вот странную «работу», они просто рискуют умереть с голода.

Вот как распрекрасно жилось в той самой Европе, которой так страстно всегда стремился попугайничать Петр. А между тем и до Петра, и до Суворова:

««Русские прусских всегда бивали, что ж тут перенять?»¹» [15, с. 115].

И в особенности это стало заметно в битве при Кунерсдорфе, когда: «Сорокавосемьтысячная армия Фридриха перестала существовать.

...У короля, по его собственному признанию, оставалось после сражения не более трех тысяч боеспособных солдат: девятнадцать тысяч было убито, ранено и пленено, а остальные разбежались. В полной прострации он намеревался покончить с собой и писал в Берлин: «Все потеряно, спасайте двор и архивы». Раньше он ненавидел и презирал русских; теперь он их страшился...» [74, с. 60].

И вот кто упоминается среди наймитов европейских ландскнехтов:

«Сброд со всего света — итальянцы, швейцарцы, силезцы...» [106, с. 29].

То есть вся Европа была нищей. И даже весьма на сегодняшний день респектабельная Швейцария некогда, как теперь оказывается, и олицетворявшая это пресловутое «альпийское нищенство», над которым так затем злорадно потешались наши большевистские писатели-пересмешники.

Но и сама Пруссия являлась страной такой же нищенской. Ведь после первого же пушечного залпа во время знаменитой битвы обнаружилось, что:

¹ А. В. Суворов. Документы, т. 3, с. 570

«Кунерсдорф горел в нескольких местах» [106, с. 36].

И вот по какой поразительно обыденной причине: их знаменитейшие образцовые на весь свет бюргерообразные дома были, как теперь выясняется: «*Крытые соломой...*» [106, с. 36].

Именно по этой наитривиальнейшей причине они: «... сразу занялись огнем» [106, с. 36].

Вот как элементарно просто развеивается миф о давно набившей нам оскомину некоей германской респектабельности!

Но чем принято было покрывать крыши у нас?

Вдоль сибирского тракта, например, по которому гнали колодников, стояли села, которые выглядели следующим образом:

«Избы деревянные, часто двухэтажные, *крыши тесовые*» [145, с. 26].

И это не махровый «реакционер» для восхваления именно ему столь необходимого «строя» сообщает, но отправившийся на Сахалин в поисках злоупотреблений царской власти демократ, впоследствии автор «на деревню к дедушке» — знаменитейшей оды о нашей некоей необыкновенной зачуханности (кстати, слово «зачуханность» происходит от чухонцев, а не от русских)!

Но откуда и взяться этой их хваленой респектабельности, если именно о немцах тех времен сообщается, что:

«Немецкие крестьяне работали на своих помещиков, как лошади. Но плетка по их спинам гуляла чаще, чем по животным. За малейшую провинность крестьянам накладывали на руки и на ноги колодки...» [75, с. 171].

И не наши крепостные крестьяне, но «свободное» немецкое бюргерство, как теперь выясняется, весь свой производительный труд вкладывало не в дело, как то в рассказах о немецком прагматизме не единожды обмусолено, но в безделицу, требуемую на потеху их господам:

«... согнанные на работы крестьяне рыли на горах искусственные пруды, проводили фонтаны, складывали причудливые гrotы и другие бессмысленные сооружения.

«Почти невероятно, — писал об этом времени Фридрих Энгельс, — какие акты жестокости и произвола совершали эти надменные князья по отношению к своим подданным. Эти князья, проводившие время только в наслаждениях и дебоше, разрешали всякий произвол своим министрам и правительственным чиновникам, которые могли, таким образом, топтать ногами несчастный

народ, не боясь наказания, при одном только условии наполнения казны своих господ»¹) [75, с. 150].

Но ничего невероятного, на самом деле, здесь нет: Германия в описываемые Энгельсом времена, то есть в хваленном ими XVIII столетии, и на самом деле жила в самом настоящем средневековье!

И секрет этой странной в их местности популярности службы в армии, где запросто могли не только избить до смерти, но и повесить (уже не говоря об очень большой вероятности смерти от неприятельской пули), заключается в алчности отца, отдающего своего сына на воинскую службу. Ведь папа желает подработать на своем чадце, за что и получает теперь возможность попасть «под раздачу», если его детище, спасая свою бесценную шкуру, порешит удрать от грозящей ему расправы.

У нас были совершенно иные условия. И хоть Петр своими налогами все же вогнал русского человека в нищету, но подрабатывать на собственных детях, отдавая их чуть ли ни на верную погибель в заграничного образца палочные войска, у нас на Руси никто бы не стал никогда и ни при каких обстоятельствах. Потому Петр ввел насильственное отторжение детей.

Но и здесь, исключая лишь времена правления самого «преобразователя», из этой затеи варваризации русского воинства ничего не вышло. Ведь наша армия, в отличие от палочно-полицейских орд Запада, представляла собой ту силу, которая единственная была способна защитить русского человека от полного и окончательного истребления интервентами, постоянно вторгающимися в наши пределы.

Потому петровские времена являются лишь коротким исключением из нашей славной воинской традиции. Ведь веком ранее, несмотря на непрерывную поддержку извечно враждебного русскому государству Запада, так же не менее нам враждебного Востока, нам, укрепив свои оборонительные рубежи, именно благодаря отечественной системе организации воинских частей, все же удалось отбиться от наседающих со всех сторон соседей. Затем следующая оборонительная линия, в результате кропотливых трудов русского человека при не прекращаемых отражениях военных нападений врагов, спустилась со временем еще южнее: Венев, Рязань, Тула, Одоев, Лихван, Жиздры, Козельск.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. V, с. 5

А затем таким же способом протянулись укрепления этой линии обороны еще глубже в восточном и южном направлении:

Алатырь, Темников, Шацк, Ряжск, Данков, Новосиль, Орел, Новгород-Северский, Рыльск, Путивль. Потом была сооружена также и четвертая линия обороны: Воронеж, Оскол, Курск, Ливны, Кромы [126, с. 398].

Таким образом, стратегическая глубоко эшелонированная оборона, отобрав у Дикого поля наши древние исконные земли, продвинувшись далеко на юг, полностью оградила русскую территорию от внезапных нападений беспощадного извечного врага, тем самым сняв, уже в который раз, вопрос о нашем физическом существовании вообще.

Заблаговременно оповещенные войска неожиданно окружали неприятеля, заставляя его врасплох на своей земле, и безжалостно вырубали вражье войско, идущее сеять смерть на Русскую Землю.

Однако же в этом вопросе, как и в любом другом, — как аукнется, так и откликнется. А в сердце русского человека веками скапливающееся желание пресечь эти варварские нападения степняков со временем все же было реализовано, что и свидетельствует об отнюдь не великом проценте татарского населения нашей страны.

И тут стоит только вдуматься, какие чувства руководили действиями русских ратников, на плечах неприятеля врывающихся во враждебный лагерь своего лютого врага, убившего его родителей, брата, уведшего в турецкий гарем любимую невесту? Да он будет крушить всех и вся, прекрасно осознавая при этом, что чем больше по «великодушию» оставит потомства поганым на расплод, тем больше затем русской крови прольется в его родных селах! Ведь враг неумолим, и свои опустошительные набеги он прекратит только лишь тогда, когда совершать их станет попросту некому...

Первая перепись 1897 г. определила татар 1,9 %, а русских 72,5 % [126, с. 395]:

«Монгольская степь поставила перед русским народом вопрос о борьбе не на жизнь, а на смерть — и поплатилась жизнью» [126, с. 395].

Судя по всему, в сам период вторжения степняки когда-то просто подавили нас своей численностью. Потому Александру Невскому пришлось заставить платить дань татарам Великому Новгороду, избежавшему вторжения, лишь по причине нашей

в ту пору неспособности противостоять шестисоттысячному войску, которое могла выставить против нас Золотая Орда. Да и поле Куликово свидетельствует о двойном, и это как минимум, численном превосходстве неприятеля. И все это притом, что ни враждебные нам войска княжества Литовского в нем участия не приняли, ни такие же враждебные нам, противоборствующие в то время самому Мамаю, войска хана Тохтамыша, ни разгромившие впоследствии и самого Тохтамыша, только лишь чудом повернувшие вспять от наших границ бесчисленные орды Тамерлана Тимура.

А вот как только добрались мы до них, так их вдруг сразу и не стало!

Не трогай медведя в берлоге.

Но ни Наполеону, ни Гитлеру впрок такая наука не пошла. А жаль: иногда неплохо бы и поразмыслить над причинами патологических неудач своих предшественников.

Степь нашей обороной была вымотана и потерпела полное свое в этой ожесточенной борьбе поражение. Что позволяло продолжить укрепление теперь и западных наших рубежей — на немецкой уkraine, где замыкала границу на замок старейшая связка: Псков — Новгород, и на ukraine литовской: Смоленск, Великие Луки, Себеж, Заволочье, Невель, Усвят и Велиж.

Так же неотвратимо наступала обороняющаяся Москва и вниз по Волге, где ukraine неумолимо отодвигались на юг: Василь-Сурск, Свияжск, Чебоксары, Кокшайск.

Солоневич, отнюдь не склонный приписывать все это грандиозное наступательное строительство державы какой-либо особ^{ой} способности управления страной одному лишь монарху, замечает по этому поводу:

«Как видите, даже наличие такого, я бы сказал, отсутствующего царя, как Федор, ни в какой степени не останавливает действия московской оборонительной системы» [126, с. 398].

То есть давно отработанный на практике русский государственный аппарат, при наличии лишь невмешательства в его внутренние дела, заработал с такой самоотдачей, которая позволила русским людям, при полной поддержке истинного народовластия, завершить государственное строительство аж за Амуром.

А тому способствовала организация не встречающихся ни в одной стране мира вспомогательных систем полувоенных

поселений — казачьих войск: донского, кубанского, терского, яицкого, потом семиреченского, забайкальского и амурского.

Таковы были грандиознейшие успехи нашего государства. Русь строилась под великодержавным скипетром раз когда-то избранной народной системы управления, где вора места не было. В противном же случае мы бы не только за Оку шагу не ступили, но и были бы уже давно полностью доистреблены и прекратили свое существование как народ, сгнивая заживо на геноуэских галерах или отдавая свою красоту и молодость в гаремах турецких пашей.

В случае замены «отсутствующего царя» Федора безбожником Петром именно такая перспектива и открывалась бы перед державой, обустраиваемой после затяжных войн и внутренних неурядиц, порожденных нескончаемыми изменами бояр, явно имеющих отношение к тайной подрывной организации — масонству. Но наше государство ко времени узурпации престола Петром было уже поднято русским образом управления на такую грозную, недостижимую для врагов высоту, с которой низвергнуть его в пучину полной деградации царю-антихристу в одночасье, как планировалось при возведении его на трон, оказалось просто не под силу.

Череда позорищ, признанных заслугой

Однако же лавры основателя державы российской достались исключительно тому, кто не только палец о палец в работе по ее созиданию не ударил, но и сделал все посильное, от него зависящее, чтобы ему доставшуюся великую страну ослабить насколько это возможно, если не развалить окончательно. На счет якобы им созданной современной технически перевооруженной армии очень точно свидетельствует публицист «Нового времени» М. О. Менъшиков:

«Ни в какой области техники Россия, как оказывается, не догнала Запад, а наоборот — даже в области военной обороны немцы довели нас до крайне опасной отсталости. Артиллерия, например, появилась в России за триста лет до Петра: при Иване Грозном, она отличалась обилием, удивлявшим иностранцев. Уже за целое столетие до Петра у нас имелся собственный Крупп — литейный мастер Андрей Чохов, который способен был отливать такие титанические орудия, как знаменитая Царь-пушка. Стоящая доньше... в Кремле московском, она служит неммым свидетелем богатырских возможностей нашей старины, задушенных немецким вторжением. Любопытно, что еще за целое-столетие до этой Царь-пушки, в 1488 году, была в Москве же отлита тоже Царь-пушка, до нас не дошедшая. Если с этими фактами сопоставить то обстоятельство, что в 1915 году, при всем героизме армии, мы были вынуждены отступить перед 42-сантиметровыми орудиями Круппа, то вы убедитесь, что в области наиважнейшей в культуре, там, где решается жизнь и смерть народа, немецкое владычество не утвердило могущества нашего племени, а, напротив, в опасной степени расшатало его. В течение последнего столетия немецкое внутреннее засилье делает самые глубокие и тяжкие захваты, и как естественное следствие их, начинается целый ряд бесславных войн, из которых каждая не доведена до победоносного конца по отсталости вооружения и военной организации армии» [69, с. 526–527].

А ведь при Иване Грозном наш «огненный наряд» признан превосходящим все иные.

Но и много позже Петра, когда лишь на малое время появилась возможность воспользоваться умом и смекалкой русских

умельцев, наше оружие наголову превзошло все иностранные образцы боевой техники. Во времена походов Суворова наша:

«... артиллерия считалась лучшей в Европе. Полевая пушка — гаубица, сконструированная офицерами М. В. Даниловым и С. А. Мартыновым и известная под именем единорога, была для своего времени самым совершенным артиллерийским орудием¹. Единороги при меньшем весе, легком и устойчивом лафете имели большую дальность огня, меткость и убийную силу, чем такого же калибра орудия западноевропейских армий. Из единорогов можно было стрелять различными снарядами, что не обеспечивали другие орудия такого же калибра» [15, с. 140].

Но и сами истоки происхождения огнестрельного оружия уходят опять к нам же:

«Огневая стрельба. — Хотя, по свидетельству летописей, арматы и стрельба огненная были введены в России еще в XIV столетии, и хотя, по тем же источникам, в 1382 году при нашествии Тохтамыша на Россию Москва защищалась тюфяками и пушками, но первое употребление артиллерии при обороне крепостей относят к XV ст. и именно к 1408 г., когда татарский полководец Едигей, являсь под Москвою, не смел подступить к ее стенам, боясь наших огнестрельных орудий» [36, с. 1066].

То есть наша русская военная наука еще во дни поля Куликова не просто подготовила огнестрельное оружие, но уже им, как теперь «вдруг» оказывается, обеспечила победу русского оружия, всегда самого лучшего в мире.

Мало того, еще сотню лет спустя, со своими в недавнем прошлом завоевателями, татарами, мы оказались на совершенно разных уровнях развития:

«6 октября русские и ордынские войска сошлись, и разделяла их лишь гладь реки Угры. На левом берегу выстроились русские лучники, были расставлены пищали и тюфяки (длинноствольные и короткоствольные артиллерийские орудия), отряды стрельцов с дробницами (ручное огнестрельное оружие)» [149, с. 26].

Так что враг был встречен во всеоружии, а потому первый его наступательный порыв был остановлен меткими выстрелами москвичей. И лишь через двое суток, собрав все свои силы воедино, враг вновь принял решение атаковать наиболее удобные

¹ Нилус А. История материальной части артиллерии: В 2-х т. СПб., 1904, т. 1, с. 24.

места для переправы и во что бы то ни стало форсировать Угру. Но не тут-то было:

«Бои за переправы начались 8 октября и продолжались четверо суток. Ордынцам так и не удалось преодолеть реку ни на одном участке. Особую роль в этом сыграл «огненный наряд». Татары, струдившиеся перед бродами, в результате метких выстрелов русских пушкарей понесли значительный урон. Хорошей мишенью стали и медленно плывущие через Угру ордынцы, а сами они не могли использовать свой излюбленный прием — массированную стрельбу из луков: долетавшие на излете стрелы теряли убойную силу» [3, с. 86].

Так что это «стояние» на самом деле никаким стоянием не было, но самой настоящей битвой! Со стороны татар битвой за овладение плацдармом, а с нашей — защитой занимаемых нами выгодных рубежей.

И уже в этой войне мы своих бывших завоевателей совершенно безнаказанно расстреливали, как много позже белые люди Европы будут расстреливать беззащитных папуасов Гвинеи или индейцев Америки. Таково наше пресловутое «отставание», как раз якобы из-за этого самого татаро-монгольского порабощения!

Так что именно мы по тем временам имели армию, оснащенную самым современным оружием в мире. И это все при использовании ума и навыков наших отечественных оружейников.

«... в средние века этот самый Запад ничего из себя не представлял. Невежественный, завшивленный и нищий — вот характеристика тогдашнего западноевропейца... Нам нечего было заимствовать у европейцев в средние века, и тем более нечего было заимствовать в военной сфере. Восток являлся несравненно более богатым, культурным и сильным регионом, чем Европа» [110, с. 63].

Здесь стоит лишь обратить внимание на разнообразие имевшегося у нас в те времена оружия:

«Оружие древне-русское = 1) алебарда... 2) бердыш... 3) болт самострельный... 4) джид... 5) кинжал — закрученный, длинный, трехгранный шпал (клинок), с рукоятью, череном, набалдашником и кольцом; 6) кистень... 7) клевец... 8) кончар... 9) копье — черкасское, московское, булатное, стальное, железное, мереклянное, плоское, грановитое, 3-х или 4-х гранное, насаженное на ратовище, с железным или медным подтоком (оковом), с наводом золотым по яблоку, тулеи; 10) кортик... 11)

курды... 12) *меч* — полоса стальная, булатная, железная, с долами, широкая, гладкая, обоюду острая, или зубчатая, с крыжем из яблока (набалдашника), черена и огнива (поперечного железа), с ножнами кожаными, сафьянными, бархатными, железными... 13) *нож* поясной, подсайдачный, засапожный — первые короткие с двумя лезвиями, с ножнами, вторые длинные, широкие, с одним лезвием вогнутый, третий из кривого шляка (клинка) в ножнах; 14) *палаш*... 15) *полосы* — сабельная, мечевая, тесачная, полашная, из булата, стали, турецкие, ширинские, черкасские с долами, домасские, кизилбашские, булат красный, тебризские, на польское дело, на немецкое дело, на московский выков, булат синий на литовский выков, зубатые на обеих сторонах, с тремя долами; 16) *рогатина* — английская, немецкая, московская, булатная, с широким, с острым, на обе стороны плоским пером, с яблоком и тульею, насаженное на *искепище* (древко); 17) *сабля* — булатная, стальная, железная — из полосы, крыжа и ножен; у крыжа огниво, черен и набалдашник, с кистью и варворкою; полоса с елманью, голомени с долами; ножны металлические — с устьем, наконечником, мишенями, обоймищами, кольцами и наконечниками; 18) *сова* — кривая, полоса, с одним лезвием, в виде ножа, с рукояткою; 19) *палица, ослоп*... 20) *стрелы* — железа трехгранные, четверогранные, прорезанные с яблочками, позолоченные, стальные, ложчатые, с доликами золотыми, вороненые, кизилбашские и кумыкские с двойными копьями, деревца яблонные, чинаровые, березовые, кипарисовые, камышевые, кедровые, ушки костяные, слоновьи, рыбий зуб, перья орлиные, павлиновые, белохвостовые; 21) *сулица*... 22) *секира*... 23) *тесак*... 24) *топорок*... 25) *топор*; 26) *посольский или рындовый топор* — московского, магилевского и польского дела, из булата, стали, с насечками золотыми и серебряными, обухи наведены золотом, с топорщиком, из яблока глухого или прорезного, наконечника и обоймы; 27) *тарч*... 28) *щиты* — булатные, железные, кизилбашские, московского дела, простые, с оправами... с плащами, запонами, состояли из венца, наверх с яблоком и щита с кольцами (см. подробно, в *Изв. и указ. о русск. древн. IV*, с. 23–24) [36, с. 1071–1072].

Между тем, нет и тени сомнения, что наше русское оружие всегда было самым передовым. Это теперь подтверждается повсеместно:

«Как показали остатки мастерских, все оружие делалось на месте русскими руками и притом из местных железных руд, что доказано спектроскопическим анализом изделий» [59, с. 62].

И мы всегда и во всем намного опережали хваленую теперь неизвестно за что Европу:

«Кольчуги появились на Руси... на 200 лет раньше, чем в Европе... даже слово «кольчуга», т. е. «сделанная из колец», славянское. Термин «броня» (от «боронити», т. е. защищать) также русский» [59, с. 62].

Сюда же следует прибавить и *личину*, впервые упомянутую в употреблении именно у нас. Так что некая такая в чем передовитость западного рыцарства — это миф. Тому в подтверждение служат и результаты раскопок археологов:

«Оружие, найденное в курганах, которое прежде считалось норманнским, оказалось явно не норманнского типа и изделия» [59, с. 62].

То есть некий приписанный скандинавам над нами патронаж — всего лишь мифология немецкой этой самой «науки» — не более того.

Но вот и еще какой вид вооружений имели наши русские арсеналы во времена европейских игрушечек в войнушку — рыцарских ристалищ:

«Русские стрелы (по-видимому бронебойные) пробивали доспехи немецких рыцарей, о чем свидетельствует битва под Венденом в 1218 г.» [88, с. 176].

Но ведь к такого рода имеющимся у нас стрелам требовался и лук, обладающий достаточной убойной силой, чтобы пробить рыцарский доспех.

Так ведь и он имелся у нас, что так же теперь обнаружено, еще задолго до описываемых событий под Венденом:

««В Новгороде в 1953 г. в слое второй половины XIIв. впервые был найден большой обломок древнерусского сложного лука. Обломок представляет собой половину целого лука — его вибрирующее плечо. Лук был склеен из двух прекрасно оструганных длинных планок различных пород дерева (можжевельника и березы) и винтообразно оклеен тонкими полосками бересты для предохранения от сырости...»¹» [88, с. 176–178].

¹ А. Н. Кирпичников, А. Ф. Медведев. *Вооружение//Древняя Русь. Город. Замок. Село.*

Однако же эта находка не оказалась единичной. Потому теперь установлено, что подобные луки мы изготавливали за века до победы под Венденом над рыцарским воинством Западной Европы. Так что это за лук?

«Не напоминает ли вам русский лук, тот самый, упомянутый Нефедовым, монгольский лук «саадак»?

Ну конечно — это та самая пресловутая «машина убийства»! Но изготавливалась она на Руси уже в XII веке, и даже в XI, и в IX!» [88, с. 178].

«... хуннское слово, означающее «сапоги», известное нам в китайской транскрипции, звучит «сагдак»...

...это слово имеет прямое отношение к старорусскому слову «сагайдак», т. е. калчан со стрелами и луком» [88, с. 180].

И вот по какой причине.

Воины:

««... затыкали за голенища стрелы, которые не помещались в колчане...»¹» [88, с. 180].

Так что это «оружие смерти», приписанное историками гению «монголов», на самом деле являлось оружием исконно русским. И именно оно, судя по всему, долгие века и сдерживало натиск западного европейского рыцарства в Восточную Европу.

««... на Руси с IX по XIV в. имели широкое распространение и более сложные по конструкции луки. Об этом свидетельствуют и находки комплектов костяных накладок от рукояти сложного лука конца XII в. в Новгороде, и многочисленные находки костяных накладок от рукоятей и концов луков IX–XIII вв. в Тмутаракани, Чернигове, Старой Ладоге, Старой Рязани, Вщиже, Турове, Екимаяцах, Воине, Колодяжине и многих других... Судя по многочисленным находкам готовых изделий, заготовок и отходов производства костяных деталей сложных луков, налучий, колчанов и защитных приспособлений, употреблявшихся при стрельбе из лука, можно сказать, что луки делались во многих древнерусских городах. На Руси были специальные мастера лучники и тульники... Изготовление луков и стрел требовало больших знаний специфики этого оружия, свойств материалов и длительного производственного опыта»²» [88, с. 179].

¹ Л. Н. Гумилев. *В поисках вымышленного царства*.

² А. Н. Кирпичников, А. Ф. Медведев. *Вооружение//Древняя Русь. Город. замок. Село*.

Так что и по части вооружений: Древняя Русь всегда шла на несколько сотен лет впереди Западной Европы.

То есть весь этот петровский «прогресс» на поверку оказывается дутым. Факты указывают на полностью противоречащее версиям лжеисториков заключение: отданная на откуп немцам наша оружейная наука скатилась от не имевших аналогов в мире орудий Древней Руси, поражающих своей не встречаемой нигде мощью, к орудиям онемеченной России, которые стали неспособны противостоять пушкам Круппа XX столетия.

Но не только в те еще давние времена Россия имела преимущество над Западом. Нам слишком хорошо известны и результаты последней с ним войны:

«В чем вообще Европу можно считать передовой? В оружии и военной технике? Но не далее как в 1941–1945 гг. СССР вдребезги разнес эту Европу, несмотря на европейский перевес в людях и промышленном потенциале» [88, с. 64].

Приписанные же Петру победы на поверку оказались затяжным периодом бесконечной череды поражений:

«Вспомним Нарву. Петр, которому было уже не семнадцать лет, и который был уже взрослым человеком — ему было 28 лет, повел свою тридцатипятитысячную армию к Нарве...

Узнав о приближении восемнадцатилетнего мальчишки Карла с восемью тысячами, Петр повторяет свой уже испытанный прием: покидает нарвскую армию, как одиннадцать лет тому назад покинул свои потешные войска, — а потешных у него по тем временам бывало до тридцати тысяч, Софья же сконцентрировала против них *триста* стрелцов» [126, с. 443].

Здесь Солоневич упускает из виду первый поход Петра на Азов, когда он, при пятикратном своем над турками превосходстве, никак не меньшем, чем при самой Нарве, предпринимает подобный же «воинский» прием: пускается в бег. Попытка сбежать предпринята Петром и во втором своем походе на тот же злосчастный Азов. Но тогда ему повезло: 1) выручили не имеющие к его воинству никакого отношения казаки; 2) сбежать на корабле, на котором он в тот момент находился, не легко, а сбежать с корабля еще сложнее — воды он боялся больше, чем неприятеля. То есть бегство при Нарве было уже по счету четвертым посетившим его *конфузом*.

И вот какими мероприятиями предусмотрительный Карл, ввиду подавляющего численного превосходства противостоящего ему петровского полицейско-мародерского воинского формирования, очень предусмотрительно не пренебрег:

«... победитель так боялся своих побежденных, что за ночь поспешил навести новый мост... чтобы помочь им поскорее убраться...» [126, с. 444].

Так какой же злодей им мост попортил, тем помешав сбегать петровским потешникам вообще без единого выстрела?

Ну уж только не шведы — от такой оравы мародеров они не знали, как отделаться по-хорошему: шведов против бесчисленной армии агрессора оказалось, почти впятеро меньше! Воинство же Петра драпало с завидным упорством без оглядки назад на отпускающего его по-хорошему восвойся неприятеля. Если бы оглянулось, то сильно удивилось чрезмерной жидковатости наступающего врага...

Но куда же делся их верховный главнокомандующий? Почему не доказал той приписанной ему историками грандиознейшей великости, которую якобы стяжал своими воинскими подвигами? Издал же он указ всех трусов вешать на рее:

«ежели он (офицер — М.Б.) живот свой нерадением дела спасти хочет, то после на бесчестной виселице погубит... Кто же место свое без указа оставит... или бесчестный бег учинит, то оный будет лишен и чести и живота...» [16, с. 24].

То бишь смертной, стало быть, казнью. И не просто расстрелянием, что может не воспрепятствовать спасению души убиваемого, но исключительно перенятым у «доблестной» фем давно ею практикуемым методом — через повешение.

Что ж, очень «веселенький» указец! Звучит красиво, а в особенности с дополнением, где пусть и не «бесчестной виселицей», но всего лишь пулей он грозитя даже не останавливаться на пожертвовании самого себя:

«Я приказываю вам, — писал Петр I, — стрелять во всякого, кто бежать будет, и даже *убить меня самого, если я буду столь малодушен, что стану ретироваться от неприятеля...*» [16, с. 24].

Хороша дисциплинка была у этого монарха, что после такого распоряжения его так никто и не пристрелил! Ведь таких возможностей при способах ведения им военных действий было немало. Он бегал практически отовсюду, откуда только имелась возможность бежать. Где же ее не было, приходилось отдавать все, что требовал

от него неприятель. За свою собственную шкуру (шкуру зверя), которая для него была по-особому дорога, он готов был отдать все.

Написал, похвастался и писульку свою под сукно: а то ведь и впрямь не оценят красоты жеста — пристрелят чего доброго как собаку при очередном дезертирстве. Это он как Ельцин: голову на рельсы, если цены поднимутся.

Вообще-то Петра, по части отписывания всеразличных высокопарных писул, судя по всему, следует возвести на первое место в мире:

«Он написал 20 тысяч одних указов!» [14, с. 54]. Однако же факты, в отличие от хвастовства и болтовни, достаточно упрямая вещь. И даже Алексей Толстой, в пику дружно кем-то упорно приписываемой «преобразователью» какой-то там мифической «храбрости», не может не констатировать, что:

«... главнокомандующий бежал...» [135, с. 434].

И тот самый, который отписывал в артиклях про подобное:

«... отнюдь не должен никто бегать назад, но стоять до последнего... во время бою приказано задним стрелять из пушек и из ружья по тем беглецам без всякого милосердия...» [61, с. 30].

Потому-то и бегал наш «реформатор», ну очень большой дока по части оных отписочек, еще и до самой малейшей возможности такому конфузу случиться:

«Петр I... говаривал: «Во всех действиях упреждать»» [106, с. 18].

И понятно почему: чтобы этот его очередной артикул просто никто выполнить не успел. А потому, как бы до времени, как бы невзначай, за порохом или провиантом — в обоз... А сам — быстренько так, ловкенько: на коня — и бежать, бежать, бежать...

И бежал он и на этот раз достаточно быстро. Но такое и понятно: к тому времени в данном искусстве стратегического ведения войны он уже поднаторел преизрядно:

«Весть о нарвском разгроме догнала Петра в день, когда он въехал в Новгород...» [135, с. 435].

Вот как неслабо драпанул наш прославленный в веках «великий» от противника, впятеро уступающего числом! И не догони его в Новгороде весть, что шведы отказались от преследования, он бы раньше появления Уральских гор от переусердствия в любвеобильности к собственной персоне не очухался бы!

«Узнав о поражении армии под стенами Нарвы, он переоделся крестьянином, чтобы спастись от следовавшего, как ему

казалось, за ним по пятам врага. Царь плакал ручьями и впал в состояние полного бессилия... он готов был принять самые унижительные условия мира» [16, с. 112].

То есть в крестьянина-то он вырядился будучи уже в Новгороде!!! Хорошо, что еще не в Нижнем!

Но Карл не погнался за ним не потому, что как-либо сомневался в поистине выдающейся трусости своего оппонента, но вследствие опасения произойти при этом большого конфуза. А ведь не зря опасался: такой конфуз много позже все же случился с его восьмикратно превосходящим полтавский гарнизон воинством. И окажись в том районе перед ним настоящее русское войско, а не петровское опереточное — ему конец. Тогда вся эта шведская кампания должна была в этот же день победно завершиться: измотанная длительным переходом горстка отважных шведов просто не могла бы не стать легкой добычей поджидающего ее прихода огромного воинства Петра. И отважный король должен был оказаться в плену.

И если Карл со своей 30-тысячной армией в те времена являлся хозяином Европы, в ту пору вследствие успешной борьбы западноевропейцев с перенаселением своей части света, вконец обескровленной, то кто мог противостоять полуторасоттысячной армии Петра?

Однако же неслыханная трусость правителя, предавшего на закланье неприятелю свое многократно превосходящее врага войско, не позволила тут же поставить точку над всей этой бездарно продолженной им действительно очень великой, — по времени — растянувшейся на долгие два десятилетия эпопеи с ведением неких «военных действий». А на самом деле варварских пиратских набегов на соседские владения с последующим убеганием от неприятеля, преследующего в страхе удирающее от хозяина тех земель петровское воинство.

Странно как-то слушать перлы о каких-то мифологических победах, которых на самом деле не только никогда не было, но и быть не могло. На самом же деле вот в какую истерику впал Петр, сбежавший из-под Нарвы в Новгород:

«Страх... побудил царя лихорадочно искать выход с помощью дипломатов, прося выступить посредниками в переговорах о мире Англию, Францию, Голландию и Австрию. Однако

все предложения Петра (причем на самых заманчивых для Стокгольма условиях) шведский король отклонил» [53, с. 49].

Он, судя по всему, уже прекрасно тогда понимал, что с таким лгуном как Петр договариваться не о чем: он один раз такой договор уже нарушил, подло ударив в спину, нарушит и все договоры иные. Потому не договариваться с ним следует, но бить, что есть сил.

Так собственно, Карл в последствии и действовал: бил петровских бандитов где только мог.

И вот интересный момент: как же можно было так постараться, чтобы образину Петра, вынутую нами на свет уже предостаточно, подчистить и подгримировать так ловко и так незаметно, что облапошенные обыватели до сих пор все продолжают петь ему дифирамбы. И многие делают это искренне, ни на минуту даже не задумываясь о правдоподобности впитанных ими всеми фибрами души пропагандистских баек.

Но вот какими примерно средствами пользовались создатели образа царя-воителя фальсификаторы. Лажечников, например, пытается нам навязать мысль о некоем ореоле геройства этого великого дезертира следующими им якобы произнесенными словами:

«— Затем и царь я, — перебил Петр, — что должен сам во всех случаях пример являть... в баталии я должен быть *напереди*» [56, с. 346].

Что-то не слишком заметно стремление Петра «быть напереди». Вот если только как-нибудь Новгород передовой объявить. Только в таком случае он и может быть объявлен *напереди* своего воинства, которое, собственно, прямиком за ним и последовало: данному эрзац-формированию — эдакому *Петра творенью* — тоже шкура дорога.

Но предводитель обогнал своих подопечных весьма стремительно и непреодолимо, опередив их «атаку», тем и обозначив это самое свое неоспоримое «в баталии... *напереди*». Чем, собственно, и «пример являть» вознамеривался.

Он только лишь немножечко перепутал направление этой самой своей «атаки» — не сориентировался, в какую сторону «напереди», а в какую *назади* получится. Тому причиной, думается (раструбить бы следовало Лажечниковым-Толстым), дурное в географиях обучение в этой самой дремучей и неотесанной Московии. А в особенности дьяк Зотов в том

всене непременно повинен: пил-де много, в науках же случился *не горазд*. Вот его выученик Петр в свои двадцать восемь с географией-то и обмишурился. Оттого не в ту сторону наступать соблаговолил.

Так откуда взялось непонятное всеми, в один голос нам сообщаемое пятикратное превосходство петровских полицейских частей над шведской армией?! Ведь советская военная энциклопедия нам о Нарвском сражении вот что сообщает:

«К 19 (30) нояб. численность рус. войск составила около 35 тыс. чел. (27 тыс. пехоты, 1500 драгун, 6500 — поместной конницы) и 173 *ор* [удий]. ... швед. армия во главе с Карлом XII (32,5 тыс. чел., 37 *ор* [удий].) 19 (30) нояб. подошла на помощь осажденному гарнизону. Стремясь ускорить подход подкреплений и обозов с боеприпасами, Петр I уехал...» [118, т. 5, с. 495].

Но даже и по этому, насквозь лживому раскладу у Петра этих самых *орудий* было, как минимум, в пять раз больше, нежели у поистине безрассудно атаковавших его шведов!

Так почему же он столь трусливо и поспешно сбежал?!

А у страха глаза, как теперь выясняется, велики. Откуда ж знать этому «великому» было перед своим позорным бегством, что пушек у шведов, столь показавшихся ему грозными, было всего тридцать семь! Но такого их количества даже на один военный корабль едва ли хватит, а уж для наступающих войск это означает практически полное их отсутствие! И это против наших ста семидесяти трех *орудий*!

И такие данные о войсках Карла даже в столь ангажированном источнике, пытающемся заретушировать весь случившийся с петровским воинством конфуз!

Но полстолетием раньше Алексей Толстой, из всех сил стремившийся как-либо выгородить полную бездарность Петра, на столь неприкрытую ложь все же не отважился. Он пишет, что Карлу пришлось:

«... с *десятью тысячами* голодных, измученных солдат, навьюченных мешками (обозы пришлось бросить в поспешном наступлении), броситься на *пятидесятитысячную* армию за сильными укреплениями...» [135, с. 431–432].

То есть еще в самом начале революционных преобразований в России подтверждали именно пятикратное преимущество Петра: на иное еще не отваживались. И лишь к 1980-му году

советская пропаганда решилась на столь нахальный подлог, увеличив воинство неприятеля как минимум втрое, уменьшив почти вдвое воинство Петра.

Читаем продолжение советской версии в военной энциклопедии, уже спустя полвека после начала подправок исторической «наукой» биографии нами рассматриваемого представителя «царизма», к которому революционные власти просто ну никак не должны были относиться с симпатией:

«Утром 19 (30) нояб. *после двухчасового арт. обстрела* швед. армия атаковала позиции рус. войск» [118, т. 5, с. 495].

Да они что ж, смеются, что ли, над своими читателями?! Это кто ж там кого, интересно бы знать, целых два часа безнаказанно обстреливал, если у нас этих самых артиллерийских орудий (как минимум, даже по выше цитируемому советскому источнику) *в пять раз больше?!.*

В течение двухчасовой перестрелки Карл должен был остаться без своей артиллерии вовсе и давно бежать без оглядки, если бы ему это только еще удалось. Но, имея артиллерию, пятикратно превосходящую противника, и получасовой перестрелки станет вполне достаточным, чтобы оставить от неприятельской армии мокрое место, стреляя к тому же еще *из-под защиты заранее возведенных укреплений*. Тут особого количества боеприпасов и не потребуется (сославшись на необходимость пополнения которых Петр сбежал якобы в обоз, а на самом деле куда как далее).

Что же произошло там, под Нарвой, на самом деле?

Сначала определим целевое назначение подтасовки фактов, произведенное советской исторической «наукой».

Заинтересованность в возвеличивании Петра большевиками объясняется принадлежностью к наследникам именно его «славных дел» пламенных борцов уже за нынешнее «народное» дело. А потому и потребовалась им для промывания наших мозгов столь теперь шокирующая лжеверсия, ни с какими историческими данными не совпадающая и извращающая слишком очевидные для всех факты.

Но что ж с пушками-то советские историки свой вариант случившегося с Петром конфуза как следует не подрихтовали?! Ведь высоси из пальца вдобавок к двум с половиной десяткам тысяч шведских солдат еще сотенку-другую такого же «качества» пушечек — и возводи Петра в великие гении, как

и полагается, по всем правилам лжеистории. Ведь если из Ленина манекен сделали, то почему бы его не сделать и из Петра? Ведь если ленинские дела сокрыть уже просто невозможно, так как они у всех на виду, то сочинить очередную сагу о «преобразователе» — дело плевое, не создающее никаких проблем.

Так ведь конфискованные шведами у разбежавшихся петровских потешников пушки, в качестве просто ничем неопровержимого вещдока, остались-то — у неприятеля! И они их теперь имели возможность всему миру экспонировать: поглядите, мол, с какой *шушей* нам воевать приходится — вояки почище *чухонцев* будут.

Потому с версией советской энциклопедии такая весьма существенная неувязочка и приключилась. Однако же, помимо слишком явного аргумента с пленением шведами пушек, в те времена было общеизвестно, что Петром была приведена под Нарву:

«... самая многочисленная из армий европейских государств» [149, с. 134].

Что подтверждается теперь и нынешними источниками. Много ранее же это ни для кого не было секретом:

«Войско, которое должно было начать осаду Нарвы, состояло из трех вновь сформированных дивизий под командой генералов Головина, Вейде и Репнина, из 10 500 казаков и нескольких иррегулярных отрядов — всего 63 520 человек. Дивизия Репнина, насчитывающая 10 834 человека, и малороссийские казаки оставались еще в пути, что сводило действительный наличный состав к 40 000 человек¹. Но Карл XII со своей стороны не мог привести осажденному городу больше 5 300 человек пехоты и 3 130 конницы» [16, с. 310].

Именно эти цифры до прихода к власти в России наследников дел Петра являлись общепринятыми и сомнению не подлежали ни у кого из мало-мальски уважаемых историков. А в особенности у флагманов западнической версии российской исторической науки, Петру глядящей буквально в рот:

«Карл быстро шел к Нарве... и утром 19 ноября явился перед русским лагерем, имея около 8 500 человек войска²» [125, с. 600].

«Кроме того, принужденное идти от Везенберга по *совершенно опустошенной стране*, отделенное от своего лагеря и вследствие этого вынужденное нести с собой жизненные и боевые припасы, это войско, очутившись после ряда усиленных

¹ Устрялов, т. VI, с. 9.

² Hansen. *Geschichte der Stadt Narva, 1856 (1858. S.143–146.)*

переходов перед врагом, в *пять раз более многочисленным*, оказалось в состоянии полного истощения¹» [16, с. 310].

То есть, следуя логике данных строк, не просто с шестидесятитысячным войском Петр I вторгся в страну Ливонию, но и с войском самых отъявленных мародеров, потому как после их здесь всего двухмесячного присутствия эта страна из цветущей стала вдруг *совершенно опустошенной!*

Вот что сообщает о способах воевать с мирным населением петровских птенчиков Соловьев:

«5 сентября Шереметев вошел беспрепятственно в Везенберг, знаменитый в древней русской истории Раковор...» [124, с. 8]. Ну и как же он поступил с русской древностью, занятой освободительным русским воинством? Как и обычно поступал: «... кучи пепла остались на месте красивого города» [124, с. 8].

Так производилось «освобождение» по-петровски. Но здесь следует отдать должное петровским мародерам, они и со всеми иными захваченными городами поступали точно так же, как и со своими собственными древними. Соловьев продолжает:

«Та же участь постигла Вейсенштейн, Феллин, Обер-Пален, Руин; довершено было и опустошение Ливонии. В конце сентября Борис Петрович возвратился домой из гостей: скота и лошадей, по его объявлению, было взято вдвое против прошлого года, но чухон меньше, потому что вести было трудно» [124, с. 8].

И вот что разъясняет нам теперь уже Костомаров о том, каким это образом птенчикам удавалось облегчить свою тяжелую дорогу назад:

«Города и деревни сжигали дотла, опустошали поля, уничтожали домашний скот, жителей уводили в плен, а иногда целыми толпами сжигали в ригах и сараях...» [51, с. 643].

То есть этим пресловутым «облегчением пути» являлась «всего лишь» замена уничтожения скота зверским уничтожением людей!

Костомаров далее сообщает:

«1704 год был замечательно счастлив в войне со шведами...» [51, с. 646].

И вот по каким причинам.

Петр: «... опустошил Эстонию таким же жестоким способом, как в прежнее время Ливонию. ... 9 августа взята была Нарва...» [51, с. 646].

¹ Hansen, *Geschichte der Stadt Narva, Dorpat, 1858, p. 144.*

Это приободрило воинство палача-Петрушки. Его не знающие пощады кровавые сардары: «... истребляли и старого, и малого» [51, с. 645]. «По одной лишь рижской дороге они выжгли более 600 поселений» [53, с. 28].

А вот как «по рыцарски» Петр поступил затем и с защитниками этого города:

«... комендант города вступил в переговоры о сдаче. «Assord», подписанный 15 июля содержал 65 пунктов, позволяя гарнизону уйти к своим... Однако царь подписанных Шереметевым условий не выполнил и задержал шведов, как военнопленных» [53, с. 73].

Вот еще штришок по части «рыцарства» и чести:

«24 июня Выборг сдался на «assord». По его условиям гарнизон уходил «с пожитками и семействами...» Однако после капитуляции Петр не сдержал слова и объявил 3 880 шведов военнопленными» [53, с. 74].

Вот этого «дивного гения» истинная личина! Клятвопреступничество, на самом деле, являлось одной из главных составляющих пресловутой петровской «политики».

А вот и еще детали исполнения его людоедской доктрины. На этот раз про петровскую «политику» нам сообщает беллетрист Лажечников:

«... кругом небосклона встали огненные столбы: это были зарева пожаров. Из тишины ночи поднялись вопли жителей, ограбленных, лишенных крова... Таков был... способ... воевать, или, лучше сказать, такова была политика... делавшая из завоеванного края степь... — жестокая политика...» [56, с. 253].

Но достаточно часто, о чем свидетельствуют просто холодящие кровь потери среди русского населения западных земель, и эти вопли поднимать было некому. Петровскими «потешными», долго приучавшимися Петром, еще в пору его вьюношества, палить из пушек по мирному населению:

«Деревни полностью выжигались. Пойманные... поголовно уничтожались. Причем преимущественно зверскими методами» [53, с. 6].

Такие карательные экспедиции со стороны антихристового воинства превращали некогда цветущий край: «... в безлюдную пустошь с сожженными деревьями, уничтоженными посевами и отравленными колодцами» [53, с. 49].

И вот какими страшными цифрами эта звериная политика Петра отразилась на землях Белоруссии:

«Белорусский народ потерял... в годы Северной войны 900 тысяч из двух миллионов» [132, с. 142].

Таков был «способ воевать» у зверя, уничтожившего половину мирного населения Белоруссии, вдвое перекрывшего своей кровожадностью последователя своих «славных дел» — Адольфа Гитлера. Зря фюрер порешил нацистам сверяться в тонкостях пыточно-палаческого искусства у своих коллег по социализму: они лишь *щенки* — жалкие и ничтожные подражатели своего далекого предшественника. Надо было за подобным опытом обращаться сразу к главному в этом вопросе *льву* — наивеличайшему специалисту по *преобразованию* живых людей в мертвых — Петру I.

Русские православные воины-стрельцы — защитники Отечества — для подобного рода «политики» совершенно не годились. Здесь требовалось иное воинство: то, которое без приставочки эрзац- в обиходе не употребляется. А потому именно такие банды, способные не воевать, но лишь грабить, убивать и насиловать и формировались им. Вот почему его «потешные» обучались в его еще вьюношеском начале этих самых «дел» на обстреле мирного населения из пушек! Своего собственного, заметим, населения...

Так что здесь, узрев в петровских палачах слишком явных предшественников карательных отрядов фашистов, следует лишь констатировать: что росло, то и выросло.

Однако ж в писанных исключительно лишь для нас с вами петровских артикулах читаем совершенно противоположное:

«Арт. 104. Когда город или крепость штурмом взяты будут, тогда никто да не дерзает, хотя вышняго или нижняго чина, церкви, школы или иные духовные дома, шпитали *без позволения и указу грабить и разбивать*, разве что гарнизоны или граждане в оном сдачею медлить и великий вред чинить будут. Кто против сего приступит, оный накажется яко разбойник, а именно: лишен будет живота» [61, с. 29].

Живота этого самого, во исполнение данного артикула, как показывает история, лишен не был никто. О чем это говорит?

Да только лишь о том, что все выше и ниже описываемое творилось не только с позволения, но и с *указу*. То есть уничтожение всего живого было вменено в обязанность, которой

и являлась эта самая петровская пресловутая *политика*. Вот какие отчеты о произведенных погромах ее характеризуют. Шереметев, например, так докладывает об исполнении в точности избранной Петром тактики выжженной земли:

«Не осталось целого ничего: все разорено и пожжено; и взяли твои государевы ратные люди...» [56, с. 327].

Как таковых «ратных» следует квалифицировать?

Лишь на «больших дорогах» таковая деятельность всегда почиталась «целесообразной». Но только уж никак не под государственным флагом своей страны, а под флагом черным с «веселым Роджером» в качестве опознавательного знака.

И что «птенчикам» унести не удавалось, требовалось хоть «надкусить», что ли: «... ели и пили всеми полками, а чего не могли поднять, покололи и порубили...» [56, с. 328].

И тут, казалось, уж о похвалах изобретшему такой способ ведения войны монстру просто и заикаться никакой возможности не оставалось бы. Однако ж кудесник от лжеистории Лажечников даже и в такой патовой ситуации ставит все с ног на голову:

«К этому описанию прибавлять нечего; каждое слово есть драгоценный факт истории, жемчужина ее» [56, с. 328].

К подобному заключению и действительно *добавить нечего* — хороша «жемчужина». Ведь она мало чем отличается от гитлеровских «жемчужин» — Освенцима и Дахау.

А вот чем заканчивались в вышеописанном и подобном ему краях «реформы» этого «реформатора»: «Вслед за военными дозорщиками рыскали стада волков, почуявших себе добычу» (там же).

Таково было предназначение изобретенного творцом «славных дел» эрзац-воинства, подобного которому Святая Русь не только отродясь не видывала, но совершенно себе не представляла возможности такового на ее территории когда-либо объявиться. И не среди кровожадных янычар, алчных наймитных ландскнехтов, злобной татарщины или иной какой немчуры и инородчины, но именно в нашей среде, пропитанной патриархальной привычкой к нестяжанию и доброте, человечности и помощи ближнему. Однако уже первые десятилетия выковывают из собранных Петром отбросов совершенно лишенный русскости генотип. И здесь следует лишь удивляться искусству Петра, в столь рекордно короткие сроки наштамповавшему своих мутантов — полностью чуждых

всему русскому инородцев. Ведь менталитет этих страшных бандформирований русским не мог являться ни при каких обстоятельствах и ни под каким видом.

Шереметев сообщал Петру: «... только остались целыми Колывань, Рига и Пернов, Реймеза (Лемзаль)». Петр похвалил за это Шереметева и приказывал разорять край до последней степени.

Когда таким образом Шереметев опустошал шведскую провинцию Ливонию, сам царь делал завоевания в другой шведской провинции — Ингрии... и здесь завоевание сопровождалось таким же варварским опустошением...» [51, с. 644].

«Наступила весна 1704 года... В Ливонии и Эстонии опустошать было нечего более...» [124, с. 9].

Но вот, странный вопрос, почему Карл в то время не мог оказать этим разбойным нападкам достойного сопротивления?

Все вышеизложенное производилось лишь в тот момент: «... пока «швед увяз в Польше», по выражению Петра¹» [124, с. 9].

В подобный же момент был приговорен и Дерпт. Петр отписывает Шереметеву: «... идти и осадить конечно Дерпт, чтобы сего данного богом случая не пропустить, который после найти будет нельзя» [там же].

А Дерпт, как известно, это древний русский город Юрьев. Который Петр, как и все на его пути города иные, повелел отдать в жертву тому самому богу, которому служил и приносил человеческие жертвоприношения. Именно этот его идол, похоже, и подталкивал Петра убивать беззащитных.

Но и мстительности его кумир был несколько не меньшей. Вот как Петр отомстил Нарве, где некогда поимел первый свой серьезный конфуз на европейской арене. Его пираты: «... ворвались в город и произвели в нем страшную резню без пощады женщинам и детям» [124, с. 10].

Но именно в подобной же ситуации, когда шведы увязли под стенами Копенгагена, было произведено и первое нападение на Нарву, когда и случился с петровским потешным воинством тот удручающий конфуз. Ведь вовсе не воевать со шведами приходил тогда к стенам Нарвы патрон сфабрикованной им для душегубства шайки-лейки, подобранной из отбросов нашего общества:

¹ Голиков, X, с. 124

«Петр не ожидал найти шведского короля в Ливонии. Он предполагал, что ему достаточно долго придется воевать с королем датским... Он весело отправился во главе своей гренадерской роты, рассчитывая на легкий успех. Явившись к городу 23 сентября, он был удивлен тем, что город, по-видимому, приготавливался к серьезной обороне» [16, с. 310–311].

Что мы здесь узнаем о тех событиях?

А то, что наш столь «великий» монарх пресловутое свое «окно в Европу» вовсе не прорубать вознамеривался в честном бою с равным соперником. Но лишь открамсывать очередной кусок, столь ему желаемый, подлым ударом в спину воюющего сразу на три фронта соседа, в данный момент находящегося аж за морем под стенами далекого Копенгагена, где по всем расчетам вояка Карл должен был увязнуть слишком надолго. Именно это обстоятельство и обеспечивало созидателю бутафорско-полицейского бандформирования безнаказанное разграбление края, оставшегося практически беззащитным. Против его шестидесятитрехтысячного войска в самой этой Нарве и Ивангороде находился крепостной гарнизон, весьма смехотворный для какой-либо попытки противостояния Петру:

«Швед. гарнизон Нарвы и Ивангорода имел 1,9 тыс. чел...» [118, т. 5, с. 495]. И, несмотря на это, совершенно не собирався ему сдаваться без боя. Чему Петр, придя в Ливонию со своим тридцатикратно превышающим численность врага воинством, и был столь поразительно удивлен.

«Он не знал, что условия Травендальского мира, которые должен был принять его союзник, были подписаны в тот самый день, когда русская армия тронулась в поход» [16, с. 311].

И вот о чем это говорит: Петр не просто забрался грабить своего воюющего с коалицией четырех европейских государств соседа, отделенного на данный момент от него Балтийским морем. Сосед не просто вел затяжную изнуряющую войну на три фронта, но и не имел никакой возможности в какие-либо даже самые ближайшие месяцы вообще появиться в Ливонии, так как шведский флот был заблокирован англичанами, а потому и должен был стоять в бездействии. Высадке же десанта в Ливонии к тому же должен был воспрепятствовать участвующий в коалиции воюющих со Швецией европейских держав король польский и саксонский Август.

А потому и распоряжался Петр, находясь во враждебной ему стране со своим жандармским корпусом, столь беззастенчиво и нагло, словно грабитель в мясной лавке, чей хозяин надолго отлучился. Потому и стала она за столь короткий срок после вторжения туда огромной банды петровских «потешных», чье ремесло — рубить головы пленным стрельцам, из цветущей страны «совершенно опустошенной».

Но вот вдруг неожиданно нагрянул хозяин, и атаман шайки мародеров первым кинулся улепетывать, что полностью раскрывает нам мотивацию его беспрецедентно трусливого поступка, который так до сих пор никто из историков до конца и не понял (или не захотел понять):

«Из тех соображений, на которые ссылались сам государь и его апологеты, чтобы оправдать это беспримерное дезертирство, ни одно, по-моему, не выдерживает критики. Необходимость свидания с польским королем, желание ускорить движение Репнина — все это жалкие нелепости» [16, с. 311].

Между тем удивляться какой-то особой трусости предводителя шайки мародеров особенно не приходится. Внезапное появление пускай и десятикратно более слабого, но уверенного в своей правоте хозяина обычно очень сильно психологически воздействует на грабителя. Потому уличенный в неблагоприятном занятии преступник, бросая все, в страхе улепетывает, побыстрее унося ноги под оглушительные крики: «Ату его! Держи вора!»

Именно по этой причине и бежал Петр, в очередной раз показав свою вопиющую трусость: ««Петр вообще был человек очень сильного воображения, чрезвычайной мнительности и опасливости, переходящей в робость и испуг...» (Розанов, 1905)» [46, с. 207].

А потому шведский монарх в глазах своего ближайшего советника и выглядел полностью противоположно ему:

«Высадка в Ливонии, куда дурная погода помешала привезти часть полков, была безумием даже в глазах бесстрашного дипломата. «Можно очень опасаться, что король не останется в живых», — пишет он (2 ноября 1700 г. из Ревеля). Чтобы достигнуть со своими *восемью тысячами человек* Нарвы, Карл должен был, сделав переход через совершенно пустынную местность, перейти узкую, перерезанную ручьями долину. Если бы она была укреплена, Карлу сразу пришлось бы остановиться. Гордон думал об этом, но Петр не послушал его и только

в последнюю минуту послал туда Шереметева... Но Карл, подвигаясь вперед, продолжает вести свою рискованную игру. Солдаты изнемогли; лошади не ели два дня¹...

Карл проникает в неприятельский лагерь и через полчаса овладевает им» [16, с. 315–316].

И это тем самым лагерем он «овладевает», который защищали с оружием в руках пять русских солдат против одного нападающего шведа! Возможно ли такое?!

Наша история таких позорных поражений ни до Петра, ни после — просто не знает!

Так от чего ж столь изрядный конфуз с нашим в прошлом славным воинством случился?

Да потому, что воинство это, им столь лелеемое, было насильно оторвано от своего православного менталитета:

а) посты в его полицейской банде были строго-настрого запрещены;

б) исконно русские православные хоругви и знамена стали упразднены и заменены безбожным монархом красного цвета знаменами и прочими масонскими символами, что также не могло не сказаться на деморализации совсем в недавнем прошлом русского воинства, превращая его менталитет в «общечеловеческий»;

в) приглашенные украинские священники ввели свои полу-униатские, полупротестантские порядочки, что также не могло не сказаться на моральном состоянии в прошлом настоящего русского человека;

г) подмена православных ценностей на «общечеловеческие» превратила самое стойкое в мире воинство в обыкновеннейшую европеизированную банду мародеров, что не могло не стать причиной столь сокрушительнейшего поражения от неприятеля, многократно уступающего числом.

А потому бегство главаря застуканной врасплох банды грабителей столь пагубно отразилось на моральном духе всей этой огромнейшей шайки ушкуйничков, чье удивительнейшее трусливое поведение до сих пор так и оставалось почему-то никем не разбираемым. Но именно потому этих *русскоязычных* бандитов так безнаказанно и топили в реке, что домой нагрянули нежданно самые на тот момент настоящие хозяева:

¹ *Sarauv, Die Feldzuge Karls XII, Leipzig 1881, p. 55; Усмыслов, т. 4, с. 181.*

«Часть русских тонет в Нарве. «Если бы на реке был лед, — сказал Карл насмешливо, — то я не знаю, удалось бы нам убить хоть одного человека»» [16, с. 316].

И вот как все это происходило:

«Пехота бросилась через мост, мост обрушился, и много народа потонуло в Нарве» [125, с. 601].

Потому улизнуть от возвратившегося хозяина в первые же минуты «соприкосновения» с неприятелем петровским карательно-потешным полкам так и не удалось. Пришлось этой сорокатысячной толпе соглашаться на любые самые унижительные условия, выдвигаемые им горсткой шведов, пришедших в свой разрушенный дом. И петровские птенчики архилобезно:

«... согласились отступить, отдавши шведам артиллерию...» [125, с. 601].

То есть согласились, за ненадобностью, отдать самый теперь весомый вещдок позорнейшей за всю историю России ретирады: бегства, которое даже наследникам Петра, имеющим в своих руках всю полноту средств массовой информации, так и не удалось как-либо заретушировать. Потому читаем даже в возвеличивающих Петра источниках:

«Поражение полное... Честь погибла среди насмешливых кликов Европы, приветствовавшей это поражение без боя, — а монарх бежал!.. Завоевательные планы... мысли о славе и цивилизаторской миссии, — все рушится... Он продолжает бежать. Не преследуют ли его шведы? Он плачет и хочет заключить мир, мир немедленный и купленный какою бы то ни было ценой. Он обращается с жалобными просьбами к Голландским Соединенным провинциям, к Англии¹...» [16, с. 316].

И абсолютно неважно то совершеннейше пустячное обстоятельство, что Петр своего союзника Августа просто-напросто надул:

«Царь Петр клялся на распятии не идти дальше Ямбурга...» [135, с. 389].

Здесь, следует признать, ложь для Петра была делом обыденным. Точно так же как и Августа, он чуть раньше надул Карла XII:

«21 ноября 1699 г. — Август и ...Петр I официально оформили военный союз против Карла XII» [53, с. 21].

А 30 ноября петровская дипломатия внушает развесившему уши «... шведскому посольству, прибывшему специально для этой

¹ Устрялов, т. IV, с. 77.

цели в Москву, что не имеет к скандинавам никаких претензий, и будет свято соблюдать условия последнего мира» [53, с. 21].

Но папой у Петра, судя по всему, сам отец лжи. Потому этой его премилейшей привычке удивляться вовсе не стоит.

Но даже это клятвопреступление выпадит безвинным мало-заметным штришком к биографии Петра в сравнении со всеми иными «славными делами», которые он, «не зная брода», натворил уже в завершении своей военной карьеры:

«... венцом полководческого искусства Петра был, конечно, Прутский поход: ничего столь позорного Россия не переживала никогда...

Петр сунулся совершенно не спросясь никакого броду и влип, как кур в ошип: великий визирь окружил всю петровскую армию, так что Петру на этот раз, — за отсутствием по тогдашним временам авиации, — даже и бежать было невозможно. И в этой обстановке Петр проявил свою обычную «твердость духа» — плакал, писал завешание, предлагал отдать обратно всю Прибалтику (не Петром завоеванную!) тому же Карлу, выдачи которого еще вчера он ультимативно требовал от султана. Великий визирь не принял всерьез ни Петра, ни его гения, ни его армии, иначе он не рискнул бы выпустить ее за взятку, которою расторопный еврей Шафиров ухитрился смазать и визиря, и его пашей. Любезность победителей дошла до того, что они охраняли путь отступления петровской армии...

За нарвские, гродненские и прутские подвиги любому московскому воеводе отрубили бы голову — и правильно бы сделали. Петра вместо этого возвели в военные гении» [126, с. 445–446].

А вот что произошло под вышеупомянутым Гродно: имея своих войск трехкратное над шведами превосходство, наш «славный гений» впал в обычное свое в минуту хоть какой-либо малейшей опасности состояние — он струсил и сбежал. Причем, там же, под Гродно, это бегство повторилось и в следующий раз.

А вот на чем был построен первый поход царя Петра на Азов. Вся стратегия этой его военной «операции» заключалась в возможности неожиданно напасть в тот момент, когда сопредельное государство будет связано крупномасштабным ведением военных действий с коалицией европейских стран. И вот такой момент наступил. То есть появилась уникальнейшая возможность неожиданно ударить Турции в спину:

«Теперь время удобное: у султана три больших войска ратуют в Венгрии с императором... у турок и татар была война с немцами...» [135, с. 192].

А потому:

«В начале 1695 года он приказал объявить поход... Государство имело в распоряжении *сто двадцать тысяч войска, кроме малороссийских полков*» [51, с. 625].

«*Шкипера* [то есть Петра — А. М.] должна была прельщать мысль, что Азов был ключ к Азовскому морю. Хотели оплошать турок, напасть нечаянно на Азов...» [125, с. 510].

Переводим этот премилейший историко-пиетический каламбурчик: «оплошать» и «напасть нечаянно» — значит незаметно подкрасться и подло ударить в спину.

В поход с Петром отправилось:

«... войско нового строя, полки: Преображенский, Семеновский, Бутырский и Лефортов... всего 31 000...» [125, с. 510].

И без ернического куража, что и понятно, не обошлось и здесь: «... бомбардирскую роту вел *бомбардир Петр Алексеев*» [125, с. 511].

Настроение в петровской жандармской команде было отменным:

««Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть идем», — писал бомбардир в Архангельск к Апраксину» [125, с. 511].

«... Петр и под Азов отправился развлекаться» [14, с. 72].

Но вот наткнулись на первое препятствие: путь лодкам преграждала перекинутая через реку цепь, охраняемая двумя каланчами. И вот, интересный момент, с самого же начала военных действий все эти якобы выученные Петром воевать его личные воинские формирования куда-то вдруг из поля зрения исчезают. На горизонте же появляются до того даже и в войсках не числящиеся донские казаки:

«Жликнули клич по охотникам из донских казаков — кто пойдет на каланчу? Каждому обещано по 10 рублей. Казаки взяли одну каланчу... ночью турки, сидевшие в другой каланче, ушли из нее, покинув свои пушки, утром казаки заняли каланчу» [125, с. 512].

А в то же самое время:

«Шереметев и Мазепа взяли приступом... Казы-Кермень и Таган...» [125, с. 513].

У Шереметева в подчинении имелась так называемая «старая дворянская конница», а у Мазепы, что и естественно,

— малороссийские казаки. То есть и вновь: ни о каких победах буташфорских солдат Петра нет и малого намека.

А вот теперь сведения уже и о них:

«Петр I, подойдя к турецкой крепости Азов с гарнизоном не более 5000 человек, осадил ее и 5 августа попытался взять штурмом, но потерпел неудачу...» [2, с. 293–294].

Так что даже астрономическое численное преимущество успеха потешной армии Петра так и не принесло, так как войском, по большому счету, оно вовсе и не являлось.

В этом пришлось убедиться достаточно быстро:

«... при атаке татарской конницы «на русский пехотный Швартов полк» иноземный командир приказал Всеми полку стрелять сразу» [119, с. 195].

Последствия не заставили себя долго ждать:

«Татары смяли солдат и, как «овец погнали» в свою землю вместе с полковником» [119, с. 195].

На таком уровне в те времена находилась хваленая западно-европейская военная наука. Другое дело — мы сами:

«Подобных промашек стрелецкая пехота не допускала за всю историю своего существования» [119, с. 195].

Но модная закордонного образца пехота Петра такой казус допустила после первого же соприкосновения с настоящим неприятелем, обнажив на тот день свой слишком низкий уровень в военном отношении. Потому Петру, располагающему исключительно подобного рода эрзац-воинскими жандармского покроя формированиями европеоидного типа, пришлось и отсюда срочно ретироваться:

«2 октября русские сняли осаду и отступили» [2, с. 294].

Так как же «историкам» соврать позабористее? Почему же все-таки «отступили»?

Примерно так:

«Петр затаил страх, тот же страх, как в памятную ночь бегства в Троицу...

...Петру жутко было взваливать на одного себя такое важное решение: молод еще был и смолоду пуган» [135, с. 191–192].

И это в двадцать три-то года молод?! А Александр Невский в свои девятнадцать, когда наголову разгромил своим малым отрядом полчища вторгшихся шведов, глубоким стариком уже что ли был?!

Так ведь Карлу, насмерть перепугавшему его под Нарвой, еще не было и девятнадцати!

Но Петр еще и не единожды, бежал.

Зря Софья, в свое время, побоялась сразиться с этой тридцатитысячной аника-«армией», умеющей воевать, как теперь выясняется, только лишь с мирным населением. Ведь она способна выполнять, в лучшем случае, лишь полицейские функции. Да и то: когда вдесятером против одного. И при первой же возможности кидается в бега от шестикратно уступающей ему армии не только каких-либо европейцев, но даже от турок!

Однако ж вся эта армада, многократно превышающая количество засевших в крепости солдат неприятеля, после внезапного бегства Петра поддалась паническому настроению своего предводителя и почти поголовно была вырезана турками, кинувшимися в погоню за беглецами. И слишком немногим из пришедших тогда с Петром представителей его жандармских формирований довелось тогда унести ноги:

«... всего треть осталась от армии» [135, с. 215].

Большого позора в войнах России именно с турками просто не бывало ни до, ни после Петра! Именно мы всегда били их, несмотря на просто подавляющее своей численностью превосходство врага, доходящее и до 1: 5, и даже до 1: 20 не в нашу пользу!

«Вообще во время войн XVIII–XIX вв. соотношение сил одного русского солдата против 10 персидских или турецких солдат русское командование считало нормальным для ведения сражения. Недостаток сил компенсировался храбростью и умением русского воина» [154, с. 203].

Но Петр, имея шестикратное преимущество, бежал...

Однако ж битому снова неймется. И после первой неудачной попытки была предпринята вторая. Для этого устроена корабельная верфь в Воронеже.

После длительной подготовки потешные части Петра вместе с вышедшим из потешного же Плещеевского теперь уже Воронежским флотом выступили под Азов.

Но при виде неприятельской флотилии Петр опять поступил как обычно — *испугался*:

«20 мая, после рекогносцировки турецкого флота, которому он должен был преградить выход из Дона и не дать подвезти

провиант в крепость, Петр вдруг, *испугавшись* его грозного вида, отступил со своими галерами...» [16, с. 72].

И это самое «отступил» и означает — *бежал!*

Только вот галера не конь — она только *идти* может. А потому Петра, после его весьма обыденного дезертирства, уже к полудню следующего дня все же настигла радостная весть (куда он к тому времени на своей все ж не лошадиной скорости отструганной им из сырого леса тихоходной посудине мог успеть доретироваться, осталось за кадром). Оказалось, что в тот же день, когда Петр столь ретиво кинулся в весьма привычные ему бега:

«... казаки на своих «чайках», легких кожаных челнах, летающих, как настоящие чайки по воде, без всякого приказа, по собственному побуждению напали... на турецкие суда и принудили их отступить с большими потерями» [16, с. 72].

Иными словами видя, что очередное бегство Петра неминуемо послужит сигналом к бегству и его бандформированиям, что неизбежно закончится преследованием и поголовным истреблением беглецов, среди которых окажутся и сами казаки, вынудила эту здесь единственную присутствующую настоящую боевую войсковую единицу вступить в неравный бой со всей армадой турецкого флота.

Мало того, в отсутствие удирающих петровских потешных моряков, одержать над сильно превосходящими силами врага неслыханную победу: разгромить утлыми лодчонками военно-морской турецкий флот!

Весть обрадовала беглеца. Он воротился к потешникам, на свое счастье не успевшим драпануть вместе со своим сюзереном за компанию, подставив спины под немилосердные удары турецких сабель.

Это дало возможность все же приступить к обстрелу города, который велся потешными, то есть бутафорскими придворными «солдатыками» Петра, достаточно неточно, так как по целям они бить никогда и не приучались. Пушки применялись Петром при пальбе в воздух в честь каких-либо, с его точки зрения, знаменательных событий. А потому и толку от этих выстрелов практически не было никакого. Однако же это вовсе не мешало казакам взять Азов:

«...17-го — смелый натиск запорожцев, действующих одинаково дерзко и на воде и на суше, помог Петру овладеть частью крепостных укреплений...» [16, с. 73].

Но, опять же, не его потешным удалось этими укреплениями овладеть:

«17 июля малороссийские и донские казаки пошли на штурм... турки, опасаясь возобновления штурма... на другой же день сдались» [51, с. 626].

То есть и сдались-то они, как здесь более чем четко указано, именно казакам!

Таким-то вот образом наш монарх и стал победителем сражения, где как его бутафорский флот, так и потешные же части, со специализированными исключительно по пальбе «по воронам» пушкарями, не сыграли какой-либо заметной роли в случившейся виктории. Все сделали отнюдь не подготовляемые иностранными «специалистами» войска, а не Имеющие к его немцам и близко никакого отношения запорожские и донские казаки.

Петр же все заслуги этого сражения тут же присвоил исключительно самому себе. А потому и отправился в поисках улучшения нападательной способности своих потешных эрзац-воинских формирований не на Дон и не в Запорожье, где базировались одержавшие данную викторию иррегулярные части, а за границу, где и аналогов казачьим воинским формированиям никогда не бывало, да и быть не могло.

И турки постоянно крушили собираемые против них европейские коалиции, наводя ужас лишь одним только своим именем.

Казаки же, живя с турками по соседству, наводили ужас уже на них. Их опытом и следовало бы воспользоваться столь любящему заимствования монарху.

Но его почему-то понесло в совершенно противоположную сторону. При своем отъезде Петр заявил:

«Я в ранге ученика и нуждаюсь в учителях¹» [16] (с. 75).

¹ Соловьев, т. IX, с. 461; т. XI, с. 93

Ученик-переросток

«В Москве иначе представляли действительную цель этого путешествия и думали, что царь будет делать за границей то же, что делал до сих пор в слободе, т. е. веселиться¹» [16, с. 75].

Так оно и было на самом деле. Миф о каких-то там его особых учениях вдребезги расшибается о свидетельства очевидцев, тут и там пестрящие его ужаснейшими выходками, типа:

«Его встретил там церемониймейстер Жан де Бессер, придворный с головы до ног; и к тому же ученый и поэт. Петр бросился на него, сорвал с него парик и бросил в угол.

— Кто это? — спросил он у своих. Ему объяснили, как могли, полномочия Бессера.

— Хорошо. Пусть приведет мне девуку²...

...множество подобных случаев не оставляют ни малейшего сомнения в том, каково было общее производимое Петром впечатление» [16, с. 79].

Однако он являл собой не только блудливое животное, но животное кровожадное и жестокое, что не могли не отметить даже инородцы, столь изощренные в методах борьбы с перенаселением своих варварских стран:

«Иногда у него являлись странные желания; он непременно хотел, напр., присутствовать при колесовании; он думал разнообразить уголовный процесс своей родины введением этой пытки. Пред ним извинились: временно не было присужденных к этой казни. Петр удивился: сколькими способами можно убить человека?! Почему не взять кого-нибудь из его свиты³» [16, с. 81].

Хорошо бы представить в тот момент состояние лиц его свиты — их хозяин-собутыльник был готов любого из них, с кем только еще вчера допивался до невменяемости, исключительно из любознательности в области анатомии, «немножечко *почетвертовать*»!..

Исключительно подобного рода новшества он и коллекционировал. То есть собирал:

«... с Европы дань просвещения, чтобы обогатить ею свое государство» [56, с. 29].

¹ Устрялов, т. III, с. 18.

² Бергман. *Peter der Grosse. Mensch und Regent. Ruza*, 1823, т. I, с. 256.

³ Пелльниц [Барон Карл-Луи] *Мемуары*. Берлин, 1791. т. I, с. 179.

В плане увеличения разнообразия пыточно-палаческого искусства: безусловного повышения квалификации «отечественных» катов в плане нивелирования выверенности их тонкой «ручной заплечных дел работы» под всемирно признанный общеевропейский стандарт. И это все для того:

«... чтобы сзывать в свое отечество богатства и просвещение Европы...» [56, с. 6].

А разнообразие в изуверском искусстве у этой самой Европы было и действительно — *богатое*. И как можно покуситься без элементарнейшего познания в величайшем из искусств — искусстве четвертования живых людей — хотя бы пытаться урегулировать узаконение смертоубийства половины мужского населения «своего» отечества?

Да никак. Ведь четыре тысячи смертных приговоров царя Иоанна, за таковые «кошмарики» прозванного Грозным, который совершил эти казни в течение долгих пятидесяти лет, разве ж можно просвещающемуся у Запада монарху ввести за норму?

Его наипервейшая задача ухайдакивать эти четыре тысячи русских людей не в полвека, но в полнедели! Именно таковая «плотность» убийств и была впоследствии принята царем-антихристом за норму. Петр устрашающе прилежно учился этой людоедской профессии, столь серьезно обнадеживающей извечно враждебный нам Запад. В его «славных дел» планы входило тотальное уничтожение этого упрямого и неподкупного народа, все так и не желающего отклоняться от Православия, некогда воспринятого им не за какую-то экзотическую религию Востока, но за норму поведения.

Так что именно палаческое искусство, способное это вероисповедание вырубить просто с корнем, лишь одно и могло серьезно заинтересовать Петра. В своих личных владениях он первым делом, еще со времен своего *вьюношеского* возраста, учредил пыточные застенки Преображенского, а уж потом все остальное. Мучить и убивать ему просто нравилось. Какая там еще иная наука могла его серьезно заинтересовать?

А потому все его какие-то там сказочные обучения сводились примерно к следующим результатам:

«... он работал под руководством артиллериста Стернфельда и в несколько недель получил диплом канонира. Об этом напрасно говорят серьезно. Через три года два монарха, одинаково

влюбленные в оригинальность, Петр и польский король, встретились в Ливонии, в замке Бирзе и развлекались стрельбой в цели из пушки; Август попал два раза, Петр ни одного¹» [16, с. 80].

Такова цена этому диплому, купленному Петром на деньги русских налогоплательщиков. И отнюдь не следует даже надеяться, что все им полученные там же и прочие многочисленные дипломы не являются такого же поля ягодами. К разряду все той же фикции относятся и все его карнавальные переодевания в обноски рабочего судостроительной верфи:

«Переодевание, конечно, никого не обманывало. Родственник одного из рабочих, работавших в России, давно уже прислал описание наружности царя: «Он высокого роста, голова трясется, правая рука в постоянном движении. На лице бородавка»» [16, с. 87].

И действительно: «... голова царя постоянно тряслась, и все его тело было подвержено конвульсивным движениям» [51, с. 631].

Но уродство его было куда как и еще более разящим. Это был: «... долговязый царь с крохотной головой, меньше собственного кулака, и безумными глазами маньяка» [14, с. 341].

В дополнение к этому кошмарному портретцу необходимо прибавить и еще несколько деталей, обрисовывающих наружность этого ходячего чучела. Ступни ног у него были очень маленькие. Потому, чтобы скрыть эту несоразмерность с его чрезмерно длинными ногами, ему, в сапоги большого размера, вставляли специальный вкладыш. Руки у него были очень короткими — так же слишком несоразмерно с необычайно длинным туловищем. Потому Петру шили очень длинные рукава, чтобы казалось, что руки находятся под ними. Плеч у него не было вообще, что можно наблюдать на его многочисленных восковых фигурах, например, в Эрмитаже. Здесь, правда, в недавние времена, чтобы спрятать этот кошмар от людских глаз, на его восковую фигуру стали одевать специально сшитый камзол, заполненные наполнителем вставки которого скрывают от людских глаз это уродство. Но при желании, например в Ростовском музее восковых фигур (Ростов-на-Дону), экскурсовод может милостиво приоткрыть край камзола и показать фрагмент этой уродливой фигуры. Причем, полностью снять ни камзол, ни сапоги, не преступив

¹ Пельниц [Барон Карл-Луи] Мемуары. Берлин, 1791. Т. I, с. 179.

при этом буквы российского законодательства, возможности не имеется — они запечатаны!

Но почему ж, в таком случае, это чудовище выполнено точно по формам некогда усопшего тела?

Так ведь по ночам в восковые фигуры вселяются их души. А точнее бесы, некогда находящиеся еще при жизни их владельцев! Потому уродство Петра, в данном случае на службе у бесов стоящим властям, не спрятать никак. Именно для вселений в восковые тела их бывших inferнальных владельцев и создаются все музеи подобного рода. Эти бесы, по замыслам организаторов, судя по всему, и способствуют поддержанию в нашей стране порядков, живущих во всех этих мертвых телах inferнальных личностей (все сказанное в первую очередь относится к мумии Ленина).

Но вот нашли половинчатое средство — изготовили камзол. И теперь многие действительно верят в то, что страну нашу создал тот исполин, который красуется на всех статуях и «героико-патриотических» картинах.

А представьте себе, что это чучело еще и трясется в конвульсивных судорогах, подергивая рукой и головой *с безумными глазами маньяка?*

Потому и шарахались местные жители, еще издали завидя это заморское чудище, прибывшее к ним «инкогнито». Его вид психически явно ненормального человека полностью соответствовал и внутреннему содержанию этого припадочного тела. А потому:

«Дети, с которыми он дрался, бросали в него камнями; он сердился и, забывая о своем инкогнито, объявлял во всеуслышание о своем звании» [16, с. 87].

А что здесь удивляться? Уже в наших психиатрических клиниках каждый второй из больных норовит провозгласить себя Бонапартом. И хотя сам Наполеон к тому времени еще не родился, но искушение поиздеваться над личностью со всеми признаками болезни пляски св. Витта, которая, следуя по улице в заляпанной вонючей одежде плотника, вдруг посреди дороги объявляет себя императором какой-то заморской весьма экзотической территории и требует к себе почтительного верноподданнического уважения, было слишком непреодолимо. А потому — дети безвинны. Выраженный сумасшедший в любой стране мира

ну просто никак не сможет не стать предметом их насмешек и улюлюканий. А царь Петр, судя по описанию его внешности, не стать предметом насмешек просто не мог.

Однако же это еще не все впечатления, которые он о себе оставил жителям провинциального городка Голландии:

«Царь пробыл в Саардаме 8 дней; он катался там на лодке и дал 50 дукатов служанке, за которой ухаживал» [16, с. 87].

Этот фрагмент из жизни любвеобильного монарха запечатлел на своем полотне художник Гореман.

Во дворце Монплизир в Петергофе:

«... хранится картина фламандской школы, на которой изображен человек в красном камзоле, крепко обнимающий полнотрудную девушку...

Нартов, сделавшийся впоследствии одним из самых близких к Петру лиц, упоминает об этой девушке и замечает, что она отдалась царю лишь после того, как поняла, заглянув в его кошелек, что имеет дело не с простым судовщиком.

В отрывке письма к Лейбницу от 27 ноября 1697 года я прочел следующие строки: «Царь встретил саардамскую крестьянку, которая ему понравилась, и в часы досуга будет, подобно Геркулесу, наслаждаться любовью на своей барке»¹» [16, с. 88–89].

И вот что отмечают те из местных жителей, которые попытались, не понимая чем там царь этот на своем ботике занимается, подплыть к нему поближе и как следует разглядеть столь загадочного экзотического заморского гостя их города:

«... царь, желая отделаться от назойливости, схватил две пустые бутылки и бросил их прямо в толпу пассажиров, но, к счастью, никого не задел...» [135, с. 239].

Таковыми-то вот «славными делами» наполнена была жизнь этого набитого золотом трясущегося припадочного параноика, чья безграничная любвеобильность напрямую зависела лишь от содержимого его туго набитого кошелька. В противном же случае этому уродливому грязному чучелу не дала бы к себе прикоснуться ни одна даже самая зачуханная служанка.

Такое вот «обучение», имеющее несколько интимный характер, Петр получил в Саардаме. И чему уж за пятьдесят дукатов восемь дней его обучала служанка гостиницы — можно нам теперь только гадать.

¹ Геррье. Перетиска Лейбница, СПб., 1873, с. 31.

После своего суетного двухмесячного пребывания в Амстердаме, где Петр попытался обучиться сразу и всему, он со товарищи переплыл Ла-Манш и продолжил подготовку начала своих «славных дел» уже в Лондоне. Но и здесь впечатления о себе он оставил уж слишком далекие от какой-либо и малейшей схожести с Бонапартом, которого из него вылепила советская историография за годы безраздельной власти в стране, некогда завоеванной гидрой революции:

«Трудно представить себе, что этот человек способен управлять великим государством; из него может выйти хороший плотник, — это так¹...» [16, с. 94].

Но и до плотника, следуя иным его же высказываниям, прибывшему на туманный Альбион этому параноидальному существу было слишком далековато. Выходки Петра:

«... до такой степени поражали Бюрнета, что он считал его почти помешанным» [51, с. 631].

Здесь он обучался все тем же наукам, ключом к познанию которых чуть ранее обзавелся в процессе интимных общений с полногрудой горничной в голландском городе Саардаме:

«Актриса Гросс, заменившая служанку из саардамской гостиницы, жаловалась впоследствии на скупость царя. Когда кто-то позволил себе упрекнуть его, он резко возразил: «За пятьсот гиней люди мне служат душой и телом; а эта девка мне плохо служила, ты сам знаешь чем, и стоит дешевле» (Нартов, с. 9. Выражения более грубы). Он вернул свои пятьсот гиней, выиграв пари у герцога Лейдского (Leeds): гренадер из его свиты одолел знаменитого английского боксера.

Истратив на подобные занятия три месяца, он отправился на шесть недель в Дептфорд...» [16, с. 95].

Но Петр и там оставил по себе впечатление не многим лучшее:

«В Дептфорде Петру со свитой отвели помещение в частном доме близ верфи, оборудовав его по приказу короля, как подобало для такого высокого гостя. Когда после трехмесячного жительствова царь и его свита уехала, домовладелец подал куда следовало счет повреждений, произведенных уехавшими гостями. Ужас охватывает, когда читаешь эту опись, едва ли преувеличенную. Полы и стены были заплеваны, запачканы следами веселья, мебель поломана, занавески оборваны,

¹ Бюрнет. Воспоминания. Т. II, с. 221

картины на стенах прорваны, так как служили мишенью для стрельбы, газоны в саду так затоптаны, словно там маршировал целый полк в железных сапогах. Всех повреждений было насчитано на 350 фунтов стерлингов, до 5 тысяч рублей на наши деньги по тогдашнему отношению московского рубля к фунту стерлингов» [49, с. 426].

Ну а когда взятый из Москвы годовой бюджет огромного государства был благополучно промотан Петром с его буйной компанией, громко называемой почему-то «посольством», то в ход пошло совершенно обычное для его «славных дел» наследников занятие — распродажа с молотка своего Отечества:

«Из Москвы непрестанно слали соболя, парчу и даже кое-что из царской ризницы: кубки, ожерелья, китайские чашки, но всего этого не хватало...

Выручил любезный англичанин лорд Перегрин маркиз Кармартен: предложил отдать ему на откуп всю торговлю табаком в Московии...» [135, с. 240].

Петр любезно согласился: «сколькими способами можно убить человека?!»

В том числе и *табаком*.

И здесь, при перечислении всех «подвигов» Петра при увеселительных разъездах его по заграницам, следует все же отметить, что именно Запад в то время погибал от дурных привычек: алкоголизма и курения, проституции и связанных с нею не излечимых венерических заболеваний. Житье же там простолюдинов было просто катастрофически ужасным.

Вот и вояж Петра во Францию не мог не быть отмечен подобными впечатлениями:

«Он, как полвека спустя другой путешественник — Артур Юнг, был поражен видом нищеты встречавшегося ему народа...¹» [16, с. 390].

И это о той модели общества, которую столь настойчиво навязывал нам этот «мудрый» нашей страной управитель. Главный же город этой им копируемой западной цивилизации он «одарил» следующим эпитетом: «... если бы он был мой, то непременно бы сжег его...» И, думается, что если бы город Париж по каким-то капризам судьбы действительно ему достался, то свои угрозы Петр выполнил бы в точности.

¹ Соловьев, т. XV, с. 71.

Однако же и здесь он не оставил своих наклонностей, хоть прекрасно знал, что каждый его шаг фиксируется:

«... в Медоне он наградил «бумажным эку» слугу, который, по словам Бюва, оказал ему услугу в очень интимном и грязном деле»¹ [16, с. 394].

И эта его половая ориентация, столь несвойственная истинно русскому человеку, уж теперь не просто наводит на какие-то мысли о его национальной принадлежности, но и полностью изобличает в нем уроженца земли Ханаана — прямого наследника уничтоженных именно за этот грех языческих городов Палестины: Содомы и Гоморры. Видать, отнюдь не зря он не мог засыпать без головы пажа на своем животе [16].

«... в Марли... «Он выбрал это место, — рассказывает современник, — для того, чтобы запереться со своею любовницей, которую он привел сюда и над которой одержал легкую победу в помещении, м-ме де Ментон». Он отослал девицу, давши ей два эку и хвастаясь своей дикой выходкой перед герцогом-Орлеанским, употребил выражения, которые современник решился воспроизвести только по-латыни...»²

Слух об оргии, которой он осквернил королевское жилище, дошел даже до мадам де Ментэнон, жившей в полном уединении. Она сообщает об этом своей племяннице: «Мне только что сказали, что царь притащил с собой девку и что Версаль и Марли страшно скандализированы...» Охота в Фонтенбло мало понравилась царю; зато он так хорошо поужинал, что герцог д'Антэн нашел необходимым отказаться от его общества и сел в другую карету. Сен-Симон рассказывает, что в карете царь доказал, что слишком много ел и пил. В Пти-Бурге, где остановились на ночь, пришлось нанять двух крестьянок, чтобы привести в порядок карету...

«Я вспоминаю, — писал в одном из своих писем Вольтер, — как кардинал Дюбуа говорил, что царь просто сумасшедший, рожденный быть помощником боцмана на голландском судне»³» [16, с. 399–400].

¹ *Sergent, Letire du 19 juni 1717 г.*

² *Ливуль, Мемуары, Париж, 1818, т. II, с. 241.*

³ *Письмо Шовелену, 3 окт. 1760, Corresp. gen., т. VII, с. 123.*

И все-таки — подкидыш

Так что даже на боцмана Петр своими врожденными качествами, свойственными настоящим его родителям, не тянул — только, в лучшем случае, на его помощника. И Сен-Симон, поведавший нам об очистке кареты, все же не успел сообщить в подробностях об очистке от блевотины самого Петра. Но такое для него, судя по всему, было делом обыденным. И история пребывания его в Дептфорде, любезно поведенная нам Ключевским, еще раз подтверждает, что Петр своею кровью никак не мог даже и близко быть природным сыном убиваемой им России! Целых три Месяца жить в помоях, испражнениях и блевотине не смог бы ни один принц крови ни одного сколько-нибудь пускай и захудалого герцогства. Это и еще раз говорит о полной невозможности кровного родства Петра с царствующей династией. Ну, во-первых:

«... лютая ненависть к старинным родам. Откуда?! Как может царь, первый дворянин в государстве, буквально исходить ненавистью к аристократии?!» [14, с. 42].

Действительно непонятно: его ближайшими соратниками становятся либо иностранцы, либо совершенно безродное отребье, причем, с перекошенной половой ориентацией, типа Меншикова.

Вот еще деталь его явной врожденной безродности. Петр:

«... не умел сам красиво сесть или принять от слуги тарелку; не умел пользоваться салфеткой, ножом и вилкой» [14, с. 43].

В 1697 году, отправляясь в первое свое турне по Европе, Петр посетил в местечке Коппенбург курфюрстину бранденбургскую Софью Шарлотту и ее мать Софию — курфюрстину ганноверскую. Странную запись оставила Софья Шарлота о том его посещении.

С одной стороны он вел себя на удивление стеснительно: «... все закрывал лицо руками и бормотал: «Я не могу говорить...»» [14, с. 44], но с другой стороны немецкой принцессе «... понравилась его естественность и непринужденность» [14, с. 44].

Что бы это могло быть: с одной стороны *стеснительность*, а с другой некая такая непомерная «естественность» за столом, что даже немку удивила?

А все очень просто. Ведь в Германии, как было подробно рассмотрено выше, принято не стесняться избытками газов в желудке. То есть пускать «гулек», причем с особым шиком — даже за столом. Вот Петр приятно и удивил принцессу своей несомненной

причастностью к европейской культуре, громогласно испортив воздух перед самым носом особ королевских фамилий, более чем сведущих, в утонченности этикета блистательных дворов центральноевропейских государств, считающихся на тот день среди всех иных наиболее передовыми. Причем, даже и глазом при этом не моргнув, что ее так приятно и удивило: знать приучен «московский медведь» всем тонкостям их западного великосветского этикета. Но здесь нет никакой особо раскрытой нами тайны. Ведь известно, что Петр: «... пукал за столом...» [14, с. 45].

Поступок, до которого у нас не унился бы никогда в жизни не то что боярин или дворянин, но самый последний забулдыга, с тяжелого похмелья выбравшийся из какой-нибудь придорожной канавы или подворотни.

Не сделал бы этого прилюдно на улице. Здесь же, что видно наиболее отчетливо, — за столом! Мало того, в присутствии коронованных особ.

Какое вообще отношение имеет этот папуас не только к царской древней фамилии, но и вообще к народу, уровень культуры которого отдален от его собственного на совершенно недостижимое расстояние? Мог ли он быть настоящим сыном русского народа, руководить которым его поставила тайная секта, силуэты которой мы столь пристально пытаемся разглядеть?

Вот еще различие:

«Современников, потом историков поражала прожорливость царя. Если Алексей Михайлович в еде был крайне умерен, а за едой — аккуратен, то Петр был чудовищно прожорлив и не сдержан в еде» [14, с. 61].

«Точно так же для Петра не было правил поведения и в еще более деликатной сфере жизни... если его отец и старший брат всегда держали себя в рамках приличий, то Петр не последовал их примеру.

Неумение удерживаться, стремление овладеть буквально всякой женщиной... привело к закономерному итогу: известно более 100 бастардов Петра» [14, с. 61–62].

А ведь этот порок наитеснейшим образом связан и с иным его пороком: ««... повышенная сексуальность — это в принципе родовая мета педерастов»¹» [14, с. 62].

«О педерастии Петра говорили совершенно открыто еще при его жизни. Ученые же мужи, если и ведут споры, то исключительно

¹ Клейн Л. С. Другая любовь. М., 2000. С. 207.

о том, кто приохотил к педерастии Петра — Франц Лефорт или Александр Данилович Меншиков?» [14, с. 62].

Так что не только сыном народа, не знакомого с грехом Содомы, но и сыном своего мнимого отца, а так же братом своих якобы братьев и якобы сестер, Петр быть ну ни по каким признакам никак не мог.

«Все Романовы, начиная с первого царя Михаила и его отца Филарета, были, грубо говоря, маленькие и толстые. Дети Алексея Михайловича от Милославской тоже росли типичными Романовыми — маленькими, упитанными, психологически стабильными, добродушными» [14, с. 83].

Может, Петр пошел в маму?

«Но и Нарышкины не были ни рослыми, ни особо сильными.

Так в кого же тогда пошел тяжелый невротик Петр — ростом 2 метра 9 сантиметров, который мог свернуть в трубку серебряную тарелку или перерезать острым ножом кусок сукна на лету?

Интересно, что вообще-то в семье Романовых до Петра никогда не было людей «с отклонениями»... как говорят в народе, «с приветом»» [14, с. 84].

Но и лица их ничем и приблизительно не схожи. Все мы прекрасно знаем, что как бы ребенок ни был непохож на своих родителей, но хоть что-нибудь едва уловимое все-таки обязано проследиваться во взаимной схожести родителей и их детей. Здесь же не проследивается никакой и самой малейшей тени сходства.

Однако же ничего родственного нет не только из-за полного отсутствия схожести этих совершенно разных лиц и совершенно разных размеров тела, но даже какой-либо хоть просто элементарной схожести их *национальностей!*

И даже не просто национальностей, но *рас!!!*

Потому как:

1. Волосы у якобы отца светлые и прямые, у якобы сына — чернявые от самых корней (негроидные) и черные как смоль (!!!).
2. Борода у якобы отца светлая и густая, у якобы сына — она, словно у мулата, до того жидка и неприглядна (потому он ее и сбрил), что можно о ней сказать, что по существу отсутствует вовсе (!).
3. Глаза у якобы отца светлые и нормальные — чисто русские, у якобы сына — черные и навывкате — чисто хананейские (!).
4. Цвет кожи у якобы отца белый, как и у всех русских людей, у якобы сына — черный, какой и положено иметь потомству

Хама, некогда заселившему африканский континент, долину Сеннаар и Палестину.

5. Губы у якобы отца тонкие и правильные, у якобы сына — толстые с отвисшей, словно у бульдога, нижней губой, что отличает в нем сына хамитических родителей.

6. Широкие прямые плечи у якобы отца и покатые, практически отсутствующие, у якобы сына. (Жителям местечек, adeptам ортодоксального иудаизма, запрещалось трудиться физически. Разрешались лишь виды нетрудовой, иждивенческой деятельности: перепродажа результатов чужого труда, контрабанда, мошенничество, шинкарство, ростовщичество и т. д.).

7. Стройная русская осанка якобы отца и ярко выраженная сутулость, близкая к горбатости, у якобы сына, лежащая в основе генетического отличия наследников проклятого Ноем потомства Ханаана, коренного населения Палестины.

Так что, лишь описывая внешность Петра, можно заключить его явную кровную близость скорее к туземным жителям древнего Ханаана, чем к самому аристократическому роду той местности, в которой он был объявлен наследником на царствование.

Но имеется и множество иных признаков полного отсутствия в жилах Петра крови народа, в среде которого, судя по официальной версии его появления на свет, проживали давшие ему жизнь родители. Список легко пополнить, сравнивая образ жизни Алексея Михайловича и Петра.

8. Свойственную русскому человеку привычку вставать на молитву в четыре утра у якобы отца, который первый раз пищу принимал лишь к двенадцати, и чисто врожденную привычку завтракать в половине шестого у якобы сына.

9. Проводимые двухсуточные сухие голодовки во время строгого поста якобы отцом и полная не только к ним, но и вообще к постам генетическая неспособность у якобы сына.

10. Царственная привычка вести себя достойно своего титула, свойственная отцу, и повышенная и всеми подмеченная, не встречаемая среди русских людей любых сословий, явно ущербная и свойственная лишь людям подлого звания, то есть все тем же заклеянным проклятьем и отданным в рабы Симу детям Ханаана, заносчивость и самообоожествление:

«... проклят Ханаан; раб рабов он будет у братьев своих» [Быт 9,25].

Только по этим поверхностным признакам можно с уверенностью заключить: эти два человека не просто принадлежат к разным фамилиям, но к разным народам, имеющим совершенно различный менталитет. Мало того, они принадлежат к разным *расам!!!*

Если якобы сын к одиннадцати годам еще ни читать, ни писать не умел, только ворочая при этом на пытающихся ему что-то втолковать учителей свои бессмысленные и ничего не понимающие глаза, то Алексей Михайлович, якобы отец этого или инородца, или дебила, имел умственные способности, диаметрально противоположные Петру:

«... на шестом году его посадили за букварь... Через год перешли от азбуки к чтению часовника, месяцев через пять к Псалтирю, еще через три принялись изучать деяния апостолов... на девятом году певчий дьяк, т. е. регент дворцового хора, начал разучивать Охтой (Октоих), нотную богослужебную книгу... — и лет десяти царевич был готов, прошел весь курс древнерусского гимназического образования... он до мельчайших подробностей изучил чин церковного богослужения, в чем мог поспорить с любым монастырским и даже соборным уставщиком» [49, с. 376].

Так что якобы отец к десяти годам не просто получил образование, но являлся примером в необычайно быстром постижении наук. А якобы сын, хоть и начал пытаться постигать эту ему совершенно несвойственную премудрость с пяти лет, но, как тут же выяснилось, — не впрок: «в одиннадцать не умел еще ни читать, ни писать» [16, с. 31].

Между тем и по сию пору за границами нашего государства: «Воспитание детей начинается со сравнительно позднего возраста» [72, с. 54].

Мало того, даже их самой популярной организацией, ЮНЕСКО, сегодня (2008 г.) отмечено, что в области постижения малыми детьми чтения, письма и арифметики наши дети, даже на сегодняшний самый не лучший в нашей истории день, общепризнанные лидеры. Что, совершенно ошибочно, ставят в заслугу системе нашего образования, пока еще не умершего полностью каким-то просто удивительным чудом: учителям платят меньше всех в стране, а они до сих пор почему-то еще не все разбежались. Потому, что сейчас просматривается просто «за версту», совершенно ясно, что

не в системе образования здесь дело, но в генетическом потенциале русского человека, так до сих пор и не подлежащем окончательному угроблению. Тому «виной» наша слишком далеко отстоящая от инородца возможность к постижению азов своей Великой культуры. Здесь совершенно четко указывается на непреодолимый барьер генной инженерии нашей культуры, от инженерии заграницы.

А так как нам известна прописная истина: «по плодам их узнаете их», то и становится совершенно очевидно, что к *плоду* царя Алексея Петр, вследствие нами обнаруженных слишком явных несоответствий, ни каким боком и близко не мог подходить.

В XVIII веке, именно в то самое время, когда реформы Петра довели попугайничание за границе уже до самых высших перегибов:

«Особенно скверно было положение науки. Немецкие университеты владели жалкое существование» [75, с. 151].

Западная Европа билась в агонии суеверий: алхимических опытов, каббалы и чернокнижия: «... в Германии им придавали наукообразную форму. Выходили книги по магии, астрологии, о колдовстве и ведьмах» [75, с. 151].

Здесь любопытно отметить элементы западной учебы, чье столь хваленое великолепие нам давно все уши пробуравило. На самом же деле мы очень легко находим ответ на вопрос: чьих родителей мог быть этот совершенно не поддающийся обучению грамоте мальчик с замедленным темпом умственного развития, имеющий негритянскую внешность.

И в этом нам поможет оценка традиционного западного обучения наукам будущего руководителя иллюминатов — Адама Вейсгаупта (1748–1830):

«Лишь один день в неделю отводился занятиям, да и те заключались в бессмысленной зубрежке учебников без всяких пояснений. На экзаменах... приказывали читать молитву Господню наоборот, т. е. от конца к началу, спрашивали сколько раз повторяются предлоги и союзы в отдельных членах молитвы и т. д. Задачи эти давались до тех пор, покамест из массы испытуемых оставался один... Обучение в гимназии длилось до 15 лет. Оттуда юный Вейсгаупт поступил в университет, где господствовала та же схоластика...» [5, с. 113].

Так что вопиющий примитивизм заграницы, далеко обогнавший годы кипучей деятельности нашего Петра, ей столь упрямого подражателя, нам теперь доказывают и сами масоны. И доказывает это полное от нас отставание заграницы, между прочим, не кто-нибудь, но сам основатель самого тайного течения этой тайной подземной реки!

Такой менталитет человека Запада нам теперь вполне объясняет полную природу подкидышности «преобразователя», свалившегося нам на голову, судя по всему, именно оттуда.

Однако в том же масонском издании, где после статьи об иллюминатах А. М. Васютинского другой масон, А. В. Семека, восхваляет теперь уже наших доморощенных служителей культа Бафамета, читаем:

«Начатки европейского просвещения, внесенные в русскую жизнь гением Петра Великого, должны были, конечно, нарушить цельность прежнего патриархального уклада духовной жизни Московской Руси...» [5, с. 130].

Да уж, оно и понятно: если, следуя моде заграницы, уменьшить количество занятий до одного в неделю, заменить наше отечественное обучение тупой зубрежкой и западного образца схоластикой, то тут уж цельность уклада действительно никак не сможет не нарушиться. И постигающий к пяти годам азы грамотности мальчик с течением времени вырождается в недоросля, лишь к десяти годам способного научиться кое-как читать по слогам, и чье обучение, следуя высказываниям на эту тему Адама Вейсгаупта, только в гимназии будет проходить аж по пятнадцати лет. И лишь затем можно будет великовозрастному детишке продолжить свое обучение в высшем учебном заведении, где схоластика довершит формирование такого «тормозного» мутанта, от которого возродится вырожденческая популяция тех самых даунов, которыми столь хотелось бы Петру заменить людей, непростительно наиболее умных на планете. И здесь нет ничего удивительного: ведь они так разительно отличаются наличием серого вещества в голове от своего царствующего цыгано-негритянской наружности (да и внутренности) сюзерена.

Но и на сегодняшний день в этом вопросе ничего не изменилось. Ведь в интеллектуальных видах спорта наши юниоры общепризнанные извечные победители всех и вся — на любом уровне. Такое явление всегда казалось достаточно странным.

Однако ж странного здесь ничего нет: наши дети в интеллектуальном плане просто на порядок быстрее развиваются, чем это происходит с детьми за нашими границами даже в Европе. Ну, а про страны южные, к которым, судя по вышеизложенному, и имел свое прямое отношение разбираемый нами юноша Петр, тут и упоминать излишне: они всегда могли похвастаться лишь одним — чрезмерно ранним исключительно лишь половым развитием.

А еще столь отличная от русского человека у этого якобы сына:

11. изобличающая в нем исконно сухопутного хананея паническая боязнь воды;

12. нелюбовь к рыбе, которой русский человек питается почти двести дней в году (и которую хананеи в рот не берут);

13. практически врожденный алкоголизм, по тем временам встречающийся лишь на Западе;

14. неимение привычки спать днем, связанной с традицией многих поколений русских людей ежедневно вставать в четыре утра на молитву;

15. врожденное желание постоянно питаться мясом, что образу жизни русского человека не соответствует;

16. не свойственное в нашей среде явно запоздалое взросление (замедленное умственное развитие);

17. не встречаемая даже у наших простоллюдинов полная неспособность к грамотности и арифметике;

18. непочитание столь по тем временам незыблемых законов русской старины;

19. сидящая в крови тяга ко всему иностранному, среди русских людей в ту пору не встречаемая нигде;

20. менталитет, полностью противоположный русскому, чисто на генетическом уровне;

21. не свойственное русскому человеку полное непонимание Православия;

22. не встречаемая у русского человека звериная жестокость, трусость, непомерная похотливость и т. д. и т. п.;

И вот еще что слишком явно указывает на полную невозможность Петра следовать образу жизни Древней Руси:

23. тяга к половым извращениям, изобличающая в нем принадлежность к нации, некогда проживавшей в городах Содом и Гоморра;

24. врожденная паранойя, которая только лишь одна, по мнению Григория Климова, на девяносто девять процентов указывает на принадлежность обладателя этого недуга все к тому же вышеопределенному народу земли:

«...«сумасшествие». Именно эта болезнь с глубокой древности так характерна для евреев (см. Еврейскую энциклопедию). Они сами по этому поводу шутят так: по крайней мере, есть с чего сходить» [17, с. 69].

И связаны эти проблемы, судя по всему, с каббалой:

«Если бесконечно читать один и тот же текст, происходит вначале утрата его смысла, а затем начинаются галлюцинации... а с ними приходит словесно невыразимое ощущение полного знания всего» (там же).

А потому:

«... русская идиома *бред сивой кобылы* это не о кобыле, а о каббале...» (там же).

А *сивый* — значит седой.

И вот, в плане вышеизложенного, при расшифровке имени главного каббалистического демона выходим на определение наименования вероисповедания древней страны Ханаан:

«Азазель — это козлоподобный демон, которому древние евреи приносили в жертву козла отпущения, предварительно навесив на него свои грехи... В Египте, где евреи жили столетиями, звук каф (по-еврейски коф) не произносится. Значит этот местный произносительный дефект надо поправить восстановлением утраченного звука. Получится Казазель» [17, с. 70].

На арабском наречии:

«... интересующее нас слово представляет собой форму множественного числа формулы рода занятий. Ее единственное число — *казаль*. Понятно, что это производное от русского слова *козел*. Значит, Азазель переводится как «козлятник». Как тут не вспомнить бессмертные слова одного из героев Шолома Алейхема: «каждый еврей должен иметь козу»» [17, с. 70].

И вот в чем заключается смысл вышеприведенной фразы: ««И возложит Агарон обе руки свои на голову живого козла, и исповедуется над ним во всех провинностях сынов Израиля, и во всех преступлениях их, и во всех грехах их, и возложит их на голову козла, и отошлет их с нарочным

в пустыню. И понесет на себе козел все провинности их в страну обрывов» [Ваикра 16, 21–22]» [20, с. 63].

Вот для чего, как выясняется, требуется каждому еврею иметь своего козла, жертва которого столь увязана с каббалистическим демоном Азазелем. И чтобы расшифровать нами отыскиваемый культ, столь удивительно серьезно влияющий на психическое состояние своих адептов, необходимо расшифровать:

«... заключительную песенку еврейских пасхальных обрядов под названием «козленочек»» [17, с. 70].

Ведь это безобидное наименование жертвенного животного: «... в переводе на арабский звучит так: *жидй*» [17, с. 70].

И здесь какие-либо комментарии не требуются.

Так что все расшифровано и расставлено по своим законным местам:

«Никаких тайн больше нет — ни еврейских, ни китайских и никаких других. Так что, товарищи евреи... бросайте свою каббалу...» [17, с. 70].

И хоть пропадет ощущение *полного знания всего*, но ведь в той же пропорции уменьшится и доля риска подвергнуться жесточайшему заболеванию головного мозга...

Далее:

25. некрофилия совместно с указанной Валишевским отметиной на лице (этим лишь только пунктом, как считает все тот же Климов, можно определить на те же девяносто девять процентов принадлежность к любителям каббалы;

26. знание масонской тайнописи русскими рунами обличает наличие у Петра масонского градуса посвящения выше тридцать третьего, куда допускаются лица только лишь той самой законоспирированной народности, к которой принадлежал Петр:

««Температуру» выше тридцать третьей отметки (верхний градус в шотландском масонстве) «простому человеку» и не выдержать. Ее выносит только *проклятая кровь* тех жестоковыхных, чьи предки кричали: «Кровь Его на нас и на детях наших...»» [19, с. 40–41].

Ну а так как мы знаем, что на Голгофе Христа распяли *жиды*, то знаем теперь наименование и той касты жрецов, столь на сегодняшний день засекреченной, которую масоны допускают до «тайнств» выше тридцати трех градусов посвящения.

Такова кастовая принадлежность и поставленного масонами на трон Петра, которым подменили в люльке (по слухам) якобы родившуюся у молодой царицы девочку.

Так что версия о подмене в люльке ребенка Алексея имеет под собой немало оснований.

Между тем имеются свидетельства, когда при аналогичных обстоятельствах на силу проклятой крови носителей этих тайных доктрин возлагались вовсе небезосновательные надежды:

«Еще Бостунич писал об иудейской секте сигаритов... Члены секты стремились каждого первенца крестить и отдать на воспитание гоям, прилагая при этом все заботы, чтобы он обязательно сделался христианским священником. Они были убеждены, что его кровь скажется в пользу кагала. «Кровь» и «сокровенное» от одного корня» [19, с. 425].

Для аналогичных же целей и был подброшен Петр. Но его задачей являлось не просто внедрение в тело Православия рядового лжесвященника-выкреста, но увод в сторону от предназначенной ему дороги единственного на земле Православного Царства. А потому столь казалось бы странным образом он всеми своими и внешними, и внутренними отличиями настолько не схож с человеком русским, насколько поразительнейше схож с племенем, представляющим собой чернокожее туземное население Ханаана. Эти отличия просматриваются и теперь, когда чрезмерная чернота негритянских тел хананеев несколько посветлела от смеси с племенем господ — белокожих иудеев, потомков Сима, ухищренных в жидовстве: евангельских книжников и фарисеев.

А вот с каким трепетным вниманием он расписывает свои законы относительно подкидышей (видать, догадывался о тайне своего собственного происхождения):

«... велено было устроить... дома для приема незаконнорожденных детей... Для ухода за младенцами следовало приискать искусных женщин и давать им по три рубля... Было предоставлено матерям приносить младенцев в приюты для незаконнорожденных тайно и класть через закрытое окно» [51, с. 678].

Это очень напоминает стремление к созданию приютов большевиками. Но у Петра к тому же подчеркиваются особые льготы именно для незаконнорожденных, обличая причастность к этой группе народонаселения и его самого.

Перечисленные двадцать шесть пунктов обнаруживаются и во всем ином:

«... все свидетельства единогласно указывают на его гримасы, нервные подергивания, постоянное дрожание головы, сгорбленную спину... и на жесткое выражение глаз. Еще во время дуумвирата новгородский архиепископ Яновский, допущенный поцеловать руку у обоих царей, смело подойдя к старшему из монархов, вдруг встретился со взглядом второго: он почувствовал, что ноги его подгибаются; с тех пор ему постоянно казалось, что он получит смерть от руки, которой едва коснулись его похолодевшие губы.

«Известно, — говорит Стэлин (Staellin), — что этот монарх с юных лет до могилы был подвержен частым и коротким припадкам мозговых судорог; эти конвульсии повергали его на некоторое время в состояние такой ярости, что он не в силах был выносить присутствие самых лучших своих друзей. Предвестниками припадков являлась сильная судорога шейных мышц и сокращение мускулов лица» [16, с. 103–104].

При этом: «... затрагивалась и левая рука — она переставала слушаться и произвольно дергалась...» [14, с. 45].

Все это было отмечено у Петра еще с самого юного возраста:

«... мальчик порой вел себя, выражаясь мягко, странно — например, совершенно не мог высидеть спокойно ни минуты... «Нехватка фиксации внимания» у детей старше 2–3 лет у психиатров рассматривается как симптом довольно серьезного невроза, среди всего прочего, препятствующего обучению и воспитанию ребенка... Что и имело место быть.

В четыре, пять, семь лет Петр уже очень любил что-то разбить, сломать, бросить на землю. Обожал, например, бить посуду, и если не позволяли — истерически бился, визжал, колотился об землю и об руки державших его людей.

Еще один симптом — невротические движения головой, когда царевич от возбуждения или испуга... дергал всеми лицевыми мышцами, не мог удержать дрожь в руках.

...Говоря о невероятной работоспособности Петра, часто забывают уточнить: никто никогда не видел его читающим серьезную книгу (даже по его любимому морскому делу) или пытающимся вникнуть в тонкости юриспруденции, богословия

или литературы. Все сколько-нибудь сложное не привлекало его внимания, и времени и сил на это он не тратил...

Сама неспособность сосредоточиться ни на чем определенном, поверхностность, неуждержимость сами по себе могут послужить материалом для диагноза. Ведь на свете нет людей принципиально необучаемых. Нет и не может быть на свете психически нормального мальчика, которого невозможно обучить ни правильному письму, ни социально приемлемому поведению. Тут сам факт необучаемости говорит о серьезных психических отклонениях» [14, с. 51–53].

Это подтверждение того, что Петр имел чисто врожденную болезнь головного мозга, а никак не якобы впоследствии приобретенную, чем принято прикрывать тайну его принадлежности все к тому же племени, народ которого чаще всех иных подвержен данному недугу. И если присовокупить сюда же и его гомосексуальные наклонности, то Григорий Климов определит принадлежность Петра к потомкам Содомы и Гоморры практически на все сто процентов!!!

А такое пойдет уже под пунктиком за № 27.

И это все вычисляется отнюдь не для злорадных восклицаний: вот, мол, *кругом* сплошные *они*. Мы ведь все больше антихриста вычисляем, чьему рангу и соответствовал Петр, как теперь выясняется, на все сто процентов.

«Со времен Христа насчитывают *у евреев* таких ложных мессий более 60, а последний из них будет антихрист, которого евреи также примут за своего Мессию» [1, с. 181].

То есть Петра называли антихристом совершенно справедливо — тому были очевидные причины. И его принадлежность к нации содомитов теперь лишь подчеркивает правильность избранного нами пути.

А врожденную паранойю, с детства наблюдаемую у Петра, приходилось испытывать на себе не только подвластными ему людьми, но и представителям правящих династий:

«В 1718 году, сидя за столом в обществе королевы прусской Софьи-Шарлотты, Петр вдруг начал размахивать рукой, в которой держал нож. Софья-Шарлотта испугалась и хотела встать. Он схватил ее за руку с такой силой, что она вскрикнула. Царь пожал плечами и довольно громко сказал:

«У Катерины не такие нежные кости!»¹» [16, с. 104].

То есть этот психически ненормальный человек был опасен не только своим подданным. Что и проявлялось практически везде, где он ни появлялся.

Почему Петр так легко преступил закон своего государства, когда впервые за всю историю России законная супруга монарха, принесяшая ему наследника, была насильно заточена в монастырь? Нормальный русский человек после такого поступка (если при этом сам не станет монахом) может видеть свою душу после смерти достойною только вечного мучения в аду! Потому как:

«Двоебрачие — вступление во второй брак при существовании первого, — **преступление уголовное**, влекущее за собою строгое гражданское и церковное наказание» [95, с. 713–714].

Петр же, заточивший в монастырь принесшую ему наследника супругу, подтвердил тем свой явный отказ от святоотеческого устройства семьи. Тем и привнес в компрометирующую его графу очередной пункт. Уже теперь за № 28.

Именно потому он так и поступил, что, имея гены инородца, мыслил о будущности своей души именно инородно нашим святоотеческим понятиям. А по их теориям получается, что ежели ты сам себя каким-либо образом в желаемый рай определил, то там тебе место давно уже забронировано. Это касается и магометан, которым предписано получение после смерти огромного гарема, и неохристиан в лице католиков и протестантов, которые еще при жизни определяют себя в якобы всем им некогда обещанный рай лишь за то, что они на него согласны.

И такое его следование всем этим разновидностям сект опять же изобличает в нем полностью нерусского человека.

Царица Евдокия была со слишком противоположным Петру менталитетом, а потому столь быстро оказалась отвергнута просыпающимся в нем монстром, который тянул его к поклонению иным богам. Поэтому столь становится понятна фраза Мережковского: «Если был когда-нибудь человек, менее похожий на христианина, то это Петр».

И девки его с самого начала этих пресловутых «славных дел» интересовали именно закордонные — со свободными нравами. И именно в Кукуевой слободе первой любовницей Петра стала бывшая любовница Лефортова Анна Монс. Нравы же этой

¹ Мемуары маркграфа Байретского, т. I, с. 43.

девицы были таковы, что когда ее супруг Кайзерлинг стал слишком настойчиво домогаться от Петра сделать уступку по поводу повышения по службе очередного ее родственника, то на обвинение в соблазнении своей пассивности Петром Меншиков отреагировал следующими словами:

«Ваша Монс... я обладал ею так же, как и вы, все другие. Отстаньте с нею» [16, с. 254].

А таковых любовниц у Петра, которыми также обладали и «все другие», было очень немалое количество. Потому и невозможно определить, какие дети, рожденные от его любовниц, были его собственными, а какие Меншиковых, Лефортов и т. д.

Вступал же в обладание ими он по-разному: кого покупал, кого упайвал, а кого и просто насиловал. Но ко всем к ним он относился примерно так же, как и к казенной им, столь о себе много нашумевшей леди Гамильтон:

«Когда топор сделал свое дело, царь возвратился, поднял упавшую в грязь окровавленную голову и спокойно начал читать лекцию по анатомии, называя присутствующим все затронутые топором органы и настаивая на рассечении позвоночника. Окончив, он прикоснулся губами к побледневшим устам, которые некогда покрывал совсем иными поцелуями, бросил голову Марии...»¹ [16, с. 260].

Одного лишь вышеприведенного кощунства, где некрофилия этого людоеда показана со всеми деталями, присущими нечеловеческой сущности, не оставляет более никакого сомнения по поводу его принадлежности к религиозной общности, наследующей извращенческие нравы хананейских городов Содомы и Гоморры, уничтоженных Богом за их кощунства.

И вот какие сведения имеются о привычках лиц, подверженных данному пороку: «... они... могут... ввести трубку в мочевой пузырь трупа и выпить остатки уже загнивающей мочи... выпив мочи, возбуждаются...» [70, с. 53].

Между тем и мат — язык бесов (исключительно на нем ведут свои беседы эти нематериализованные сущности) — достаточно однозначно указан в симптомах этого заболевания головного мозга. Лица, подверженные данному недугу, кроме расчленения мертвых тел, садомазохизма и связанной с ним необыкновенной любви к испражнениям, подвержены и попыткам повсеместного

¹ Голиков, т. VI, с. 68.

внедрения туалетного фольклора: «... удовольствие некрофилы получают... от искажения языка (матерщина) ...» [70, с. 84].

Вот носителями какого заболевания, как оказывается, туалетное наречие черной Африки любимо просто по-особому (нам всегда внушали, что мат является якобы исконно *русским*, но, на поверку, именно на нем даже не ругается, но *разговаривает* чернокожее население нашей планеты)!

Трусость и жестокость

Трусость, которая породила в Петре жестокость, теперь уже не является для нас столь удивляющей. Именно трусам свойственно неумеренное желание поиздеваться над беззащитными. Каждый трус, оказавшись нежданно победителем, к плененным врагам своим всегда относился исключительно со звериной жестокостью. Потому и пришлось следовать шведам по страшным руинам своей страны, изуродованной Петром, что породило в их душах такое несокрушимое желание отомстить подлым убийцам и насильникам. То есть тем самым мародерам, из которых состояла шайка этих вполне революционных воинствующих безбожников, что и привело к столь поспешному бегству и частичному потоплению в речке бандитского завоевательского воинства, которое было создано исключительно для разграбления чужой страны. А уж никак не для якобы какой-то от кого мифологической защиты страны своей собственной.

Такая нечеловеческая жестокость к беззащитным проявилась в нем давно. Число зверя, заложенное в имени Петра, было оправдано сразу же после того, как в его лапы попались понявшие всю его нечеловеческую сущность стрельцы. И он с присущей исключительно оборотням кровожадностью, с отнюдь не скрываемым звериным восторгом взял на себя роль палача. Что никак не могло ввести в шок и все его окружение, которое прекрасно понимало и свою собственную беззащитность от его безумных действий, когда безмерная кровожадность Петра могла в любой момент перекинуться и на них самих. Нормальный человек вот как должен понимать эти его действия:

«Кто тиранит таракана, отрывая ножку за ножкой, кто станет у живой курицы выщипывать перья — беги его, человек. Он когда-нибудь доберется и до тебя» [91, с. 788].

Так отозвался об адептах религии зверя побывавший на иудейской бойне В.В. Розанов.

Нам слишком мало известно о том, как Петр поступал с тараканами. Но во время стрелецкой казни сидящий в нем зверь искушения не выдержал и полностью раскрыл всю внутреннюю сущность своего античеловечного содержания.

«... дикарь-каннибал... эти шутки ужасны, особенно во время святочных попок... Таскают людей на канате из проруби

в прорубь. Сажают голым задом на лед. Спаивают до смерти. Так, играя с людьми, существо иной породы, фавн или кентавр, калечит их или убивает нечаянно... (Мережковский, 1904)» [46, с. 193].

Однако ж вот нашлись сведения об отношении Петра и к тараканам:

«Если бы пошутили с ним так, как он шутит с другими — пустили бы ему на голое тело с полдюжины пауков или *тараканов*, — он, пожалуй, умер бы на месте... (Мережковский, 1904)» [46, с. 206].

«... не было ничего проще напугать до полусмерти не вполне вменяемого, невротизированного до предела Петра...» [14, с. 34].

Вот как Петр относился к тараканам: он их *боялся*. Даже такое казалось бы совершенно безобидное существо, если оно не связано, как стрельцы, по рукам и по ногам, наводило на него панический ужас!

Но верхом низости поступков этого оборотня стало зверское убийство им своего собственного сына. Аналогичное преступление наши историки умудрились навесить на Ивана Грозного. Но даже и по этой их версии, насквозь лживой, царь якобы совершил это самое убийство все же по нечаянности: в запале гнева. Но эта басня не имеет под собой совершенно никакой почвы. Ни одного исторического свидетельства о таком поступке русского царя, имевшего более чем достаточно врагов, не оставлено. Зато зафиксированы свидетельства об обратном: смерти сына Ивана Грозного от болезни.

Однако действительным сыноубийцей, что запротоколировано и сокрытию не подлежит, является Петр, который своего сына даже не нечаянно, но вполне осознанно *замучил до смерти* в застенках, сооруженных специально для подобных целей.

И эта цель Петром была достигнута: царевич, не выдержав взрослого пыточно-палаческого искусства катов своего отца, все же оклеветал самого себя.

Но даже столь страшное злодеяние, где отец забивает до смерти своего собственного сына, — лишь версия самих палачей! И даже советские средства по промыванию наших мозгов совершенно однозначно подтверждают осознанность совершенного царем-антихристом злодеяния. Вот за какие проступки нами столь тщательно рассматриваемый супостат убивает своего сына:

«Алексей Петрович всю жизнь был... врагом отцовских нововведений, и Петр казнил его» [146, с. 16].

Просто и лаконично.

Так как же дело-то было?

«После смерти жены Алексея, принцессы Вольфенбюттельской Софьи-Шарлотты, Петр передал сыну пространное письмо, в котором, указывая на его неспособность к делам, требовал исправиться или отказаться от престола и идти в монахи. Алексей отвечал, что согласен, но Петр отложил решение вопроса...» [136, с. 65].

И понятно почему: живой законный наследник, даже в качестве от всего отрекшегося монаха, его явно не устраивал.

А потому Петр сначала вынудил наследника бежать, создав ему совершенно невозможные для жизни на родине условия. А затем, выманив его обратно обещаниями все простить, забил до смерти. Петр искромсал свою жертву, словно мясную тушу на столь обожаемой им еще с ранней юности мясобойне на Мясницкой, где лишь запах Поганных Луж, пропитанных кровью, радовал его *вьюношеское* воображение на пути в Преображенское. Именно на месте своих потешных развлечений, где нам в нос тычут какой-то там весьма невразумительный ботик, он учредил свою главную «потеху», свойственную лишь ему, — живодерню, словно на милой его страшному сердцу Мясницкой, но уже теперь предназначенную исключительно для людей. Таково же Петра творенье было учреждено им и в городе, где лютость палача Кондрашки, чье имя стало с тех пор нарицательным («кондрашка хватит»), является всего лишь жалким подобием главного виновника учиненного в этих стенах злодеяния — его самого. То есть отца, замучившего своего законного сына. И этот акт ритуального умерщвления первенца, сходный своим содержанием с ритуальными умерщвлениями младенцев настоящими родственниками Петра — хананеями, имел своей целью отобрать преемственность власти у сына законного и передать ее по наследству своему сыну иному — незаконному. А потому:

«... царевич, измученный страшными... пытками умер в Петропавловской крепости 27 июня 1718 г» [136, с. 66].

Однако же все по порядку. Вот как царевич объяснял причину своего бегства цесарю, пытаясь скрыться от преследований Петра под его протекцией:

«Я постригаться не хочу, а ехать к отцу значит ехать на муки... Я предаю себя и своих детей в защиту императору и умоляю его не выдавать меня отцу, он окружен злыми людьми и сам человек

жестокий и свирепый, много пролил невинной крови, даже собственноручно казнит осужденных, он гневен и мстителен, думает, что имеет над людьми такое же право, как сам Бог. Если император меня выдаст ему, то это все равно что на смерть» [51, с. 792].

Но лживыми обещаниями и посулами Петр все же выманивает царевича обратно:

«Петр писал: «Обнадеживаю тебя и обещаю Богом и судом Его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, если ты воли моей послушаешься и возвратишься»» [51, с. 793].

И вот надвигаются роковые для царевича события:

«Участь Алексея решена: 31 января 1718 года Петр с мрачной радостью узнает, что сын его вернулся в Москву...

Никто в Европе не подозревал в то время, что ждет несчастного на родине... Истина, обнаружившись, вызвала... жестокую тревогу... Будет следствие, розыски сообщников, пытки в застенках Преображенского...

Очень быстро становится очевидным, что между Алексеем и его друзьями никогда не было никакого соглашения для достижения определенной цели, ни малейшей тени заговора... жаровни Преображенского приказа ничего не узнали об этом...

Чего же хочет царь, приводя в действие всю машину судопроизводства? Он и сам, вероятно, не знает хорошенько... На время, впрочем, он удовлетворится жертвами...» [16, с. 565–569].

И вот какие жертвы удовлетворяют его людоедские склонности лишь на время:

«Александра Кикина колесуют и, чтобы продлить мучения, отрубают сначала руки, потом ноги, потом уже голову и сажают эту голову на кол» [14, с. 292].

«Несчастному Афанасьеву, виновному только в том, что выслушал признание своего господина, отрубили голову...

Досифей, епископ Ростовский, которого выдал Глебов... Его тоже колесовали с одним из священников. Головы казненных выставлены на пиках. Внутренности сожжены. Поклановскому отрезали язык, уши и нос... Петр заставил сына присутствовать при наказаниях, длившихся три часа, а потом увез в Петербург» [16, с. 569].

Так что на все лады некогда нам расхваленный этот самый Петруша своим звериным норовом более походил не на Петрушку, которым вечно себя на все лады везде и всюдуставлял,

а на бабу-Ягу: именно у нее ограда состояла из нанизанных на дреколья человеческих голов.

Вышеописанным, что и понятно, его людоедский аппетит удовлетворен не был — идет «раскрутка» высосанного из пальца «преступления» по типу дел 1938 г. уже в советскую пору:

«... свяжутся со всех сторон свидетели, участники, допросы за допросами, пытки за пытками, очные ставки, улики...» [4, с. 175].

«В ходе следствия по «делу» Алексея Петровича многих придворных дам били в застенках батогами. Кто-то не выдерживал, оговаривал себя и других, машина начинала работать с большим размахом» [14, с. 292].

«... — и пошел гулять топор, пилить пила, хлестать веревка.

Запамятованное, пропущенное, скрытое одним, вспоминается другим, третьим лицом, на дыбе, на огне, под учащенными ударами, и вменяется в вину первому, дает повод к новым встряскам и подъемам. Слышатся еще имена. Подавайте всех сюда, в Преображенское!..

А оговаривается людей все больше и больше...» [4, с. 175].

«... Кто колесован, кто повешен, у кого вырваны ноздри, у кого отрезан язык, кто посажен на кол... Петр приезжал на место казни и смотрел на мучения несчастных» [4, с. 176–177].

Но и иной навет потешил Петра новыми истязаниями:

«... открылось, что отверженная царица после долгого томления в монастыре завела любовную связь с майором Степаном Глебовым... Улик не было. Сознания от него не добились ни посредством кнута, ни жжения горячими углями и раскаленным железом и все-таки посадили на кол на Красной площади. Испытывая невыразимые мучения, он был жив целый день, затем ночь и умер перед рассветом, испросивши причащения Святых Тайн у одного иеромонаха. Говорят, что Петр подъезжал к нему и потешался его страданиями» [51, с. 795].

«Несмотря на все усилия, следствие заходит в полнейший тупик. Нет абсолютно никаких доказательств того, что царевич Алексей предал Российскую империю, совершил какие-то ужасные поступки. Нет даже доказательств того, что существовал сам заговор, а не то что стремление «просить войско» у австрийского императора» [14, с. 293].

«Первое заседание Верховного суда назначено было 17-го июня в аудиенц-зале Сената.

Царевича привели из крепости как арестанта...

— Признаешь ли себя виновным? — спросил царевича князь Меншиков, назначенный президентом собрания.

Все ждали того, что так же, как в Москве, в Столовой палате, царевич упадет на колени, будет плакать и молить о помиловании. Но потому, как он встал и оглянул собрание спокойным взором, поняли, что теперь будет не то.

— Виновен ли я или нет, не вам судить меня, а Богу единому, — начал он, и сразу наступила тишина; все слушали, притаив дыхание. — И как судить по правде, без вольного голоса? Рабы государевы — в рот ему смотрите: что велит, то и скажете. Одно звание суда, а делом — беззаконие и тиранство лютое! Знаете басню, как с волком ягненок судился? И ваш суд волчий. Какова ни будь правда моя, все равно засудите. Но если бы не вы, а весь народ российский судил меня с батюшкой, то было бы на том суде не то, что здесь. Я народ пожалел... тяжелемок Петр — и не вздохнуть под ним. Сколько душ загублено, сколько крови пролито! Стоном стонет земля...

Все смотрели на царя... А царь молчал...

— Что молчишь, батюшка? — вдруг обернулся он к отцу с беспощадной усмешкою. — Аль правду слушать в диковину? Отрубить бы велел мне голову попросту, я б слова не молвил. А вздумал судиться, так любо, нелюбо — слушай! Когда манил меня к себе из протекции цесарской, не клялся ли Богом и судом Его, что все простишь? Где ж клятва та? Опозорил себя перед всею Европою! Самодержец Российский — клятвооругатель и лжец!

...царь молчал, как будто ничего не видел и не слышал... и мертвое лицо его было как лицо изваяния.

— Кровь сына, кровь русских царей на плаху ты первый прольешь! — опять заговорил царевич, и казалось, что он уже не от себя говорит: слова его звучали, как пророчество. — И падет сия кровь от главы на главу, до последних царей, и погибнет весь род наш в крови. За тебя накажет Бог Россию!..

Петр зашевелился медленно, грузно... и вылетел из горла сдавленный хрип:

— Молчи, молчи... прокляну!

— Проклянешь? — крикнул царевич в исступлении и бросился к царю...

Все замерли в ужасе. Казалось, что он ударит отца или плюнет ему в лицо.

— Проклянешь?.. Да я тебя сам... Злодей, убийца, зверь, антихрист!.. Будь проклят! Проклят! Проклят!..

Петр повалился навзничь в кресло и выставил руки вперед... защищаясь от сына...

...и приговорил царевича пытать...» [71].

«Царевичу был подписан смертный приговор ста двадцатью членами суда» [51, с. 798].

««Обряд, како обвиненный пытается.

Для пытки... сделано особое место, называемое застенок... В застенке же для пытки сделана дыба... кат или палач явиться должен в застенок с инструментами... По приходе судей в застенок долгою веревкою палач перекинет через поперечный в дыбе столб и, взяв подлежащего к пытке, руки назад заворотит и, положа их в хомут, через приставленных для того людей встегивает, дабы пытанный на земле не стоял, у которого руки и выворотит совсем назад... привязывает к сделанному нарочно впереди дыбы столбу; и растянувши сим образом, бьет кнутом... и все записывается, что таковой сказывать станет».

Когда утром 19 июня привели царевича в застенок, он еще не знал о приговоре.

Палач Кондрашка Тютюн подошел к нему и сказал:

— Раздевайся!..

Царевич оглянулся на него и понял, но как будто не испугался...

— Подымай! — сказал Петр палачу. Царевича подняли на дыбу...

Через три дня царь послал Толстого к царевичу...

Когда Толстой вошел в тюремный каземат Трубецкого раската, где заключен был царевич, он лежал на койке. Блюментрост делал ему перевязку, осматривал на спине рубцы от кнута, снимал старые бинты и накладывал новые, с освежительными примочками. Лейб-медику было велено вылечить его как можно скорее, дабы приготовить к следующей пытке.

Царевич был в жару и бредил...

Вдруг очнулся и посмотрел на Толстого:

— Чего тебе?

От батюшки.

Опять пытать?..

Блюментрост давал ему нюхать спирт и клал лед на голову. Наконец он опять пришел в себя и посмотрел на Толстого уже без всякой злобы...

Петр Андреич... Выпроси у батюшки, чтоб с Афросей мне видеться...

Выпрошу, выпрошу, миленький, все для тебя сделаю! Только бы вот как-нибудь нам по вопросным-то пунктам ответить... Я тебе говорить буду, а ты только пиши...

Подписав, он вдруг опомнился, как будто очнулся от бреда, и с ужасом понял, что делает. Хотел закричать, что все это ложь, схватить и разорвать бумагу. Но язык и все члены отнялись, как у погребаемых заживо, которые все слышат, все чувствуют и не могут пошевелиться, в оцепенении смертного сна...

В тот же день его опять пытали. Дали 15 ударов и, не кончив пытки, сняли с дыбы, потому что Блюментрост объявил, что царевич плох и может умереть под кнутом.

Ночью сделалось ему так дурно, что караульный офицер испугался, побежал и доложил коменданту крепости, что царевич помирает...

На следующий день, в четверг, 26 июня, в 8 часов утра, опять собрались в гарнизонном застенке царь, Меншиков, Толстой, Долгорукий, Шафиров, Апраксин и прочие министры. Царевич был так слаб, что его перенесли на руках из каземата в застенок.

Опять спрашивали... но он уже ничего не отвечал.

Подняли на дыбу. Сколько дано было плетей, никто не знал — били без счета.

После первых ударов он вдруг затих, перестал стонать и охать, только все члены напряглись и вытянулись, как будто окоченели. Но сознание, должно быть, не покидало его. Взор был ясен, лицо спокойно, хотя что-то было в этом спокойствии, отчего и самым привычным к виду страданий становилось жутко.

— Нельзя больше бить, ваше величество! — говорил Блюментрост на ухо царю. — Умереть может. И бесполезно. Он уже ничего не чувствует: каталепсия...

— Что? — посмотрел на лейб-медика царь с удивлением.

Каталепсия — это такое состояние... — начал тот объяснять по-немецки.

Сам ты каталепсия, дурак! — оборвал его Петр и отвернулся.

Чтобы перевести дух, палач остановился на минуту.

— Чего зеваешь? Бей! — крикнул царь.

Палач опять принялся бить. Но царю казалось, что он уменьшает силу ударов нарочно, жалея царевича. Жалость и возмущение чудилось Петру на лицах всех окружающих.

Бей же, бей! — вскричал он и топнул ногою в ярости; все посмотрели на него с ужасом: казалось, что он сошел с ума. — Бей всю, говорят! Аль разучился?

Да я и то бью. Как еще бить-то? — проворчал себе под нос Кондрашка и опять остановился. — По-русски бьем, у немцев не учились. Мы люди православные. Долго ли греха взять на душу? Немудрено забить и до смерти. Вишь, чуть дышит, сердечный. Не скотина, чай, — тоже душа христианская!

Царь подбежал к палачу.

Погоди, чертов сын, уж самого отдеру, так научишься!

Ну, что ж, государь, поучи — воля твоя! — посмотрел тот на царя исподлобья угрюмо.

Петр выхватил плеть из рук палача. Все бросились к царю, хотели удержать его, но было поздно. Он размахнулся и ударил сына изо всей силы. Удары были неумелые, но такие страшные, что могли переломить кости.

Царевич обернулся к отцу, посмотрел на него, как будто хотел что-то сказать, и этот взор напомнил Петру взор темного Лика в терновом венце на древней иконе, перед которой он когда-то молился Отцу мимо Сына и думал, содрогаясь от ужаса: «Что это значит — Сын и Отец?» И опять, как тогда, словно бездна разверзлась у ног его, и оттуда повеяло холодом, от которого на голове его зашевелились волосы.

Преодолевая ужас, поднял он плеть еще раз, но почувствовал на пальцах липкость крови, которой была смочена плеть, и отбросил ее с омерзением...

Царевич лежал, закинув голову; губы полуоткрылись, как будто с улыбкою, и лицо было светлое, чистое, юное, как у пятнадцатилетнего мальчика...

В сенях застенка Толстой, заметив, что у царя руки в крови, велел подать рукомойник... Вода порозовела...

Царевича перенесли из пыточной палаты в каземат на прежнее место. Он уже не приходил в себя.

Государь и министры пошли в комнату умирающего. Когда узнали, что он не причащался, то захлопотали, забегали с растерянным видом. Послали за соборным протопопом, о. Георгием.

Он прибежал, запыхавшись, с таким же испуганным видом, как у всех, торопливо вынул из дароносицы запасные дары, совершил глухую исповедь, пробормотал разрешительные молитвы, велел приподнять голову умирающего, поднес потир и лжицу к самым губам его. Но губы были сжаты, зубы крепко стиснуты. Золотая лжица ударилась о них и звенела в трепетной руке о. Георгия. На плат спадали капли крови. На лицах у всех был ужас.

Вдруг в бесчувственном лице Петра промелькнула гневная мысль.

Он подошел к священнику и сказал:

— Оставь! Не надо...

Солнце потухло. Царевич вздохнул, как вздыхают засыпающие дети.

Лейб-медик пощупал руку его и сказал что-то на ухо Меншикову. Тот перекрестился и объявил торжественно:

— Его высочество государь царевич Алексей Петрович преставился.

Все опустили на колени, кроме царя. Он был неподвижен. Лицо его казалось мертвее, чем лицо умершего...

Следующий за смертью царевича день, 27 июня, девятую годовщину Полтавы, праздновали, как всегда: ... палили из пушек, пировали на почтовом дворе, а ночью — в Летнем саду... как сказано было в реляции, довольно веселились...

В ту же ночь тело царевича положено в гроб...

В воскресенье, 29 июня, опять был праздник — тезоименитство царя. Опять служили обедню, палили из пушек, звонили во все колокола, обедали в Летнем дворце; ... происходила обычная попойка; ночью сожжен фейерверк, и опять веселились довольно» [71].

И даже призванный Екатериной II для сокрытия преступлений Петра наипервейший идеолог безбожной идеологии, Вольтер, после внимательного осмотра предоставленных ему документов о смерти царевича, констатировал:

««... Будьте уверены... нет ни одного человека в Европе, который думал бы, что царевич умер естественной смертью. Все только пожимают плечами, когда слышат, что юноша двадцати трех лет умер от апоплексического удара¹...».

Долго спустя после своей смерти несчастный Алексей нашел красноречивейшего из адвокатов, а Петр страшного обвинителя...

¹ Вольтер. Сочинения, т. XII, с. 255

защитительная речь и обвинительный акт остаются; они останутся навеки выразителями общественного мнения по поводу этого процесса, и Петр вечно будет нести на себе их бремя...

Он убил своего сына. Для этого нет никаких оправданий» [16, с. 582].

Итак, 26 июня (7 июля по новому стилю) 1718 г. в построенном царем-монстром городе-монстре, где верхом бессмертности его «творений» стали глухие казематы Петропавловской крепости, царем-антихристом был зверски замучен его собственный родной сын.

«Как кончил жизнь царевич? Версий много. Но кто теперь укажет истинную?» [4, с. 180].

И вот одна из них, слишком явно намекающая о попытке прикрыть именно ритуальное убийство царевича:

«Рассказывали, что когда по объявлению царевичу смертного приговора, он был поражен апоплексическим ударом, и по совету врачей приказано было нужным открыть ему кровь, было слишком много выпущено крови, и что таким образом он скончался в тюрьме, в сильном страдании» [4, с. 180].

А ведь именно от потери крови и умирают истязуемые резниками люди.

Двести лет и десять дней спустя, 17 июля 1918 г., мир потрясет теперь уже Екатеринбургская Голгофа, где, очевидно, в упоминание не выдержавшего выпавших на его долю страшных пыток своим далеким в венценосном родстве предшественником, маленький наследник престола будет мечтать лишь об одном:

«Если будут убивать, то только бы не мучили...» [142, с. 195].

Оба царевича приняли мученическую смерть и каждый от антихриста: один — от Петра, другой — от Ленина. Оба этих зверских злодеяния носили явно ритуальный характер — их изуродованные резниками тела были сокрыты от какого-либо дознания!

Между тем имеется свидетельство о закрытой материей шее петербургского мученика, лежащего в гробу!

Здесь надо сказать, что в числе наносимых резником ритуальных ударов имеется укол именно в шею жертвы! Это запечатлел в своем рассказе об увиденном на иудейской живодерне В. В. Розанов.

Да и способ казни в Екатеринбурге, судя по высказываниям провидцев, а также по оставленным изуверами следам на месте преступления, а еще более — по желанию убийц замести эти следы — явно является иным, нежели признано считать официально.

Но оно и понятно. Ведь кто нам об этом преступлении поведал? Сами же убийцы!

А будут ли они распространяться о ритуальности производенного ими преступления?!

Конечно же, нет. А потому и распустили заранее подготовленный слух о расстреле!

Так что тот первый антихрист, чья бесчеловечная жестокость стала причиной смерти первого царевича Алексея, труды свои ровно через двести лет перепоручил второму антихристу. А ныне в мир рвется уже третья ипостась зверя. Об этом имеется предсказание священника, обладающего даром предвидения. Он также сообщает и то, что этот посланец преисподней должен воцариться не где-нибудь, но именно у нас!

Неужели нам так и не удастся поставить воцарению антихриста никакой существенной преграды? Неужели все ужасы, описанные в Апокалипсисе, будут происходить именно на нашей земле?!

Главным отличием от людей звериной породы обратной является полное безразличие к мукам их жертв. Валишевский по этому поводу замечает:

«Я не могу найти другого примера такого полного бессердечия. Во время процесса своего сына Алексея, перипетии которого должны были бы взволновать царя, он находил досуг и силы не только заниматься другими делами, но и предаваться обычным развлечениям. Многочисленные указы, касающиеся охраны лесов, управления монетным двором, организации различных промышленных учреждений, таможен, раскола, агрономии, помечены теми же датами, как и самые тяжелые моменты ужасной судебной драмы. В то же время ни один из годовых праздников не прошел без шумных развлечений: пирушки, маскарады, фейерверки сменялись одни другими.

Царь обладал настоящими запасами веселости и общительности» [16, с. 115].

То есть присутствие в данной ситуации просто невозможной «веселости» не покидало его и в момент казни своими руками своего собственного сына!

Между тем всеми вышеописанными издевательствами царь-антихрист ограничился лишь по той причине, что царевич Алексей все же не выдержал пыток и донес сам на себя.

Вот что его ожидало в случае проявления упорства:

«Если человек не винится и на дыбе, пытаются иначе:

1. В тисках, сделанных из трех толстых железных полос с винтами. Между полосами кладут большие пальцы пытаемого, от рук — на среднюю полосу, а от ног — на нижнюю. После этого палач начинает медленно поворачивать винты и вертит их до тех пор, пока пытаемый не повинится или пока винты вертеться не перестанут. Тиски надо применять с разбором и умением, потому что после них редко кто выживает.

2. Голову обвиняемого обвертывают веревкой, делают узел с петлей, продевают в него палку и крутят веревку, пока пытаемый не станет без слов (т. е. потеряет сознание — А. Б.).

3. На голове выстригают на темени волосы до голого тела, и на это место, с некоторой высоты, льют холодную воду по каплям. Прекращают, когда пытаемый начнет кричать истощенным голосом, и глаза у него выкатываются. После этой пытки многие сходят с ума, почему и ее надо применять с осторожностью.

4. Если человек на простой дыбе не винится, класть между ног на ремень, которыми они связаны, бревно. На бревно становится палач или его помощник, и тогда боли бывают сильнее.

Таких упорных злодеев (кто запирается — А. Б.) надо через короткое время снимать с хомута, вправлять им кости в суставы, а потом опять поднимать на дыбу. Пытать по закону положено три раза, через десять и более дней, чтобы злодей оправился, но если он на пытках будет говорить по-разному, то его следует пытать до тех пор, пока на трех пытках подряд не покажет одно и то же, слово в слово. Тогда на последней пытке, ради проверки, палач зажигает веник и огнем водит по голой спине висящего на дыбе, до трех раз и более, глядя по надобности.

Когда пытки кончатся и злодей, повинившийся во всем, будет подлежать ссылке на каторгу или смертной казни, палач особыми щипцами вырывает у него ноздри...»

Слов нет, пытали и до Петра. Однако ж никому не приходило в голову превращать пытку в *индустрию*, составлять писанные руководства...» [15, с. 367–368].

Но для созданной Петром чудовищных размеров карательной машины требовалось и не имеющее до того аналогов количество будущих жертв. Потому индустрия палачества была

подкреплена и буквой закона, который призван был выкосить эту ему столь ненавистную нацию под ноль:

«Петр... создал *систему*, по которой всякий без исключения был признан *винтиком*. Жуткий *механизм*, обрекавший при определенном повороте дел *всякого*, правого или виноватого, на самую страшную участь.

Система Петра в чем-то — предвосхищение нацистской» [15, с. 369].

Вот в чем заключается Петра это самое «творенье»!

Однако ж систему нацистскую очень зря считают какую-то слишком уж особенной, ни на какие иные якобы совершенно не похожей. Даже ее:

«Название, которое сам Гитлер вначале предлагал для своей партии, было «партия социалистов-революционеров»; самого себя он считал «исполнителем марксизма», но вовсе не его могильщиком, и он сам говорил Герману Раушнингу, что построил свою организацию по образцу коммунистической» [108, с. 413].

И для отработки завезенной еще первым своим «посольством» с Запада палаческо-пыточной индустрии, техническому оснащению которой Петр всецело посвятил себя на многие годы, этот странный папаша не побрезговал проинспектировать отточенность мастерства своих заплочных дел специалистов на своем собственном сыне.

Человек ли это был вообще?!

Не просто смерть осужденного на мученическую кончину ему была столь необходима: сам процесс убивания человека его, как непревзойденного специалиста в палаческой науке, очень сильно интересовал.

«В своей последней книге И. Бунич утверждает, что существует резолюция Петра на следственных делах: «*Смертью не казнить. Передать докторам для опытов*»» [15, с. 371].

Так что если и имеется какое-то различие между лагерями смерти Адольфа Гитлера и организованными Петром по всей России пыточными *государственными предприятиями* подобного же рода, то уж слишком незначительное. Смонтированная Петром система массового умерщвления людей, что следует все же отметить, имела на несколько порядков большую пропускную способность, чем система душегубок, разработанная немецкими национал-социалистами — наследниками, как

выясняется, именно марксистских теорий. Качество палаческого искусства, что немаловажно, всегда переходило в количественное преимущество нашего «реформатора» над хваленной заграницей, столь поднатюпавшей к тому времени именно в вопросах борьбы с собственным мирным населением. И если в Белоруссии Адольф Гитлер уничтожил каждого четвертого ее жителя, то Петр I — *каждого второго!*

Так что в вопросах массового уничтожения зря нам тыкают в нос каким-то весьма жалким ефрейтором, некогда выслужившимся у мировой олигархии банкиров в диктаторы, пришедшим все же в страну ему явно чужую. Тут ясно одно: нечего этих культуртрегеров с их пещерной психологией вышивания плащиков из содранной с человеческих голов кожи вообще запускать к себе домой.

В раскрываемой же истории следует повнимательней приглядеться к нашему внутреннему монстру, уже один раз нас посетившему: сегодня к нам в двери ломится его «славных дел» последователь. Неужели нам суждено вновь наступить на те же грабли?!

«Его характер никогда не был особенно хорош, но с каждым днем он становился все невыносимее», — пишет в мае 1721 года саксонский министр Лефорт в своем дневнике: «Счастлив тот, кому не приходится бывать около него»¹... В сентябре 1698 года, во время банкета в честь посланника императора Guarient, царь рассердился на генералиссимуса Шеина за повышения, данные в армии, которые были, по его мнению, несправедливы; ударив обнаженной шпагой по столу он крикнул: «Я тебя с твоим полком в куски искрошу и шкуру с тебя спущу!» Ромодановский и Зотов попробовали вступить; царь бросился на них: у одного из них оказались наполовину отрезанными пальцы на руке, другой был ранен в голову. Только Лефорт, а по другим сведениям Меншиков, сумел успокоить царя². Незадолго до этого, во время обеда у полковника Шамбера, царь повалил на пол и топтал ногами Лефорта, а Меншикова, осмелившегося на каком-то празднике остеречь на его счет, ударил по лицу так сильно, что у него пошла носом кровь (Корб, с. 84, 86).

¹ Бергольц. *Jornal, Buschings-Magasin*, т. XXI, с. 238.

² Устрялов, т. III, с. 625, т. IV, с. 211.

В 1703 царь остался недоволен публично обращенными к нему словами голландского резидента и засвидетельствовал свое неудовольствие ударами кулака и шпаги (Депеша Вальюза от 28 ноября, 1703 г. Мин. ин. дел во Франции) — это происшествие не имело никаких последствий. Дипломатический корпус давно уже покорился печальной необходимости мириться с нравом царя. Иван Саввич Брыкин, предок знаменитого археолога Снегирева, рассказывает, что царь в его присутствии убил ударом палки слугу, который не сразу снял перед ним шапку¹» [16, с. 116–117].

«В Копенгагене, увидев в естественнонаучном музее мумию, он выказал желание приобрести ее. Королевский инспектор доложил об этом своему господину и получил отказ: мумия была необычайной величины и удивительной красоты... Петр вернулся в музей, подошел к мумии, оторвал у нее нос и, совершенно изуродовав ее, ушел со словами: «Можете беречь ее теперь»²» [16, с. 143].

И так поступил он там лишь потому, что чувствовал полную безнаказанность своей гнусной выходки.

Но и от сдающихся ему на милость солдат и офицеров неприятеля он так же не ждал возможной для себя угрозы. А потому лгал всегда и всюду, если только чувствовал, что ему могут поверить. Но в рассказе о нем это так, маленький штришок: ведь и сына своего из протекции кесарской он выманил все таким же обманом.

А вот и еще, в подтверждение вышесказанного, вариант очередного подлого обмана:

«Адмирал Апраксин осадил Выборг... Шведский комендант, приведенный в стесненное положение непрерывным бомбардированием, 12 июля 1710 года сдался на капитуляцию, выговорив себе свободный проезд в Швецию. Но Петр, давши слово, нарушил его... и приказал увести в Россию военнопленным гарнизон...» [51, с. 666–667].

То же было и в Риге: «... шведам дали слово отпустить их на родину, но нарушили слово, так же как и под Выборгом, и Штернберг был удержан военнопленным» [51, с. 667].

¹ Панов. *Татищев и его время. М., 1861, с. 531.*

² Шерер, *т. II, с. 15.*

То есть в совершенно мирных ситуациях, в частности со сдавшимися на милость победителя гарнизонами крепостей, он вел себя более чем воинственно. Однако ж с поля боя, даже при извечно многократном своем преимуществе над соперником, он сбегал всегда. И делал это обычно в самую последнюю минуту, что постоянно оставляло поле сражения за неприятелем.

Гродно, Полтава и Прут

А вот на что придумал ссылаться Петр при каждом очередном своем позорном бегстве от как всегда малочисленного неприятеля: «Искание генерального боя суть опасно...» [16, с. 18].

Понятное дело: лучше драпануть что есть мочи без оглядки! И, самое здесь главное, — *заранее...*

То есть не ждать, когда сделать это принудят «обстоятельства», то бишь последствия, обычно сопровождающие несварение в желудках, а произвести этот «гениальный» маневр еще до появления рези в пищеварительных органах. Потому как в противном случае, на что Петр уже ни единожды нарывался, страх все равно пересилит, а тогда:

«... в единый час все ниспровержено; того лучше здоровое отступление, нежели безмерный газарт» [16, с. 18].

Все правильно и до абсурдности «гениально»: главное вовремя смыться.

Так поступил наш «великий» при появлении самой малейшей опасности в западных областях Руси, где его бандитствующие эрзац-воинские формирования вырезали половину проживающего в этом краю населения:

«14 января шведы установили блокаду Гродно, где лагерем расположилась русско-саксонская армия, пытаясь принудить ее либо к бою, либо к капитуляции» [2, с. 295].

Ну, уж к бою-то вряд ли. Скорее всего — именно к капитуляции. И все потому, что и союзник у Петра был труслив ничуть не менее его самого:

«Однако русские (саксонцы Августа II бросили союзников) весной скрытно перешли Неман, быстро дошли до Бреста, а после отошли к Днепру» [2, с. 295].

То есть сначала, что и естественно для вторгшейся в пределы неприятельской страны армии, — наступали. Но стоило Петру лишь услышать о приближении противника, как он тут же дал такого деру, что вряд ли скоростью своей ретирады мог бы уступить своему в этом деле союзничку, ухитрившемуся рвануть в бега даже несколько ранее его самого. Что, между прочим, выглядит достаточно сомнительно: Петр в вопросах ретирады вряд ли мог быть превзойден каким-то там Августом.

Но вот незадача: «... Карл XII увел свои войска на запад...» [2, с. 295].

То есть зря, как теперь выяснялось, так чрезмерно торопился Петр: Карл наступал совершенно в противоположном направлении и за воинством нашего «преобразователя» никто вообще-то и не гнался! Но он драпанул все равно чрезмерно ретиво, спасая свою царственную персону от грозящих ей неисчислимых бед.

А вот и еще один вариант повествования о конфузе, случившемся под Гродно с многочисленной армией Петра. Может, именно эта версия его бессмертное «суть опасно» хоть в самой малой степени нас убедит?

«... Петр I, улучив момент перед ледоходом на реке Неман, быстро увел свои войска из Гродно, выиграл десять суток, в течение которых начавшийся ледоход не позволял Карлу XII организовать преследование» [16, с. 19].

И вот как он это сделал: «24 марта... войско вышло из Гродно, воспользовавшись, как писал Петр, вскрытием Немана, по мосту, заранее приготовленному...» [124, с. 140].

И сбежал наш великий, как обычно, *налегке*: «... бросив в реку больше ста пушек. Из-за ледохода Карл не мог переправиться на другой берег Двины и преследовать бегущих...» [14, с. 97].

Тут необходимо добавить: *преследовать* втрое превосходящий своим количеством 45-тысячный контингент «потешно»-полицей-ской армии Петра. Мало того, прекрасно знавший о трусости Петра Август еще и своих воинов увлек своим бегством. Так что, как теперь выясняется, какая-то горстка шведов навела на этих «союзников» такого ужаса, что они бежали в панике, совершенно не пытаясь соображать: от кого бегут и по какой причине.

А ведь и здесь он пушек своих неприятелю надарил столько, что теперь Карл для своих дальнейших походов артиллерией стал полностью обеспечен. Но и не только пушками, отлитыми из столь нелюбимых им наших колоколов одарил царь-антихрист неприятеля:

«... Петр приказал своим генералам налегке, бросив артиллерию и обозы, выскочить из Гродно...» [53, с. 383].

То есть здесь ясно показано: сам он, к тому времени, когда его подопечные должны были только начинать ретираду, уже гнал опрометью, спасая свою шкуру; неприятелю

петровские «птенчики», облегчая себе это отчаянное скоропалительное бегство, оставили какие-то *обозы*. Какие такие *обозы*? А вот какие:

«На счастье, как раз в это время в Архангельск пришел очередной большой конвой с закупленными ранее в Европе военными грузами, что позволило возместить брошенное при бегстве оружие. Все лето с севера на Украину спешно гнали обозы» [53, с. 384].

А драпанула-то так ретиво, побросав даже ружья, 45-тысячная армия! И это ее боевое снаряжение в полном объеме Петр оставил тогда врагу!

Так что и здесь «доблесть» во все регалии разряженного этого сквозь века воспетого супер «героя» не просто сквозит из замочной скважины, но прохватывает сквозняком до самых до потрохов, указывая на полную никчемность этого величайшего труса, записанного лжеисторией в величайшие победители.

Но отчего ж всплыла вся эта история? Почему воспеватели всех мастей не удосужились упрятать этот очередной позор нашего «великого» куда-нибудь подальше? Почему в очередной раз не объявить, Что петровские потешники куда-то там опять наступали, но вот только просто не в ту сторону?

Так ведь у шведов остался в руках более чем убедительный вещдок — более сотни пушек и несколько *десятков* тысяч (!) единиц огнестрельного оружия! Которое в панике побросали улепетывающие потешники «преобразователя».

Здесь же в Гродно, но уже и в иной раз, вот какой инцидент произошел с палаческим воинством нашего Петрушки. Вначале, что и естественно: «Гродно было в руках русских» [51, с. 657].

То есть в руках петровского мародерского бандформирования.

«Карл неожиданно явился под этим городом, думая захватить в нем Петра» [51, с. 657].

Зря он так *думал*: появление неприятеля для Петра никогда не являлось какой-то такой особой *неожиданностью*. Он всегда был настороже, готовый в любой момент опрометью кинуться в бег. Ведь именно такой вид ведения военных действий был освоен Петром еще со времен раннего *вьюношества*. Эта «добрая» традиция сохранилась у нашего «дивного гения» и до самых до седины. Он всегда был готов сорваться в бегство при любом самом нелепом раскладе сил. Потому,

когда лишь только запахло приближением малочисленного отряда Карла, Петр: «... услыхав о приближении неприятеля, спешно бежал» [53, с. 51].

И вот от каких немислимых полчищ шведов, как теперь выясняется, Петр тогда драпанул. Его преследовал «... Карл, намного опередив свою армию, всего с 600 кавалеристами...» [53, с. 51], «... поспешивший по вести, что царь в Гродно» [124, с. 192].

А у пустившегося наутек Петра, между прочим, в тот самый момент, перед самым позорным своим бегством, имелся «... отряд в 2000 человек...» [53, с. 51].

Но даже и такая авантюра более чем безрассудного шведского короля чуть не закончилась плачевно для создателя потешного воинства: «Карл 26 числа беспрепятственно вошел в Гродно два часа спустя после отъезда оттуда Петра» [124, с. 192].

Уточним: после *позорного бегства*. Так что создателю бутфорской армии, которая никак не могла защитить своего главноверха от какой-то горстки шведов, в тот момент и действительно — достаточно крупно повезло: смыться успел вовремя. И вот как неслабо он драпанул: «28 января Петр был уже в Вильно» [124, с. 193].

То есть наш липовый вояка, выпучив от страха глаза, неся что-то порядка 90 км в день! Тут стоит лишь удивляться его просто небывалой проворности по части ретирады. Уж в этом вопросе вряд ли кто смог бы с ним и попробовать состязаться.

Но необычайная трусость, что давно является прописной истиной, всегда сопряжена со звериной жестокостью. Потому Петр своим жандармам повелевает:

«... идучи дорогою, провиант и фураж, также и скотину, лошадей, волов и овец забирать с собою сколько возможно, и чего невозможно, то провиант и фураж жечь...» [124, с. 193], «... отступать, прикрываясь выжженной пустыней» [53, с. 50].

А проживали на этой земле русские люди... Именно их «великому» и не жалко!

Но может Соловьев ошибается? Неужели же всеми историками столь помпезно воспетый монарх мог разорять уже теперь не чужеземные, но свои же — русские земли?

Но вот его в этом вопросе дублирует и Костомаров:

«Петр, узнавши, что враг его собирается через Белоруссию идти в московские пределы, приказал опустошать Белоруссию,

чтоб шведы на пути не находили продовольствия, а сам убежал в Петербург...» [51, с. 657].

Вот аж куда, как выясняется, драпанул наш «великий»! Хорошо не на Северный полюс. Благо тогда дороги туда еще проложено не было.

Но притом, что и для подобной породы недочеловеков вполне естественно, беззащитное население, оставляемое на съедение врагу, решил тотально уничтожить сам. И уж отнюдь не на бумаге: этот зверь в человеческом обличье своей лютостью вдвое превзошел национальных социалистов Адольфа Гитлера, во время войны оккупировавших эти западные окраины русских земель, истребив здесь половину проживающего мирного населения. И его заячьей душонке, странным образом совмещенной с душой Бабы-яги, гетманом Мазепой дано достаточно точное определение. Ведь петровская до зубов вооруженная бесчисленная орда, что и полностью подтверждают произошедшие тогда страшные события:

«... спасаясь всегда бегством от непреодолимых шведских войск, вступила к нам не ради того, чтоб нас защитить от шведов, а чтобы огнем, грабежом и убийством истреблять нас» [51, с. 784].

Очень справедливые слова. Вот что вытворял как на захваченных, так и на своих собственных землях этот нам на все лады расхваленный перехваленный палач:

«В ожидании шведского вторжения Петр I приказал превратить в выжженную пустыню все приграничные провинции... Царский указ исполнили очень добросовестно» [53, с. 232].

И «славных дел» здесь итог, то есть убийство половины населения Белоруссии, неопровержимейшее подтверждение выше приведенных слов. Что было совершено над мирным населением, не подозревающим никакого подвоха, войском, именуемым почему-то русским, но на самом деле являющимся войском пришедшего в Россию антихриста.

Но мирное население не только Белой Руси подвергал тотальному уничтожению этот наш «освободитель». Его звериные клыки, что и подтверждает гетман Мазепа, прошли и по городам Малой Руси. Петровские убийцы, например: «... вырезали все население Батурина, не щадя женщин и детей...» [53, с. 60].

И если о беспрецедентной казни стрельцов нам достаточно подробно многое известно, то творимое здесь этим палаческим

бандформированием так и осталось за кадром истории. А ведь казнено русских людей здесь было ничуть не меньше, чем тогда в Москве. Каратели вырезали: «... вместе с обывателями до 7000 человек» [53, с. 60].

И звериная жестокость у него всегда сочеталась со звериной же трусостью. Вот что он придумал для защиты России, когда понял, что Карл собирается идти на Москву:

«... и тут Петр был в своем амплуа: при наступлении Карла XII в 1708 году перепугался так, что велел вывезти из Москвы сокровища Кремля и стал по периферии страны строить систему укреплений...» [14, с. 103].

Но и «укрепления» эти его выглядели все так же однопланово: «... чтобы создать укрепления, стали засыпать землей действующие церкви» [14, с. 103].

То есть даже и здесь был найден предлог для борьбы с русскими святынями.

Потому становится понятным, что это эрзац-воинство супостата воевать всегда могло только с мирным населением. Об этом шведский король был осведомлен. Потому-то впоследствии, под Полтавой, уже практически безоружный Карл, у которого давно закончился порох, все так же настойчиво продолжал пытаться выбить четырехтысячный русский гарнизон из Полтавской крепости. При этом он не сомневался в «благоразумии» Петра, который на этот самый «газарт» не решится — в коленках жидковат, а предпочтет куда как более освоенный «маневр» — «здоровое отступление».

И возьми шведы Полтаву, все случилось бы так, как планировал Карл: Петр опять сбежал бы, уже в который раз предав очередному позору честь русского государства!

А он, собственно, это делать и вознамеривался. На эту тему им даже: «Учинен воинский совет, каким бы образом город Полтаву выручить без генеральной баталии (яко зело опасного дела) ...¹» [124, с. 261].

Вероятно, полтавский гарнизон, великолепно зная эти присущие ему «качества», бился до последнего, уже вовсе и не надеясь на помощь этой никчемной трусливой душонки, смелой лишь перед беззащитными, которая с огромнейшим,

¹ Голиков И. И. Деяния Петра Великого... Ч. XI. С. 442. См. также: Письма и бумаги. Т. VIII. Вып. 1. С. 334–335.

великолепно оснащенным воинством трусливо выжидала результата этой неравной смертельной схватки с врагом.

Так значит и не столь силен швед, коль с таким подавляющим численным превосходством так и не смог взять русской крепости?!

Советские источники о численности защитников Полтавы сообщают: «... гарнизон Полтавы (4,2 тыс. солдат и 2,5 тыс. вооруженных горожан)...» [118, Т. 6, с. 435].

Вот какое количество русских людей не смогла одолеть армия Карла, два месяца яростно штурмующая их укрепления.

Слабым же оправданием Карла служит ожидаемая им поддержка переметнувшегося к нему в лагерь гетмана Мазепы, который так же, как и Петр, дожидался исхода сражения, где шведы победить просто обязаны — ведь у них солдат в десять раз больше (ополченцы не в счет — это полубезоружная необученная толпа).

Но эта «толпа» все же была русской (малоросской), а потому и билась с врагом насмерть, ничуть не уступая русским солдатам, сражавшимся с ними плечом к плечу. В единстве сила, а потому и враг был не только остановлен, но и разбит.

А полностью подкосивший силы шведского воинства штурм крепости продолжался исключительно из-за редкостного упрямства самого авантюрного полководца тех времен — Карла XII.

Только через два месяца, поняв наконец всю вопиющую беззубость своего противника, а также его необычайную измотанность при затянувшемся штурме, увидев отсутствие у шведов пороха и сильный недостаток иного снаряжения, отбитого до этого под Лесной Шереметевым, Петр, отбросив свое извечное желание к ретираде, на этот раз все же решается выступить:

«Со стороны его противников все способствует этому: в конце июня у них истощились боевые припасы, и они остались без артиллерии и даже почти без какого бы то ни было огнестрельного оружия, принужденные сражаться только холодным оружием. Накануне решительного сражения они оказываются без вождя: во время рекогносцировки на берегах Ворсклы, разделявшей две армии, Карл, как всегда опрометчивый и без нужды подвергающий себя опасности, был ранен пулей. «Пустяки, в ногу...» — сказал он, улыбаясь... Но по возвращении в лагерь он потерял сознание, и тотчас,

рассчитывая на моральное значение этого происшествия, Петр решился Перейти Ворсклу...¹

Прошло, однако, еще десять дней в ожидании нападения, на которое русские не осмеливались. Карл предупредил их...» [16, с. 339].

То есть даже в полностью безвыходной ситуации своего давнего соперника, когда и командовать тот своим безоружным и крайне истощенным воинством из-за ранения уже более не мог, Петр снова был не готов к каким-либо решительным действиям.

Чем же он занимался все это время?

«Петр I во главе русской армии (42,5 тыс. человек) расположился в 5 км от Полтавы. Перед позицией русских войск расстилалась широкая равнина, ограниченная лесами. Слева находился перелесок, через который проходил единственно возможный путь для наступления шведской армии» [149, с. 41].

Почему шведы могли сунуться только лишь через этот самый злосчастный *перелесок*?

Так ведь лезть безоружным, с пустыми пороховницами, напролом через широкое поле было бы, с их стороны, уже полным безумием. На открытой местности сблизиться на ружейный выстрел им не предоставлялось возможности. А как обойти по полю без потерь выставленные неприятелем пушки?

Потому Петр с армией, вдвое большей количественно и вооруженной до зубов, решил обрубить шведам даже и эту самую последнюю надежду — сойтись с его армией врукопашную:

«Петр I приказал на этом пути построить редуты (шесть в линию и четыре перпендикулярно). Они представляли собой четырехугольные земляные укрепления со рвами и брустверами, располагались один от другого на расстоянии 300 шагов... За редутами находилась конница (17 драгунских полков) ...Замысел Петра I состоял в том, чтобы измотав шведские войска на редутах, нанести им затем сокрушительный удар...» [149, с. 41].

Вся эта трусливая ретирада с окапыванием против вдвое слабейшего и имеющего на вооружении лишь холодное оружие противника нынешними историческими источниками поименована как: «... тактическое новшество Петра...» [149, с. 41].

¹ Lundblad, m. II, c. 118.

Так ведь всемером от одного безоружного да еще и за реду-
тами прятаться — это и действительно: *новинка*.

И это все притом, что: «... Карл пришел с малочисленным вой-
ском, и трудно было ему дополнять его из далекого своего отечества,
а Петр явился с ратью, вдвое превосходившею силу его соперника.
Войско Петра беспрестанно увеличивалось...» [51, с. 659].

То есть уже в самих историях историков указывается на то,
что войско Петра, бывшее вдвое большим, постоянно пополня-
лось. Шведы же еще продолжали атаковать Полтавскую кре-
пость. То есть их число постоянно уменьшалось, появлялось
множество раненых. Так что, соотношение сторон, что логи-
чески следует из историй этих самых историков, было уже как
минимум 3: 1. Но Петр все еще чего-то выжидал.

Так на что свалить исторической науке это трусливое выжидание?

На то, что наш «великий», будучи слишком в коленках жид-
коват, требовал все новых дополнительных пополнений:

«Готовясь к битве, Петр откладывал ее со дня на день до при-
бытия 20 000 калмыков...» [51, с. 659].

То есть тройного перевеса ему было все ж маловато: он ждал
еще подкреплений.

И лишь полная инициатива предводителя шведского войска,
давно разгромленного малочисленным полтавским гарнизоном,
подвела черту под его гегемонистскими планами по отношению
к России. Лишь упрямое желание Карла XII вступить в едино-
борство со своим трусливым соперником довершило это само-
убийство, кажущееся теперь столь странным:

«Сражение было просто бешеной схваткой, в которой слав-
ные остатки одного из самых удивительных войск, когда-либо
существовавших на свете, без оружия, без вождя, без надежды
на победу, окруженные врагами и подавленные их численно-
стью, борются некоторое время только для того, чтобы не по-
кинуть своего короля. Через два часа Карл сам покидает поле
сражения...» [16, с. 340].

Безоружные шведы, судя по всему, были просто расстреляны
в упор. Вот каковы их потери, доказывающие полное отсутствие
какой-либо хоть малой надежды этого воинства, вооруженного
лишь холодным оружием, при вступлении в противоборство
с количественно, как минимум, трехкратно их превышающим
свежим войском неприятеля, вооруженным до зубов:

«Шведы потеряли всего более 9 тыс. убитыми... потери русских войск составили 1345 чел. убитыми...» [118, т. 6, с. 435].

То есть произошел расстрел остатков безоружного войска легендарного предводителя, окончательно спятившего от любви к своему собственному «гению». Но, может, Карл, слишком хорошо зная «храбрость» своего оппонента, просто ни на секунду не усомнился, что этот редкостный трус, в данном вопросе никем еще не превзойденный (впоследствии воспетый Лажечниковыми как великий метатель неких «гранад»), и на этот раз, по милой своей давно освоенной привычке, все равно сбежит? Ведь повезло ж ему на этого отъявленного труса уж в куда как не менее безвыходных ситуациях: под Нарвой и под Гродно.

Но двухмесячный безуспешный штурм Полтавы подточил боеспособность шведского войска. Из-за полученных при неудачных штурмах Полтавы ранений более трети шведского войска в сражении участия принять не могло:

«Общая численность армии Карла XII, по шведским источникам, достигала 27 тысяч человек, из которых непосредственное участие в сражении приняло около 17 тысяч человек» [35, с. 23].

А подошел-то Карл к Полтаве, между прочим, в составе 40-тысячной армии!

То есть шведы оставили под стенами этого слишком для них злого города 13 тыс. убитыми и 10 тыс. ранеными, которые ко времени Полтавского сражения еще не успели вернуться в строй.

На что надеялся противник, оставив на подступах к маленькой русской крепостце более двух десятков тысяч мертвецов и калек?! Куда ему было лезть на армию, большую этого малюсенького гарнизончика в десятки раз?!

«Русские (Петр I) — 60 000 человек (без иррегулярных войск), 102 орудия» [53, с. 70].

А с *иррегулярными*, стало быть, так и все 80 000! И это — как минимум. То есть Петр имел здесь пятикратное над своим врагом численное превосходство!

Но Карл был просто уверен в ставшей уже давно привычной поистине нечеловеческой, какой-то просто патологической животной трусости Петра. Лишь она одна была просто обязана вернуть Карлу уважение Европы, поверженной им ниц.

И вот многократно превосходящей противника армии Петра, вместо вполне понятной в данном случае для шведов ретирады,

было вдруг навязано это нигде не виданное по безумству и самоуверенности столь теперь выглядящее непонятным сражение:

«Против четырех шведских орудий были выставлены восемьдесят два русских (а по другим данным сто двенадцать)» [15, с. 385].

По другим данным и у шведов было не четыре орудия, а только два. Но ведь даже и те — без пороха.

Таков расклад сил этого странного единоборства.

Но Петру повезло, а то бы опять сбежал: совершенно случайно Карл получил серьезное ранение.

Так что исход этого сумасбродного поступка шведского короля был заранее предрешен. Но Петр и здесь до самого конца оставался верен себе. Сам помышляя лишь о бегстве, пытался изобличить в этом же и все свое вполне достойное своего «гения» творение — очень уж ненадежное эрзац-воинство:

«... даже располагая крупным превосходством в людях и вообще уж подавляющим превосходством в артиллерии, Петр применил «новинку» — *впервые* в русской военной истории появились расположившиеся в тылу наступающих *заградительные отряды*, которые получили от Петра приказ стрелять по своим, если те дрогнут...» [15, с. 385].

И это является тем единственным, что следует отнести к личному вкладу Петра Великого в искусство, именуемое «воинским». То есть и здесь единственным новшеством, принадлежащим лично нашему «дивному гению», является один из элементов построения карательного аппарата, чем затем прекрасно воспользуются: и Ленин, и Троцкий, и Сталин, и даже Гитлер.

Вот еще отблеск сугубо петровского толка творенья, о чем спешит сообщить нам Соловьев: «... когда в губерниях рекрут сберут, то сначала из домов их ведут, *скованных*, и, приведши в города, держат в великой тесноте по тюрьмам и острогам...» [124, с. 446].

Но вот и до антихристового клейма добрались: «... захватив рекрута...» [14, с. 99], петровские птенчики «... делали на кисти правой руки татуировку...» [14, с. 99].

Просто гениальнейшим изобретением Петра было «... клеймить своих подданных как скот...» [14, с. 99].

«... в дороге приключаются многие болезни, и помирают безвременно, другие же бегут и пристают к воровским компаниям, ни крестьяне и ни солдаты, но разорители государства становятся. Иные с охотой хотели бы идти на службу, но, видя с начала

над братией своей такой непорядок, в великий страх приходят (из доклада Военной коллегии Сенату, 1719 г.)» [15, с. 386].

А потому «... в 1718 году по армии числилось 45 тысяч «недоббранных рекрут» и 20 тысяч в бегах» [14, с. 100].

«Недоббранных» — значит умерщвленных «штенчиками» при захвате, транспортировке и «хранении».

И это сводка всего лишь за год!

И вот как был устроен Петром этот страшный конвейер смерти:

«... если рекрут умирал на сборном пункте, его деревня или посад обязаны были поставить другого, точно такого же... и государство ничего не теряло, получая нужный ему «винтик»» [14, с. 100].

Теперь понятно — каким же это образом ему удалось уничтожить половину мужского населения России!

А ведь эту ужасающую цифру мы почему-то никогда недооценивали: лес мол рубят — щепки летят. Ведь в Великую Отечественную войну в качестве воинов, убитых на полях сражений, мы потеряли всего 10 % своего мужского населения. И это была ужасная цифра: с войны, по свидетельствам очевидцев (а не всякой шушеры, сегодня про нее басни изобретающей), в сельской местности не вернулась и половина (город потери имел много меньшие из-за занятости многих на оборонных предприятиях). Так кто ж возвратился домой после того, как побывал на изобретенных Петром «забавах»? Половина мужского населения — это возврат: 0 целых 0 десятых процента!!!

И спасся от затей этого людоеда лишь тот, кто вовремя умахнул в бега...

Но какая-то часть из свеженабранных рекрутов в ряды армии супостата все ж вливалась. И хоть меченые солдаты антихриста шли в бой без кандалов, желания стать убитыми было что-то уж слишком маловато. Ведь они были все же русскими, а потому прекрасно осознавали, куда они теперь после смерти попадут после того, как получили на руку отметку зверя.

Однако ж здесь, в Полтавском сражении, им рисковать собою не пришлось. Безоружные, голодные, изорванные в долгом походе шведы лезли под жерла пушек и умирали, словно мухи в осеннюю пору. И их безнаказанно расстреливали в упор многократно количественно превосходящие их жандармские части Петра, помеченные его печатью — печатью антихриста.

Но ведь даже и здесь, что самое интересное, вновь все обошлось без этого воспетого историками «славного гения»: «Всею русскою армиею командовал фельдмаршал Шереметев...» [51, с. 660].

Где же был в это самое время Петр? Может быть, он командовал атакой кавалерии или столь полнобившейся ему пушечной пальбой?

Командовали «... артиллерией — Брюс, правым крылом — генерал Ренне, а левым — Меншиков» [51, с. 660].

То есть даже и эта вроде бы и выигранная Петром баталия о личном его в ней участии вообще ничего не говорит! И очень может быть, что и здесь он не приблизился к шведам и на пушечный выстрел.

Однако ж во все тех же аллегорических пиитоупражнениях по историософическим изысканиям петрообожателей, кое-что находим.

Соловьев: «Петр распоряжался в огне, шляпа его и седло были простреляны» [124, с. 262].

Но имеются и иные версии, где пуль, неизвестно кем выпущенных, из Петра понавыковыривали еще больше.

Костомаров: «Сам Петр участвовал в битве, не избегая опасности: одна пуля прострелила ему шляпу, другая попала в седло, а третья повредила золотой крест, висевший у него на груди» [51, с. 660].

Хороша сказочка! А в особенности, если учесть, что шведы сражались лишь холодным оружием: порох у них давно закончился! То есть при всем их на то желании выпуливать эти самые со всех сторон якобы поиздырявившие Петра пули было просто нечем: порох в шведских пороховницах отсутствовал напрочь!

Но для петрофильных одосоставителей это не в счет, их не волнует, как это все на самом деле было. Ведь правда, как они сообщают, здесь вовсе не главное. А что все ими изобретенное является ни с чем не соотносящимся враньем, так то не беда: главное чтоб красиво было. Чтоб в одах и балладах прославлено на века:

«В то время, ободряя своих воинов, он сказал знаменитые слова:

— Вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное... а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия, слава, честь и благосостояние ея!...» [51, с. 660].

Однако ж на самом деле, когда писался данный памфлетец, совершенно не оказалось учтено то совершенно незначительное обстоятельство, где в момент этой схватки находился сам Петр. А так как он даже и «при исполнении» не зафиксирован, то следует думать, что Петр и на пушечный выстрел к этой все же случившейся баталии не подходил: «суть опасно». Ведь у шведов имелось целых две пушки (правда, без пороха). Потому «газарт» «преобразователю» следовало все ж по возможности смирять. Что, судя по результатам баталии, ему прекрасно и удалось: Петр дрожал от страха на почтительном от сражения расстоянии.

Но вот враг расстрелян, оставил на поле этой односторонней бойни с десятков тысяч трупов. И если бы у Петра хватило самообладания хоть раз в жизни довести дело до конца, пленив Карла, уже давно обреченного на поражение, то тогда опять, как под Нарвой, война могла быть победоносно завершена!

Однако же Петр, явившись после драки из своего укрытия, — все ж сумел полностью запороть и ее результат. При виде такого грандиозного количества крови, вместо вполне обыкновенного завершения всей этой столько лет бездарно тянувшейся военной эпопеи, когда пленение врага было уже предрешено, он устроил грандиозную попойку на костях.

Ведь если искусство воевать так и не стало, несмотря на бесчисленные потуги, избранной им стезей времяпрепровождения (улепетывал он всегда до самого первого совершенного одной из сторон пушечного выстрела), то по части фанфар и дифирамбов — тут другое дело:

«На поле битвы в тот же день Петр устроил пир...» [51, с. 660].

«Петр, охваченный эйфорией «о зело превеликой и нечаемой виктории», сначала отметил победу...» [53, с. 71].

Похмельный Петр вспомнил про Карла лишь на следующий день.

А Карл бежал, между прочим, вместе с казной. И не знать про это Петр не мог!

Так почему же он так бездарно поступил?! Даже обыкновенная алчность не могла бы позволить случиться такой вопиющей оплошности!

Этот для нас удивительно странный пир на костях, столь непонятный для обыкновенного человека, легко объясним не вполне нормальной страстью Петра к запаху крови вообще. Как уже говорилось, свою практически прямую дорогу из Кремля в Преображенское, через Сretenку, он еще в бытность начала

своих «славных дел», при сооружении пыточных казематов Преображенского, заменил заездом своего царственного кортежа на Мясницкую. Где запах крови от Поганных Луж навевал столь приятные для его некрофильской натуры мысли.

А потому именно у Мясницкой Меншиков соорудил свою знаменитую башню, попутно вычистив Поганные Лужи и переименовав их в Чистые Пруды. Данный факт указывает на то, что хоть и был он масоном и вором, но звериных взглядов Петра не разделял. А потому и кровавые лужи повелел вычистить, и первым, между прочим, бросился в погоню за убежавшим Карлом. Над кровавым месивом из трупов тысяч безоружных шведов он, в отличие от своего патрона, некрофилией не страдая и колдовать на крови отнюдь не вознамериваясь, в силу присущей ему алчности, больше интересовался увезенной Карлом казнью, а потому за ней и пустился в погоню. Но было уже поздно — Карл успел уйти.

Петр же, добив полулежащего на земле врага, и без него давно побежденного другими, возомнил себя великим полководцем. Потому и завел все свое войско в окружение, где драться с неприятелем, на этот раз с турками, опять испугался и откупился без боя, как всегда спасая самое драгоценное, что он когда-либо имел — свою жизнь. Эта его новая бесславная прогулка, закончившаяся полным конфузом, стоила нашей державе отдачи обратно своему лютному извечному врагу с таким трудом завоеванного у него Азова, уничтожением построенного в результате варварской вырубki воронежских дубовых лесов флота, иными территориальными уступками и очень немалой денежной контрибуцией.

«Отступление было невозможно. Приходилось выбирать между пленом и смертью.

Петр, по словам одного из свидетелей, думал и на этот раз лишь о своем личном спасении» [16, с. 351].

«Петр помышлял уйти из стана вместе с Екатериною... Предложение было предводителю молдавского войска Никульче взять на себя обязанность проводника царских особ. Никульче не взялся за это, находя невозможным избежать турецких сил, окружавших стан» [51, с. 672].

То есть и вновь: Петр, готовый бросить как свое, так и молдавское войско на произвол судьбы, был озабочен лишь спасением своей собственной шкуры:

«... Петр до такой степени перепугался, что послал Петра Шафирова в лагерь турок с приказом: получить мир любой ценой. Любой...» [14, с. 105].

Этой его бесславной теперь уже Прутской эпопеей Россия вновь была отброшена на полстолетия назад. Но могла бы потерять куда как больше. Ушедший на переговоры Шафиров имел полномочия в обмен на жизнь самодержца предложить:

«... возвращение всех областей, завоеванных у Турции во время прежних войн, возвращения Швеции Ливонии и других прибрежных областей, кроме Ингрии и Петербурга (Петр готов был уступить Швеции вместо Петербурга Псков и другие города в сердце России!)¹, восстановление Лещинского, военную контрибуцию, подарки султану» [16, с. 354].

«Сохранилась записка Петра Шафирову: «Стафь с ними на фсе, кроме шклафства (то есть кроме рабства — А. Б.)»²» [14, с. 105–106].

Вот и еще вариант все того же поступка, слишком прекрасно характеризующего всю беспримерность шкурничества Петра. На смерть перепуганным «преобразователем», со слов историка Соловьева, чья расположенность к Петру всеобщее известно, обещалось:

«1) Туркам все города завоеванные отдать, а построенные на их землях разорить...

2)... о шведах станут говорить, чтоб отдать все завоеванное... уступить, кроме Ингрии, за которую, буде так не захочет уступить, отдать Псков, буде же того мало, отдать и иные провинции...» [124, с. 370].

То есть полномочий в ограничении раздаче врагам русских земель уходящий на переговоры Шафиров не имел! Так что Псков, Новгород, Смоленск (а, может, и саму Москву) Петр готов был уступить лишь за одно единственное самое с его точки зрения наиболее драгоценное: сохранение собственной жизни...

А нам все про какие-то там невразумительные: ковали, строили...

Даже исконно русские города готов был сдать неприятелю без боя наш «великий» — своя собственная жизнь была ему значительно дороже!

Так что ж лез, не зная броду?! Сидел бы себе дома, коль для войны оказался в коленках жидковат!

¹ *Geschichte d. Osmanischen Reichs*, 1828, т. VII, с. 157.

² *Война с Турцией 1811 г. Прутская операция/Сб. документов под ред. Мышлаевского А. 3., СПб., 1898.*

А зачем лезли в Варшаву его двухсотлетней давности «славных дел» последователи?

Им тоже, как и ему, мировой революции захотелось. Вот и сунулись — да не тут-то было...

Да, ситуация у Петра была тяжелая. И он, что и понятно, за сохранность собственной шкуры был готов отдать вообще все, что в тот момент от него ни потребовали бы.

Но Петру повезло:

«Шафиров вернулся, получив мир совсем даром...

По свидетельству Ластнера, справлявшегося в турецких источниках, стоимость бакшиша, полученного великим визирем и разделенного им с Кегаем, не превышала 200 000 рублей...» [16, с. 354].

А ведь и вправду: шкура зверя из-под ножа нависшей над ней гильотины выскользнула действительно задаром! Потому как бездарная победа в бездарно ведущейся так называемой Северной войне, десятилетием позже, закончилась и еще более бездарным «миром» с побежденной стороной. Вот насколько был в то время «высок» уровень петровской дипломатии:

«Окупированные русской армией в ходе войны территории страны Суоми возвращались Стокгольму» [53, с. 95].

То есть без единого выстрела лишь росчерком пера целая страна отвоеванная у неприятеля весьма милостиво отдавалась ему обратно!

Так за что ж, в таком случае, воевал все это время Петр?

Но этим подарки отнюдь не ограничивались — побежденным требовалось выплатить и контрибуцию за понесенный моральный ущерб!

«За Ливонию и Моонзунд Россия секретным артикулом обязывалась выплатить 2 миллиона рейхсталлеров (1,5 миллиона рублей)» [53, с. 95].

Таким образом, сумма, которую он столь страстно желал отдать побежденным, в 7,5 раз превышала сумму, отданную за свою шкуру турецкому визирю и Кегаю в качестве бакшиша. То есть в сравнении с этим подарком побежденной Швеции и действительно: Петр из турецкого плена был отпущен просто задаром!

Так кто ж победил в войне России со Швецией?

Но и этим еще не заканчивались все чудеса, которыми венчалась в данной войне эта странная «победа». Петр соглашался

на условия, которые позволяли бы Швеции приобретать Россию в качестве своей заморской территории — колонии. То есть сам этот «преобразователь» — «дивный гений» — совал голову своей державы в подъяремную кабалу как бы так только что «побежденной» им страны:

«Шведы так же получали право беспошлинного вывоза русского хлеба на 50 000 рублей в год и на 100 000 товаров, ассортимент коих скандинавы определяли сами» [53, с. 95].

То есть хозяевами своей страны после этого пресловутого «мира» мы уже больше не являлись.

А в какую сумму обошелся теперь подлежащий уничтожению Черноморский флот?! А в какую два похода на Азов?! А Таганрог, стоивший тысяч загубленных Петром русских жизней?!

«А за это Московия срывала все свои крепости на Черном море, в том числе такие большие, как Таганрог и Каменный Затон, отдавала Турции Азов, обязалась не вмешиваться в дела Польши и не держать флота на Черном море, а корабли, построенные под Воронежем и с таким трудом выведенные из Дона, сжечь» [14, с. 106].

Потому даже Дашкова высказалась об итогах всей его деятельности следующими словами: «... тиран, кого иностранные писатели, по невежеству или недобросовестности, провозгласили создателем великой империи, которая, однако, до него играла роль гораздо более великую, чем при нем самом!» (Дашкова, 1780) [46, с. 161].

Так что по любым меркам деятельность Петра в военной сфере ничего хорошего России не принесла: лишь превратила ее в колонию столь им любимой заграницы.

«Приходится признать, что в отношении армии Петр сыграл роль парового катка. Его действия скорее следует называть не столько «реформой», сколько «ломкой», «разрушением» или «взрыванием» — так будет значительно точнее» [14, с. 100].

Так что с сухопутными «подвигами» царя-супостата мы теперь разобрались достаточно основательно. Рассмотрели и саму суть и даже приблизительное количество наломанных им «дров». Теперь о методах проковыривания этого самого пресловутого куда-то там уж больно на тот день якобы необходимого «окна».

Война на море и за морем

Между тем о морских баталиях эрзац-воинства Петра, и здесь более чем потешного, можно сказать все то же самое. Но сначала о самом флоте, основателем которого якобы является Петр.

«Петр вовсе не создал русский флот, и, если бы на свете существовала справедливость, именно об этом сегодня повествовали бы все учебники» [14, с. 108].

Одной из первых сказок, приписанных «реформатору», является им якобы прорубленное некое такое «окно в Европу». Однако же прекрасно известно, что:

«... рыболовный и торговый флот в Московии XVII века был. Поморские лодии-кочи добирались до Англии и Шпицбергена, а могучие каспийские бусы ходили в Персию и Азербайджан» [14, с. 108–109].

Конечно же, ряд преимуществ имели и голландские суда. Но это больше относится к специфике тех морей, где ими пользовались. В наших же северных водах, что и понятно, более предпочтительно было пользоваться судами нашей постройки. Между тем, пусть наши корабли в ту пору еще и не рассекали воды океанских просторов, но даже на своих достаточно небольших морях мы использовали самые крупные корабли среди всех тех, которые имелись на тот день в мире.

«... испанский галеон, легко ходивший через Атлантику, не на много лучше снаряжен и, уж конечно, не крупнее каспийского буса... кто, собственно, мешал Петру совершенствовать русский флот, не уничтожая его?..» [14, с. 109].

Но антихристу, судя по всему, флот был вовсе не нужен. Ему требовалось создание очередной стройки века, где можно было бы извести как можно больше народа — другого объяснения им спроторенной глупости просто нет!

«Московский флот приказано было уничтожить, и его не стало. После этого на Каспийском море долгое время не было никакого флота — ни торгового, ни военного» [14, с. 110].

И вот в чем заключается вся уже и изначально запланированная тщета всех усилий для воссоздания какого-то такого морского гения Петра:

«Все флоты, построенные Петром, сколочены в ударно короткие сроки из сырого леса... и представляли собой еле держащиеся на поверхности воды плавучие гробы» [14, с. 110–111].

Спрашивается, почему ж не подсушить-то лес? Куда гнали? Зачем спешили?

Все это смахивает на «большой скачек» Мао Цзэдуна, когда в одночасье перестреляли всех воробьев, после чего гусеницы сожрали весь урожай.

То есть на революцию. А она ведь никогда не объясняет последовательность производимых ею действий: она просто рубит. Потому и щепки летят.

И если петровский флот, ежегодно подновляемый сотнями вновь отструганных кораблей, быстрее успевал сгнить, чем дойти до поля сражения, то вот какой срок годности имел флот, например, у англичан:

«В английском флоте, громившем Наполеона под Трафальгаром в 1806 году, были суда, помнившие времена Петра» [14, с. 111].

Таков был срок службы кораблей, думается, и в нашем Каспийском или Североморском флоте. Но, что и естественно, до появления на русских многочисленных верфях этого самого «реформатора». При его же «передовых» методах строительства это предприятие:

«... выливалось в такую копеечку, что плавучий гроб из сырого дуба и со сроком службы в пять лет получался как бы отлитым из золота» [14, с. 112].

Именно по этой причине:

«... через пять лет, так по-настоящему и не освоив не только море, но даже маленький залив, русский флот практически исчез. В 1711 г. в плавание могли выйти лишь несколько судов» [53, с. 135].

Так на чем же, в таком случае, вел свои морские сражения Петр, о которых истории историков нам всю плешь проели?

«... в 1715–1718 гг... все российское военное кораблестроение сконцентрировалось в Петербурге. Здесь каждый год, взамен потерянных и сгнивших, собиралось большое количество разных гребных судов. Но это были небольшие примитивные конструкции...» [53, с. 162].

А как же все им понастроенные в неимовернейших количествах верфи? Куда подевались еще и там в неимовернейших количествах наструганные корабли?

Да, они ежегодно сжирали:

«... от четверти до трети госбюджета...» [53, с. 174].

Но вот проку-то от них...

«Азовский флот сгнил, так ни разу и не вступив в бой с неприятелем... А эскадры Балтийского флота нанесли противнику столь непропорциональный моральный ущерб в сравнении с усилиями, потребовавшимися для обзаведения ими, что отечественная историография по сию пору стесняется этой статистики. За весь период боевых действий петровские моряки сумели вырвать из рядов врага всего один (!) линкор...» [53, с. 174].

Да и тот, небось, сел где-нибудь на мель. Потому и попал, чисто случайно, в полон к петровским потешникам.

Уже за год до смерти Петра:

«... из всех огромных 70–90-пушечных линкоров, во множестве построенных «царем-шихипером» на выколачиваемые из нищих мужиков последние копейки, в море из базы всего только несколько раз выходил только один. Остальные сгнили...» [53, с. 90].

Но зачем Петра корабли?

Мы же выяснили: его интересовал лишь сам процесс — изведение благосостояния ненавистной ему страны и, что в большей степени интересовало антихриста, уничтожение при этом ее народа. А стройка века, тем более в авральном ключе, — что может быть для этого удобней и незаметней? Ведь как бы так для державы что-то там такого ваяем:

«Мужики на строительстве умирали как мухи. Но им на замену из центральной России каждый год гнали тысячи новых...» [53, с. 139].

Теперь о самой войне.

Нам не известно: сколько петровских кораблей успели за двадцать лет войны перетопить шведы — на эту тему никаких цифр с петровской стороны не приводится. Однако ж стоит обратить внимание на чуть ли не единственную викторию, случившуюся у флотоводцев Петра, чтобы понять сам принцип всех этих выдающихся баталлий, где «птенцы», ничуть не уступая в смелости своему патрону, драпали с завидным постоянством при первой же к тому самой малейшей возможности.

«Наиболее ярким эпизодом последней кампании Северной войны 1700–1721 г. между Россией и Швецией является морское сражение у острова Гренгам...

Как только русские суда стали выходить из-под прикрытия острова Редшер, они были атакованы шведскими кораблями. Используя малую осадку галер, Голицын стал уходить от неприятеля...» [3, с. 67].

Короче говоря, по милой привычке своего патрона, морской главоверх решил, как, чувствуется, и всегда решал до этого случая, заблаговременно, еще до первой самой малейшей возможности принять бой, поскорей подальше унести ноги. Однако же:

«Четыре шведских фрегата, увлекшись погоней, вошли в узкий пролив, где не могли лавировать и слабо управлялись... в азарте преследования шведы сами загнали себя в ловушку...» [3, с. 67].

И вот как «ковалась» затем следовавшая голицынская виктория:

«Фрегаты «Венкерт» (30 пушек) и «Шторфеникс» (34 пушки) сели на мель... Два других фрегата, «Кискин» (22 пушки) и «Данскерт» (18 пушек), попытались вырваться в открытое море, но неудачный маневр флагманского линейного корабля не позволил им это сделать» [3, с. 67].

Ну и как же, спрашивается, в такой столь удачно сложившейся для нас обстановке действовал наш флот, построенный «великим» Петром?

Так ведь никакого флота-то у нас, как теперь выясняется, и не было. А была куча фелюг, на которых и накинулись со всех сторон тут же использовавшие промашку белого человека папуасы: благо численно их было, как и обычно, в десятки раз больше:

«...90 гребных судов, более 300 пушек, 10 941 десантник» [53, с. 170].

Так что никаким петровским флотом даже при самой его выдающейся победе и близко не пахло: имелась куча наструганных примитивных фелюг, на которых пиратствовали его «птенчики», словно заправские корсары Моргана, толпой накидываясь на зазевавшихся мирных граждан противоборствующей стороны.

«Петровские галеры, прикрываясь прибрежными мелями...» [53, с. 90], могли совершать лишь мелкие разбойничьи нападения на прибрежные шведские селения и плохо защищенные маленькие городки. Но: «... бороться с линкорами и фрегатами противника... не могли. Русский же парусный флот солидно выглядел только на бумаге» [53, с. 90].

Но вот вдруг этим морским разбойникам, мелкого пошиба, несласанно повезло: шведы, в очередной раз погнавшись за ними, совершенно непредвиденно сели на мель! Вот радости-то туземным царькам: будут всю ночь теперь стучать в там-тамы, жарить на костровищах изъятую из вражых закромов говядину и упиваться портвейном, реквизируванным из трюмов неудачливого неприятеля, севшего в нейтральных водах на мель.

Шведы, таким образом, потеряли: «...103 чел. убитыми и 407 чел. пленными» [118, т. 3, с. 38].

То есть даже при нескольких севших на мель кораблях потери врага выглядят не просто не густо, но смехотворно не густо!

Где бы это найти достойный аналог такого вот количества убиенных солдат неприятеля, когда такого же рода рядовая вооруженная стычка была бы под грохот фанфар на весь свет объявлена «сражением»? Но ведь даже на потерпевшем кораблекрушение одном корабле жертв может оказаться много более, чем в этом самом «сражении», выигранном петровскими «птенчиками»!

Так почему же убиение ста трех шведов поименовано некоей *морской батальей*?

Всего лишь потому, что ничего и приблизительно тождественного за все двадцать лет этой самой нам извечно расхваливаемой войны Петра на море не то чтобы не случилось, но и случиться бы никогда и не могло. Ведь двадцать петровских мародеров закономерно удирало от одного шведа, выступающего в окрестностях Балтийского моря в роли хозяина.

Но вот чем все же повезло в этих краях, сильно изрезанных шхерами и словно созданных для фелюг разинского толка, петровской разбойничьей флотилии. Та самая виктория, когда сразу несколько вражых кораблей сели на мель, оказалась не единственной. За шесть лет до вышеизложенной историками зафиксированной виктории приключилось в здешних краях нечто очень похожее. На этот раз петровским «джонкам», наструганным в неимовернейших количествах, так же помогли безветрие, инициатива шведов и давно усвоенное «птенцами» у своего патрона это самое «здоровое отступление».

Да, у шведов был хоть и парусный, но все же флот: «...15 линейных кораблей, 3 фрегата и отряд гребных судов...» [118, т. 2, с. 474].

Флот, как видим, был солидный. Но шведам опять не повезло: «птенчики», лишь завидя неприятеля, тут же кинулись

наутек. А гнать за ними без ветра шведам было просто не на чем. Потому они и выделили в погоню за беглецами из всего своего флота аж целый фрегат и несколько гребных «джонок» петровского типа, построенных, судя по всему, исключительно для войны с мелким петровским корсарством, в борьбе против которого солидные суда не были эффективны.

Однако же шведам на этот раз крупно не повезло. У Апраксина, при встрече с неприятелем чисто интуитивно мгновенно кинувшегося в бег, этих *джонок* оказалось отнюдь не несколько, как опрометчиво решили шведы, наблюдая за усиленной работой веслами бойцов фелюжной флотилии. Бегство выглядело слишком поспешным — просто паническим. А потому шведы не успели даже хотя бы приблизительно прикинуть количество фелюг врага, опрометью кинувшегося наутек. За то и были наказаны. У путившегося в бег неприятеля в наличии оказалось: «...99 талер и скампавей с 15 тыс. войск...» [118, т. 2, с. 474].

Шведы же, гоняясь между своих островков за нашими мародерами, как всегда слишком многочисленными, против всей этой джоночно-фелюжной флотилии извечных беглецов, о сопротивлении которых в культурных слоях их высшего общества и думать-то считалось признаком дурного тона, оказались совершенно не готовы к неравному бою. Петровский солдат трус — вот что ими было усвоено достаточно давно, еще с Нарвы. А потому шведы совершенно неожиданно оказались против немыслимых толп петровских джоночников, имея: «...1 фрегат, 6 галер, 3 швербота...» [118, т. 2, с. 474].

В эту вдруг случившуюся безветренную погоду погоня девяти шведских галер завершилась их боем против петровских девяноста девяти...

Причем, петровское воинство насчитывало 16 000 личного состава, у шведов же было всего 941 человек [53, с. 154]. То есть по 17 джоночников пришлось на каждого шведа! И ведь поначалу-то наши эти ваятели даже драпануть каким-то образом по инерции умудрились...

Но что ж погнались шведы так уж слишком неосмотрительно не опрометчиво?

Да, видать, давно привыкли, что эти петровского образца потешные опереточные военные, всегда драпающие вдесятером от одного шведа, и теперь сбегут.

Но тут шведы увлеклись. За то и поплатились.

Однако ж наш «великий» при оценке произошедшего оказался много иного мнения:

«Петр I высоко оценил победу рус. флота у Гангута, приравняв ее к победе под Полтавой в 1709 и учредив спец. Медаль в память о Г [ангутском] м. с. В 1871 в Рилакс-фьорде, на месте погребения погибших в Г.м. с. рус. воинов, поставлен памятник» [118, т. 2, с. 474].

То есть «птенчикам», имеющим даже *семнадцатикратный* перевес, умудрились и здесь по зубам так здорово наkostenять, что для обильного количества покойничков пришлось помпезный памятник устанавливать! Потому-то, между прочим, в советских источниках о потерях сторон что-то уж больно скромно умалчивается: видать, поотведали от «побежденных» достаточно прилично — вот и нечем похвастаться...

А вот и еще об одной из такого же рода пирровых «побед». Тут, судя по всему, об одной из первых:

«25 апреля 1703 г. Петр вместе с Шереметевым с 25 000 войска подступил к крепости Ниеншанц... После сильной пушечной пальбы комендант полковник Опалев, человек старый и болезненный, сдал город, выговоривши себе свободный выход. Между тем шведы, не зная о взятии Ниеншанца, плыли с моря по Неве для спасения крепости. Петр выслал Меншикова с гвардией на тридцати лодках к деревне Калинкиной, а сам с остальными лодками тихо поплыл вдоль Васильевского острова под прикрытием леса...» [51, с. 645].

Зачем ему потребовалось держаться ближе к лесу? Так ведь чтоб было куда сбежать, если что.

Затем вся эта армада с 25 тысячами войск накинута «... на два шведских судна с двух сторон» [51, с. 645].

То есть нападавшие навалились сотней на одного.

А вели себя петровские корсары, что и вполне для них естественно, сообразно данным их патроном инструкций: «... убивали неприятеля, даже просившего пощады...» [51, с. 645].

Но то для птенчиков являлось в порядке вещей. Ведь они, в кои то веки, сотней кинувшись на одного, захватили «... два больших судна» [51, с. 645].

То есть туземные царьки захватили целых два опрометчиво попавшихся им в лапы судна белых людей! Чьи команды

и истребили на радостях всех до единого. И даже тех, кто пытался у этих людоедов просить пощады.

Знали б у кого просят — не спрашивали бы. Ведь эти заплочных дел специалисты истребили в западных русских землях каждого второго. Не многим меньше они поубивали и среди своих сограждан: каждый второй мужчина огромной страны был уничтожен именно за счет этого отребья, не знающего пощады вообще ни к кому.

Однако ж: «Событие это, по-видимому, незначительное, чрезвычайно ценилось в свое время: то была первая морская победа...» [51, с. 645].

Однако ж и не последняя из серии тех, о которых вспоминать уж русскому-то человеку, просто стыдно!

Но человек петровский не был русским. А потому ему и такая пиррова победа — в самый раз: им не стыдно сотней побеждать одного. Мало того, убивать даже тех, кто готов был сдаться в плен, сложив оружие...

И за эдакую-то «доблесть», то есть за полную к пленникам беспощадность, новое ерничество привесило нашему Петрушке очередную блямбу на грудь:

«... и Петр, носивший звание бомбардирского капитана, вместе с Меншиковым пожалован был от адмирала Головина орденом Андрея Первозванного» [51, с. 645].

Вот и все о так сказать «победах» на этом самом море.

И, между прочим, ни одного даже какого-либо упоминания о наших мифологических, приписанных этому самому «светлому гению» якобы когда понастроенных у нас кораблях — только о примитивных однопушечных джонках-фелюгах. То есть история сообщает исключительно *об* имеющихся у Петра именно тех средствах передвижения на воде, которыми лишь единственным он и мог похвалиться. Но перед кем? Перед нашими самыми опытными в мире мореходами? Ведь это мы еще в древние времена отправляли свои корабли в Англию и имели у них свою факторию, а не они у нас! То есть именно нами были освоены самые студёные моря Северного Ледовитого океана.

При Петре же, судя по результатам полного отсутствия морских побед, ни о каком обладании нами и действительно боеспособным флотом никогда и намека не было. Но лишь только

о приключениях пиратских челнов излюбленной петровской модели: «а-ля Стенька Разин».

И очень не зря он эту свою викторию, когда девяносто девять с девятыю справиться еле смогли, приравнивает к Полтаве. Эти баталии, и по сию пору все не перестающие удивлять, действительно сходны, словно дети одной матери. Кроме позора русскому оружию такие пирровы победы ничего не принесли и принести не могли: толпой одного мы испокон века не то чтобы не побеждали, но просто никогда на него и не набрасывались! Мы всегда осознавали свое достоинство, до сих пор не понятное чумазой и завшивленной загранице.

Петр же иначе побеждать никогда не умел, чем и доказал свое отличие от русского человека еще одним очень немаловажным пунктиком.

Так что и на море эти нам столь усиленно в красках распи-санные его якобы победы оказались на поверку полным блефом: у него и флота-то настоящего никогда не было...

Но и после смерти Петра ни о каком у нас наличии военных кораблей не сообщается. Вот на какую странную фразу мы натываемся в поисках петровского флота тех времен:

«Русских галер более всего опасались англичане и датчане» [4, с. 217].

То есть со стороны России, кроме в невероятных количествах наструганных джонок, морским державам, как выясняется, опасаться было более нечего.

А вот что уже через пару десятилетий представлял собой этот наструганный Петром джоночно-фелюжный флот:

«... Миних, занимаясь укреплением Кронштадта, докладывал, что в кронштадтской гавани лежат кучами ветхие военные суда, которые остается выкинуть и истребить как ни к чему не годные, но для этого потребуется чрезвычайное множество рабочих рук» [51, с. 910].

И при всем при этом:

«... Миних, приобретший себе историческую славу как полководец, едва ли не более русских людей признавал важность кораблестроения для величия и безопасности русского государства» [51, с. 910].

А вот и финал всех петровских эпопей — «битва» за Кавказ.

«Течение обстоятельств влекло Петра к намерению пожиться для России за счет Персии» [51, с. 755].

«Вахтанг уговаривал русское правительство воспользоваться крайним положением Персии и со своей стороны обещал 40 000 войска...» [51, с. 756].

Петр на уговоры, сулящие обеспечить его славой в веках в качестве некоего всех и вся завоевателя, ощутив полную от своих несметных полчищ беззащитность этой на тот момент слабой державы, принять деятельное участие в грабеже милостиво согласился:

«18 июля Петр с пехотой в числе 22 000 и 6 000 матросов пустился на судах по Каспийскому морю по направлению к Дербенту; конница шла туда же сухопутьем (регулярной русской конницы было 9 000; кроме того 40 000 казаков и калмыков и 30 000 татар) [51, с. 756–757].

«К грузинским войскам присоединились восставшие местные крестьяне. Вахтанг VI сообщил Петру, что он идет в Гандзак, чтобы там присоединить к своим войскам армян.

Вскоре к войскам Вахтанга в местечке Чойлак, недалеко от Гандзака, присоединился прибывший из Карабаха восьмитысячный отряд» [154, с. 79].

То есть помимо 147 тыс. названных грузино-петровских воинских формирований присутствовали еще и 8 тыс. армян из Карабаха, и многочисленные повстанцы. Грандиозность в кои-то веки собравшегося в здешних местах многочисленного воинства просто шокирует. Однако же:

«Петр I проводил чрезвычайно осторожную и осмотрительную политику...» [154, с. 80].

Ну что ж: про «газарт» мы слышаны. Но тут ведь главное, чтобы где это самое «назади» в точности определить. А потому:

«... обострившиеся отношения с Турцией, а так же нехватка провианта вынудили Петра I прервать поход...» [154, с. 80].

То есть *опять сбежать*. Но на этот раз, уже свалив не на нехватку пороху, а на отсутствие достаточного количества провианта. Но тут же армянский историк сам себе противоречит в этом вопросе, просто пальцем указывая на действительную причину этой очередной позорной ретирады Петра, которой он дополняет бегство от Софьи и из-под Нарвы, по дважды из-под Азова и Гродно, позорную сдачу в плен на реке Прут:

«В Карабахе для встречи войск Петра I были сделаны большие приготовления: 60 тыс. пудов зерна, 10 тыс. голов крупного рогатого скота и разные продукты» [154, с. 80].

Так что не от голодухи сбежал Петр, но от несварения в желудке — ввиду возможности выступления против его потешного воинства войска настоящего, пускай хоть бы и турецкого — ему все равно от кого драпать.

Но несмотря даже на это: «В 1723 г. морская экспедиция под командованием генерала М. А. Матюшкина заняла Баку» [154, с. 83].

Тем и провозгласив, что пиратский флот Петра ничем не уступает корсарской флотилии Стеньки Разина — даже славный город Баку, с моря ничем не защищенный, может взять легко и успешно.

Петр приободрился — на Каспии у возможных его супротивников не оказалось никакого флота вообще, а потому все приморские города шли ему в руки сами. Тут, думается, он припомнил сагу о Стеньке Разине, аккурат где-то здесь совершенно без сопротивления местных сардаров промышлявшего разбоем. Потому приказывает:

«Всех принимать в подданство, *которые хотят*, тех, чья земля пришла к Каспийскому морю» [154, с. 83].

Однако ж и тут: *которые хотят*. В противном случае опять в бега подаваться придется. Новый конфуз, так сказать, за державу обидно. Потому брать только задаром.

И вот дождались. Причем сделали это совершенно непринужденно: лишь помахивая из-за моря шашулькой и грозясь, но, боясь, однако же, как и всегда, нарваться на скандал. Но тут и Турция на сторону Петра перешла: пусть лучше ему достанутся эти спорные, ей все равно чужие земли — от него меньше беспокойства будет. А потому взятой со всех сторон за шиворот Персии пришлось уступить свои исконные земли какому-то заморскому кровососу, всеми средствами постоянно отсуживающему в свою пользу лоскутки от территорий, разоряемых его бандформированиями:

«По договору с Персией от 12 сентября 1723 г. к России перешли Дербент, Баку, Гилян, Мазандаран и Астрабад» [154, с. 85].

Взятые, добавим, абсолютно без боя: в местных водах и ватага Разина — войско. Ну, а уж более сотни тысяч шашулек петровских потешных для туземных князьков — это войско астрономически великое.

Так что: «... без войны, воспользовавшись обстоятельствами, Петр приобрел для России полосу южного края, богатого различными произведениями...» [51, с. 758].

И вот для кого, как выясняется, он столь настойчиво хлопотал, распугивая местных царьков наездами своих многочисленных потешников. Вот кому он хотел вручить отсуженные у Персии земли:

«... поселенцами, по предположениям Петра, должны были быть армяне, которые давно уже побуждали русского государя к овладению прикавказским краем» [51, с. 758].

Так что и здесь его политика оставалась прежней: отнюдь не для русского человека столь суетно, как всегда боязливо и усердно, а, главное, вовремя у опрометчиво зазевавшегося соседа открамсывал Петр этот лакомый кусочек.

Антирусская политика Петра

После всего изложенного становится просто смешны потуги Лажечникова составить о Петре некое иное мнение, выдумав для этого извечного беглеца героическое сражение, где Петр якобы принимает в нем непосредственное участие:

«... прикреплены веревочные лестницы. По ним, как векши, цепляются русские, — и первый на палубе Петр.

— Ура! силен бог русских! — восклицает царь громовым голосом и навстречу бегущих шведов посылает горящую в его руке гранату... Со всех сторон шведы с бешеным отчаянием заступают места павших; но перед Петром, этим исполином телом и душою, все, что на пути его, *ложится в лоск*, пораженное им...» [56, с. 349].

Хороша сказочка! Однако ж на самом деле за время своих попыток утех с баталиями он не только на расстояние броска этой самой *гранаты* к неприятелю не подступился, не только на выстрел пращи или бросок копья не подошел, не только на ружейный выстрел не подкрался, но не приблизился даже и на пушечный выстрел! Басенка же о том, что все, мол, «на пути его *ложится в лоск*», требует некоторого уточнения: на пути его может *ложиться* все живое в тот самый *лоск* исключительно под воздействием всюду им насаждаемой, столь его звериному сердцу разлюбезной, импортированной с Запада «цивилизации»: беспробудного и безудержного пьянства. Именно он ввел регулярное спаивание своих верноподданных: кого на ассамблеях, кого в устроенных им для этого кабаках.

А вот еще сказочка из уст все того же романиста:

«... *останавливает на бегу судно... и оборачивает его назад*. Он в одно время капитан, матрос и кормчий. Во всех этих маневрах видны необыкновенное присутствие духа, быстрое соображение ума и *наука*, которой он с таким смирением и страстью посвятил себя в Голландии» [56, с. 349].

Да уж, наслышаны-с: и про Голландию, и про Англию, и даже про Францию. Облеванные стены лучших гостиниц и герцогских карет, пьяные скандалы и дебоши с метаниями опорожненных бутылок в зазевавшуюся публику проститутки и мальчишки, исполняющие грязные услуги за вознаграждение, — вот лишь малый перечень им прекрасно освоенных в заграничах этих самых «наук».

«Давая в письме к Лажечникову от 3 ноября 1835 года высокую оценку наряду с «Последним Новиком» и второму роману Лажечникова — «Ледяной дом», Пушкин, однако, указывал, что «истина историческая в нем не соблюдена»» [56, с. 436].

Но вся эта являющаяся чистым плодом фантазии легенда о некоем величайшем в истории России «кормчем» вызывала скептическое отношение даже советского литературоведения:

«... крайне ослабляли, ограничивали... историзм «Последнего Новика» эстетические взгляды его автора» [56, с. 436].

Но что собою означают эти самые эстетические взгляды, столь *ослабляющие* некий такой историзм? На этот вопрос находим ответ у самого Лажечникова:

«... в историческом романе истина всегда должна, должна уступать поэзии, и если та мешает этой. Это аксиома»¹ [56, с. 436].

То есть, если истина мешает этой самой поэзии, то истину за ненадобностью следует спроводить в архив!

Премило и прелюбезно...

То есть, если врешь, но при всем при том врешь на удивление *складно* и *забористо*, то такое допускается. Это вроде бы как даже обязано приветствоваться. Ведь некое аллегорическое восприятие действительности — это, как бы так сказать, и есть, по Лажечникову, высочайшая форма искусства.

Но он отнюдь не является изобретателем этого жанра. Он лишь подливает очередную порцию масла в огонь, разведенный еще его знаменитыми предшественниками:

«... утверждение Лажечникова, что историческая истина всегда должна уступать поэзии, слишком явно восходит к традиционным представлениям и дореалистической эстетики XVIII века, бытовавшим и в классицизме (в этом духе высказывался, например, Херасков в связи с историко-героической эпопеей «Россияда») и в сентиментальной поэтике Карамзина» [56, с. 437].

То есть все их «истории» на самом-то деле являются всего лишь художественным вымыслом! Однако, в пик утверждениям этих довольно свободно истолковывающих некогда произошедшие события Лаже-Херасково-Карамзиных, бьют о Петре и много иные мнения. Кронпринц Прусский, например, будущий Фридрих Великий, так охарактеризовал Петра I в своем письме к Вольтеру:

¹ «Русский Архив», 1880, с. 3.

«... это не бесстрашный воин, не боящийся и не знающий никаких опасностей, но робкий, даже трусливый государь, которого мужество оставляет во время опасности. Жестокий во время мира, слабый во время войны...»¹ [16, с. 591].

Он же добавляет о Петре: «монарх-самодержец, коему удачливая судьба заменила мудрость... ремесленник... готовый пожертвовать всем ради любопытства» [75, с. 357].

Однако ж и мнения отечественных классиков, находящихся все в том же левом, безбожном лагере, ничуть не уступают мнению короля Фридриха — прилежного ученика своего учителя — законодателя безбожничества Вольтера. Герцен:

«... повеление Петра I: перестань быть русским, и это зачтется тебе в заслугу перед отечеством» [46, с. 151].

««Петр I, убивший в отечестве все национальное...» (Каховский, 1826)» [46, с. 151].

И даже Лев Толстой, правда, в достаточно сдержанных тонах, просто никак не смог не отметить того разочарования, которое наступило после того, как у него появилась правдивая информация о своем былом кумире: «... личность и деятельность Петра не только не заключала в себе ничего великого, а напротив, все качества его были дурные» [46, с. 184].

Но и не только воинствующие безбожники своего кумира не мирволили:

««Не будет преувеличением сказать, что весь духовный опыт денационализации России, предпринятый Лениным, бледнеет перед делом Петра. *Далеко щенкам до льва*» (Федотов, 1926)» [46, с. 152].

Щенячью моду попугайствовать иноземщине Ленин перенял именно у своего предшественника — в поездках по заграницам действительно «льва», который, с ворохом повсеместно закупаемых девок (или мальчиков), заливая реками шампанского и блевотины предоставляемые его шайке шикарные апартаменты, оставил в местах своего пребывания достаточно однозначное впечатление как о себе самом, так и о своих соратниках.

Вот как Владимир Ильич проявлял свою солидарность с далеким завещателем в попугайстве у иностранщины: «По-моему,

¹ Remusberg, 113 nov, 1738. Вольтер, Сочинения, т. X, с. 45.

надо не только проповедовать: «Учись у немцев...» но и *брать в учителя* немцев...»¹ [58, с. 91].

Вот откуда у вождя появилось: «русский рабочий — плохой работник» «надо русского дикаря учить с азов» или «в России азиатства хватит на триста лет» [58, с. 90].

И борьба с этим самым «азиатством» проходила отнюдь не под девизом борьбы с протестантизмом или иудаизмом, католичеством или исламом, которые вождем, для борьбы с русским Православием, были признаны даже целесообразными, но через непримиримую кровавую войну именно против исконной веры русского человека. Именно эта война столь роднит его с Петром.

Оба диктатора, в первую очередь, пытались выбить из-под ног русского народа ту почву, на которой тот стоит вот уже, Как минимум, тысячелетие. И именно средства борьбы с Русской Церковью повсеместно вводил Петр, чем пытался отвлечь русского человека от его вероисповедания. На том делают упор практически все его нововведения, крушащие наши многовековые традиции.

Всему вышеизложенному имеются и иные подтверждения уже чисто материального характера. Ведь именно исконно русский Псков Петр готов был отдать в обмен на свою жизнь, когда, в очередной раз испугавшись, с ужасом для себя заметил, что турки, прекрасно осведомленные о методах ведения им войн, учли его извечную привычку к ретирade. А потому, первым делом, отрезали ему такую возможность. Скорей всего, им помог в выборе метода борьбы с Петром Карл XII, находившийся в стане неприятеля. Ведь именно его головы Петр шел домогаться от турецкого султана.

Так чем же «великому» наш древний Псков столь катастрофически не угодил, коль готов он был его сдать с потрохами в обмен на свои комариные болота?

Наш исконно русский город был ненавистен ему именно тем, от чего не в чести была и Москва — он ненавидел нашу веру. И именно поэтому Петр колокола в пушки переплавлял:

«... у колокольной и орудийной меди разный состав, и перелить колокольную медь в орудийную очень не просто. Сделать это можно только с помощью специальных присадок. Таких

¹ «Известия ЦК КПСС», № 4, 1990, с. 190.

присадок в Московии попросту не было, приходилось их ввозить, и к 1703 году из 90 тысяч пудов «заготовленной» колокольной меди перелили в оружейную всего 8 тысяч пудов. Остальные колокола так и валялись, но, конечно же, никогда не вернулись на подобающее им место — на колокольни» [14, с. 49].

Но и не только с колоколами вел столь тотальную войну Петр, но даже церкви закапывал в землю. В Москве с часовнями он поделать Так ничего и не смог. Потому и перенес столицу на новое место. В древнем же Пскове он изобрел новый способ уничтожения наших святынь — закатка в валы крепости, сооружаемой якобы для обороны. А потому и обнаруживаем теперь в рассказе советских искусствоведов:

«Наибольший интерес среди раскрытых и исследованных построек представляют каменные храмы, расположенные на восточной границе Довмонта города. Закрытые в 1701 г. насыпью петровской «куртины», вошедшей в городские документы под названием Рождественского бастиона, храмы эти сохранились на высоту более 5 м. Поставленные горожанами во второй половине XIV в., они дошли до нас в своих первоначальных формах» [93, с. 211].

О чем такие факты говорят?

Да о том, что этот самый «преобразователь» среди неких «дел» своих «славных» более всего прославил себя в уничтожении русских святынь, которые в данном случае он просто похоронил под землей. Ведь лишь останки на три четверти снесенной им русской старинной церкви обнаружили теперь археологи. А сохранившиеся их основания, дошедшие до нас в своих первоначальных формах, говорят лишь о том, что были они на момент уничтожения Петром *действующими!*

Именно в такого рода святотатствах и заключена столь нам теперь удивительная «слава» этого «великого»!

Между тем здесь прослеживается и в природе-то ранее просто не встречаемая поразительнейшая его завистливость. Именно слава псковского князя Довмонта (в крещении Тимофей), в честь кого и была названа снесенная Петром часть древнего русского города, и явилась основной составляющей вынесенного нашим святыням приговора.

Совершались же победы князя по его молитвам в стенах наших белокаменных святынь, именно за это и снесенных Петром,

«любителем старины». И победы Довмонт одерживал русского дружиной, постоянно в десятки раз уступающей своим количеством силам врага. Например:

«В поход на Литву Довмонт отправляется «с тремя девяносто мужей псковичей», в погоню за немцами выезжает «с малою дружиною в пяти насадах, с шестьюдесятью мужами». Столь же конкретно в «Повести о Довмонте» противопоставление великой силы противника малой дружине князя. В битве с литовцами на Двине Довмонт «с одним девяносто семьсот победил», в сражении на Мирововне «с шестьюдесятью мужами восемьсот немцев победил, а два насада бежало». Стремление к точности является характерным признаком «Повести о Довмонте»...» [120, с. 149].

Имеются и куда как более существенные подтверждения вышеназванных цифр:

«*Мирожская* икона Божией Матери находится в Псковской губ., на реке Мирожь, в Спасском мужском монастыре. Явилась она в 1498 г. и прославилась множеством чудес. На иконе, вместе с Богоматерью, стоящей во весь рост, с поднятыми вверх руками и с Младенцем, сидящим на ее груди, изображены *св. благоверный Псковский князь Довмонт и его супруга*» [96, с. 1570].

Уж более убедительного подтверждения вышеназванных цифр, чем явление князя на чудотворной, чудом же явившейся иконе, просто не бывает.

И слава Довмонта является полным продолжением славы Александра Невского. Ведь лишь о нем известны победы над неприятелем, столь подавляющим своим количеством. Победы, не доступные для повторения простыми *смертными*.

Петр решил славу эту закопать: закатать ее под плод своего «гения» — «куртину», которую достаточно глумливо называл «Рождественскою».

Кто был ему в данных делах наипервейшим помощником? Ведь даже потомственные его братья по организации достаточно нередко докучали ему отказами в произведении святотатственных действий. Вот один из многочисленных примеров:

«Древний скандинавский род Рерихов обосновался в России при Петре I... отец рассказал юному Рериху о прапрадеде, который не побоялся навлечь на себя гнев императора за отказ уничтожить церковь...» [16, с. 12].

То есть сообщения о кознях Петра в деле уничтожения русских церквей подтверждают нам даже масоны — сами наследники его антиправославных традиций.

Так что уж больно все это увязывается в грандиозную цепь растянутых на века событий, ведущих к одному: заговору, который предполагает превратить русского человека в Ивана, не помнящего родства. Потому истребляется и древняя письменность, и след от нее, и след от культуры, ее сквозь века пронесшей. Взамен же изобретается теория о тысячелетней рабе.

Но остаются следы следов — в Великом Новгороде, Смоленске и Старой Руссе в невообразимом множестве обнаруживаются письма русских людей — простолюдинов. Что одно ставит на изобретенных Западом теориях о нашей вопиющей безграмотности большой и жирный крест. Но следов с каждым днем обнаруживается все больше: находят древние монеты, фундаменты каменных православных храмов, наличие русских монастырей на Афоне в «дохристианскую» эпоху. Может быть, исследовав все эти упрямо продолжающие всплывать сведения о нас, все же удастся докопаться до столь скрупулезно кем-то упрятываемой от нас Правды?

Нами разбираемым неким таким «собирателем истории» дел было понаделано столько, что по сию пору не разгребешь. Для современных археологов:

«Не меньший интерес представляют росписи церкви Покрова Богородицы, начатые раскопками 1974 г. Сама церковь, в числе трех храмов погребенная в 1701 г. под насыпью Рождественской «куртины», сохранилась на высоту более 5 м.

...Летописи, как известно, сохранили даты первоначального строительства церкви (1352 г.) ...» [93, с. 222].

Вот какую древность уничтожал наш этот некий такой «любитель старины» — Петр.

Так для чего ж, в таком случае, нами рассматриваемый «великий» объявил приказ о сборе всех исторических ценностей, в том числе и рукописей?

А для того, чтобы точно так же, как и три древние церкви в старинном русском городе Пскове, — безжалостно уничтожить!

«Всего под укреплениями было похоронено- *свыше десятка церковных и монастырских зданий*, которые сохранили стены и конструкции до высоты сводов под земляной засыпкой» [93, с. 261].

Все эти шедевры древнерусской архитектуры и фресковой иконописи, столь безжалостно уничтоженные «собирателем русской старины», теперь буквально по крупицам с огромнейшим трудом восстанавливаются реставраторами. Однако многое уже утрачено безвозвратно, что указывает на полную заинтересованность в тотальном уничтожении русской культуры этим самым **великим** ненавистником страны, отданной масонами в его страшные лапы. Петр, что выясняется, и действительно стал преобразователем: великой державы в очень великую своими размерами безжизненную **пустыню...**

А вот механика уничтожения русских святынь наследниками «славных дел», петровскими «птенчиками», в частности, «Кира и Ивана, что в приделе у Николы Чудотворца в Довмонтове стене...» в старинном городе Пскове:

«Местоположение этого придела мы находим на плане 1740 г., фиксирующем расположение церкви Николы вместе с ее пристройками... На плане Пскова, составленном в 1821 г., церкви Николы с Гребли мы уже не видим» [93, с. 218].

Почему же это **не видим**? Церковь-то не сахарная — растаять не могла, и даже не деревянная — камень не горит. Его можно только лишь взорвать динамитом!

Но вот куда-то вдруг запропастилась... Почему?

Да потому, что погуляли по Земле Русской своими «делами славными» густо насаженные «великим преобразователем» его дел наследники — «птенцы». Это варварское уничтожение русской святыни — лишь маленький эпизод в той антирусской войне, заряд которой заложил под наше государство воспетый в историях историков «преобразователь». Именно его «дела» открыли тот самый заветный краник, через который волны западного чужебесия умопомрачительным все сметающим потоком хлынули на нашу святую землю.

Между тем погребение заживо русской старины глубокой в лице церкви Николы с Гребли — это лишь продолжение уничтожения русской культуры наследниками «великих дел» Петра.

Вот как прослеживается их ненависть к русской старине по отношению «птенчиков» к древним нашим фрескам XIV в. — церкви Рождества в Городне на Волге:

«В 1745 г. она была вновь перестроена... оставшуюся на стенах **живопись сбили...**» [93, с. 265].

Но такого варварства не позволяли себе даже монголы!

А вот что сообщается об этой многострадальной церкви во времена петровских «славных дел» еще начала:

«В конце XVIIв. после очередного пожара церковь долгое время оставалась «без пения церковного»» [93, с. 265].

И таких заброшенных церквей в начальную пору «славных дел», как оказывается, было немало. Тем она в корне и отлична от предшествующих ей времен Святой Руси. Но, однако ж, слишком походит на эпоху ей кровно сходную — эпоху ГУЛАГа и чрезвычайек, Беломорканала и концентрационных лагерей.

И если ленинская эпоха наиболее осталась славна устроенным в Поволжье искусственным голодом, что было произведено лишь для мотивации отбора у Русской Церкви всех имеющихся у нее в наличии ценностей, то в эпоху Петра, при почти аналогичных ситуациях, возникали такие же бунты, которые не менее жестоко подавлялись.

Но в самой основе причин для жесточайшего подавления постоянно вспыхивающих бунтов находилась ведущаяся Петром долгие годы все никак нескончаемая Северная война.

А ведь она имеет под собой и иные причины возникновения, которые лишь теперь начинают всплывать, обнаруживая в своих двухсотлетней давности продолжателях «славных дел» полную аналогию. Ведь исключительно лишь сюжет разжигаемого без причин вооруженного конфликта продемонстрирован в эпоху «славных дел» наследника Петра — Ленина. Этот искусственный конфликт был прекрасно, как по нотам, разыгран двумя якобы враждующими между собою сторонами, на самом деле представляющими собой две стороны одного и того же переворота — февраля 1917 года. Никакие белые армии не встали бы на защиту совершенно чуждых им интересов как раз и раздувшего эту революцию класса, если бы этот сценарий братоубийственной бойни не входил в планы захвативших власть в России сил.

Вторым вариантом по уничтожению Православия и поддерживающего его народа являлись стройки века. Эти мероприятия при большевиках запомнились достаточно не плохо. Но разработал для них данный варварский способ массового уничтожения людей их далекий предшественник. Наибольших же объемов это «Петра творенье», то есть усовершенствованный им заимствованный у заграницы чудовищный аппарат смерти, достиг при строительстве города-монстра. Где счет загубленных жизней пошел уже на миллионы...

Город-монстр

И вот самозванный император, по нашей предварительной версии должный именоваться Лжедмитрием III, учредил город с именем апостола, тождественным своему. И город этот им основан в самом центре комариных болот. И хоть вгонял Петр в фундамент своей бредовой затеи ежегодные сотни тысяч жизней русских людей, но чем-либо оправдать строительство своего безжизненного детища никак поначалу не мог — зазвать туда купцов было достаточно сложно, а потому:

«Новая столица была отвратительным складом, и только... пенька, кожи и другие товары, так как с 1717 года две трети всех продуктов осуждены были направляться туда, — доставлялись с трудом, обремененные огромными расходами на перевозку, а там, не находя покупателей, скоплялись, обесценивались, благодаря своему изобилию, и наконец гнили, особенно пенька» [32].

И вот как той трезвой оценке Дмитриева противоречит лжеверсия Лажечникова:

«... торговля кипит на пристанях и рынках...» [56, с. 353]. Что-то уж больно призрачным и слишком неестественным выглядит этой самой торговли «кипение». Тут прослеживается именно *гниение*.

И лишь после полного запрещения «преобразователем» продажи пеньки через Архангельск в какой-то мере уменьшилось *преобразование* на огромных складах в труху столь дефицитного на Западе этого предмета русского экспорта.

И не только доставка товаров из Москвы в Петербург обходилась втрое дороже, нежели в Архангельск, не только жилье для купцов в этом мертворожденном городе, как и доставка груза, требовала в несколько раз больше затрат. Сами условия подхода, а, главное, отхода для морских судов парусного флота являлись достаточно затруднительными. Ведь возможность выхода в открытое море предоставлялась только лишь при наличии попутного ветра, а само пребывание в гавани из-за очень пресной невской воды было нежелательным для дерева, из которого в те времена сооружались корабли.

И лишь титаническими усилиями ограбляемых поборами русских людей и ежегодной потерей товаров на очень крупные суммы для удовлетворения не имеющей аналогов прихоти

монарха порт с течением времени все же начал функционировать. Однако для его нормальной работы в последующие Петру царствования пришлось вбухать еще очень много средств. Они пошли на строительство целой системы гидротехнических сооружений, позволяющих из центральной России подвезти к нему барки с грузами, подлежащими очень невыгодному для нас обмену. И лишь эти титанические усилия позволили вдохнуть жизнь в мертворожденную затею царя-антихриста.

Но почему Петр свою столицу решил устроить на месте, наиболее пригодном для вражеского вторжения? Ведь именно здесь, на месте строительства Петербурга, некогда совершил свою знаменитую высадку Ярл Биргер.

Мало того: само устройство порта именно в устье Невы было не просто безумно дорого, но, после победы над шведами, теперь и совершенно нецелесообразно. Более удобные захваченные в войне порты Ревеля и Риги полностью снимали проблему. И период навигации, и подвоз сырья, и близость его сбыта куда как более удобны были через эти уже давно имеющиеся порты. Пути сообщения с ними еще с незапамятных времен были освоены русским человеком и являлись наиболее естественными и рациональными и в торговом, да и в любом ином отношении.

«... победа уменьшила стратегическое значение Петербурга и свела почти к нулю его значение как порта. Устраивать же в нем столицу всегда было безумием... В 1778 году Екатерина II жаловалась, что находится там слишком близко от шведской границы и слишком мало защищена от нападения врасплох, едва не удавшегося однажды Густаву III. Вот что говорилось с точки зрения военной.

С точки зрения торговли, Петербург, правда, представлял довольно ценную водную систему путей сообщения. Но Рига представляла другую, гораздо лучшую... Рига, Либава и Ревель являлись единственными точками соприкосновения России с Западом. Они находились на равном расстоянии от Москвы и от Петербурга, были менее удалены от торговых центров Германии и обладали более мягким климатом» [16, с. 432–433].

«В настоящее время сообщение с городом облегчено проведением железных дорог, но в эпоху великого царствования оно было не только затруднительно, но и опасно. Кампроден на переезде из Москвы в Петербург истратил 1 200 руб., потопил

дорогой восемь лошадей и часть своего багажа, провел в пути четыре недели и приехал в Петербург совершенно больным. Сам же Петр, обогнавший дипломата, должен был часть пути сделать верхом, переправляясь через реки вплавь» [16, с. 436].

«Но зато между осужденным прошедшим и желанным преобразователю будущим была вырыта пропасть, а национальная жизнь, насильно сосредоточенная в новом центре, получила сначала поверхностный, а потом все более и более глубокий западноевропейский отпечаток, который и хотел придать ей царь. Москва и до сего дня сохранила набожную, почти монашескую внешность. Часовни заграждают пути прохожим на каждом углу улицы. Как бы ни было занято население, оно не проходит мимо, не сотворив крестного знамения и не преклонив колен перед святыми образами, повсюду возбуждающими его благочестие» [16, с. 437].

Книга Валишевского издана до революции. А потому автору тогда не было известно, что наследники «славных дел» воспеваемого им «великого преобразователя» с лихвой исполняют волю своего завещателя. Теперь на московских улицах не только не встретишь часовен, но и крепостных ворот.

«Петербург принял с самого начала и сохранил совершенно иной, светский вид. В Москве было запрещено исполнять светскую музыку. В Петербурге же Петр мог велеть играть целые дни музыкантам-немцам на балконе своего трактира... там совершали богослужения на четырнадцати языках» [16, с. 437].

Вот где только лишь и можно было выращивать ту самую импортномыслящую прослойку доморощенных полунемцев, безудержно раздувающих гидру революции, впоследствии ухайдакавшую своих же созидателей. Этот легкий бриз вечно требуемой ими свободы и породил ту самую бурю столь страшной разрушительности, которая смела всех этих либеральных дворянчиков, чьи кости ныне раскиданы по огромным просторам Земли Русской.

Однако ж и в отношении музыки, которую Петр столь любил слушать за едой, он полностью копирует своего предшественника по лжеимператорству:

«За обедом у Димитрия была музыка, чего не делалось при прежних царях» [51, с. 309].

Мы прекрасно знаем, как ненавидел Петр русский лес:

«Вековые дубовые леса в Воронежской губернии были вырублены во имя постройки каких-то двух десятков кораблей. Миллионы бревен валялись десятки лет спустя, свидетельствуя о хищнической, бессистемной вырубке лесов. Целая лесная область была превращена в степь, и в результате верховья Дона перестали быть судоходными. 35 же построенных кораблей сгнило в водах Дона¹» [19, с. 129–130].

Немногим лучше он поступил и с корабельными лесами Архангельска, где задуманная им флотилия на плаву не продержалась: построенные по голландским проектам корабли оказались не приспособленными для плавания в наших северных широтах.

Почему так, мягко говоря, бесхозяйственно он поступил со своими поистине бесценными лесными угодьями?

Да потому, что ему в этих граничащих со степью достаточно опасных для его персоны лесных южнорусских дебрях не жить. Не жить ему и в Архангельске, столь серьезно конкурирующим с возводимым на костях новоделом. А потому и не жалко уничтожить: Петр вырубал наше достояние практически под корень, не оставляя потомкам и молодой поросли!

Однако же у себя под носом при постройке города-покойника в лишенном лесных массивов гнилом нежилом месте, куда для его отопления зимой приходилось ввозить лес издалека и который в этой болотистой местности, лишенной настоящих лесов, стоил баснословно дорого:

«... по берегам Невы и вдоль Финского залива стояли... виселицы в поучение хищникам. В черте нынешнего Петербурга, на месте, где теперь таможня, поднимался тогда сосновый лес; так как в нем упорно рубили дрова, то Петр устраивал облаву и присуждал десятого преступника на виселицу, а остальных — к кнуту²» [16, с. 503].

Вот такая у Петра, как теперь оказывается, была великая любовь к природе!

И такое не в завоеванном чужеземном государстве, а вроде бы как в своей кровной стране! Возможно ли такое?!

¹ Башилов Б. *История русского масонства*. М., 1995.

² Зобов. *Этюд в Журнале Земледелия*, 1872.

Только лишь в одном единственном случае. Если эта страна диктатору вовсе не кровная, а инородная — чужая! Мало того — люто ему ненавистная!

И все вышеприведенные доводы являются подтверждением того, что именно *кровно* к русской нации этот самый «великий» ни под каким соусом и близко принадлежать не мог!!!

И его выпуклые рыбы глаза, черные как смоль, от самых корней кучерявые чисто негроидного типа волосы, жиденькая бороденка, свойственная лишь мулатам, черная чисто хананейского цвета кожа — все говорит о принадлежности Петра к негроидной расе. Ко всему прочему имеется столько заложенных уже чисто на подсознательном уровне отличительных от русского человека особенностей, что лишь перечислив нелюбимые Петром предметы русского обихода, можно с полной уверенностью сообщить о его происхождении, явно и недвусмысленно исключаящем какую-либо возможность отношения к нашей нации.

А его лютая, просто патологическая ненависть к русскому лесу выглядит по-особому вопиюще. И здесь присуждение к виселице за обломанный сучок не в счет: куражиться при желании можно над чем угодно. Ведь им оказались загублены не только воронежские леса. Во многих иных регионах нашей державы этот апокалипсический зверь погулял своей секирой не менее безжалостно: русский лес был ему ненавистен, и он рубил его без всякого разбора. А что он из него построил?

При приемке хозяйствования достающейся ей разоренной «великими» реформами страны государыня Елизавета Петровна ни одного корабля в свое наследство не получила...

Так что ни о каком российском флоте, появлению которого мы якобы обязаны «гению Петра», говорить просто не приходится. Наструганные им в неимовернейших количествах фелюги сгнили в пресных водах Невы, даже не дожив до царствования его дочери.

Петр со звериной жестокостью уничтожил половину мужского населения вверенной ему державы. Подобные ему злодеяния на нашей земле совершали лишь Батый, Наполеон, Адольф Гитлер и Ленин со последователями.

И фашистов в проявленной ими звериной жестокости, которая обошлась нам более чем в двадцать миллионов жизней, особо сурово винить не стоит — ведь они враги, которых пускать на свою территорию нельзя (это нам наука перед нынешним

снятием шляпы перед «дядюшкой Сэмом»). Императора Наполеона Бонапарта, как и хана Батыя, винить чрезмерно также не следует. Ведь они открытые враги, и пощады от них никто и не дожидался. Однако же своим вероисповеданием, что становится все более очевидным, все они слишком схожи, чтобы этот факт можно было так все и продолжать игнорировать. Потому осквернение православных храмов творилось как при занятии наших городов и весей татаро-монголами, так и их сменившими более нам приближенными по времени варварами — масонами французской революции, пришедшими с Наполеоном для уничтожения русских святынь. А потому нечего удивляться произведенными ими кровавыми злодеяниями — именно мы их доктрине-то как раз и поперек горла, потому как Петр чисто врожденно чувствовал ненависть к Православию, с которым боролся всю свою жизнь.

И колокола на пушки он переливал вовсе не от нужды, но все от той же ненависти. И новые отливать запретил именно поэтому. И патриаршество на Руси уничтожил исключительно для усиления этой борьбы. И имущество у Церкви, опередив большевиков на пару веков, все с той же целью отобрал. Он же и московские часовни к сносу назначил. Но йот уж только здесь явно палку перегнул. И только большевики-ленинцы его «дела» «славные» сносом часовен продолжили, не забыв при этом приступить к уничтожению и проездных башен русских крепостей (на них обычно устанавливалась икона, на которую молились все проходящие в ворота люди)...

Тут можно много еще чего перечислить. Но и всего выше-сказанного вполне достаточно, чтобы определить его полную чисто генетическую неприязнь ко всему русскому. А потому Петру и не жалко было инородного и инославного ему народа, который, несмотря на все его усилия, ни под кнутом, ни на дыбе, ни даже на плахе Бога своего предавать все никак не желал. Вот потому и сам подлежал быть преданным на Голгофу.

А раз хворост в его владениях русские люди даже под угрозой смерти все так же продолжали собирать, то, значит, им было уже все равно, от какой смерти погибать: от голода, болезни и холода или под ударами кнута и на виселице. Чему и является вопиющим подтверждением тот зловещий факт, что ежегодно Петр свозил на свою «стройку века» каждый раз все

новые и новые сотни тысяч русских людей, обреченных на лютую холодную смерть, от которых к следующему году в живых никого не оставалось!

«Рабочие, определяемые к постройкам областных крепостей, брались на полгода, и на этот срок давалось им продовольствие, но многие не возвращались домой, рабочая повинность была, по замечанию одного современника, бездна, в которой погибало бесчисленное количество русского народа...» [51, с. 675].

«... из дальних губерний каждый год пригоняли толпы крестьян, чтобы рыть канавы и строить дворцы. Не хватало ни лопат, ни заступов, и они землю носили в подолах, камни ворочали голыми руками, а жили в землянках на болоте. Жалованья им не давали, полагалась только пища, да и ту разворовывали чиновники. Наступали холода, и они мерзли, мерли; за городом росли обширные кладбища. Но весной пригоняли новые тысячи, а кладбища, переполненные до краев, сдавали купцам под огороды: так они и назывались — «огороды на могилах»» [146, с. 54].

Что нам это напоминает?!

А то, что извлекли из опыта «славных дел» при строительстве Беломорканала, канала им. Москвы (Дмитлага), Метростроя и иных строек века его наследники советского периода. Петербург — это ГУЛАГ петровской революции!

Даже Адольф Гитлер, однажды расстреляв безбилетников, внес этим такой ужас в сознание своих сограждан, что они и по сию пору исправно платят за проезд. А раз платят, то, значит, есть чем.

А у нас, похоже, за дрова свезенным сюда русским людям платить было просто нечем. Так ведь и сами его последователи в изданной ЦК ВЛКСМ о тех временах отписочке достаточно откровенно и сообщают, что никакого жалованья свезенным сюда русским людям вообще *не полагалось*! А на 133 версты кругом одни болота и ни одной живой души! Это проклятое место представляло собой сплошную пустыню, а потому люди здесь никогда и не жили. Разве что десяток-другой чухонцев в Шушарах. Вот почему Петру не потребовалось ставить вышек и обносить свой ГУЛАГ колючей проволокою — бежать отсюда было некуда!

Однако ж хоть про вышки с колючей проволокой сведения пока не просочились, но о постоянно берущихся откуда-то каких-то «колодниках» один из певцов великости «преобразователя» все ж пробалтывается:

«Петр писал Ромодановскому: «... в людях зело нужда есть, вели по всем городам, приказам и ратушам собрать воров, слать их сюда»» [135, с. 471].

Так вот откуда Петр набирал себе эти ежегодные сотни тысяч рабов! Ведь нет ничего проще: объяви человека вором — и можно слать его в качестве *колодника* в Петербург! Видать, не зря антихрист за границу учиться ездил. Эту западную манеру борьбы с перенаселением он позаимствовал не иначе как в Германии. Мало того, у самых эффективных борцов с перенаселением: *судов* таинственной *фем*.

«... Петр писал князю-кесарю, прося слать еще людей, — «зело здесь болеют, а многие и померли». Шли и шли обозы, рабочие, *колодники*...» [135, с. 472].

Так что фраза эта теперь вовсе не удивительна — термин «рабочие» в петровском понимании и есть — «колодники»! А скованный по рукам и ногам человек даже хворост в его лесу воровать не сможет — он скован, и, как придет зима, так просто зачоченеет и умрет от холода. Тихо и без шума.

И вот откуда этих «колодников» каждый год новых набирали:

«Самые разнообразные окладные и неокладные налоги, существовавшие при Петре, не были поставлены в соответствие с действительной платежной способностью; оттого во все царствование Петра не переводились неоплатные должники казне... приказано было отправлять их на казенные работы...» [51, с. 746].

А ежели кто задумает над таким несчастным человеком, предназначенным на убой, сжалиться, то получит от супостата соответствующее мздовоздаяние:

«Государь (4 апреля 1722 года) указал предавать виновных подъячих смертной казни, если окажется, что они делали потачку колодникам» [51, с. 746].

Такую вот вполне своей кровожадностью достойную Чингисхана империю зла основал некогда Петр, и по сию пору всеми воспеваемый и возвеличиваемый.

Так что изобретшим Беломорканал «щенкам» действительно до «льва» было еще очень далеко. *Уничтожаемая им практически под ноль нация о запланированности своего уничтожения не только еще тогда не догадывалась, но не поняла этого даже и теперь, триста лет спустя!!!*

А вот наследники религии Древнего Ханаана с Беломорканала и Соловков назад вернулись живыми. Потому есть хоть кому об этом рассказать. Мало того, не только рассказать, но именно свою религиозную общность и объявить от жидомасонской же революции больше всех, мол, и пострадавшею! Одни они и вернулись, а, значит, лишь они одни, бедолажечки такие, и являются пострадавшими-де совершенно безвинно от этой самой «пролетарской» революции! А вот уже со строек века Петра мало того, что вообще ни одна живая душа так и не возвратилась, но даже и не поняла — за что туда угодила! Те же родственники, кто их в последний этот колодный путь провожал, были подавлены больше не предстоящим их кормильцу за что-то наказанием, но именно случившейся иного рода бедой — преступлением, поскольку колодники в русской семье — это большой позор. Именно стыд является мериллом поступков русского человека. Ведь откуда им было тогда знать, что должниками государству являлись в те времена чуть ли ни вообще все! То есть все население России. Потому эта найденная Петром наша ахиллесова пята так ему тогда в деле борьбы «с перенаселением» и пригодилась.

То же скопировали и его последователи.

И все вышеозначенные преступления, что самое здесь поучительное, творились даже под одними и теми же символами. «Славные дела» у Петра не только совершались под *красным флагом*, адмиралом которого был назначен масон Меншиков, но и творили их именно *комиссары*: «... в каждом уезде находились земские комиссары, наблюдавшие за *добрым порядком*» [136, с. 64].

Какой «добрый порядок» они нам могут предложить, мы уже теперь в полном объеме оценили по достоинству. И заплечных дел мастера в глухих подвалах чрезвычайек уже на нашей же шкуре разъяснили нам свое со времен «преобразователя» много возросшее искусство.

И в этом нет ничего особенного: Петр куда как больше любил все же мертвых, нежели живых. А это является не просто

очередной его привычкой ко всему дурному. Это болезнь, называемая некрофилией:

«В Лейдене в анатомическом театре знаменитого Бюергова, заметив отвращение русских спутников к трупам, заставил их зубами разрывать мускулы трупа» [125, с. 535–536].

Это отвращение к покойникам нормальных людей для больного недугом некрофилии царя-антихриста являлось возмутительным. Потому он и потребовал от них пусть хотя бы еще лишь видимого уподобления самому себе.

Сам же он покойников просто обожал:

«... Петр... слушал лекции профессора анатомии Рюйша, присутствовал при операциях и, увидав в его анатомическом кабинете превосходно препарированный труп ребенка, который улыбался, как живой, не утерпел и поцеловал его...» [136, с. 51–52].

Этот его поступок, произведенный за нашими границами, убедительно свидетельствует, что его интересовали не только трупы русских людей: Петр обожал практически любые трупы. Даже иностранцев. Такое о себе мнение он закрепил после смерти давнего своего врага:

«Смерть Карла XII в 1718 г. помешала мирным предложениям. В следующие годы Петр посылал свой флот к берегам Швеции, который жег города и села, пока не был заключен Ништадтский мир в 1721 г...» [136, с. 59].

Петровские птенчики и в этой ситуации вели себя как всегда:

«... истребляли всюду хлебное зерно, убивали и угоняли скот и лошадей... перебили множество безоружного народа, не успевшего спастись бегством» [51, с. 731].

И все это несмотря на то, что:

«В 1716 году был издан Устав Воинский, где такие действия, как разгром неприятельских городов, крепостей и населенных пунктов, занятых без сопротивления, карался смертной казнью. В артикулах 104 и 105 Устава «О взятии городов, крепостей, добычей и пленных» перечислялись объекты и лица, нападение на которых после штурма города или крепости запрещалось под страхом смертной казни» [52, с. 39].

Но нам не ведомо для коих нужд составлялись данные артикулы, так как птенчики даже устроили некоторое такое меж собой по количеству истребления незащитного народонаселения «социалистическое» соревнование:

«Апраксин истребил шесть больших городов, более сотни дворянских усадеб, 826 деревень...» [51, с. 731].

Его сотоварищ по разбоям, конкурент «Генерал-майор Ласи, со своей стороны, сжег два города, двадцать одну владельческую усадьбу, 535 сел и деревень» (там же).

Но почему здесь нет сводок о сражениях и победах? Почему только лишь о количестве разоренных и сожженных деревень?

Так ведь они со Швецией совсем и не думали воевать. А действовали чисто по-пиратски: «... разоряли шведские города налетом, появляясь и исчезая то в том, то в другом месте» (там же).

То есть *целых три года*, нежданно получив военное преимущество на море, Петр со своими полицейскими заплочных дел войсками занимался ничем не прикрытым пиратством! Убивал и грабил, жег и насиловал...

Ничуть не больше внимания он уделял оказавшейся у него в плену этой самой загранице: «... на строительстве города и Ладожского канала сложили свои косточки и сорок тысяч пленных шведов...» [15, с. 376].

Но с грабежей и массовых убийств чужеземцев он при этом все равно с куда как большим удовольствием переходил к охоте за «белыми неграми», каковыми являлись русские люди, все более и более им закабаляемые:

«На русского плательщика он смотрел жизнерадостно, предполагая в нем неистощимый запас всяких податных сил... в инструкции новоутвержденному сенату: «денег как возможно собирать, понеже деньги суть артериею войны»¹» [124, с. 341].

И выколачивалась с такой «легкостью» суть этой самой «артерии» из русского мужика лишь потому, что все уже прекрасно знали, что «наблюдающими за добрым порядком комиссарами» недоимщики будут забиты в колодки и отправлены в никуда: ведь со строек века тех времен еще никто не возвращался.

А так как «шли людей», потому как «зело мрут», то и комиссары свой «добрый порядок» изысканием «воров» с лихвой обеспечивали, не гнушаясь при этом практически ничем.

«В то время, когда при дворе отправляли маскарады и веселились, в народе слышны были проклятия, за которые неосторожных тащили в тайную канцелярию и предавали варварским мукам» [51, с. 761].

¹ ПСЗ. Т. IV. № 2329.

Однако ж и у наследующих им комиссаров, то есть у воинства «щенков», что зафиксировано в фактах многих сотен ныне прославленных святых, замученных комиссарами Ленина, совесть также отсутствовала напрочь. Сколько же ее имелось у гвардии этого самого «льва», коль половину мужского населения им удалось «уличить» в «воровстве», а потому и уничтожить?

Но прекрасно ориентированная на ложь петровская политика способствовала удивительному затуманиванию происходящего. Потому русского мужика так легко ловили на его совестливости. И родственники уводимых за «воровство» не знали, что обвинившие их кормильца люди, *петровские комиссары*, наблюдающие «за добрым порядком», на самом деле — сами воры и лгуны. И ничего святого для них давно уже нет. А потому действуют они хуже судей «святой» фем. Ведь даже без предварительного удара указкой они хватают первого попавшегося и забивают в колодки. Потому как если кому-либо из этих комиссаров, «наблюдающих за добрым порядком», не удастся выполнить отпущенной ему нормы по сбору неких «воров», то его и самого забьют в те же колодки! А то — к кнуту — и до смерти! Ведь даже на детей дворянских это распространялось, а уж на взрослых — так и подавно! Так что если ты убивать отказываешься, то убьют тебя самого!

В помощь комиссарам были изобретены драконовские законы о страшных поборах и битье недоимщиков. Уже с пеленок каждый человек облагался огромными налогами! А если по лавкам пятнадцать ртов, откуда взять столько денег для покрытия налога?!

Вот отца этого многодетного семейства хватают, объявляют «вором» и отсылают на «стройку века», где суждено ему сначала превратиться в доходягу, а затем замерзнуть зимой тихо и скромно в бараке, переполненном такими же, как и он, русскими людьми, приговоренными царем-антихристом к лютому безжалостному уничтожению.

Но потеря кормильца, между прочим, с осиротевшей семьи никаких налогов не снимает! И она должна теперь решать — как ей поступить: или начать голодать, чтобы хоть как-то попытаться оградить себя от продолжения репрессий со стороны комиссаров, что должно повлечь за собой постепенное вымирание маленьких детей от голода, или ждать, когда старшего из семьи

отберут на очередную «стройку века». Затем следующего и т. д. Так должна быть уничтожена под корень эта самая упрямая нация, которая лишь единственная имеет столь не нравящийся любителю заборов с человеческими головами *дух*, который именуется *русским*. Князь С. Е. Трубецкой, 20-е гг. XX в.:

«Петр — не большевик *a la lettre*, каким выставляют его некоторые, но все же духовная зараза, которая бушует сейчас по России, была и в его душе... Отход от Церкви, глумление над ней («Всепопнейший Собор»!), отрешение от всех традиций и даже ярая вражда к ним... садизм (пытки сына, казни стрельцов)...» [137, с. 326].

Так что такое петровская революция?

Это революция сверху. Она произведена с помощью того самого сословия, которое, продавшись масонам, усадило нам на голову этого хананея. И подручными воцарившийся монстр избрал себе представителей именно этого сословия, лишь слегка сдобрив его безродными выскочками — подонками и шлюхами, да иноземцами, которые были для него своеобразным «Клондайком». И вся эта его гвардия обязана была довести дело Люцифера до конца: до полного истребления этого столь неподатливого племени.

Вот потому-то правящему сословию и выгодно было все это время выгораживать своего вожака, приставившего к кормушке всю свору густо распложенных «славными делами» вампиров. Не было выгоды вскрывать прошлое и царской династии: ведь лишь объявить Петра представителем туземного населения Хаана было для нее равносильно революции!

Но антихристианская сущность всех этих революций, представляющих собою лишь бочку с водой, где революционеры — это плавающее всегда исключительно наверху кое-что, подразумевает и замену уже порядком поднадоевших донорам революций декораций. Что производится этой бочкой лишь переворачиванием, когда «ничем», то есть донные отложения плавающего на поверхности, как бы делается сразу этим самым «всем». Но при всем при этом само это «кое-что» остается все там же — наверху. И если Петр произвел революцию правящим сословием, то Ленин свой жидомасонский переворот обозвал революцией снизу. То есть, если при Петре в первую очередь уничтожению подлежали низы, то при Ленине, наоборот, — верхи. Затем — «кулаки», затем — «подкулачники» и т. д.

Но суть у них у обоих одна — тотальное уничтожение русского человека!

Но если про большевиков-ленинцев теперь-то уж ясно все, то Петр, чье правление густо обставлено плахами, виселицами, пыточными казематами и застенками — вплоть до его появления в дыму американских небоскребов — оставался все как-то на удивление в тени. И хоть в роли дьявола в дыму он и выглядит вполне на месте, но до сих пор кого ни спроси, все продолжают мямлить про него невразумительное: ну, не прав, ну, убивал, но ведь он чего-то там такое даже как будто бы вроде бы и строил...

Так что верно сказано о ленинских большевиках: *«далеко щенкам до льва»!* Ведь Петр своими нововведениями хваленую границу ох как еще и переплюнул. И по очень важному для них показателю — «борьбе с перенаселением»!

«... людей не жалели — недаром даже большевики воспели Петра. Превращение Московской Руси в европейский «парадиз» стоило дорого. Население сократилось... Современная Россия сокращает свое население по миллиону в год. Но если «петровская демография» шагнет своим подкованным ботфортом в нынешний день, Римский клуб порадует. И само привидение Нобеля повесит на грудь нашему лидеру какую-нибудь блямбу...» [19, с. 130].

И лишь скоропостижная смерть диктатора избавила русское население России от задуманного антихристом тотального уничтожения.

И все то страшное, что по-настоящему творилось при строительстве Петербурга, мы, к своему глубочайшему прискорбию, так практически совсем и не знаем. Но о лютой смерти от холода сотен тысяч русских людей теперь кое-что проводали. И этот страшный путь нам указали виселицы, словно кресты вдоль дорог после восстания Спартака, с раскачиваемыми на ветру обледенелыми трупами русских людей, казненных царем-палачом за вязанку хвороста. Они тянулись нескончаемым ужасным ограждением жутких владений этого прямого потомка сатанинской нации содомитов. А своим кошмарным забором из виселиц, протянувшимся по берегам Невы и Финского залива на многие десятки километров, он переплюнул не только своих последователей — «щенков» «пролетарской» революции, но и хваленую границу, в данной области «искусств» к тому времени презрительно поднаторевшую.

Да что там за границу — он переплюнул даже бабушку Ягу! Ей только лишь мечтать о таком ограждении своей людоедской избушечки...

Вот наконец и стала нам более ясна та страшная правда о методах уничтожения миллионов русских людей на самой главной стройке века царя-антихриста. Но был еще и Таганрог, и множество затем уничтоженных флотилий (Архангельская, Переяславльская, Воронежская, С. — Петербургская), заводы, фабрики, каналы и т. д., и т. п.

Но не только закрепощенный Петром простой русский крестьянин в этом концлагере был обречен на тотальное истребление. Обязанный теперь лишь через Петербург торговать пенькой русский купец находился либо под угрозой разорения, ввиду неостребованности ввозимой им продукции, либо под угрозой смертной казни за какие-либо недовольства полученным товаром купца, при Петре особо привилегированного — иностранного:

«В указе 13 марта 1716 года назначается *смертная казнь* тем русским купцам, которые осмелились бы вкладывать в связки пеньки порченный товар... на который жаловались их английские клиенты (Сборник, т. XI, с. 308)» [16, с. 504].

А через пару лет Петр вводит эти колониальные правила и на многие иные виды русского экспорта, за которые также следует убивать всех попытавшихся нанести финансовый вред столь удивительно обожаемым им колонизаторам — англичанам:

«В 1718 году устроены так называемые браковщики (т. е. поверщики) по торговле льном, пенькою, салом, юфтью и учреждены правила для проверки» [51, с. 694].

Так чья же власть в стране была?! Выходит что английская?!

Так когда же это они нас завоевать успели? Как мы столь удивительнейшим образом прохлопали такой момент случившейся с нами истории?!

Завоевать Россию в открытом бою практически невозможно. Даже объединенная крестоносно-монгольская рать за два года непрерывных с нами сражений сумела стереть с лица земли лишь около двух десятков из имевшейся у нас на то время сотен городов, где самим западноевропейцам дележом добычи заняться не пришлось. Они, дважды получив от нас по зубам, надолго оставили свою бредовую затею.

И им еще тогда стало понятно, что брать нас нужно исключительно лишь с черного хода. А потому и подбросили царице в люльку чернявого мальчика самой устраивающей их крови!

И расчет был верен. Как менталитет незнающей своих родителей цыганки инстинктивно подсказывает ей о необходимости плясать и собирать за это деньги, так и менталитет чернявого подкидыша укажет ему предначертанность стези племени Содомы и Гоморры. Кишащие в его крови бесы просто обязаны указать способ уничтожения столь ненавистного хананейской породе оборотней этого *русского духа*, в нашем Отечестве настоящего веками.

Отсюда вся ненависть ко всему русскому: русскому лесу, русскому образу жизни, русскому крестьянину, русскому мастеровому, русскому купцу, русской вере! Начиная с Бабы-Яги и Кошечки Бессмертного, эта ненависть пронизывает всех наших ненавистников — революционеров всех мастей.

А потому не только бедный, но даже богатый человек, если он русский, должен быть казнен по первому же требованию инородца!!!

Такова русофобская политика всех этих взбравшихся на нашу шею «преобразователей».

Кровеносные артерии державы

Петр хватался за все подряд. И даже в учреждении каналов проявил свое желание, как всегда неумемное, употребить в их созидании личную инициативу. И тут нет ничего удивительного. Для последующей подпитки столь им обожествляемой заграницы необходимо было более надежно вскрыть вены государства, предназначенного в доноры. Ни грандиозные флотилии, ни города-монстры, ни Меншиковы, ни Шустовы, ни бакшиши турецким султанам, ни даже «победа» в Северной войне, где победитель взял на себя обязательства выплачивать колоссальную дань за одержанную победу побежденным, никак не могли обеспечить требуемого разорения для последующего уничтожения столь ненавидимой Петром страны.

Потому пришлось нашему «великому» прибавить ко всем своим людоедским проектам и еще очередной: учреждение многочисленных каналов. И никому не известно, сколько он еще и на этом поприще людей в землю сырую положил. Потому как плата строителям каналов была такова, что в 1837 г. поведавший нам об одной из этих «строек века» автор «Путеводителя» И. Дмитриев тут же, о столь чудовищном несоответствии отпущенных Петром средств с действительно необходимой на строительство суммой затрат, замечает:

«Когда начались работы, собрано было до 6000 рабочих; Государь уехал, приказав деятельно продолжать работы... Малость поденной платы в то время доказывается тем, что издержки на работы канала в 1704 г. составили менее 3000 руб.» [32, с. 180].

А упомянутый Дмитриевым канал строили три года. То есть в течение трех лет «преобразователь» выплачивал своим рабочим по целых 50 коп. — думаете в день? — *в год!!!* Между тем в эту сумму входят и многие иные статьи затрат: на инструменты, оборудование, гидротехнические сооружения, строительные материалы и т.д.

Сюда же входит определенный процент на воровство управляющего строительством. И уж тут изымаемая из «общего котла» сумма зависит исключительно от прозорливости приставленного Петром к данному мероприятию очередного «птенчика». Так что эти «50 коп. в год на брата» следовало бы еще и располовинить, а то и еще сколько-нибудь поуменьшить

до требуемого количества, необходимого на «прокормку» «птенца», приставленного наблюдать «за добрым порядком».

И вот как подобные мероприятия «птенчиками» исполнялись:

«Когда в 1718 г. начали рыть обводной канал от Волхова к истоку Невы, строительство поручили Меншикову. Кончилось тем, что около семи тысяч рабочих умерли от голода и болезней...» [15, с. 376].

Причем «...2 миллиона рублей, выделенные из казны, исчезли неведомо куда, а канал при жизни Петра так и не был построен» [14, с. 157].

И при всем при этом правая рука Петра, что и естественно, кроме поощрения ничего от своего патрона не заработал. Что ж, очередную партию колодников он угробил — задание, следовательно, выполнил. Ну а деньги, что и естественно, со спокойной совестью — с чувством выполненного масонского долга — может теперь и присвоить себе.

Вот сведения еще об одном таком людоедском проекте: «... реку Илавлю, текущую в Дон от Волги... в 1702-м трудились перекопом соединить, но за неудобностию оставили» [133, гл. 16].

Сколько людей оставили еще и здесь, Татищев не сообщает, но оговаривает, при этом, что подобная неудача постигла очередную задумку Петра и при попытке соединения Оки с Доном. Сколько людей Петр со своими «птенчиками» ухайдакал еще и там?

Но, понятно дело, при помощи тех же «птенчиков» Петра, все завершилось и на данном промежутке работы адовой таким же образом: «... с тем же чудовищным результатом в виде огромного количества покойников» [14, с. 159].

А сколько людей унесла маниакальная попытка строительства порта в Рогервике?

Людей не считали. А царь-антихрист вновь брался за перо и бумагу и неразборчивым безграмотным почерком кухарки отписывал весьма привычное этому главному ернику в стране — князю кесарю: «в людях зело нужда».

И вновь его гвардейцы вели новые закованные в железо партии ни в чем не повинных русских людей, именуемых Петром «ворами». Но все роли в этой бесконечной кровавой драме были распределены, и полагающийся колодникам от Петра какой-то несчастный полтинник и тот разговаривался его «птенцами» где-то еще на полдороге.

Тут, справедливости ради, все же следует отметить, что не на всех людей своей страны распространял Петр такую дикую «зарплату», теперь столь удивляющую, которая была слишком недостаточна (по любым меркам) даже для будущего узника Освенцима. Действительный статский советник, например, в городе-монстре, сооруженном на костях тех же русских людей, что и на рытье Вышневолоцкой или Волховской системы каналов, имел оклад в 2094 руб. 15 коп [136, с. 62].

А сколько еще при этом наворовывал?

Так ведь ровно столько, чтобы потребовался специальный указ о запрете хоронить деньги в землю.

Деньги, по тем временам, конечно же, были другими, нежели теперь. Но все равно — полтинник в год на брата — это просто насмешка над приговоренными к смерти русскими людьми.

Так как же петровские «птенцы» умудрились кормить такое большое количество людей достаточно продолжительное время на столь поразительно ограниченные средства?!

Ответ прост, хоть и страшен.

Эту закованную в кандалы армию рабочих петровские «птенчики» за несколько месяцев умудрились «преобразовать». То есть из здоровых и крепких русских людей посредством их безжалостной принудительной эксплуатации сначала сделать освенцимских доходяг, а затем и вообще свести в могилу!

А потому и набирали каждый год новых рабочих: здесь — еще 6 тыс. человек, на строительство С. — Петербурга — еще 200 тыс. человек, на строительство Таганрога, Воронежской и Архангельской верфей... и т. д. и т. п.

Страна при Петре представляла собой колоссальных размеров концентрационный лагерь, где пыточные казематы Преображенских приказов лишь «плавно и непринужденно» переходили в ГУЛАГ и вышеозначенных людоедских мероприятий «великого преобразователя».

«Для обеспечения заводов рабочей силой Петр отдавал деревни и целые волости в заводские крестьяне — называя вещи своими именами, в крепостные рабы... люди бежали с заводов на Дон и на Север... Их ловили, били кнутом, ссылали, клеймили, заковывали в кандалы, вешали для устрашения прочих. Виселица с трупами разной степени разложения стала обычной частью пейзажа заводов и мануфактур (как и «строек века», разумеется).

Рабочие в Воронеже на вопрос царя, какие, мол, будут пожелания, попросили одного: снять трупы с виселицы. «А то как ветер с той стороны, и кусок в горло не лезет»» [14, с. 162–163].

И где для травли русского духа у Петра не хватало «птенцов», там пускались в ход иностранцы, то есть те русскому человеку иноверцы, которые стали во вражеский стан не после предательства русской веры, но являющиеся ее врагами еще от самого своего рождения.

Но иноверцев хватало и своих — доморощенных. И после устройства перевалочной базы переброски русских богатств к западным морям через сооруженный на костях миллионов русских людей порт в устье Невы, Петр отдал это место, ставшее столь доходным, не просто немцу, жиду или «птенцу», но «другу степей»:

«В 1719 г., когда устроенные казною сооружения по каналу начинали приходить уже в разрушение, Новгородский мельник Михайло Сердюков (из *Калмыцкого рода*) подал Государю прошение о дозволении ему производить Вышневолоцкие работы на свой собственный счет, что ему и было дозволено... Новым Указом 25 Мая 1722 г. существовавший с 1720 г. акциз в пользу казны уничтожен; а Сердюкову для поддержания сооружения предоставлено право взимать сбор с каждого проходящего через шлюз судна, дано *право безденежной рубки* в казенных и частных лесах... дозволено пользоваться всею землею в окрестностях В.— Волочка... даны Сердюкову большие права и преимущества, и сверх того выдана ему двадцатитрехлетняя привилегия на содержание питейных домов, и «взимание канцелярских сборов и пошлин» [32, с. 187].

Так что за недостатком в сердце России немцев к центральной валютоносной артерии страны был приставлен местный кровосос — «друг степей калмык». И уж таковому за его к нам полную инородность дозволено было многое из того, чего даже и собственным «птенцам» не всегда дозволялось! И кровь из золотоносной вскрытой Петром артерии организма Святорусской Державы густой теплой струей потекла сквозь клыки приставленного «преобразователем» вампира «из калмыцкого рода».

И железным аргументом устроенной Петром именно выкачки из России ее богатств, а уж никак не якобы учрежденным каким-то мифическим более удобным товарообменом через это самое пресловутое «окно», служит *миф о бурлаках*, столь чрезмерно раздутый красно-желтой пропагандой.

1. Прежде всего, резонен вопрос: почему эти самые бурлаки, ни с того ни с сего, объявились вдруг именно на Волге? Почему не на Мсте, не на Волхове и не на Неве?

Да потому, что товары из нашего со времен Петра терзаемого временщиками Отечества теперь лишь *вывозили*, а уж никак не наоборот!

И этот путь «преобразователем» был освоен исключительно на костях русского человека лишь для более массивного разграбления его же достояния.

2. Бурлаки — это самый наглый и бесстыдный миф антирусской пропаганды! Никаких таких бурлаков никогда нигде не было, да и вообще в природе существовать не могло!

Так каким же образом тянули баржи вверх по Волге?

Достаточно просто — *впрягали лошадей!!!*

О чем никто из нас, естественно, ранее вовсе и не догадывался.

Причем, впрягали отнюдь не рысаков, которые обычно с бубенцами, и не скакунов, которые на бегах. Однако же в каждом из которых под пару тонн веса имеется.

Впрягали же специально для подобной работы выращиваемых тяжеловесов, масса которых в три-четыре раза, как минимум, будет поболее. Это три-пять тонн не просто веса, но именно веса мышц и толстой кости. Это мощь, которая может играючи везти на телеге двадцать человек!

А вот уж интересно: смогут ли двадцать человек, запряженные в телегу, не только везти, но просто хотя бы сдвинуть с места телегу, нагруженную такой гигантской лошадейю?! Как бы они такую-то штуковину по-шалыпински «ухнули» бы?

А если людям против этой лошади столь нам теперь привычные соревнования по перетягиванию каната устроить?! Это вроде бы как «игра в бурлаков» называется. Кто победит?

И теперь, с точки зрения целесообразности, хоть немножечко прикинем: сколько съестных припасов потребует идущая в разгар лета по сочной зеленой травке лошадь, и сколько ей в альтернативу затребует ватага из двадцати человек?!

И если их только кормить, как Петр I «кормил» своих работников, и если на каждом перегоне вместо «естественно убывших» набирать новых, лишь при таком «рачительном» методе «хозяйствования» возможно некоторое сопоставление.

Однако же Некрасовы с Репиными этих самых бурлаков умудрились откуда-то набрать даже не просто в век, когда воспоминания об ужасах ерничающего на троне душегубца в памяти народной несколько поизгладились и когда уже давно закончились страшные времена послепетровских временщиков с Биронами да Шуваловыми, но когда сами эти тягловые лошади повсеместно заменялись.

И уж отнюдь не мужицким горбом, а парходами, шлюзами и прочими техническими усовершенствованиями. Между прочим, вот что интересного нам теперь стало известно на тему вдолбленной нам в голову большевиками с демократами якобы вопиющей отсталости царской России:

«В 1912 году в мире всего имеются только 15 теплоходов, из них 14 построены в России и 1 в Германии» [83, с. 543].

Так что вся эта хваленая немчура должна была о бурлачестве позаботиться, имея и лошадей-то в несколько раз меньше, чем у нас, а уж за отсталость от России всего остального мира — тут и говорить не приходится!

Между тем, когда в наших городах давно ходили изобретенные нами же трамваи, заграница даже и на бурлачество лошадей отрядить никак бы не смогла — лошади у них были шибко перегружены на иных — «патриархальных» работах. Вот что на эту тему сообщает князь Трубецкой:

«В те времена (1913 г.) в Париже, даже в самом центре его — как это ни кажется невероятным! — существовали еще конки. Именно конки — дилижансы, запряженные лошадьми! Я был поражен, когда увидел эту неожиданную картину. В Киеве я конок совсем не помню... В Москве конки, постепенно вымирая, существовали еще в начале моих студенческих лет... И вдруг в Париже — конки!» [137, с. 86].

Так что если у нас, по тем временам, лошадиные силы исчислялись уже давно исключительно в мощности моторов, то у хвальной заграницы — отнюдь не в переносном смысле, но в прямом: в количестве развозящих обывателей тягловых кляч по самому модному на Западе городу — Парижу!

У нас же людей развозили трамваи, автобусы и даже троллейбусы (в 1902 г. произведено испытание первого троллейбуса, разработанного русским инженером П. А. Фрезе) [83]. И вот какой вид транспорта уже намечалось вводить в строй:

«... проект метро в России начали обсуждать еще в 1890-е годы. В 1893 году Санкт-Петербургский градоначальник получил проект по утверждению Общества для постройки метрополитена в столице» [73, с. 315].

Так что этот хваленый «прогресс» советских революционных властей русская мысль обогнала чуть ли ни на полвека, о чем мы, что и понятно, и не без помощи в том числе давно устоявшейся в советских учебниках репино-некрасовской версии, ни сном, что называется, ни духом: «... нас учили, что только большевики могли додуматься до такого чуда, как метро» [73, с. 315].

Так что и по этой части нам мозги были подрихтованы достаточно основательно.

А вот как на фоне «прогрессивного человечества» выглядел водный транспорт якобы отсталой России: «... в июне 1903 года первый в мире теплоход «Вандал» был спущен на воду в Петербурге (первый же пароход, «Елизавета», отошел от пристани Петербурга осенью 1815 года» [83, с. 496].

Но не только водный транспорт еще с наполеоновских времен в дореволюционной России являлся самым передовым среди стран, конкурирующих с ней в прогрессе: «... первый в мире паровоз был изобретен в России в 1832 году...» [83, с. 496].

И грузы из Москвы в Петербург пошли не только в период летней навигации посредством использования нашего лучшего в мире водного транспорта, но уже и круглогодично — по железной дороге: «... в 1848–1851 гг. прошла первая в России магистральная железная дорога Петербург — Москва» [114, с. 54].

То есть еще к середине XIX века давно закончилось даже теоретически возможное бурлачество: грузы против течения, через Тверцу (Дверцу), тащить, даже на лошадях, вообще не требовалось — их по железной дороге преспокойненько себе везли паровозы!

Затем в строй стали вступать и иные железнодорожные трассы, позволив максимально разгрузить водные артерии страны. И спустя лишь четверть века о значении водного транспорта в России, в сравнении с железнодорожным, можно было уже говорить как о прогулочном: «... в 1874 г. железнодорожный грузооборот Москвы составил около 3 300 тыс. т, а водный 180 тыс. т...» [114, с. 54].

А к началу XXв. Россия почти все перевозки уже осуществляла по железной дороге, опережая в этом вопросе водный транспорт в 25 раз¹.

И вот каковы масштабы охватываемых железнодорожными перевозками территорий: к 1880 г. в России уже было проложено 20 000 км железных дорог!

Но и само качество, например, пассажирских перевозок на всем этом огромном пространстве всегда очень существенно превосходило за границу:

«Русские железные дороги были самыми дешевыми и комфортабельными в мире, они имели и для III класса спальные вагоны...» [83, с. 543].

С чем в своих воспоминаниях соглашается и Шульгин: «Россия в отношении комфорта поездов шла далеко впереди Западной Европы. Мы были очень избалованы в этом смысле. И ездить в европейских поездах было для русских чистой мукой. Впрочем, сами французы одну из своих главных магистралей Париж — Лион — Море (Средиземное) в неперевожимой игре слов называли: «Пожалейте несчастных»» [150, с. 47–48].

Таково основное отличие «отсталой» России от «прогрессивного» Запада!

Однако ж — о бурлаках. А вы просто хоть на секундочку представьте себя на месте рачительного хозяина барки, которому необходимо произвести выбор между исполнителями самых тяжелых в физическом отношении работ. То есть определить большую экономичность затрат в деле прокормления: одной тягловой лошади или требующей усиленной кормежки ватаги из двадцати здоровенных мужиков, к которой следует прибавить и ждущих от них прокормления членов их семейств?

Именно по тем временам, когда наша как всегда импортно-мыслящая интеллигенция изобретала бурлаков, в каждой русской семье в среднем имелось по семь детских ртов.

То есть вам следует выбирать, кого легче будет *летом* прокормить: одну лошадь или 180 человек?!?!

Ну что, будем и дальше продолжать с тупым упорством заучивать наизусть карамзино-репинско-некрасовские байки,

¹ С. В. Бернштейн-Коган. Основные моменты исторической географии Московского воднотранспортного узла//«Вопросы географии», сб. 27, 1951, с. 161–162

нам по ушам развешанные, или же наконец начнем думать своей головой?!

А ведь одну лошадь ни один рачительный хозяин гробить не станет: он, как минимум, восьмерку впряжет. А таковую роскошь, которая и на лужку преспокойненько себе попасется, смогут подменить собою только 1240 едоков!

И вся эта огромная, вооруженная ложками и через каждые полдня почему-то требующая дозаправки оголодавшего желудка гвардия подсчитана еще без учета самой команды тяжелогруженной барки!

И, чтоб стало возможно всем им за целую навигацию заплатить, нужно, чтоб груз, ими переправляемый, состоял исключительно из золота...

Лишь в подобной ситуации вышеизложенная эпопея с бурлачеством станет теоретически рентабельна.

Если же это будет преобывновеннейшая пенька, обычно и перевозимая за кордон, то «выигрыша» от всей летней навигации купцу хватит лишь на то, чтобы от всего перевезенного товара оставить себе маленький кусочек от той самой, к сожалению, слишком добротной пеньковой веревочки, чтобы сплести из нее себе нехитрую загогулину и свести счета с жизнью. Так предстоит закончить свои эксперименты нерасчетливому транжиру, начитавшемуся у Некрасовых стихов, насмотревшемуся у Репиных картин и наслушавшемуся у Шалапиных песен про бурлачество: в противном случае ему, после эдакой прогулочки на живых людях, останется только лишь провести весь остаток своих дней в долговой яме.

Так как же грузы доставлялись по реке, что и понятно — еще до широкого внедрения парового транспорта — парохода и паровоза, на самом деле?

Во времена, например, Пушкина вот как описывалась их доставка:

«... барки поднимают от 15 до 18 000 пудов... При попутном ветре ходят они... на парусах и проплывают в день по большей мере верст 30; если нет ветру, то они ходят вверх по реке на веслах бечевым тягом или завозами. Вообще по Волге, как и по Тверце, барку тянут лошадями 12 или 14, полубарку 8 или 10... суда иногда поднимают столько же тяжести, как и линейный корабль. На всем пространстве империи... ходит по рекам более 36 000 судов» [32, с. 194].

И если нам при игре в бурлачество увеличить конскую тягу все же до силы положенных четырнадцати лошадей, то окажется, что во времена Некрасовых вся страна была полностью приписана к этим самым бурлакам. И уже ни на постройку, ни на оснащение, ни на управление самими барками народу у нас не хватило бы.

2000 бур. х 36000 бар. = 72 000 000 бур./бар., то есть — сплошных бурлаков и их бесконечно требующих еды оголодалых отпрысков! У нас тогда столько народонаселения-то не проживало!

Если же разменять все это дело в «обратку»: наших «бурлаков» на действительно по тем временам имевшихся тягловых лошадей, то полученная цифра уже никаких лишних вопросов не вызовет.

А вот и еще небольшая прибавочка к вышеизложенному. В. В. Шульгин, посетив в 1956 г. один из советских колхозов Владимирской области, рассказывает о тяжеловозе, ему там представленном:

«Нам показали тяжеловозов, из которых один на сельскохозяйственной выставке в Москве потянул груз в 14 тонн на протяжении 17 метров. Эти богатыри-кони отличаются изящным сложением, несмотря на свою крупность и силу» [150, с. 35–36].

Так что даже не двадцать мужиков такая лошадь может заменить, но двести!..

Таким образом, следует констатировать достаточно удивляющий из всех наших пересчетов вывод: для некрасово-репинского бурлачества, то есть для доставки грузов с Урала в Петербург на собственном горбу, потребовалось бы иметь в России население в десяток раз превышающее проживающее здесь ко временам вышеназванных баснотворцев. То есть под миллиард...

Пройдя наконец все препоны:

«... суда прежде подвергались многим опасностям на бурном и каменистом Ладожском озере, которого волны ежегодно поглощали тысячи барок, и оттого Петербург претерпевал недостаток в самонужнейших потребностях» [32, с. 197].

(И известно в каких: в паюсной икорке!)

«Во избежание этого Петр Великий повелел устроить обводной канал...» [32, с. 197].

А до этого самого ежегодного потопления с несколькими тысячами барок десятков тысяч обслуживающих их русских людей, которых «преобразователь» назначил в ежегодную жертву

своему столь постоянно требующему именно русской крови свирепому масонскому божку, этот самый «великий», как теперь выясняется, вовсе и знать не знал и ведать не ведал, в каком гиблом месте свою столицу вознамерился соорудить?!

Так выходит, что и впрямь не знал. Он лишь читать по складам выучился к возрасту нашего нынешнего шестиклассника, а до изучения географии просто не успел и к двадцати восьми годам добраться.

«До чего болезненно суетлив был этот человек! Лишенный выучки, не умеющий даже писать, как следует... он с порыва с налету, нахрапом как-то кидается то на изучение геометрии, то на хореографию и танцевальное искусство, то учится играть на барабане... Отрубить голову собственными руками и, выпив рюмку водки, заняться составлением регламента для маскарада; при всех, в присутствии собравшихся на прием приближенных *изнасиловать женщину* и, как ни в чем не бывало, пойти в церковь и там петь на клиросе; убить собственного сына и сразу же вслед за этим торопиться на веселый пир — все это для него обычно и естественно» (Василевский, 1923)» [46, с. 182].

И такое ужасное отвратительнейшее пугало, столь удивительно искусно кем-то замаскированное в одежды, уж никак ему по размерчику не подходящие, своими животными похотями апокалипсического зверя полностью соответствовало своему предшественнику по самозванству. Ведь известно, что и Лжедмитрий I, как сообщает Костомаров:

«... был слишком падок до женщин и позволял себе в этом отношении грязные и отвратительные удовольствия» [51, с. 309].

То есть самозванцы своею животною природой и безмерной похотливостью здесь основательно прокалываются, обнаруживая в своей пасти совсем нечеловеческие звериные клыки. Теперь становится понятно, почему Феофан Прокопович объяснил наступление преждевременной кончины Петра «... от безмерного женонеистовства...» [98, с. 66].

Но и стратегическим талантом наш Лжедмитрий III отличался не больше, чем своим «придворным этикетом»:

«... Петр направил свой первый удар на Нарву, но, узнав после поражения своих войск, что стоянка для судов в нарвском рейде не хороша, вследствие дурного илистого дна, поручил *сержанту* Преображенского полка Василию Кормчину,

учившемуся инженерному искусству заграницей, осмотреть Орешек и «возле него», т. е. реку Неву» [136, с. 58].

Вот те раз! Так выходит, что Петр ко всему прочему еще и знать не знал о том, что эта самая Нарва, где Карл столь изрядно настучал ему по зубам, как оказывается, вовсе не была ему нужна!

Но вот он нашел себе в этом вопросе «специалиста». Им оказался сержант-недоучка, который от «илистого дна» переориентировал все пути «преобразователя» в самую гущу комариных болот, откуда лишь попутный ветер с востока и мог вызволить вошедшие в устье Невы иностранные корабли, которые именно поэтому так упорно и не желали пользоваться вроде бы и близко расположенным, исключительно лишь для них и сооруженным односторонним «окном»-воронкой. Сама природа этих мест даже розу ветров сконструировала только на ввоз в нашу страну товаров, а никак не наоборот! И даже соратник Петра по масонству, Карамзин, об этом столь опрометчивом выборе сержанта-недоучки, сообщает, что основание Петербурга: «было бессмертной ошибкой Преобразователя» [136, с. 58].

Выходит, что обмишурился наш «великий» по части географии-то? Получается, что не знал он про то, что восточный ветер в этих широтах крайне редок...

А может, и не хотел знать?! Его задачей являлось отнюдь не созидание благоденствия для русского народа. Его главной задачей было изобретение той безумной затеи, в созидание которой, словно в бездонную пропасть, можно было бы без счета бросать миллионами русские жизни, которые бы, принимая смерть, и ведать не ведали о конечной цели всех этих им изобретенных «преобразований». А конечной их целью было ни много ни мало, а всего лишь тотальное уничтожение единственного в мире народа, чья Держава даже и по сию пору, несмотря на захват в ней власти иноверцами, именуется подножием Престола Господня!

А потому и потребовалось изобретениестроек века, куда и предназначались в жертву этой *перестройке* миллионы жизней русских людей. Только лишь тотальным изничтожением нашего народа и можно, по замыслам революционеров всех мастей, попытаться принудить оставшихся в живых принять религию антихриста.

Но оба явившихся к нам в «человеческом» (точнее — в хананейском) облики зверя (Петр I и Ленин), несмотря

на уничтожение миллионов русских людей, так еще своей цели окончательно и не добились.

Между тем, в конечном итоге, эти сооружения целое столетие приходилось постоянно подновлять и обустривать, цена Ладожского канала была равна 5,5 млн. руб., Свирского и Сяского — 3 млн. руб. (в ценах времен Николая I). А сколько загубленных русских жизней? Только лишь о послепетровском «устроении» обводного канала на Ладоге в «Путеводителе» сказано:

«Имя Миниха тесно *соединено* с устроением этого канала» [32, с. 197].

И это «соединено» выглядит точно так же, как и двести лет спустя связанное с именем Сталина возведение еще одной стройки века — Беломорканала.

И их действительное предназначение теперь становится более понятно. Совершенно неважно, что этим «великим» строить. Важно загубить при этом как можно большее количество русских жизней. Страну Россию им победить станет возможным лишь тогда, когда защищать ее рубежи будет попросту некому...

А народ-то для всех этих «великих» чужой — русский, а потому, если оказывает сопротивление при его перековке в иновере, то и подлежит в ответ за такое тотальному уничтожению. Потому и окропил Петр русской кровушкой нашу святую землю отнюдь не менее, нежели сменившие его через пару веков «комиссары в пыльных шлемах».

Однако же, в альтернативу этому самому царю, который, прозываясь при всем при этом «великим», за целый год (!) поистине каторжных работ при рытье канала выделял по половине полтинника на брата, при Николае, прозванном «Палкиным», русский человек за период всего лишь летней навигации зарабатывал следующие средства для существования своего семейства:

«... плата, без всяких расходов на содержание со стороны хозяев барок, простирается от 14 до 25 руб.» [32, с. 198].

То есть: от трех до пяти коров! И это при полном пансионе!

Но может, мы ошибаемся? Может в пушкинские времена наши отечественные рубли так дорого уже не ценились?

Именно по тем же самым временам «во глубине сибирских руд» заработок каторжан составлял:

«За август месяц следует государственным преступникам жалованья:

Сергею Трубецкому — 63 1/2 коп.

Сергею Волконскому — 65 1/2 коп.

Евгению Оболенскому 1 р. 89 1/2 коп» [66, с. 169].

Так что: как потопашь, так и полопашь. Что заработал, то и -съел. И меньше ими зарабатываемого, что вполне по тем временам естественно, «графьям» в крепостной стране платить не могли. Потому Оболенский и зарабатывал втрое больше Волконского с Трубецким, что пахал на штрафных своих работах как все: с утра до вечера. Его, судя по всему, в отличие от Волконского с Трубецким, никто из родни не подкармливал. Потому и приходилось, чтобы не умереть с голоду, работать в полную силу. Но крепостной крестьянин, как нам теперь докладывают — забитый — де и очищенный до нитки поборами, при всем прочем равенстве позиций, зарабатывал в десяток раз поболее вкалывающих с рассвета до заката каторжан. Почему?

Да потому, что в противном случае он на эту свою подработку в неурочное время просто никогда бы и не согласился!

Тут же послышится недоумение: крепостной, забитый и зашуганный эксплуататором?! Тот, которого на борзых собак десятками и сотнями оптом и в розницу обменивали, следуя присказкам Репиных с Некрасовыми, как негров в Америке?!

Вот мы теперь и выясняем для себя цену всем этим слухам и присказкам про некие такие «обмены» русского человека на борзых щенков. Что-то уж больно здесь не просто дебет с кредитом не сходятся, но не сходятся ровно настолько, насколько всю эту глупость про борзых можно было бы вообще за что-то воспринимать. Эти сведения относятся к какому-то такому народонаселению, которого у нас никогда и в помине не проживало: русский человек всегда был свободен и в любой момент мог отправиться куда ему заблагорассудится, ни в коей мере не пытаясь как-либо согласовывать свои действия с каким-то там барином, считающим себя его властелином, до которого ему, на самом деле, и дела-то никогда не было никакого. Он лишь исправно платил оброк, искренне считая, что все эти деньги идут на повышение благосостояния его государства. И если бы он только знал, что все эти заработанные его трудом астрономические средства идут не на вооружение армии и флота и не на строительство фортификационных сооружений для защиты страны от неприятеля, а на организацию пиров глупого барчука, то вряд ли он так

динамично работал бы. Но впал бы в апатию, как впоследствии впадет русский крестьянин в новом изобретении по его тотальному изничтожению — советском колхозе.

И теперь становится понятен проект учрежденного Петром государственного аппарата. Он придумал некий слой между правящим монархом и русским народом. Этот слой призван был, словно высаженный на дерево короед, подгрызать все то живое, что на дереве успевало вырасти. И если для съедения всего вновь выросшего этому кровососу аппетита не хватало, то уже не вмещаемое в его желудок обилие свежих ростков следовало если и не заглотать, то хотя бы надкусить. Что всегда вполне исправно и выполнял этот высаженный Петром на нашу шею класс паразитов. Ведь пей себе, казалось бы, молдавский или крымский портвейн, черпай в любых количествах реки шампанского нашего родного Абрау-Дюрсо или Нового Света да закусывай осетринкою с севрюжкой, балычком с лососятинкой, красною да черною икоркою в свое удовольствие. Все эти невиданные на Западе богатства речных угодий прекрасно и в большом обилии некогда были потребляемы нами, не сходя с места, в наших родных реках. Даже в Москве реке!

Так чего ж утвержденному Петром короеду не хватало? Зачем ему требовалось портвейн везти непременно из Португалии, в лучшем случае рейнвейн из Германии, а шампанское лишь исключительно из самой Шампани. Каких совершенно необоснованных затрат стоило такое роскошество?

Это совсем не трудно представить, если учесть, что ром, например, в пушкинские времена обходился барчуку по цене 5 рублей за бутылку [139, с. 317]!

То есть рядовой ужин Александра Сергеевича Евгений Оболенский отрабатывал за целых три месяца каторжных работ!!!

И все это, между прочим, Пушкин играючи спустил, со слов Юрия Тынянова, лишь за свою рядовую выпивку. Но ведь Александр Сергеевич в тот запотоколированный вечер изволил еще и чем-то закусить... И уж понятно дело чем-то чрезвычайно модным и не менее чрезвычайно дорогостоящим. И это все при том, что наш поэт от своих современников особым мотовством вовсе не отличался. То есть трата полугодовой зарплаты простолюдина за день — для барчука норма.

И чтобы еще более детально убедиться в глупости считающего себя хозяином жизни представителя высшего общества России, усаженного нам на шею Петром, стоит лишь краешком глаза глянуть на цену того холста, который был закуплен масонским сопровождением вышеупомянутых арестантов, работавших на копиях рудника одного из Нерчинских заводов:

«Холст на рубахи каторжникам — 75 р. ассигнациями» [66, с. 168].

И это, заметим, не на все тюрьмы Сибири, как тут следует сразу предположить, не на все близлежащие прииски и даже не на всю тюрьму, в которой содержались Сергей Трубецкой и Волконский и Евгений Оболенский под строгим государственным контролем, но на упомянутых всего лишь: *трех* масонов!

То есть по пять коров стоило лишь только одно полотно для каждой из рубах!!!

Оно, это полотно, что: из золота?

Да нет: все из того же, из чего уже много лет спустя Запад ткал одежду, самого что ни есть наитривиальнейшего материала — из хлопка.

А вот пахать в своей этой самой «глубине сибирских руд» не вздернутым на виселице лишь за свои красивые дворянские фамилии Сергеям — Трубецкому и Волконскому — за модную эту самую рубаху, пришлось бы не менее трех лет. Но это лишь в том случае, если масонские спонсоры продолжали бы их подкармливать французскими булочками с мармеладом. Если же еду им пришлось бы закупать на свои зарабатываемые, то, в случае просто титанического терпения этих самых «страдальцев», им пришлось бы попытеть в каторжных своих работах годочков эдак с десяточек. Однако ж от самой модной рубахи, ими надетой в долг, ко времени его отработки уже ничего бы и не осталось.

Кстати «о птичках»: а не является ли таковая форма каторжных работ, когда дикарям кидается некая модная блестящая брошка или зеркальце, очень эффективным средством организации каторжно-трудовых работ для падких к иноземщине папуасских слоев верхнего общества? Они же не понимают, что эдаких бездельиц цивилизатор может за день наштамповать с сотню. Вот они и готовы на «благодетеля» за таковую роскошь полжизни пахать задаром.

Но это для папуаса. Русский же человек этой глупости, лишь насущной для немца-басурманина, всегда предпочитал все же приобретение куда как более приземленного товара: стада коров.

Такое роскошество он мог себе позволить лишь век спустя. После физической смерти «преобразователя», *преобразившего* его труд в реки шампанского из Шампани и столетней выдержки портвейна из самых дорогих подвалов Португалии, которые теперь в совершенно немереных количествах изжирали вживленные в государственный организм паразиты, постоянно требующие добавки.

И никакие технические усовершенствования не удешевляли покупавшихся ими по цене пяти коров за штуку модных рубаш, которые эти новые русские все так же безропотно отдавали за свое пристрастие к моде, вытряхивающей все содержимое их карманов, постоянно пополняемых переизбытками русской энергии.

Однако ж самым главным «творением» Петра во всей вышеописанной системе было отображение у русского человека какой-либо самой малой возможности работать своим СЛОВОМ. Оно было обасурманено и закреплено правилами во всяких новодельческих его переименованиях на новый модный лад барчуками, воркующими на заграничных жаргонах. Само же нынешнее наше наречие, справедливо именуемое пушкинским, как раз и есть результат этих модных поисков новых жаргонов, когда Александр Сергеевич, получавший по две бутылки рома за каждую из своих строчек, благополучно прокучивал результаты своего стихословительского таланта. И именно этот талант стал поставлен в качестве эталона новоизобретенной речи, теперь поименованной русской.

А сам русский человек, в то же время, был отстранен от возможности познания своих духовных книг: церковноприходские школы закрывались.

Но не вечно над Русью ворону кружить: после победы Николая I над поднявшим декабрьский путч масонством в изданном по случаю восшествия на престол манифесте значилось:

«Отечество очищено от следствий заразы, столько лет среди него таившейся...

...Горестные происшествия, смутившие покой России, миновались, и, как мы уповаем, миновались навсегда и невозвратно...» [66, с. 140].

К большому сожалению: *не навсегда, и не невозвратно*. Сменить свой импортный фрак на русскую рубашку барчук так и не подумал. Потому закупка блестящей мишуры, «трущихся штанов»

и зеркала с бусами продолжились: русский мужик, благодаря усаженной ему на шею паразитической сущности, все так и продолжал снабжать средствами к существованию хитрого француза и жадного немца, заносчивого англичанина и раздутого от неимоверной любви к себе поляка. И, несмотря на это на все, уже ко времени разгрома декабристов русский человек прирабатывал к своему хозяйству за период созревания хлебов от трех до пяти коров.

«У всех лица веселые, ни одного угрюмого, ни одного нищего — ничего прячущегося: нет никаких признаков несчастья, удручения и зломыслия. А гармоническая поэзия русских песен? Оссиан, желая изобразить действия сладостных и заунывных песен, говорит: «... они походят на воспоминания о минувших радостях — сладостны и вместе грустны». Это сравнение удачно и точно, несмотря на то, что песни не имеют ни малейшего сходства с чувствами нашей души, ни с воспоминаниями о прежних удовольствиях. Русские живут в спокойствии, в избытке — а от избытка глаголют уста их радость и веселие» [32, с. 48].

И в этом взгляде на русскую нацию москвича, пускай и зааристократизированного, нет ничего и близко наигранного и лишь в унисон цензуре сказанного — еще полвека до этого суворовские солдаты были просто шокированы униженно выпрашивающей у них корочку хлебушка побирающейся босоногой нищетой Италии, на территории которой им тогда довелось воевать. А ведь это говорит о том, что устроенный Петром погром уже ко временам Павла I был практически ликвидирован и народ вновь вставал с колен. Да, время лечит. И изуродованная реформами и «реформатором» Русская Земля за прошедший после смерти супостата век в основном успела зализать кровоточащие раны и оправиться от тайфуна некогда бушевавшей здесь петровской революции. А оттого и столь явственно прослеживается контраст быта русского крестьянина, обрисованного петербуржцем Радищевым, и, полвека спустя, — москвичом Дмитриевым. Ведь оба описывали увиденное ими на одной и той же дороге.

Но вот кем, как теперь выясняется, являлся Радищев — правозащитник XVIIIв. — предшественник наших Ковалевых-Сахаровых:

«...«просветитель невежественной православной Руси», Радищев, будучи в Германии сблизился с масонскими кругами и по возвращении в Россию в течение пяти лет открыто состоял членом Масонской ложи. Радищев не скрывая

декларировал свою убежденность в том, что монархия и вера в Бога есть зло» [130, с. 220–221].

Так что предвзятость автора налицо. Хотя и можно предположить, что в послепетровскую эпоху пусть не до такой степени, как расписывает Радищев, но жилось русскому крестьянину, подчистую ограбленному Петром с «птенчиками», не больно-то и здорово.

Но где «птенцы» душегубца Петра отсчитывали по полполтинника в год на прокорм умерщвляемой ими русской души, сотню лет спустя, уже практически при полном пансионе, всего за пару месяцев русский человек имел возможность в период созревания хлебов приработать для своего хозяйства три-пять коров. А потому и столь стремительно поднималась с колен наша страна. И все это в эпоху русского императора, столь люто ненавидимого революционерами. Именно в его царствование было в основе своей закончено исправление начатой Петром авантюры, стоившей стольких миллионов русских жизней. А в безопасность судоходства лишь придуманной, но отнюдь нисколько не продуманной Петром артерии, начиная с царствования Александра I и заканчивая Николаем I, в течение двадцати трех лет было вбухано 48 586 261 руб [32, с. 208].

На такую сумму можно было приобрести 9 500 000 коров! Что и подняло бы благосостояние нашего народа куда как на еще большую величину!

Однако же эти деньги были лишь добавлены в уже вложенные, а точнее выброшенные на все эти бездарные петровские прожекты, что и подточило, безусловно, развитие мощи нашего государства на никем никогда не подсчитываемую величину!

Но лишь вложенная в доразвитие уже сотню лет все никак нескончаемого долгостроя сумма выглядит достаточно астрономически. И тот крепостной крестьянин, который и «Наплюена» со своей земли согнал, и импортномыслящую жирующую на своем хребте прослойку бездельников обеспечил Карловыми Варами — именно он и выплатил от своего «избытка» сумму, столь теперь кажущуюся нереальной своей огромностью! И при всём при том — сам вовсе не облез!

Работники же летней навигации, в подавляющем своем числе, были крепостными. Но где Петр пару месяцев лишь поддерживал временную работоспособность свеженабранных, но уже обреченных в недалеком будущем на голодную смерть своих

дармовых работников, там, спустя век, русский человек, помимо существования на всем готовом, зарабатывал за каких-то пару месяцев по пять коров!

С каждой коровы при разделке получается лишь чистого мяса 300 кг. Цена мяса сейчас — 7 \$ за кг. $7 \$ \times 300 \text{ кг} \times 5 \text{ кор.} = 10\,500 \$$! Но в дело идут еще и кости, и шкура, и копыта, и внутренности, и т. д. То есть между посадкой и уборкой хлебов русский крепостной крестьянин при Николае «Палкине» имел возможность приработать, по нашим расценкам порядка 12 000 долларов США! То есть каждый летний сезон наш этот «бурлак»-батрак, а точнее — погонщик скота, прирабатывал к своему хозяйству по «иномарке»!

Вот тебе и крепостной.

А кто же тогда мы-то сейчас?..

Но русский крестьянин получил бы и еще куда как большие суммы за свою работу, если бы не пришлось на стройки века, некогда начатые Петром, добавлять еще 9,5 миллионов коров из собственного кармана.

Но это были поденщики — самая неквалифицированная рабочая сила. Да и время работы их было строго ограничено: между посевом и уборкой зерновых.

А вот сколько денег за навигацию в той клятой большевиками царской России получали опытные квалифицированные моряки. На Белом озере, например:

«Местные мещане (горожане) ходили в лоцманах и шкиперах («шкипарях» как говорили тогда в Белозерске), зарабатывая при этом за навигацию соответственно около 300 и 100–150 рублей ассигнациями» [157, с. 88].

Так что лоцман или капитан за навигацию могли этих иномарок к своему хозяйству приторочить так и вообще — с десятков!

А вот каковы вехи выкачивания крови из нашей страны реформацией нашего государства:

«В 1828 году по всей системе... в движении: судов 8 841, плотов 1 378; товаров привезено на 103 534 803 руб. Суда, прибывшие в С. — Петербург, уже не возвращаются к местам своего отправления..., а обыкновенно покупаются лесными торговцами и городскими обывателями на сломку. Это весьма много истребляет строевого леса» [32, с. 210].

Отборного, заметим, высочайшего качества корабельного строевого леса, который теперь пустят на дрова...

И этот «преобразователь» за украденный на дрова в лютовую стужу замерзающими русскими людьми сучок, что рос в его лесу, приговаривал к смертной казни через повешение! Потому и утыкал частоколом виселиц отгораживаемую им под концлагерь территорию! Сам же при всем при этом изобрел целую систему, по которой каждый год предавались огню десяток тысяч новых прекраснейших кораблей, на славу добротного сработанных русскими судостроителями из отборнейшего русского Леса!

Это просто какая-то мистическая жертва его богу, столь люто ненавидящему наш *русский лес!*

И никакой даже самый мудрый в нашей стране правитель эту им изобретенную систему переиначить уже не смог бы, потому что для полного исправления Петра этого самого столь чудовищного «творенья» потребовалось бы им возведенный искусственный город-кровосос просто-напросто *упразднить...*

Резонен вопрос. А каким же это тогда образом у нас еще до Петра шло сообщение с Западом?

Ответ на поверхности:

«... Вышневолоцкая система необходима только для провоза наших продуктов из внутренних губерний к границе; для обратного же пути существуют сообщения кратчайшие и более приспособленные к цели, каковы Мариинская и Тихвинская...» [32, с. 210].

То есть путь наш древний «из варяг в греки» работал исключительно на ввоз дешевого сырья с благодатного Запада — в нашу страну, а уж никак не на его, из нашей малоурожайной с *рискованным* земледелием страны, вывоз! А потому лишь нам и выгодна была эта торговля, но никак не шведам, якобы оседлавшим наши торговые пути. Тут все выглядело достаточно просто: мы могли купить у них что-нибудь нам наиболее необходимое, что составляет главный предмет их экспорта, у которого себестоимость, ввиду природных условий, ниже нашей. Но могли и не купить. Им же самим, при наличии исключительно в нашу сторону идущего торгового пути, упорное держание в своих руках не только гнилых болот Невы, но даже распрекрасных портов Ревеля и Риги никаких выгод не сулило!

Экспорт же наш шел через Архангельск, где тяжелогруженные суда абсолютно без каких-либо усилий по весне свободно

шли вниз по Сухоне и Северной Двине. А потому доставка груза в Архангельск даже из Москвы обходилась вдвое дешевле, нежели в Петербург.

То есть не для торговли Петром этот искусственный монстр-кровосос был вживлен в тело России, а исключительно для ее последующего разграбления. Таков конечный смысл всех его нововведений. Этот паук, выросший при эпохах «великих» до колоссальных размеров, втягивал в себя все наши богатства, которые весьма благополучно прокучивали в этом же самом городе-монстре получившие полную власть над страной иноязычные, иноверные, чуждые всему русскому инородцы и полуинородцы, составлявшие административно-командный центр созданного Петром спрута.

О том, что со времен Петра из нашей страны только выкачивались ее богатства, имеется подтверждение еще хотя бы в том, что даже век Спустя десять тысяч судов ежегодно выкидывались за ненадобностью, вместо того чтобы быть нагруженными уже теперь импортными товарами и через Тихвинскую или Мариинскую системы, при попутном в здешних местах северо-западном ветре, быть отправленными вглубь России. И исключительно благодаря односторонности потоков груза одна треть русского торгового флота ежегодно безжалостно уничтожалась — шла в огонь в качестве дров, столь дефицитных на гнилых болотах, где был учрежден этот город-кровосос.

Но и это еще не все «прелести» устроенного нам «преобразователем» «преобразования». Ведь Дмитриев в своем повествовании сообщает лишь о Вышне-Волоцкой системе, ни словом не упомянув о уже существующей в то время и второй такой же еще более судопожирательной артерии. Странно, но факт: высокопоставленный чиновник, подробно описав свое путешествие вдоль Вышне-Волоцкой системы, об использовании еще и системы Мариинской в том же направлении — просто не знал.

А наш естественный путь с запада на восток, Мариинская система, что теперь выясняется, в угоду все того же мертворожденного города-вампира, вследствие явной все же нехватки вскрытого Петром крантика в лице Вышне-Волоцкой системы переправки наших богатств за кордон, был уже при своем сооружении переориентирован в сторону, обратную естественной: «... в июле 1810 года Мариинская водная система была

торжественно открыта. Мариинской она была названа потому, что деньги на ее строительство отпускались по личному распоряжению супруги императора Павла I — императрицы Марии Федоровны...» [157, с. 87].

И деньги ею выделялись, между прочим, ну уж совершенно несопоставимые с отпускаемыми на подобные же нужды Петром. Ведь если «преобразователь» выдавал по 3 тыс. рублей для строительства канала, где работало 6000 человек, то при Павле I, когда цены мало чем и отличались от цен при Петре: «... ежегодно выдавалось по 400 тысяч рублей...» [157, с. 87].

А вот какая в сравнении с выплатами своим рабам Петра просто астрономическая сумма была выплачена казной при строительстве Белозерского обводного канала:

«Белозерское городское общество для постройки канала получило от казны ссуду в сумме 4,5 миллиона рублей ассигнациями...» [157, с. 92].

И какие сумасшедшие деньги зарабатывали рабочие еще и здесь — осталось за кадром. Но, судя по общей сумме, а в особенности в сравнении со средствами, отпускаемыми Петром, достаточно не малые.

И когда строительство ее завершилось: «По ней широким потоком пошли грузы с нижней и средней Волги к Петербургу» [157, с. 87].

И вот до какой *широты* был развернут этот не имеющий в истории аналогов односторонний путь по вытряхиванию за кордон достояния Державы:

«Пропускная способность канала планировалась до 60000 судов за навигацию» [157, с. 92].

И вот в чем выражалась неслыханная односторонность теперь и этого пути, разграбляющего нашу страну:

«Служило судно 1–2 рейса. В конце навигации его продавали на дрова в С. — Петербурге, на вырученные деньги судоводители покупали сани и возвращались домой по санному пути» [157, с. 92].

Так что еще и Мариинская система, в помощь Вышне-Волоцкой, угробляющей в год по 10000 судов, была уже изначально запланирована на уничтожение в печах города-убийцы от 30000 до 45000 русских речных судов ежегодно!!!

Что тут скажешь?

Это и действительно какое-то древнее мистическое жертвоприношение. И все это лишь для того, чтобы измышленный

Петром монстр за своей никчемностью раньше положенного времени не издох...

А вот чем кардинально отличались от Петра наши страной управители, выплачивающие миллионы за те работы, где их предшественник выдавал тысячи, и те на лету разворовываемые его «птенчиками». Ненавидимый петробожателями «Палкин», например, в 1834 г. после пожара в селе Едрове, где случилось ему по тем временам быть проездом, совершил следующий поступок:

«... тогда же обратив внимание на это бедствие, высочайше повелел принять меры к немедленной помощи, вследствие того розданы в ссуду погоревшим 121 ямщику и 2 купцам из ямщиков, каждому по 300 р. на 10 лет *без процентов*, и сверх того *безвозвратно* 13 вдовам по 50 рублей каждой. Приятно и усладительно находить по лицу всей Русской Земли живые памятники благотворительности и милосердия государя нашего. Божество, неусыпно пекущееся о благополучии чад своих! Ты на пепле селения услышишь не вопли и рыдания, но тысячи радостных голосов, прославляющих твое милосердие! Ты узришь седых старцев и сирых вдов, окруженных многочисленными семьями, от глубины сердца просящих у Всевышнего благословения тебе и августейшему Дому твоему — и эта пламенная жертва искренности возлетит ко Престолу Царя Царей и будет услышана для счастья нашего, как слышат небеса все теплые молитвы наши!...» [32, с. 220].

«Палкин» благотворительствовал, как теперь выясняется, в ни до него, ни после невиданных размерах. По шестьдесят коров ста двадцати трем человекам одновременно, совершенно бескорыстно, беспроцентно каждому на целых десять лет пожаловано монархом! А это стадо в 7380 голов! Мало того. Тринадцати безутешным вдовам, чьи мужья стали жертвами пожара, по всей видимости, не просто так, но в борьбе с разбушевавшейся стихией, человеколюбивый монарх, проявив милосердие прежде всего к оставшимся сиротами детям, одарил каждую безвозвратной ссудой, равной стоимости десяти коров!

Ничуть не менее щедры были и первые московские государи:

«Накануне или в самые дни великих праздников... государь скрытно, только в сопровождении небольшого отряда доверенных слуг, выходил из дворца в городские тюрьмы и богадельни, где и раздавал из собственных рук милостыню всем заключенным преступникам и пленным иноплеменцам, а в богадельнях — дряхлым,

увечным, малолетним сиротам и всякого рода беднякам, каждому не меньше полтины, а многим по рублю, иным же по два, по три и по пять рублей — деньги огромные по тому времени...

Так жил Василий Третий по обычаям своих предков; так же жили московские государи и после него — в XVI и в XVII веке» [81, с. 309–310].

Так что же это были за деньги?

«... лошадь стоила рубль, корова — три четвертака...» [81, с. 290–291].

А вот и о Николае II узнаем, что его благотворительность была ничуть не меньшей:

«... давка на Ходынском поле, где собралось около полумиллиона человек в ожидании памятных подарков от государя по случаю венчания на царство, — насчитывают ныне до 1000 с лишним умерших на месте и скончавшихся в ближайшие дни, множество раненых. На следующее утро государь и государыня были на панихиде по сим умершим и позже посещали раненых в больницах, было выдано по 1000 рублей в золотом исчислении на каждую семью умерших или пострадавших, для детей их был создан приют» [83, с. 472].

По дореволюционным ценам на такую сумму можно было приобрести около семнадцати коров! Целое стадо! И ведь это на каждого пострадавшего!

И при всем при этом:

«За время своего двадцатидвухлетнего царствования, когда революционеры, террористы убили сотни и ранили тысячи людей, Николай II не подписал ни одного смертного приговора, напротив, многим осужденным даже военными судами, смертную казнь заменял каторгой» [83, с. 463].

Петр же — наоборот: оставил сиротами, сгноив их отцов на бесконечных своих стройках всех тех русских людей, отцы которых по своей доверчивости и непротивлению именно к *царской власти* попали к нему в лапы. Когти этого предапокалипсического зверя никого из них живыми уже не выпустили. Один лишь Петербург. Не говоря о всех иных «стройках века», «съедал» по двести тысяч русских людей ежегодно! Но вся эта грандиозная машина была предназначена лишь для одного: предания смерти как можно большего количества отцов православных семейств. Лишь после этих массовых убийств появлялась уникальнейшая возможность произвести полную перековку Русского

Православия в создаваемую им систему экуменического предапо-
стасийного вероисповедания. Тех же, кто противился ему, не же-
лая замерзать в лютые морозы в безжизненной пустыне на месте
возводимого на костях строителей города, он безжалостно вешал
и выставлял изуверченные трупы строптивцам в назидание! Мол,
замерзайте себе тихо без ропота — не то хуже будет!

Но хуже уже и не бывает. А потому замерзающие в лютую сту-
жу русские люди шли за хворостом, и их хватали и вешали...

В Москве рубили головы стрельцам, пытали, колесовали,
вырывали ноздри и языки...

И скольких жен этот лютый палач, кем-то превозносимый
до самых до небес, оставил вдовами?! А сколько малолетних
русских детей сиротами?!

И выделил ли он хоть грошик, чтобы с голоду не сги-
нуть хоть одному из них?! Не только не выделил, но и издал
закон, чтобы с каждого новорожденного драть три шкуры,
как со взрослого мужика!

И как наша нация после всего этого вообще не вымерла —
вот что остается до конца не познанной загадкой!

*«Население России за время правления Петра I сократилось
вполовину...»* [62, с. 372].

И чтобы как следует уяснить себе всю значимость этой зло-
вещей цифры, следует сравнить ее с итоговой цифрой потерь
времен Второй мировой войной, раны от которой не зажили
и по сию пору. В Великую Отечественную войну, напомним,
даже при оккупации врагом территорий, на которых прожива-
ло до войны до 40 % населения страны, число жителей нашей
страны сократилось на 10 %. Но все ужасы последствий окку-
пации мы прекрасно помним и по сию пору. Так что же такое
потеря 50 % населения?!

Здесь стоит теперь лишь удивляться, как Мы после тако-
го погрома вообще не оказались стерты с лица планеты. Здесь,
так же заметим, что драконовская мера по тотальному уничтоже-
нию «лишних ртов», когда с новорожденного стали драть налог
как со взрослого, живи наши предки в другой стране, могла бы
закончиться полной этнической катастрофой. Русский этнос про-
сто обязан был прекратить свое существование как народ.

Так каким же все-таки образом нам удалось выжить даже по-
сле нововведений воцарившегося у нас в ту пору антихриста?

А выжить нам тогда помогла только лишь у нас имеющаяся наша родная и чисто народная административная единица — *русская община*. В противном же случае оставшейся сиротами половине населения России под тяжким бременем петровских людоедских нововведений было бы выжить просто невозможно!

Уж так этот «преобразователь»-людоед несколько своеобразно «любил» (уж не кушать ли?) исключительнейше почему-то лишь русских детей. Этого Горыныча двухголовый последователь, «добрый» дедушка Ленин-Сталин, помнится, тоже подобною «любовью» не брезговал «побаловаться» — вывозил в Сибирь на лютый мороз русских людей целыми эшелонами, где первыми гибли дети грудничкового возраста, затем чуть ножками по земле перебирать научившиеся, затем постарше, затем...

И вот какими «успехами» в устроенном чекистско-комиссарском геноциде может теперь по праву гордиться кровно родная петровским птенчикам-людоедам советская коммунистическая партия:

«По некоторым данным, с 1917 по 1970-е годы в общей сложности (считая всех погибших в лагерях и ссылках) было уничтожено «не менее 100 миллионов людей...»¹» [112, с. 140–141].

Имеются и более страшные цифры коммунистического погрома страны, где, судя по всему, к расстрелянным и замороженным в лед, забитым до смерти и заморенным голодом и непосильной работой в лагерях прибавлены обычно не учитываемые десятки миллионов маленьких детей, безвестно сгинувших в подворотнях, умерших от голода и болезней; грудных младенцев, умерших на руках истощенных от голода матерей, не имеющих для их спасения молока:

«Общее число погибших в России и СССР — 144 миллиона человек» [31, с. 65].

И такая уж поистине астрономическая цифра никак теперь не может не радовать Ротшильдов-Рокфеллеров с их масонской конторой — «Мемфис Мицраим», изобретших это людоедство и подготовивших самих людоедов.

Но это лишь о погибших. Вот какие астрономические цифры вложены во все ленинско-сталинские предприятия по уничтожению русского человека. В свое время еще «Д. И. Менделеев

¹ «Православный Путь», 1993 г., с. 175

подсчитал: к середине прошлого века нас должно было бы стать пятьсот миллионов!» [20, с. 272].

Он составил график динамики роста населения Земли. И «Его прогнозы по таким странам, как Китай, Индия и др. оказались достаточно верными. Однако количество населения в России в XX веке не совпадало с его расчетами и оказалось меньше предсказанного на несколько сотен миллионов. Очевидно, Дмитрий Иванович не мог предвидеть последствий революции...» [112, с. 141].

Да, методы расправы Ленина с мирным населением России предвидеть было бы достаточно сложно. Тем более — изобретение голода в собственной стране в мирное время. Невозможно было догадаться и о том, что палачи русского народа узаконят убийства детей даже в утробе матери:

«... Ленин был первым правителем государства в мире, который узаконил аборты» [112, с. 142].

И в некомпетентности нашего величайшего ученого, думается, обвинять не станет никто. Так что запущенные к нам революционными поветриями людоеды, бесчеловечными условиями жизни поставив русский народ за грань какой-либо выживаемости, на самом деле уничтожили людей гораздо больше: много более 300 млн. человек!

Понятно дело, сейчас же возникает вопрос: каким же образом большевикам это удавалось?

Примерно так. Вот одно из свидетельств о способе тех многомиллионных убийств, запланированных захватившими в нашей стране власть темными силами. Свидетельствует «раскулаченный» в 1937-м году русский крестьянин, расчистивший для своего участка бросовые земли. В чем и оказался повинен перед властью комиссаров, свирепо наблюдающих в тот злополучный момент «за добрым порядком»:

«В Усвятской тюрьме держали на воде и хлебе... по двести грамм в день» [129, с. 15].

Такова норма узаконенного геноцида при выделении средств жизнеобеспечения наследниками петровских реформ на душу русского человека, подлежащего уничтожению! Это точная копия Освенцима. Точнее — Освенцим точная копия «общежития» при кровавом ленино-сталинском режиме.

И вот почему уже теперь и здесь можно было постоянно отписывать в верха: «в людях зело нужда»:

«В Ухте железную дорогу строил. Там люди мерли как мухи, а на их место новых привозили¹...» [129, с. 15].

То есть система уничтожения людей у всех нами разбираемых трех режимов практически универсальна: голод при безжалостной физической эксплуатации. Потому любому представителю этих режимов в минимальные сроки можно достигать максимальных оборотов своих фабрик смерти. И отписывать в верха чуть ли ни ежедневно: «в людях зело нужда».

Но и еще задолго до знаменитых людоедских 37-х годов кровожадность наследников дел Петра была ничуть не ниже:

«Вот письмо, адресованное Калинин, 1930 год:

«Многоуважаемый Всероссийский староста Михаил Иванович Калинин. Мы украинцы-переселенцы живем в Вологде. Жизнь наша очень тяжелая — мы живем врозь от своих мужей. Наши мужья отделены от нас, находятся где-то на лесных работах, а мы, женщины, старики и малые ребята, томимся в церквах. Нас было помещено в Каждую церковь по 2 000 человек, где были устроены нары до трех этажей, так что получилось сильное воспарение. Мы все остались больные от такого воздуха и сквозняка, а дети до 14 лет падали как мухи, и медицинской помощи не было для такого количества больных. За полтора месяца на вологодском кладбище схоронили до 3 000 детей.

Михаил Иванович! Спасите нас от такого бедствия и от голодной смерти. Нас сюда выслали на погибель, а какие мы кулаки, если мы имели по одной лошадке, по одной коровке? Мы бедняки. Мы для государства безвредны, а работали, и народ кормили, а теперь сами гибнем... Просим разобраться в нашем несчастье и спасти нашу жизнь. Ждем ответа»². — Ответом на вопль отчаяния уничтожаемого народа было усиление репрессий» [130, с. 505–506].

А вот и еще письмо подобного же содержания:

««Письмо Высшему органу власти М. И. Калинин:

¹ Звенья. Исторический альманах. Вып. 1-й. М., 1991. С. 135. Запись произведена в Усвятском районе Псковской области в 1976 году. г ЦГА-ОР СССР. Ф.3316. ОП. 1.Д.448. Л.68–69.

² ЦГАОР СССР. Ф.3316. ОП. 1.Д.448. Л.68–69.

Пишем Вашей милости и просим Вас убедиться на наше письмо, которое оплакивалось у северной тундры не горькими слезами, а черной кровью, когда мы, пролетарии Могилевского округа, собрались и решились поехать отыскивать своих родных. Приехавши на место среди Няндомского района, мы увидели высланных невинных душ, увидели их страдания. Они выгнаны не на жительство, а на живую муку, которую мы еще не видели от сотворения мира, какие сделаны в настоящее время при Советской власти... Мы были очевидцами того, как по 90 душ умирают в сутки, нам пришлось хоронить детей, и все время идут похороны.

Это письмо составлено только вкратце, а если побывать там, как мы были, то лучше бы провалилась земля до морской воды и с нею вся вселенная, и чтобы больше не был свет и все живущие на ней...

Просим принять это письмо и убедиться над кровавыми крестьянскими слезами»¹) [130, с. 519].

А вот и очередное письмо все на тот же адрес и такого же содержания:

««Михаил Иванович! Мы, рабочие, члены партии, с 17-го года боролись за свободу. Мы, старые революционеры, клали головы и бросались, как львы с голодной пастью, за буржуазией, и, как говорилось с 1905 года, что если завоюем, то если будет плохо, то всем.

Еще сотни лет пройдут и еще надо будет делать революцию. До чего наш социализм, Михаил Иванович, идет?.. Мы бьем тревогу, как члены партии. Надо что-то делать... Мы действительные коммунисты: не имели ничего, кроме семьи. Вы сами подумайте, что это такое? Все отобрали и выслали. И никто не побогател, только Россию в упадок привели.

Просим ЦИК, чтобы вы проверили, в каком состоянии находимся: бараки наши ломаются, живем в большой опасности, бараки все обвалены дерьмом, народ мрет, оттаскиваем по 30 гробов в день. Нет ничего: ни дров, ни кипятку, ни бани... По 250 человек в бараке, даже от одного духу народ начинает заболеть, особенно грудные дети, и так мучаете безвинных людей.

Наш адрес: г. Котлас, Северо-Двинского окр., лагеря переселенцев. Макариха, барак 45-й».

¹ ЦГАОР СССР. Ф.3316. Оп. 1. Д.448. Л.72-73.

Подпись сообщала, что это письмо было составлено неким Крыленко¹» [130, с. 520].

Но ведь в те времена не только казенное жилье обваливалось: достаточно рискованным являлся ремонт и своего собственного — частного жилища. Ведь даже Андрей Белый, обласканный большевиками и одно время зарабатывающий на жизнь лекциями в Пролеткульте, где пользовался большим успехом, проживая затем в подмосковном Кучино, жалуется:

«... керосин идет на отопление вечно мокрого угла; если его не сушишь, через 3 часа покроется слезой; и загниют переплеты книг; керосин идет на осушку: кучинский домик сгнивает. Спросите, — почему нет ремонта? У моих стариков денег нет; и — боятся, что отберут дачу, если отремонтируют. Во всем Кучине панический ужас ремонта» [24, с. 141].

Так что даже отставные высшие большевистские лидеры *доживали*. Благами же пользовались лишь находящиеся в тот момент «у руля». Всем же остальным жителям России наследниками «дел» Петра уготавливалась лютая смерть в холоде, голоде и нищете.

В тридцатые годы в целях ужесточения программы по убийству русского населения России большевиками был введен и еще очередной людоедский закон:

«Главной заботой лета 1933 года была охрана урожая. Партия поставила задачу: сохранить каждое зернышко... не от грызунов, — от людей. На полях сооружались дозорные вышки. Конные разъезды устраивали засады. Страшный закон от 7 августа, грозивший расстрелом, не зря был прозван в народе «законом о колосках». Даже с собственного поля колхозник не имел права унести ни одного зернышка» [130, с. 525].

И автором этого людоедского проекта, что для нас осталось за кадром, является на сегодняшний день расписанный всеми цветами радуги главный конкурент Сталина в борьбе за власть:

«6 августа 1932 года в «Правде» была напечатана речь Кирова на совещании руководителей Ленинградской области. Киров писал: «Наша карательная политика очень либеральна... Мне кажется, что в этом отношении колхозные и кооперативные организации пора приравнять к государственным, и если человек уличен в воровстве колхозного или кооперативного добра,

¹ ЦГАОР СССР. Ф.3316. Оп. 1. Д.448. Л.71–72.

так его надо судить вплоть до высшей меры наказания». Мнение было учтено: приняли Закон от 7 августа 1932 года «Об охране общественной собственности», по которому крестьянин, поднявший несколько колосков, приговаривался к смертной казни. Под этот закон подводили многолетних матерей, не знавших, как и. чем накормить своих голодных детей» [73, с. 161].

Так что у большевиков была полная аналогия и со своими последователями, то есть с высочайшей, по последнему слову «науки» отлаженной техникой массовых убийств, то есть с «производительностью» «передового» в этой области в техническом оснащении Освенцима, и со своими предшественниками — комиссарами Петра, с отнюдь не меньшей кровожадностью *наблюдавшими* «за добрым порядком».

И им, следует все же признать, истреблять население России, в ту пору еще пыточно-палаческих дел некоторой от наших дней «производственной отсталости», было куда как тяжелей:

«Условия были те же, что и потом — и народ разбегался. Охранять его в то время было значительно трудней и хлопотнее — тогда еще не было налажено массовое производство колючей проволоки, да и мушкетные ружья явно проигрывали автоматам» [73, с. 151].

В том-то и состоит вся пресловутая «гениальность» этого самого «Петра творенья», что его «преобразования» живых людей в покойников достигались даже при отсутствии автоматов и требуемых для его «потех» миллионов тонн колючей проволоки. Как он умудрялся еще тогда, в век явного отставания от нынешних современных средств для убийства людей, достигать таких умопомрачительных результатов?

Тут уж, несомненно, многое узурпировавшими власть в России большевиками было позаимствовано у Петра: он был очень большим специалистом как по изобретению предлогов для этих массовых убийств, так и не менее того поднаторевшим в самом их исполнении. При очередном запланированном им позорном бегстве, например, с территории нынешней Украины, Петр придумал новую стратегию ведения войны: устроить выжженную пустыню уже теперь не в захваченных им землях, но в своих собственных. Для претворения в жизнь этого своего очередного людоедского замысла он повелевает:

«... жечь запасы провианта, лишать противника возможности питаться за счет населения... «того для ежели неприятель похочет обошед войска впасть внутрь, тогда сам не рад будет...»» [16, с. 18].

Как Петр понимал это самое *неприятелем свои многочисленные войска «обошед»* — нами уже разобрано. Это будет так называемое «здоровое отступление». А чтобы устроить врагу поход по выжженной земле, Петр придумал на это дело свое как всегда «гениальное» новшество: свою землю, оставляемую врагу, на всякий случай, *выжечь дотла самому!*

И выжег: «... свыше 70 000 солдат разделились на множество групп, уничтожавших все...» [53, с. 52].

Но если кто-то думает, что он уничтожал только то русское население, которое в то время входило в состав все же не его государства, то в том сильно заблуждается. Там где он устраивал Карлу выжженную землю:

«Совсем рядом находился Смоленск, от которого до Москвы оставалось всего 400 километров» [53, с. 53].

Теперь полицейско-палаческому войску царя-антихриста: «... предстояло опустошать не территорию союзника, а свою землю» [53, с. 53].

Птенчики, судя по всему, проявили некоторое колебание — у кого-то могли жить здесь и родственники... Но «дивный гений» оставался непреклонен:

«Петр, вернувшийся к армии 20 июля, не колеблясь подтвердил приказ: жечь без всякой жалости...» [53, с. 53–54].

Уж такого точно — в аналогах нет. Даже граф Дракула и то, прежде чем пустить кровь очередной своей жертве, для порядку все же сначала задавал вопросы всякие мудреные. И уж ежели не ответит — значит не судьба.

Но если быть до конца точным, то некоторое подобие заимствования можно встретить и в указах Ленина. Но он, жалко пытаясь только приблизиться к копированию политики Петра, приказал у оставляемого врагу населения (русского, естественно) отбирать коней, тем обрекая его в будущем на голодную смерть.

А здесь даже не отбирать все под ноль, но жечь! Причем, теперь уже не чужую, но свою собственную территорию! Выполнения подобной карательной меры даже его драконовских мер наследник как-то не осмелился, показав полную несостоятельность в копировании звериных повадок своего «славных

дел» великого предшественника. Но следует все ж признать, что он изобрел и еще более изощренную методу уничтожения мирного населения — палаческая наука тоже на месте не стоит — прогресс несомненен. А назвал он свое детище по-марксистски заковыристо: *классовой борьбой*. И тут уж счет пошел на миллионы...

Но и голоду с холодом он такого тогда напустил, что вымереть народу должно было куда как много более погибшего в те страшные годы лихолетья:

«Вообще, тяжелые лишения тогда переносились все же легче, чем можно было ожидать. Помню, как профессор Шилов, с которым я разговаривал на эту тему, кажется, в 1919 году, говорил мне, что, «согласно научным данным», почти все население Советской России должно было уже вымереть» [137, с. 201].

Так что обвинять «доброе» дедушку Ленина в *ненаучности* подхода к этому столь злободневному вопросу совершенно излишне. Действовал он как раз-то полностью *по науке*. Но не все, *к счастью*, в теории его людоедской «науки» до конца совпадало с практикой исполнения. А потому переморить *всех* ему тогда к нашему превеликому счастью, а к его удручительнейшему преогромнейшему на то сожалению так-таки и не удалось. А все почему?

«Русский человек добёр!», «русский человек рохля, тютя,...» — вот что *единственное* этого самого *человека* тогда и спасло (Тютя — это палач Кондрашка Тютюн, презираемый Лениным за непростительное для ката милосердие).

А вот как выглядели результаты той гражданской войны, которую вел Петр против русского населения России:

«В июле 1718 года фельдмаршал Шереметев писал из Москвы Макарову: «... все пусто, только воров множится, и беспрестанно казнят»¹» [124, с. 495].

Как удивительно схожи эти сведения об июле 1718-го с подобным же результатом от реформ большевиков все в том же злосчастном июле, но уже 1918-го!

Но и в петровские времена, как затем и во времена мятежа кронштадтских матросов, все та же человечность не позволила сатрапам «преобразователя»-супостата добить ограбленных непосильными поборами людей выгнанных им из своих жилищ на улицы. В ноябре 1717 года:

¹ ЦГАДА ф.9, Кабинет Петра I, отд. II, кн.38, л.83.

««... выставлены были указы по всем воротам кремлевским, китайским и белгородским и во всех рядах, чтоб нищие не бродили по улицам... Для поимки и приво­ду таких нищих посланы были патриаршего дома дворяне и богаделенные солдаты по всем улицам, и ежедневно приводили нищих, которых наказывали и подвергали «жестоким истязаниям», чтоб по миру отнюдь не ходили... Но дворяне и солдаты, приводившие нищих, записывали изветы, что у них нищих по всем улицам отбивают и их самих бьют...»¹» [124, с. 495].

Такова была форма борьбы против петровского полицейского воинства, опутавшего к ноябрю 17-го цепкими путами всю страну.

Так что предшественников большевиков, как теперь выясняется, по всем улицам Москвы, что тогда выглядело совершенно естественным (русский человек это делал, сильно притом рискуя, исключительно из сострадания к ближнему), в кровь лупили дубинами! И лупили, судя по всему, достаточно серьезно. А потому данная форма протеста и спасла тогда русского человека от окончательного уничтожения петровскими комиссарами, наблюдающими за этим самым пресловутым «добрым порядком». И понятно почему наша нация не была выкошена под ноль, что, судя по всему, и планировалось Петром еще в его «славных дел» самом зачатии: лишь русский является на этой земле единственным образцом из многих здесь проживающих гомо сапиенс, к которому единственному следует относить термин — человек. И если б, на свою беду, что затем (отдадим ей все-таки должное) пробовала исправить Екатерина, высадив в Поволжье первый такой десант (поволжские немцы), этот человек превратился бы в *почтенного бюргера*, то на месте России давно располагалась бы уже не многолюдная и богатая страна, а выжженная чрезвычайками и комбедами обезлюженная и обескровленная пустыня. Но это наше врожденное «рохля» и «тютя» такому произойти так и не позволили, указав на то, какой человек среди всего человечества наиболее *человечен*.

Такова причина неудачности оказанной нам неслыханной «доброты» от исполняемого комиссарами «добротого порядка»,

¹ Кабинет II, кн. № 89 (ЦГАДА, ф.371, Преображенский приказ, д.710, 1104).

который был внедрен прославленными в веках «великими»: Лениным, Петром и Екатериной.

А вот теперь мы узнаем, как с сиротами и жертвами стихии поступали монархи, которых революционеры-ленинцы одного, позволяющего своим крепостным зарабатывать за летнюю навигацию сумму денег, эквивалентную стоимости иномарки, звали «Палкиным», а другого, за свое царствование не подписавшего ни одного смертного приговора, нарекли «Кровавым».

«Что же такое Самодержавная Монархия и как ее отличить от ее всегубительной подделки?» [143, с. 1].

Очень просто — по отношению правителя к доверенному ему народу: если он соблюдает те законы, которые ведут к увеличению населения его страны, то этот правитель является настоящим хозяином. А когда возникает вопрос об удержании власти, то он скорее готов сам стать жертвой неблагодарного народа, нежели отдать в жертву своему благополучию свой народ. И именно в качестве эталона правителя здесь следует подразумевать последнего нашего царя:

«Вспомним... Государя Николая Александровича, на предложение террором власти остановить разраставшееся отступление/двадцать тысяч виселиц на Невском, и о революции в России пятьдесят лет не будет и слуху/ответившего отказом» [143, с. 2].

И ему легче было в жертву отдать самого себя и даже свою семью, чем реками крови попытаться остановить предательства, которые в ту пору перекрыли уже все возможные и даже невозможные нормы.

Так вот: в Японскую войну 1904–1905 годов население России ежегодно продолжало увеличиваться на три с половиной миллиона! Причем увеличиваться именно за счет русских, чего ни до него, ни после и в мирное время никогда не бывало!

За все же правление этого царя население его страны увеличилось на сорок процентов!!!

Трехголовое чудовище ленин-сталин-троцкий истребило, по разным оценкам, от 80 до 144 млн. русских людей. На самом же деле, пользуясь прогнозами Менделеева, к середине XXв. мы не досчитались и всех 300 млн. человек.

Петр свое правление обозначил:«... уменьшением численности населения едва ли не на треть...» [14 с. 168].

Если применить эти страшные цифры к Царской России и СССР, то данная людоедская политика «Льва» обязана была оставить от нашей многонациональной страны где-то к началу ВОВ что-то порядка 90 млн. пока остающихся в живых человек!

Но это по самым что ни есть скромным меркам. Ведь если принять чуть ранее приводимые 50 % потерь от петровской революции, то при замене Ленина Петром от нашей страны осталось бы не более 70 млн. полуживых человек.

Это подведенные в цифрах итоги. Вот по каким показателям следует делать выводы: на них и ориентироваться при попытке осмысления того или иного периода русской истории.

А то все про какое-то там *строили, ковали, учились* чему-то там такому особенному. Но главное-то не в том, что учились вообще, а в том, чему учились и от кого это учение воспринимали.

Вот что о великой русской артерии Волге сообщается в «Путеводителе»:

«Из древних Геродот первый сообщил некоторые известия о Волге, под именем Ра... В средние века классическое имя Волги было забыто; явилось новое, Итиль, Атель... Под именем Итиль, Идиль она сохраняет и ныне свое название у всех народов Азии» [32, с. 60].

«Ни в одном краю в России, кроме немногих исключений, нет стольких богатых и прекрасных деревень, как на этой реке. Во многих селах находится по несколько тысяч жителей, по несколько церквей и прекрасных каменных зданий; они во всех отношениях гораздо важнее некоторых городов в провинциях России» [32, с. 65].

«На всем земном шаре едва ли какая река может сравниться с Волгою в изобилии и качестве рыб; ловля их есть неисчерпаемый источник огромных богатств, приводит в обращение значительные капиталы и занимает тысячи рук; в особенности от Симбирска рыбные ловли становятся важными, и отданные на откуп, доставляют казне ежегодно до 700 000 р. В Волге водятся огромные белуги, даже трехсаженной величины, осетры в 20 и даже в 25 пудов весом; севрюги, стерляди, сазаны... Шобер рассказывает, что в его время (1721 г.) в Астрахани целая телега рыбы не самой крупной, именно шук, лещей, окуней, стоила только грош!.. Лет за 70, при покупке из первых рук и в значительном

количестве, платили за одну большую белугу 170 к., за осетра 90, за севрюгу 30 к.; фунт икры стоил не более 5 или 6 к.

По Волге привозятся металлы из Сибири и Уральских гор; добыча астраханской рыбной ловли; богатые транспорты хлеба из плодороднейших губерний России; неистощимые дары степных соленых озер и соловарен по Каме и Костроме; необъятное количество леса в различных видах, меха, сало, хлебное вино и множество других предметов. Это удивительное торговое сообщение с одной стороны продолжается через Каспийское море в Персию; с другой распространяет ошутительное влияние на многие обширные торговые города Европы, и даже в Америку. Главные пункты на нем: *Астрахань* для Персии, *Дубовка* для Азовского и Черного морей; *Симбирск*, *Саратов*, *Казань*, *Лысково*, *Рыбинск*, *Тверь* для Балтийского моря, и *Нижний Новгород* для всемирной торговли.

Вообще волжское судоходство представляет торговый оборот свыше 220 000 000 руб. На всем течении ее находится ежегодно в движении до 15 000 разных судов, 300 плотов, и 260 000 человек рабочих» [32, с. 69–71].

Да, неисчислимо полезное значение наша гигантская волжская акватория имеет лишь исключительно для *внутренней торговли!*

Петр же вскрыл вены этой нашей родной русской артерии, и все наши богатства потекли с тех пор только лишь в одну сторону — на вывоз...

Так вот чем хорош для нас и сложен для иноземцев был этот самый нами с давних пор облюбованный трансурский путь «из варяг в греки»:

«Волхов, по чрезвычайно тихому течению и по малости падения или склонения, Г. Штукенберг называет большим естественным каналом, соединяющим два огромные озера, *Ильмень* и *Ладожское*, и проводящим в Балтийское море целую систему рек... пороги в древности мешали датчанам, норвежцам и шведам плыть вверх рекою до Новгорода, и заставляли их останавливаться в Ладогге» [32, с. 378].

То есть, в отличие от изобретенной Петром искусственной корабельной пристани на гнилых болотах, Господин Великий Новгород являл собою защищенную со всех сторон, выгодную лишь ему одному точку на планете, где можно было охранять свои торговые пути вполне естественными условиями, созданными самой природою.

А потому он и был столь велик и многолюден. Ведь Новгород не только являл собою перекрестье всех торговых путей со всех стран света и от практически всех морей мира, но и сам являлся центром этого перекрестья. И этот город, мало чем уступающий своей площадью даже Москве, сам потреблял все то, что шло в него со всех концов земли. И не через него транзитом уходил наш хлебушек на Запад, но, наоборот, с большими таможенными скидками очень охотно принимался у нас в Новгороде, которому не хватало не только своего собственного хлеба, но и ввозимого из центральных земель Руси:

«... приезжие купцы, боясь порогов Невских и Волховских, обыкновенно перегруживали товары в легкие лодки, внося в казну с каждого судна *гривну кун*, а с нагруженного хлебом — полгривны» [32, с. 590].

И теперь становится вполне понятно столь приоритетное отношение к посылаемой в Новгород данного рода продукции. Ведь не только доставка его из внутренних районов России обходилась много дороже, нежели из немецких земель, но и себестоимость выращивания хлеба в теплых германских землях всегда была много ниже, нежели в районе Ильмень-озера. Мало того, мы никогда не являлись сельскохозяйственной страной. Это и доказывает именно на хлеб уменьшаемая пошлина. То есть путь «из варяг в греки» работал исключительно на импортирование нами с Запада сырья, а уж никак не наоборот!

Петр действительно заставил течь реки вспять. И достояние богатейшей в мире державы потекло через разверзнутое жерло портов изобретенного им безбожного города-вора.

А потому и стали без нужды в этом городе ежегодно разбиваемые на дрова по 10 000 прекрасных речных судов! И это не только безвозвратно постоянно нами утрачиваемые строевые леса. Это паруса, канаты, и самое, пожалуй, главное — выкинутый за ненадобностью огромный труд, который был затрачен самым мастеровым народом на планете. Мало того, через вскрытую Петром нашу артерию для подпитки Запада безвозвратно на этих судах вывозилось два с половиной миллиона тонн груза!

А так как суда выкидывались за ненадобностью, то становится совершенно ясным, что взамен вывозимого от нас нашего достояния *обратно не ввозилось ничего!*

Реки вспять

Однако же рассказано еще не обо всех проблемах, возникших у русского купечества, дабы выполнить эту удивительно бездарную блажь «реформатора» по взгромождению центрального порта огромной страны в самой гуще комариных болот. Ведь необычайно возросшая цена на жилье и пропитание складывалась из условий жизни, которые в этой гиблой местности были просто невозможными. Вот что о них сообщает, например, голландский резидент. Ведь и проблемы заграницы в этом вопросе тоже следует понять. Им куда как проще было бы обирать нас через Москву или Архангельск:

«Голландский резидент жаловался, что в Петербурге за деревянный дом... надобно платить 800,900 или 1000 флоринов, тогда как в Москве или Архангельске иностранный купец может жить за 200 флоринов в год; говядина в Петербурге — 5,6 и 8 копеек за фунт, и дурного качества» [124, с. 451].

То есть говядина в Петербурге имела цену, эквивалентную икре в Астрахани!

И как цена жилья, так и пропитания в этой местности были вчетверо выше аналогичного в Архангельске, а расходы по перевозке грузов к морскому порту, при замене Петербургом портов Беломорья, стали превышать: при транспортировке товаров из Москвы — втрое, из Ярославля — вчетверо, а из Вологды — впятеро [16, с. 434].

И если прибавить ко впятеро возросшей себестоимости возимой на экспорт продукции из Вологды еще и вчетверо возросшую цену на проживание доставляющих сюда товары купцов, да если присовокупить сюда еще и предложение, в несколько раз превышающие здесь спрос, то обрисованная картина у этого «окна» представится более чем безрадостная. Ведь благодаря неслыханно возросшим затратам на доставку себестоимость русских товаров, заполняющих трюмы иностранных кораблей в Петербурге, должна была уподобить нашего местного производителя туземцу в заморских колониальных владениях прибывающих сюда англичан или голландцев.

Потому Петру I пришлось даже вводить особые законы на запрещение торговли основными товарами России через Архангельск: коноплей, льном и кожами.

Так Петром был подорван главный источник доходов нашего государства — торговля.

А вот как ему удалось своими новоизобретениями на грань истребления поставить и нашу ткацкую промышленность: «... указы Петра писаны без учета реальности, и исполнение большей части этих указов попросту вредно.

Примеры? Пожалуйста!

...Петр особым указом велел изменить ширину ткацких станков. Дело в том, что основную массу холстов выделявали тогда кустарным способом, поставив ткацкий станок в крестьянской или посадской избе. Станок был узким, потому что тесной и многолюдной была сама изба.

...Для ткацких же мануфактур под Холмогорами указ оказался губительным, потому что широких станков, принятых в европейских мануфактурах, тут попросту не было. А если даже и ввезли бы из-за границы (в чем не было ни малейшей необходимости), ставить такие станки было негде» [14, с. 55–56].

Заграницей, которую и здесь столь прилежно старался копировать Петр, труд был рабским: средства производства имел лишь работодатель. У нас же каждая ткачиха имела свой станок:

«Холмогорские ткацкие предприятия работали по принципу «рассеянной мануфактуры» — работницам выдавали сырье, платили, и они вырабатывали продукцию дома, а потом сдавали ее купцу» [14, с. 56].

Петр хотел сломать такую практику чисто силовыми методами и узаконить рабский труд, принятый заграницей. Но и здесь его нововведения закончились лишь излишней ломкой дров:

«В результате северные ткацкие мануфактуры пришли в совершеннейший упадок» [14, с. 56].

И здесь следует радоваться лишь тому, что и в данном случае начатое им дело так до конца и не было доведено:

«... ткацких станков в Московии было сотни тысяч, и чтобы их всех поломать, потребовалось бы, чтобы вся армия и весь чиновничий аппарат не занимались бы ничем другим. К счастью у Петра были и другие занятия» [14, с. 56].

Занятий было много: он, например, не переставая, строчил многочисленные указы:

«... известны тексты Петра, которые невозможно прочитать — они написаны во время езды, когда возок бросало из стороны

в сторону и на бумаге возникали странного вида черты, отдельные невнятные значки. Что характерно — Петр никогда не пытался восстановить эти тексты, то есть вовсе не пытался воспользоваться плодами собственной работы.

И приходится прийти к выводу столь же грустному, сколь и неизбежному: все это писание указов, в том числе и в дороге, — вовсе не есть деятельность государственного человека. Это лишь имитация такой деятельности. Своего рода судороги человека, который органически не может остановиться, прервать вечного бега в никуда, движения, совершаемого ни за чем» [14, с. 59–60].

Вот еще пример полной беспомощности очередного его указа, одного из 20 тысяч, им написанных. Здесь его попугальничание за границе просто в одночасье истребило весь наш северный флот:

«... как-то, побывав на русском Севере, Петр усмотрел «старомодные» корабли и строжайшим указом повелел строить новые исключительно на «голландский» манер...» [15, с. 382].

То есть одновременно в кратчайший срок «... поломать все «неправильные» корабли и построить на их место «правильные»» [14, с. 56].

Для возможных слушателей он тут же пишет и строжайшую реляцию, где шутить со своим решением, объявляющим о разрушении русского северного флота, не советует никому: «... а буде кто станет делать после сего указу... тех с наказанием сослать в каторгу, и суда их изрубить» [75, с. 35].

И понятно, что после этой угрозы: «... перечить Петру никто не осмелился — и гораздо более подходящие для плавания в Ледовитом океане корабли стали ломать» [15, с. 382].

Так мы были лишены и всякой возможности сообщения с Западом через свои северные порты. И лишь по этой причине Петербург получил некоторую оттяжку времени, чтобы все же успеть сманить на свои гнилые склады русских купцов, теперь вообще потерявших всякую возможность сбыта своего невостребованного товара. Потому этой гнилой петровской затее все же удалось продержаться до того момента, когда на время оставленная без наших товаров Европа все же рискнула воспользоваться проковырянным Петром этим пресловутым «окном» в очень неудобном для нее порту, где западный ветер мог заточить их суда чуть ли ни на целую навигацию.

И только лишь после введения всех вышеперечисленных мер искусственное мертворожденное детище, некое такое

«Петра творенье», смогло снискать себе право на дальнейшее существование.

А ведь по тем временам наш грузооборот через Архангельск по одному только вывозу льна, не считая многих иных видов нашей отечественной продукции, пользующейся необыкновенным спросом за рубежом, своим объемом как минимум в четыре раза превосходил весь объем торговли Запада с Востоком, проходивший через Италию [126, с. 321]! Через свои ледяные порты мы имели грузооборот в десяток раз более оживленный, нежели вся Европа в теплых лазурных водах Средиземноморья!

«... огромная торговля шла русскими товарами через Архангельск — в 1653 сумма вывоза через порт города за рубеж составляла свыше 17 млн. руб. золотом [в ценах дореволюционной России XXв. — А. М.]...

«Россия, — писал в самом начале XVIIв. француз Мержерет, — весьма богатая страна, так как из нее совсем не вывозят денег, но они ввозятся туда ежегодно в большом количестве, так как все расчеты они производят товарами, которые имеют во множестве...» [92, с. 459].

Но имелся ли у нас под стать солидному качеству и количеству товаров соответственного образца торговый и рыболовецкий флот?

Еще какой! По Каспию, например, у нас ходили бусы: «... бус был огромным судном с водоизмещением до 2000 тонн... Для сравнения — ни одна из каравелл, на которых Колумб доплыл до Америки, не имела водоизмещения больше 270 тонн» [14, с. 56–57].

То есть наши каспийские морские суда были размерами своими в восемь раз больше их судов океанских!

Но ведь даже рыболовецкая шхуна поморов на фоне этих филлюг культуртрегереров выглядит более чем солидно: «... поморская лодия, водоизмещением до 500 тонн» [14, с. 57].

То есть завоеватели Америки каравеллами, куда запихивали толпы вооруженных до зубов конкистадоров, называли, как получается, лишь утлые лодчонки, вдвое меньшие кораблей нашей даже чисто рыболовецкой флотилии! А уж каспийские бусы, так же, между прочим, уничтоженные Петром, в сравнении с ними просто исполины!

Но и наши древние торговые маршруты, что так же следует отметить, были давно проложены и благоустроены, а потому их использование и обходилось так дешево.

Петр порешил повернуть реки вспять и создать из промышленно развитой мировой державы захолустный бантустан, вывозящий свое стратегическое сырье для нужд столь им обожаемой заграницы, превратив самую цивилизованную державу того времени в отсталую полуколонию — донора Европы.

А потому и потребовалось в мертворожденный, с огромнейшим трудом сооруженный торговый путь, словно в бездонную бочку, вкладывать столько средств.

Но для чего он был задуман, тем и стал. Вот что по этому поводу сообщает митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев):

«Традиционная точка зрения современной исторической «науки» предполагает, что в XVII веке Московская Русь как общественный, государственный, культурный, политический и военный организм совершенно изжила себя, и лишь воцарение Петра I, царя-реформатора, вдохнуло в страну новую жизнь.

Симпатии историков к Петру и их неприязнь к Руси допетровской объясняется психологически просто: человек всегда приветствует то, что ему понятно, близко, и отвергает, недолюбливает то, чего понять он не в состоянии. Это даже не вина, а достойная всякой жалости беда современного массового сознания» [116, с. 225].

На самом же деле все обстояло с точностью до наоборот. Именно в допетровскую эпоху:

«... московский мужик судится судом присяжных, имеет гарантированную законом неприкосновенность личности и вообще относится к своему западноевропейскому собрату и современнику, как современный гражданин САСШ к современному Ди-Пи. Москва присоединяет Малороссию, добывает Польшу, отклоняет предложение о присоединении Грузии и слегка застревает на Амуре. Несколько позже Пушкин будет писать о бездне, над которой стояла Московская Русь. И еще позже Ключевский будет писать о несообразностях того государственного строя, при котором все это было достигнуто. И ни одного раза не задумается о полной несообразности всех своих построений... И если бы Ключевские признали живую систему Москвы, то они были бы вынуждены отбросить мертвую схоластику философии, а схоластика, и только она одна и кормила и поила их» [126, с. 351].

«Л. Тихомиров так суммирует административное устройство земской Руси (том 2, с. 75):

«Воевода, как представитель царя, должен был смотреть решительно за всем: чтобы государство было цело, чтобы везде были сторожа, беречь накрепко, чтобы в городе и уезде не было разбоя, воровства и т. д. ... Воевода ведал вообще всеми отраслями ведения самого государя, но власть его не безусловна, и он ее практиковал совместно с представителями общественного самоуправления. Вторым лицом после воеводы является губной староста, ведавший дела уголовные... [... губные старосты избирались только из профессионально служилого элемента, но избирались всем населением, в том числе и крестьянским. Так рисуют положение дел Платонов, Ключевский, Беляев и другие — *И. С.*]... Затем следует земской староста — власть, выбранная городским и уездным населением. При нем состояли выборные от уездных крестьян, советники... У крестьян уездных, кроме общей с городом земской избы, были и свои власти. Крестьяне выбирали своих общинных старост, «посыльщиков» (для сношения с воеводой и его приказными людьми), выбирали земского пристава «для государева дела и денежных сборов»... По грамотам Грозного, монастырские крестьяне избирали у себя приказчиков, старост, целовальников, сотских, пятидесятских, десятников... Всякие правители, назначаемые в города и волости, не могли судить дел без общественных представителей... Наконец, по всем вообще делам народ имел самое широкое право обращения к Государю».

Соловьев пишет:

«Правительство не оставалось глухо к челобитьям. Просил какой-нибудь выборный мир своего чиновника, вместо коронного — правительство охотно соглашалось. Бьют челом, чтобы городского приказчика (по-нашему — коменданта) оставить и выбрать нового миром — государь велит выбрать».

На ту же тему Ключевский пишет:

«Оба источника правительственных полномочий — общественный выбор и правительственный призыв по должности — тогда не противопоставлялись друг другу как враждебные начала, а служили вспомогательными средствами друг для друга. Когда правительство не знало, кого назначить на известное дело — оно требовало выбора и, наоборот, когда у общества не было кого выбирать, оно просило о назначении» [126, с. 336].

«Земская реформа была четвертым и последним моментом в переустройстве местного управления. Она состояла в попытке

совсем отменить кормления [то есть представителей коронной власти — *И. С.*], заменив наместников и волостителей выборными общественными властями, поручив земским мирам не только уголовную полицию, но и все земское самоуправление вместе с гражданским судом...» [126, с. 340].

«Съезд с должности кормленщика, не умеющего ладить с управляемыми, был сигналом к вчинению запутанных исков о переборах и других обидах. Московские судьи не мирволили своей правительственной братии» [126, с. 335].

«По окончании кормления обыватели, потерпевшие от произвола управителей, могли обычным гражданским порядком жаловаться на действия кормленщика... обвиняемый правитель... являлся простым гражданским ответчиком, обязанным вознаградить своих бывших подвластных за причиненные им обиды... при этом кормленщик платил и судебные пени и протори... Истцы даже могли вызвать своего бывшего управителя на поединок... Это было приличие, охраняемое скандалом... судебная драка бывшего губернатора или его заместителя с наемным бойцом, выставленным людьми, которыми он недавно правил от имени верховной власти» [126, с. 335].

Вот и представьте себе: что бы осталось от петровских «птенцов», если бы после окончания первого же кормления их позволено было мутузить за воровство?!

Потому Петр в самую первую очередь и отменил «приличие, охраняемое скандалом». Ведь если начнут бить воров, то с кем же он останется?!

Потому Петр не только подчиненным на своих комиссаров жаловаться запретил, но и самим комиссарам пробовать взывать к совести друг друга путем вызова бесчестных людей на поединок — трогать петровских воров даже дворянам ставилось под строжайший запрет:

«Ежели же биться начнут и в том бою убиты или ранены будут, то как живые, так и мертвые повешены будут» [16, с. 23].

Таков «прогресс» прослеживается в изменениях наших законов этим самым «реформатором».

Но и много раньше в стране городов бытовали отнюдь не пещерные порядки. Судебник 1550 г. не был особым нововведением. В нем только лишь было оформлено то писаное и неписаное право, которое и до него являлось незыблемым

уставом, входившим в моральный кодекс самоуправления Московской Руси.

Но теперь появились и иные источники, относящие наши своды законов к куда как более ранним эпохам. Например, новгородская берестяная грамота № 531 [152, с. 130–134].

А ее содержание говорит о том, что наши нормы гражданского судопроизводства, известные нам по памятникам XVI века, теперь следует перенести еще на двести пятьдесят лет ранее. И это не предел, чему явное подтверждение — постоянное отдаление сроков зарождения русской культуры все далее и далее вглубь веков.

Это у нас должны были бы учиться европейские страны не только много ранее, но и теперь. И буквально всему, в чем как не разбирались они ранее, так и в том, в чем никогда не разберутся и впредь.

Однако же, со времен петровской реформации, наша страна была отдана на растерзание узурпировавшей свободу русской мысли западнической теории, которая сфабриковала целый ряд лжеисторических понятий о нашем допетровском общественном строе. То есть отнюдь не без ведома Петра, а затем и его последователей, мы были так густо облеплены вылитой на нас иноземными историками грязью, что теперь уже к ней как бы и попривыкли, что ли. Карамзин и Ключевский эти понятия закрепили. А потому многие у нас привыкли считать эту чужую грязь своею собственною. И до недавнего времени мы даже не видели никакого просвета — как из нее выбраться.

И именно благодаря этому Европе удалось нам внушить некое над нами, де сирыми и убогими, свое эдакое культуртрегерское покровительство, что и позволило без зазрения какой-либо совести объявить нас исконно сельскохозяйственной страной, всегда способной сотрудничать с Западом лишь в качестве его сырьевого придатка.

Ну а мы, в свою очередь, словно бессловесное стадо, совершенно безвольно заглотали крючок с насаженным на него этим о нас их мнением. И река материальных ценностей, создаваемая усилиями русской энергии, потекла с тех пор в одном направлении — на Запад. Течет и сейчас: вот уже три века кряду.

Это было подмечено публицистом «Нового времени» О. М. Меньшиковым еще сотню лет назад:

«Московская Русь, как ее ни хают у нас жидомасоны, сумела создать и здоровье тела, и здоровье духа народного. Петербург сумел его растлить...

...Московская Русь... все-таки умела кормить себя досыта и не допускала того, чтобы кормить собой соседей, как это делает теперешняя Россия» [69] (с. 152–153).

А уж послереволюционная и постсовковая — и подавно! Что и позволяет какой-нибудь чухонской Эстонии в один перестроечный миг превратиться в лидирующую мировую державу по продаже никогда в недрах ее не встречавшихся цветных металлов...

Часть 2

ПЕТРА ТВОРЕНЬЕ

Кровавый масонский след в русской истории

И все же, каковы основные признаки именно масонского следа в русской истории? Когда и как проявились результаты деятельности этой тайной вольнокаменнической организации у нас на Руси и в чем они выражены?

«... правила государством за малолетством Иоанна великая княгиня Елена Васильевна до 3-го апреля 1538 года; в этот же день, в два часа дня, будучи в полном цвете лет, она неожиданно скончалась. Барон Герберштейн говорит, что ее отравили и этому, конечно, можно верить» [82, с. 14].

Такими же загадочными выглядят как смерти жен Грозного Царя, так и смерти его сыновей. Очень сложно здесь не заподозрить злой умысел все той же тайной организации, чьи дела, собранные воедино, начинают уверенно высвечивать свою сопричастность к преступлениям этой черной секты.

А жидомасонам было за что ненавидеть Грозного Царя: «в самом конце 1562 года государь собрал значительную рать, около 80 000 человек, *с большим нарядом*, то есть с осадными пушками, и совершенно неожиданно подошел к Полоцку, который был вслед за тем взят нами 15 февраля 1563 года; сидевший в нем польский воевода Довойна и латинский епископ были отосланы в Москву; наемные же королевские воины из иноземцев были щедро одарены Иоанном и отпущены домой; с горожанами он тоже обошелся милостиво; однако *всех жидов приказал перетопить в Двине*» [82, с. 161].

Вот где корень возникновения тех историй, которыми его столько лет единоплеменники утопленных адептов хананейского вероисповедания и пытаются выставить каким-то страшным монстром. Однако ж Нечволодов это категорически отрицает:

«... многие рассказы о жестокостях Грозного, как мы уже говорили, явно преувеличены» [82, с. 154].

На самом же деле вот какая сложилась тогда обстановка:

«В январе 1580 Грозный созвал в Москве церковный собор и торжественно объявил ему, что Церковь и Православие в опасности, так

как бесчисленные враги восстали на Россию: турки, крымцы, ногаи, литва, поляки, венгры, немцы и шведы — как дикие звери разинули челюсти, чтобы поглотить нас...» [82, с. 205].

А **восстали** они на Православное Царство все разом. И уж здесь не заметить кем-то очень тонко спроворенного сговора просто невозможно.

И вот, после смерти Грозного Царя, новая серия заговоров уводит страну за грань выживания.

Но все опять заканчивается воцарением законного царя: пусть и не лучшего своими качествами, но просто хотя бы вернувшего стране ее прежний государственный аппарат. А потому уже окончательно было уничтоженная Держава вновь встает на ноги, от всех своих многочисленных врагов ошетиниваясь засеками. А затем присущей лишь ей активной обороной подступает уже и к самому Крыму. Таким образом, вопрос о нашем физическом уничтожении снова снят с повестки дня. Но нам теперь хорошо известная тайная организация, по тем временам еще совершенно неведомая, вновь перешла к поиску путей агрессии, видимыми результатами которой стала никоновская церковная реформа.

В царские покои члены тайной секты, объединяющей все религии, забрались в те времена достаточно основательно. Что и прослеживается в удивительно закономерной цепи отравлений престолонаследников. Это сильно бросается в глаза, а в особенности из-за того, что наряду с постоянно объявляемыми якобы больными, а потому и столь почему-то закономерно умирающими мальчиками (и это в течение сотни-то лет подряд!!!), все девочки оказываются на редкость здоровыми и живут (даже в темницах) до глубокой старости!

Череда загадочных смертей начинается с супруги царя Алексея Михайловича. Помимо самой матери венценосного семейства, русской красавицы-царицы Марии Ильиничны Милославской, столь же странным образом умирают пятеро (**пятеро!!!**) ее сыновей. Однако же и у Петра оба мальчика, зачатые во грехе с блудной девкой, провозглашенной им впоследствии императрицей, весьма странным образом умирают почему-то достаточно рано. Все же его девочки, не в пример мальчикам, оказались живучими на редкость. Все четыре без проблем достигли взрослого возраста.

А потому эпоха «славных дел» смертью самого «преобразователя» отнюдь еще и не заканчивается.

Петр II, о котором советские историки и слова не сказали, царствовал всего три года. После чего от каких-то там якобы «излишеств», весьма невразумительных (это в 14-то лет!), так же, как и все прочие мужчины, скоропостижно вдруг заболел и не менее скоропостижно скончался. И как все прочие, от подобной смерти умершие: «не оставив завещания»...

Однако все ж о причинах и этой странной смерти они тоже достаточно опрометчиво пробалтываются. Вот чем не угодил нами вскрываемой мировой тайной организации, судя по всему — масонской, этот молодой монарх:

«... Петр перевел двор из Петербурга в Москву (конец 1727 г.). Затем... Петр объявил себя противником преобразований Петра I, уничтожая созданные его дедом учреждения» [2, с. 155].

Таким образом, город-кровосос должен был очень быстро зачахнуть и, за полной своей никому ненужностью, отмереть от живого государства, как совершенно ему ненужный волдырь.

Но вот и еще какое злосчастье поджидало за границу, как всегда консолидирующуюся вокруг питающих ее сил. Архиепископ Ростовский:

«... вошел с предложением в Синод — издать новый закон, чтобы впредь ни один русский не вступал в брак с кем-либо другого вероисповедания, а всех, находящихся в таковом браке, до издания этого закона, развести. Члены Синода готовы были подписать этот закон...» [4, с. 319].

Но за граница от такого оборота дела слишком многое теряла. Потому этот монарх столь странно рано и покинул этот мир.

А перед отравлением самого государя была отравлена его сестра Наталья. Вот как о неизбежности случившегося в своей депеше от 18 ноября мадридскому двору проговаривается посол Испании Дюк де Лириа:

«Мне кажется, болезнь ее высочества вовсе не грудная, потому что у ней нет ни одного из симптомов чахотки. Я не могу выкинуть из головы, что ее болезнь, судя по ее медленности, происходит скорей от вероломства какого-нибудь тайного врага, чем от худого состояния легких. Если основательны мои подозрения, естественно думать, что те, кто захотели погубить великую княжну, не захотят, чтобы остался жив и царь» [4, с. 304].

И эти *они*, что и понятно, *не захотели...*

А вот кто мог подсыпать последние дозы яда, оказавшиеся смертельными. В комнате Петра II, в момент его неожиданной смерти, судя по всему, могли находиться лишь: «... Остерман да камергер Лопухин» [4, с. 335].

Но их личные интересы (Лопухин был женат на лютеранке) были далеки от интересов Православной России, выходящей из тяжелейшего кризиса, организованного Петром I. Смерть монарха выглядит явно насильственной, чтобы этого можно было не разглядеть.

«Болезнь и смерть императора вызывали разные толки. В народе долго говорили, что он отравлен» [4, с. 336].

И вот кто является среди наиболее вероятных заказчиков случившегося:

«Через месяц Анна Иоанновна взошла на престол.

Король Пруссии Фридрих I, услышав эту весть, пил за здоровье Анны из большого бокала» [4, с. 338].

А вот что говорится о сменившем его в 1740 г. на Прусском престоле наследнике:

«... в четыре часа утра 15 августа 1738 года, был посвящен в масонство сын короля прусского Фридрих (3 июня 1740 года, всего через три дня по вступлении своем на престол, Фридрих заявит об этом приближенным, 4 июля прикажет секретарю берлинской Академии Форнею издавать в Берлине масонскую газету на французском языке — «Берлинский Журнал, или Политические и научные новости», а 13 сентября, под своим покровительством, откроет ложу «Трех глобусов», которая вскоре сделается «Великим Востоком» для всей Германии)» [4, с. 359–360].

И вот откуда, как выясняется, черпал средства для своих нововведений этот масон, тоже как и Петр, и Екатерина объявленный все теми же «кем-то» «Великим»:

«... Фридрих, будучи наследником, постоянно получал денежные субсидии от Бирона и Анны Иоанновны, что составляло большую тайну при дворе» [4, с. 360].

Вот фрагмент письма саксонского посла Зума наследнику прусского престола, вскрывающего эти денежные поступления:

«Герцог курляндский, — писал Зум в одном из писем, в зашифрованной переписке, — доставляет себе удовольствие, без всякого политического расчета, быть вам полезным, поэтому я продолжаю с ним устраивать заем, который вы смело

можете принять от одной знатной дамы... Об этом деле знают только трое: герцог, дама (А. И.) и я. Напишите мне... шифрами сумму, которая вам нужна» [4, с. 360].

А просто так, что и естественно, никто никого никогда излишками финансовых средств не баловал. То есть будущего масона на троне прикармливал масон же. Что выглядит естественным и более чем понятным.

Что известно о масонстве Бирона?

Ну, во-первых, имеются сведения о некоей «... митавской масонской ложе» [4, с. 359], существовавшей там именно в период пребывания в этом городе герцогини Курляндской, Анны Иоанновны, и ее протеже — Бирона.

«Невозможно установить, кто принимал в масонскую ложу Эрнста-Иоганна-Бирона. Достоверно следующее. В 1726 году Петр Михайлович Бестужев-Рюмин, некогда обер-гофмейстер двора герцогини Курляндской и благодетель самого Бирона, писал: «Бирон пришел без кафтана и чрез мой труд принят ко дворцу без чина, и год от году я, его любя, по его прошению, производил и до сего *градуса* произвел». (Письмо приведено историком прошлого столетия Арсеньевым в книге «Царствование Екатерины».)» [4, с. 360].

Вот кто руководил заговором при устранении Петра II.

Результаты этого масонского переворота, поименованные бироновщиной, запомнились очень хорошо:

«Немцы, казалось, парализовали волю русских. Тех же, кто выказывал сопротивление, казнили, как Вольнского, или же сажали на кол.

Воры рыскали по городу, совершая грабежи и убийства.

Казни становились столь привычным делом, что уже не возбуждали ничьего внимания, и часто заплечные мастера клали кого-нибудь на колесо или отрубали чью-нибудь голову в присутствии двух-трех нищих старушенок да нескольких зевак-мальчишек. В царствование Анны Иоанновны одних знатных и богатых людей было лишено чести, достоинств, имений и жизни и сослано в ссылку более двадцати тысяч человек» [4, с. 387].

Таким образом, возвращались страшные времена Петра I, когда жизнь человеческая не стоила и алтына. Что распространялось и на наследников престола, когда отравители очень усиленно расчищали дорогу царю-антихристу:

«Удивительно умирали на Руси в XVII веке: цветущие юноши могли умереть от печали, царевич Федор — от цынги (это при царском-то питании), царевич Алексей — от недостаточно подвижного образа жизни...» [55, с. 361].

Но все это лишь жалкие отговорки:

«Федор был болезненным, но по заключениям иноземных врачей, смертельными недугами не страдал» [15, с. 360].

Но уж если и заграница выказывает свои сокрушения по поводу явно насильственной его смерти...

Да и сами мы на такую что-то уж слишком скоропостижную смерть не обратить внимания просто не могли. А потому:

«Среди стрельцов прямо говорили о его отравлении» [15, с. 360].

И вот какими словами ответила царевна Софья на избрание так называемым «гласом народа» в цари десятилетнего, еще ни читать, ни писать к тому времени не научившегося, на редкость тупого подростка, черного и страшного Петра. Которого оставившись за кадром силы избрали на царство вместо законного престолонаследника — шестнадцатилетнего писаного белокурого красавца Ивана:

«... знайте, православные, что брат наш царь Федор Алексеевич *отравлен* внезапно злыми людьми; пожалейте нас сирых: у нас нет ни батюшки, ни матушки, а братьев и родственников отнимают. Наш брат Иван старший, а его не избрали царем...» [136, с. 40].

Так кто же оплатил столь щедро этот «глас народа», который позволил вновь собравшейся после смутных времен у руля управления страной *боярщине* объявить вместо законного взрослого наследника столь на редкость тупого и злобного, явно не русской наружности мальчика?!

А спонсировались эти крикуны аккурат из самой Швейцарии, куда и отлучался периодически таинственно сказочно богатый обитатель Кукуевой слободы масон Лефорт.

Однако же, после чисто по-русски учиненной расправы (без пыточных и дознания) над родственниками Петра, стрельцы: «... провозгласили царем Иоанна Алексеевича, а царевну Софью — правительницею государства» [136, с. 41].

Но все примененные к возможным отравителям кары явились лишь полумерами, так как уже 26 мая боярская дума «... признала это избрание с тем, чтобы Иоанн Алексеевич, называясь первым

царем, соцарствовал с братом своим Петром Алексеевичем. 25 июня оба царя были венчаны на царство» [136, с. 41].

Почему?! Ведь это полностью противоречило обычаям того времени!

И это является очередным доказательством деятельности тайной организации, раскинувшей свои сети в московском Кремле. Ведь это двоецарствие так и осталось единственным исключением из общего правила наследования:

«Больше в России не было случая одновременного правления двух царей» [2, с. 147].

И такое случилось потому, что силы зла, даже под страхом физического своего уничтожения, от некогда задуманного гнусного злодейства лишь из-за временной своей неудачи отступать вовсе не собирались. Оплачивались же подобные весьма рискованные услуги, судя по результатам совещания боярской думы, весьма щедро, а потому высшие сановники и преступили отеческие законы, не моргнув и глазом, учредив никогда ранее на Руси не бывалое двоевластие. Так продажная верхушка вернула вспять смутные времена, усадив на трон своего третьего по счету самозванца. Но как же его соправитель на троне?

Он был объявлен каким-то уж особенно хворым. Потому скорая его смерть, не менее странная, чем и всех иных его родственников, естественно — мальчиков, никого к тому времени уже не удивила.

«От Милославской Алексей Михайлович имел пять сыновей и шесть дочерей: Евдокию, Марфу, Софью, Екатерину и Марию. Но мальчики как-то не жили в этой семье. Старшие сыновья Дмитрий и Алексей умерли при жизни родителей. В марте 1669 года умерла Марья Ильинична, за нею последовал царевич Симеон» [14, с. 20].

Четвертым покойником стал царь Федор, а пятым — царь Иван.

«До 1682 года у Петра не было ни единого шанса стать царем» [14, с. 22].

Но каменщики «работали» исправно. Потому наследник, являющийся в длинной череде братьев по старшинству лишь шестым, «... Петр I стал царем...» [14, с. 22].

И стал после более чем загадочных «ранних смертей нескольких своих родственников и вследствие этих смертей» [14, с. 22].

Итак, подытожим: пять странным образом слишком рано ушедших из жизни наследников престола — детей царя Алексея и двое не менее странно и даже еще в более раннем возрасте

ушедших из жизни незаконных наследника беззаконного царя Петра I и один его сын, замученный им самим же, Петр II и Иоанн Антонович, Петр III и Павел I, всего 12 ушедших из жизни венценосцев и наследников русского престола, из которых четверо были убиты слишком явно, чтобы их смерть можно было отнести за счет болезненности и хилого здоровья. И все это — подряд!

А мы еще удивляемся, почему это соправитель Петра Иоанн оказался вдруг таким безвольным! На его глазах неожиданно умирают все его братья, мать и отец.

Но ведь мать Ивана IV Елену Глинскую и всех жен нашего набожного Грозного для врагов царя отравили точно так же! И если доказательств отравления семейства Алексея Михайловича не имеется, и о завершении их жизнью насильственными мерами можно лишь догадываться, то в отношении семейства Иоанна Грозного такие доказательства есть. Во всех исследованных останках оболганного историками царя и его ближайших родственников обнаружены дозы отравляющих веществ, в десятки раз превышающие смертельную дозу. То есть обыкновенные дозы яда их не брали. И это понятно почему: в те времена, когда Русь именовалась Святой, высшее общество, в отличие от общества, сконструированного Петром, вело праведный образ жизни. Именно по этой причине в перечнях титулов наших князей часто встречается *святий* и *благочестивый*. А таким яд не страшен. О них сказано:

«И ЧТО СМЕРТНО ИСПИЮТ, НЕ ВРЕДИТ ИХ» [Мк. 16,18]

Потому отравителям, во времена Ивана Грозного, приходилось в свои жертвы вкачивать просто умопомрачительнейшее количество яда. Что и осталось зафиксировано в актах экспертизы их останков. В исследованных костях родственников Грозного Царя отравляющих веществ было обнаружено:

у великой княгини Елены Глинской, матери Ивана Грозного: ртути одна смертельная доза, мышьяка — 10;

у царицы Марии Нагой, жены Ивана Грозного: мышьяка одна смертельная доза, ртути — 15;

у великой княгини Софьи Палеолог, бабушки Ивана Грозного: мышьяка 3 смертельных дозы, ртути — 5;

у княгини Евфросиньи Старицкой, тетки Ивана Грозного: ртути две смертельные дозы, мышьяка — 160 [!];

у царевича Ивана, сын Ивана Грозного: мышьяка три смертельных дозы, ртути — 32;

у царицы Анастасии, первой жены Ивана Грозного: мышьяка 10 смертельных доз, ртути — три в костях и 120 (!) в волосах [63, с. 115].

Конечно же, для попыток оправдания применения данных отравляющих веществ для каких-то модных по тем временам лечений нет и малейшего основания. Ведь в этой же семейной гробнице в исследованных останках явно умершего от отравления Скопина-Шуйского смертельная доза была обнаружена самая обыкновенная. Ее вполне и хватило для нашего полководца, столь удачно начавшего военную кампанию. А вот какие дозы обнаружены в совсем еще маленьких детях:

Мария Старицкая (5–7 лет), троюродная племянница Ивана Грозного: ртути две смертельные дозы, мышьяка — 101 (!) [63, с. 115].

В саркофаге дочери Ивана Грозного, младенца Марии «... мышьяка найдено в 47 раз больше предельно допустимой нормы...» [63, с. 109].

Но ведь и количества ртути, обнаруженного в ее останках, оказалось выше предельно допустимого в пять раз!

Так что совсем не без оснований на повальную смертность в семействе Алексея Михайловича следует смотреть как на вполне закономерную травлю конкурентов на трон заинтересованных в воцарении Петра лиц. А потому становится вполне очевидным, что волю законного взрослого наследника, царевича Иоанна, сковал страх...

Однако ж и страх не избавил его от достаточно скоропостижной смерти, которая слишком подозрительно рано случилась и у всех прочих лиц мужского пола из его семейства.

С девочками же было совсем по-другому. Да, люто пытали Софью, что изошренно производил лично поднаторевший в данном вопросе ее якобы брат. И сестре ее, царевне Марфе, пришлось не сладко. Но Софья, несмотря на перенесенные ею нечеловеческие пытки и ужасающее содержание в застенке, когда трупы стрельцов целую зиму раскачивал ветер перед ее окнами, прожила до 1704 года, а царевна Марфа и до пожилого возраста. Значит, и миф о каком-то якобы чисто врожденном нездоровье умерших подряд стольких мальчиков так и останется мифом.

Усаженные же реформами Петра дамочки покутили на русском престоле весьма ощутимо. И по отношению к русскому человеку их политика ничем не была лучше предшествующей им петровской. В частности, при правлении самого свирепого из временщиков Бирона:

«... жестокости и вообще крутые меры, которыми отличалась эпоха царствования Анны Ивановны, не были исключительным свойством этой эпохи, не с ней начали они появляться в России, не с нею и прекратились. Правление Петра Великого ознаменовалось еще более жестокими, крутыми преследованиями всего противного высочайшей власти. Поступки князя Ромодановского в Преображенском приказе ничуть не мягче и не человечнее поступков Андрея Ивановича Ушакова в Тайной канцелярии» [51, с. 931].

Но если наструтанный Петром флот сгнил, фабрики развалились, наштампованные в неимовернейшем количестве книги, за неимением покупателя, преданы огню, то Тайная канцелярия полностью переместилась через царствования Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны в царствование Елизаветы и никуда не исчезла и после нее:

«Обыкновенно ставят в заслугу Елисавете Петровне уничтожение смертной казни и некоторое смягчающее движение в законодательстве относительно употребления пыток при расследованиях; но мы не видим тут смягчения нравов и проявления человеколюбия, потому что в рассматриваемую эпоху продолжались страшные пытки — рвание ноздрей, битье кнутом, урезанье языка и тяжелые ссылки, часто даже людей совершенно невинных. Народные массы не наслаждались довольством, спокойствием и безопасностью. Несомненным свидетельством этому служат разбойничьи шайки, препятствовавшие не только торговле и промыслам, но даже мирному состоянию обывателей, а крестьянские возмущения, постоянно требовавшие укрощения воинскими командами, разразились народными волнениями в близкое этому царствованию время императрицы Екатерины II» [51, с. 1016].

Так что все то же творилось и при Елизавете, когда сменились лишь исполнители. Оставленные же историками истории повествуют лишь о ее кутежах:

«Елисавета наследовала энергию своего великого отца, строила дворцы в 24 часа и в двое суток проезжала тогдашний путь от Москвы до Петербурга, исправно платя за каждую загнанную лошадь... Елисавета с 300 000 своей армией могла стать вершительницей европейских судеб; карта Европы лежала перед ней в ее распоряжении, но она так редко на нее заглядывала, что до конца жизни была уверена в возможности проехать в Англию сухим путем. Ленивая и капризная, пугавшаяся всякой серьезной мысли, питавшая отвращение ко всякому деловому занятию, Елисавета не могла войти в международные отношения тогдашней Европы и понять дипломатические хитросплетения своего канцлера Бестужева... Елисавета Петровна оставила после себя в гардеробе с лишком 15 000 платьев, два сундука шелковых чулок, кучу неоплаченных счетов и недостроенный, громадный Зимний дворец, поглотивший с 1755 по 1761 г. более 10 000 000 руб.» [136, с. 92].

А это, по нашим расчетам, два миллиона коров! И такое достояние она отняла у нашего обескровленного, разграбленного «преобразователем» народа, после чьей «славной» эпохи каждая как минимум вторая семья состояла из сирот! Таким образом, отобрав у каждой русской семьи по корове, эквивалент их стоимости она влепила только лишь в одну из своих никчемных каменных глыб...

Всех, понятно дело, удивляет все-таки вопрос: как она умудрилась все свое царствование пропутаться с фаворитами и при этом не иметь детей?

А она, как выясняется, их периодически и *имела*. Причем, еще в самом начале своей беспутной половой жизни: в момент смерти Петра III она даже не попыталась посягнуть на царский престол именно из-за своей очередной «промашки», судя по всему, с очередным своим ухажером. Ее ответ прибывшему к ней с известием о смерти царя Листоку, что и естественно, вознадевавшемуся своим верноподданническим действием возвести ее на престол, получив с того впоследствии хорошие дивиденды, был достаточно красноречив:

«— Куда же мне с таким брюхом?» [4, с. 372].

И тут мы не станем вдаваться в подробности: кто же ей его столь тогда безапелляционно *набил*.

А вот каким был в данном весьма щекотливом вопросе ее «послужной список»:

«Маркиз де ла Шатердиа знал — у цесаревны двое детей» [4, с. 435].

Этот маркиз, судя по всему, дальше своего носа вряд ли что и видел. Но близоруко пропущенное было куда как много пикантнее ставшего ему известным:

«Соотечественник его Дюкло в своих мемуарах заметит, что «Елизавету побудило вступить на престол только желание свободно предаваться удовольствиям...» (В скобках заметим, редактор русского перевода мемуаров к приведенным словам сделает свое примечание: «Елизавета имела 8 детей, из которых ни одного не признала и которых одна из ее фавориток, итальянка Жуана, приняла на свой счет».)» [4, с. 435–436].

Но не только наследственная необычайная похотливость отличала *подлость родословной* Елизаветы, дочери Петра, от среды принцесс европейского дома тех времен. Вот, например, какая из забав вскрывает через край бывшее в ней достойное самых низких людей удовольствие:

«Она любила потолкаться в девичьей, сама снаряжала прислугу к венцу и любила смотреть в дверную щелочку...» [4, с. 435–436].

Но все вышеприведенное вполне понятно: яблоко от яблоньки недалеко падает. Ведь у кого на свет появилась, тем и выросла:

«Родилась она вне брака. Едва немного подросла, ее сдали на руки француженке-гувернантке...

Елизавете не было и тринадцати, когда Петр, в торжественной обстановке, обрезал ей крылышки. Тогда, в те далекие годы, девочки знатных домов носили в качестве символа ангельской невинности маленькие белые крылышки на платьях. Государыня цесаревна «Елизавет Петровна» была объявлена совершеннолетней.

Она могла считать себя настоящей принцессой на выданье» [4, с. 436].

Уж как в свои 13 лет она это самое *считала* реализовывала история умалчивает.

Таковы «славные дела» дочери Петра, из всех тех времен правителей и правительниц самой вроде бы лояльной к русскому человеку.

Но даже такая «лояльность» каралась смертью. И когда Фридрих Великий, явно подкармливаемый для захвата власти

в Европе какими-то тайными источниками средств (его наемная армия доходила до 200 тыс. чел. [118, т. 8, с. 331]), русскими войсками был окончательно разгромлен:

«... неожиданная смерть императрицы Елизаветы расстроила ряды его противников» [153, с. 39].

Иными словами, очередной заговор, на этот раз уже совершенно явно масонский, убрал с трона победительницу и усадил на него наследника, королю Фридриху смотрящего буквально в рот.

И вот как развивались тогда события:

«Восточная Пруссия и большая часть Померании были прочно завоеваны русскими войсками. Еще 11 января 1758 года депутаты от всех жителей Кенигсберга во главе с бургомистром подали прошение об установлении русского протектората над всей Восточной Пруссией. Русские войска вступили в Кенигсберг с распушенными знаменами. Во всем городе гремели литавры и колокольный звон.

Население шпалерами стояло на улицах, приветствуя русские войска. В Кенигсберге стали строить русские церкви, больницы и школы, чеканили монету с изображением Елизаветы» [75, с. 544].

И только масонский заговор вернул Фридриху основную часть земель его королевства, оккупированную русскими войсками, победившими в этой войне.

Однако ж и сама Елизавета, на свою беду неожиданно ставшая поперек замыслов масонов, к власти, в свое время, пришла исключительно все за счет тех же сил, которые затем ее же и устранили:

«... участники переворота — Михаил Воронцов, Петр и Александр Шуваловы, Алексей Разумовский» [75, с. 202].

Двое из четырех, что прекрасно известно, масоны.

«... Елизавета Петровна, придя к власти, будет весьма благосклонна к масонскому братству, и многие из ее окружения, даже самые близкие, сольются с «братством»» [4, с. 438–439].

То есть, была необходима, ее и поставили. Но лишь перешла дорогу берлинским братьям, захватив, явно по неосведомленности, и самое их логово, так немедленно и была устранена.

Но и новый ставленник закулисы — калиф на час, отдавший завоеванную Россией Восточную Пруссию своему кумиру Фридриху обратно, долго не зажил: мавр сделал свое дело — мавр может и удалиться:

«Менее семи месяцев процарствовал вступивший на престол Петр III...» [136, с. 95].

И вновь устраивается очередной заговор, где масонская рука теперь, с переводом Гриневичем тайнописи князей Барятинских, не вызывает более и капли сомнения. А эта записка, составленная рукой посвященного в тайны древнего нашего языка масона, выглядит следующим образом:

«Мир иудейский... перероди нас, сирых!

Связь, надеюсь, в общем теперь деле икс целая и продолжающаяся нас призывает. Да жива община и плоть Иегова. Поднимайся, мир иудейский (!)! Устроившись, потом в плавни (Запорожье или на Дон) иди — места предков. Да поддержи (взбодри) трезубец в час икс...» [27, с. 136].

Тут налицо вскрыта расшифрованная Гриневичем переписка поддерживающих меж собой контакты масонов высшего посвящения. И истинная личина, спрятанная за «ожовто-блакитным», якобы националистическим, мазепинским колером шведских цветов знамени с изображением масонского трезубца, здесь так же высветила свою принадлежность к вражьи́м силам.

И вот каким боком этот символ, теперь красующийся в гербе унитарного государства Мазеп-Грушевских, относится к вероисповеданию Петра:

«После сооружения в Москве Сухаревой башни среди москвичей распространилась молва о поселившейся в ней нечистой силе. По ночам в окнах башни люди замечали странное мерцание огней. Говорили, что друг царя Франц Лефорт организовал в стенах башни общество из восьми человек, которые в угоду дьяволу занимались магией... и тем самым выпускали на волю всевозможные темные силы. К членам общества, получившего название *Нептунового*, причисляли и самого царя вместе с фаворитом Меншиковым. В нем же состоял и Яков Брюс. После смерти Лефорта Брюс возглавил магическое общество и прочно обосновался в Сухаревой башне» [79, с. 356].

А что держит в руках Нептун?

Потому этот символ и связывает вскрытую Гриневичем параллель: Петр (Яков Брюс, Лефорт и т. д.) — масонство — Петлюра (Мазепа, Шевченко и т. д.).

Между тем и сама Запорожская Сечь с бритыми наголо людьми, стоящими под трезубцем, столь странным образом связанными

еще и с Гришкой Отрепьевым и ему наследующим Вором, выглядит достаточно однозначно:

«*Сечь* = урина, моча животных [4 Цар 18,27]» [36, с. 594].

То есть эти самые «хохлы» место своих постоянных сборищ совершенно в открытую именуют *испражнениями*!

Тут, правда, называлась она вначале несколько по-другому:

«Запорожская Сича (т. е. засека. В 1568 году она уже не существовала)» [51, с. 496].

Но ведь именуется-то она теперь — Сечь, то есть *урина*. Так кто ж эту *урину* учредил?

«В пятидесятых годах XVI века Дмитрий Вишневецкий построил укрепление на острове Хортице и поместил там казаков» [51, с. 496].

Но ведь именно после посещения князя Острожского и днепровских казаков Адама Вишневецкого некогда отправился объявивший себя Дмитрием самозванец — Гришка Отрепьев. Так что здесь этот клубок масонских связей становится и еще более очевиден. Потому совершенно естественными выглядят и козни выступающего под таким же трезубцем покинувшего этот свет главного российского колдуна-чернокнижника:

«После смерти Якова Брюса стали разбирать его библиотеку в башне. Среди книг отыскивались «Философия мистика» на немецком языке, «Небо новое» на русском языке и некоторые другие, упорочившие за их владельцем славу чернокнижника. Но главную книгу Брюса найти не удалось... колдун замуровал ее в стенах башни и своими чарами навлек на башню стихийные силы...» [79, с. 356].

Яков Брюс скончался: «... в 1735 году на 66-м году жизни» [79, с. 356].

Анна Иоанновна:

«... повелела чернокнижника похоронить так, чтобы на все времена избавить землю от нечистой силы, а все его книги и снадобья сжечь» [79, с. 357].

И это не упущение Петра. Просто по тем самым стародавним временам женских масонских лож вообще не существовало. Потому правящая на тот день очередная дама столь удивительнейшим образом оказалась не в курсе потаенных петровских дел и его духовного руководителя — мастера ложи Нептуна Якова Брюса.

Между тем именно полная невозможность вступления женщин в масонские ложи и объясняет ту столь странную

вахханалию дамочек на троне в XVIIIв. Ведь ни одна из них, по тем временам, не имела права вступления в тайный орден, что полностью развязывало руки кукловодам, затеявшим у нас нестроения. И все это — вплоть до вступления на престол Николая I!

Именно тайный презубец чернокнижников являлся полным хозяином в нашей стране, что не осталось без последствий — в наше время коллеги чернокнижников вообще обнаглели, влепив свой тайный символ в герб изобретенного ими государства.

И.Л. Солоневич достаточно четко проводит параллель по части уже и изначально предательского к нам отношения всех этих рухо-бандеровцев. Вот как он объясняет столь странное наступление Карла на Москву через Малороссию:

«Военные историки считают этот поворот сумасбродством. Как знать? Поход на Москву обещал, в случае успеха, завоевание России — а для этого сорокатысячной армии было, очевидно, недостаточно. Результаты польской интервенции Карл, вероятно, помнил хорошо. Нужно было найти какие-то другие человеческие резервы. Откуда их взять? Я не знаю тех переговоров, которые вел Мазепа с Карлом, но на основании позднейшего опыта переговоров между украинскими самостийниками и германским генеральным штабом — их очень легко себе представить. Вот имеется украинский народ, угнетаемый проклятыми москвитами и только и ждущий сигнала для восстания во имя «вільной неньки України». Сигналом к восстанию будет появление Карла. Миллионные массы, пылающие ненавистью к москвитам, дадут Карлу и человеческие кадры и готовую вооруженную силу и даже готового военного вождя — Мазепу (впоследствии — Скоропадского, Петлюру, Коновальца, Кожевникова и прочих)» [126, с. 446].

Между тем Мазепа, что не любят вспоминать историки по обе стороны противостояния:

«... привел на помощь шведам не двадцать тысяч обещанных казаков, а всего две тысячи...» [43, с. 258–259].

Но смысл всех этих предательств, где Шевченками самостийничество возведено в ранг народного героизма, достаточно однозначен:

«Немногим малороссам известно, что по тайному договору с королем Станиславом и Карлом XII Малороссия, восставшая на Петра, предназначалась целиком Польше, а Мазепа

награждался княжеством полоцким и витебским. Стало быть, не о самостоятельности мечтал он, а о новом подчинении народа ненавистным ляхам» [69, с. 462–463].

И теперь, зная об организации, в которой состоял князь Барятинский, можно с легкостью угадать те силы, которые вслед за Петром усадили нам на шею еще одну такую же «великую»:

«... показалась приближавшаяся коляска, в которой сидели Григорий Орлов и князь *Барятинский*; последний уступил свое место Екатерине, и в седьмом часу утра она приехала прямо в Измайловский полк, где подготовленные солдаты, по бою барабана, выбежали на площадь и присягнули императрице» [136, с. 97].

Таким образом, Григорий Орлов стал ее явным фаворитом. Барятинский же свою роль в этом заговоре счел за лучшее не афишировать. Однако же и он, теперь уличенный Гриневичем в сопричастности к масонству, своей тайнописью вскрывает нам роль этой тайной организации во всех творящихся в России государственных переворотах того злополучного времени. Полученная им у Екатерины II должность подтверждает его причастность к заговору:

«... обер-гофмаршал князь Барятинский, вежливый, обходительный человек...» [105, с. 98]. Да уж, *обходительный*...

Но произведенная им попытка остаться в тени выводит на белый свет всю сущность грязных дел этой страшной организации, заставившей очередного впоследствии ими убитого нашего правителя, Павла I, самого вступить в масонство. Таким образом, очевидно, он хотел сохранить себе жизнь. Но вступление в организацию врага не избавило его от смерти — он стал *двенадцатым* в этом страшном списке русских царей, императоров и престолонаследников, *убитых подряд!*

Масоны на этом отнюдь не успокоились, о чем и свидетельствует ими продолженная травля русских царей и в XIX и в XX веке.

«В Москве, в глубине Лефортово, находится «уголок погибших дворцов»... На этом месте в 1753 году был построен загородный дом канцлера А. П. Бестужева-Рюмина... в конце двадцатых годов был перестроен архитектором Доминико Жилярди...

С улицы перед зданием были устроены каменные въездные ворота с прекрасными львами на них и узорная чугунная решетка.

И знатоки и любители московской старины до сих пор пытаются разгадать смысл и значение художественных образов

и геометрических фигур в литых из чугуна украшениях на ограде «Слободского» дворца. Им, например, непонятно, почему Д. Жилярди ввел в оформление *шестиконечную звезду*» [27, с. 140–141].

Однако именно такие же звезды были внесены этим архитектором и в иную, не менее знаменитую ограду — Московского университета, что указывает на явную приверженность Доминика Жилярди иудаизму.

Самый же жгучий интерес у специалистов и любителей вызывали надписи, считающиеся ими латинскими, которые на проверку оказались знаками праславянского письма. Гриневич перевел зашифрованную масоном Жилярди надпись на чугунной ограде масонского гнездовища Бестужева-Рюмина:

«Хасид Доминико Жилярди имеет в своей власти повара Николая I».

Закончив восстановительные работы над Слободским дворцом, в 1830 году Д. И. Жилярди выехал в Италию и жил там до самой смерти, долго и счастливо.

Николай I умер в 59 лет. Ходят легенды, что его отравили. И травил якобы тем же способом, что и Наполеона: маленькими дозами яда в течение многих лет» [27, с. 147].

Такова месть масонов за неудачу Декабрьского дворцового переворота. И не только за нее. Именно *хасид* Жилярди взял на себя его убийство. И вот почему:

«Николай I по отношению к российским евреям был весьма энергичен. Историки отмечают, что при нем была издана *половина* всех законодательных актов о евреях, совершенных от Алексея Михайловича и до смерти Александра II, притом государь сам вникал в это законодательство и руководил им (Еврейская Энциклопедия, т. II, с. 709)» [122, с. 103].

Но ведь куда как в более страшном «злодействе» «запятнал» себя убиенный масонами этот русский царь — в защите от басурманского засилья русского человека в Белоруссии:

«Стремясь заглушить в Белоруссии постоянное «кипение страстей», правительство Николая I провело некоторые крутые реформы. Так, в 1840 г. было отменено действие на белорусских землях Статута Великого княжества Литовского, которым пользовались здесь три с половиной столетия, стало обязательным делопроизводство на русском языке, закрывались местные [на польском или литовском языках — А. М.], а открывались русские начальные

школы и гимназии, на все административные должности назначались русские чиновники и т. д. В 1839 г. Полоцкий церковный собор принял продиктованное царем решение об объединении униатов и православных, из чего опять же вытекал целый ряд мер русификации, в первую голову крестьянства» [132, с. 118].

И это понятно почему: поляков, немцев или литовцев обращать в Православие никто не вознамеривался. Потому вернули в лоно Церкви лишь тех людей, которые, еще до ухода в латинскую ересь, были все же русскими. В том-то и заключалась эта пресловутая «русификация».

А вот и очередное его «преступление» перед кагалом:

«... при Александре I, высочайшем покровителе всей и всяческой мистики, министр духовных (!) дел князь Голицын был членом близкой к «хлыстам» и скопцам секты, известной как «корабль Екатерины Татариновой». Только Николай I разогнал всевозможные «корабли», «кружки», сектантские колонии и еретические общества» [15, с. 414].

Так что Николай I имел много прегрешений перед местечковым кагалом, за что и пострадал.

За ним последовал убитый еврейскими террористами царь-демократ Александр II, тем указав, что и демократией от революционеров откупиться невозможно.

Следующий за ним правитель, Александр III, демократию эту поизвел посылно, несколько поурезонив распоясавшуюся было крамолушку, для чего пришлось несколько отпихнуть от кормушки инородцев и иноверцев, приставленных к нам эпохами «великих». А потому насильственная смерть монарха в этом страшном списке вполне закономерна. Но это стало иметь видимость лишь теперь, когда явственно проявились контуры мотивировки его убийства врагами русского народа.

Однако и тогда эта смерть выглядела уж очень подозрительной:

«... славившийся огромною силою и крепким здоровьем, государь скончался неожиданно для всех...» [83, с. 51].

В пророчествах старца Илиодора Глинского, которые были известны еще в эпоху царствования Александра II, имеется описание явной предумышленности смерти вставшего на пути у революционеров монарха:

«... сей звезды дни таинственно были сокращены.

Се — звезда императора Александра III! — возвестил мне вещий голос» [83, с. 53].

А непревзойденные способности *таинственно сокращать* жизнь как раз и имеют масоны. И вот, в данном случае, за какие перед все той же сектой «прегрешения». Оказывается, что при Александре III:

«Закрывались костелы, в Польше [в Белоруссии — А. М.], униаты приводились в «лоно православия», подвергались жестокому гонению инородцы» [2, с. 173].

То есть состав партии отравителей, предоставленным нам нынешними шаманами от истории, раскрыт ими же самими теперь вполне конкретно. Это поляки, униаты и прочие инородцы. И над всеми над ними — масоны как руководящее звено.

И если учесть, что следующий русский царь был зверски убит ими же, то получится, что цепь убийств прошла практически беспрерывно со времени отравления царицы Марии Ильиничны Мирославской и до ритуального убийства семьи последнего русского царя — Николая II!

Сократились они и у Павла I, заигрывавшего с масонством, но затем попытавшегося от него избавиться. Здесь помог осуществить заговор его же наследник — родной сын Александр. Но и его от преждевременной кончины не избавили заигрывания с теми же силами. И вот за какие прегрешения он впал у этой тайной секты в немилость. Сначала его реформы приводят ко вполне желаемому масонами результату:

«В 1812 году по инициативе главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий А. Н. Голицына в России было организовано Библейское общество» [148, с. 223], которое:

«С 1820 г. ... начало работу по переводу книг Ветхого завета с еврейского оригинала. В начале 1822 г. был опубликован перевод книги Псалмов, в 1823–1825 гг. началось печатание русского перевода Пятикнижия. Деятельность Российского библейского общества вызывала резкую оппозицию... со стороны Синода православной церкви, опасавшегося, что перевод Ветхого завета на русский язык вызовет распространение ересей и будет способствовать росту влияния протестантизма и масонства. Уже в конце 1824 — начале 1825 г. отдельные тиражи Пятикнижия были сожжены на кирпичных заводах. **В ноябре**

1825 г. Александр I запретил выпуск в свет и использование уже подготовленных и напечатанных переводов» [148, с. 223].

А когда, интересно, он был убит?

«...19.11 (1.12). 1825, Таганрог...» [118, т. 1, с. 139].

То есть все в том же **ноябре** — сразу же после того, как вступил в противоречия с кагалом!

Кем убит?

«Александр I общался не только с христианами, но и с евреями и мусульманами. Однажды после обеда в одной из синагог он почувствовал себя плохо, и 1 декабря 1825 г. [19 ноября по старому стилю — *А. М.*] умер в страшнейших муках. Врачи установили, что он был отравлен известным медленно действующим ядом «Аква тофяна»» [31, с. 28].

То есть смерть от руки резников настигла его в тот же самый момент, когда он только лишь в самой малой, степени посмел послушаться стоящих за его спиной представителей кагала. И это после стольких лет неусыпной работы на него!

Так что **масонский след** виден невооруженным взглядом во всех **восемнадцати убиенных подряд наследниках и императорах Российской Империи!**

Сущность возведенной с помощью все тех же сил расхитительницы нашего государства, среди сорок-воровок натворившей более всех «дел», названной именно за это «Великой», также просматривается вполне определенно. После столь удачно ею произведенного масонского переворота сразу несколько групп царедворцев, возможно и не догадываясь, что готовят престол именно для нее, совершили очередную запланированную масонством акцию по отъему престола у очередного престолонаследника. А потому и получили за свои услуги достаточно немалый куш от приобретенного этой немкой, скроенного Петром антирусского государственного образования:

«... императрица не поскупилась на чины, деньги, ордена и государственных крестьян. Григорий Орлов — камергер, Алексей — майор в Преображенском полку, обоим — ордена Александра Невского. Кирилле Разумовскому, Никите Панину, князю Волконскому — пожизненные пенсии по пяти тысяч рублей...» [40, с. 40].

А расправлялись масоны со своими жертвами всегда одинаково беспощадно:

«... Екатерина выпихнула с престола мужа, которого тут же и придушили ее помощники» [40, с. 46].

Все эти масонские перевороты всегда были направлены в первую очередь против Православия. Их сближает тайна беззакония, которой они пытаются неукоснительно следовать всегда.

Поселянин по этому поводу замечает:

«К сожалению, не сразу после Петра стали возглавлять Россию наши императоры, которые были покровителями православной веры...» [92, с. 785].

Не являлись ей покровителями и выдвинутые в свое время Петром церковные иерархи. Среди них, в первую очередь, следует отметить:

«... Феофана Прокоповича, не скрывавшего своей склонности к лютеранству» [4, с. 314].

«Про него говорили, что он не признает церковных преданий и учения святых отцов, смеется над церковными обрядами, акафистами... хулит церковное пение... желает искоренения монашества» [4, с. 315].

Назначаемые же Екатериной II обер-прокуроры Св. Синода своими нововведениями пытались:

«... ослабить и сократить посты, уничтожить почитание икон и св. мощей, запретить ношение образов по домам, сократить церковные службы... отменить поминовение умерших, дозволить вступать в брак свыше трех раз и запретить причащать младенцев...» [92, с. 785].

С 1750 г. в Петербурге существует масонская: «*Ложка Скромности...*» [5, с. 146].

Которая, судя по всему, от излишней скромности не пострадала — обер-прокурором Св. Синода являлся ее мастер стула — масон Мелиссино! То есть стоящий во главе тайной секты сатанист фактически возглавлял нашу Русскую Соборную Апостольскую Церковь!

«И уже не потрясает нас сменивший Мелиссино на его посту П. Чебышев, любивший поразить собеседника фразой: «Да никакого Бога нет!...»¹.

Однако ж для Екатерины II — вороватой похотливой немки, оказавшейся с помощью все тех же масонов на русском троне, это было делом вполне обычным. Масоны сообщают

¹ «Русский дом» № 9, 2000, с. 39

о результатах ее бурной антирусской деятельности без обычного в таких случаях злорадства. Даже их настораживает:

«... насажденное руками просвещенной императрицы *«вольтерьянство»*, с необычной быстротой, подобно поветрию, охватившее собою широкие общественные круги» [5, с. 133].

От того времени, судя по всему, и досталась нам очень темная история о канонизации одного из подручных Петра — Дмитрия Ростовского. Такое могло стать возможным лишь при прокуратуре Св. Синода типа Мелиссино. И вот чем означилась отмеченным Екатериной при масонском перевороте «просветителем» Новиковым связь между ним самим, Мелиссино и Дмитрием Ростовским. Вот какими масонскими произведениями в повествовании масонов о масонах отмечается «просветительская деятельность Новикова и Шварца»:

«Знакомясь с теми изданиями отдельных книг, которые печатает Новиков в это время в своей типографии, мы находим в них... Дневные записки Дмитрия Ростовского... Новиков выпускал в свет такие книги, которые соответствовали новому пониманию им христианства...» [5, с. 194].

То есть именно такого рода *произведения*, которые согласовывались исключительно лишь с масонской доктриной, оставил нам в наследство этот пришелец с Запада, насаждавший театр в монастырях и обучение риторики и пиитики в церковных школах.

Но ведь и при лишении русского человека подобия образа Божия неизвестно кем объявленный святым этот самый Дмитрий тоже свою руку приложил:

«... Димитрий счел своей обязанностью написать рассуждение «Об образе божии и подобии в человеке», которое несколько раз печаталось по приказанию Петра» [124, с. 327].

То есть произведения впоследствии «канонизированного» масонами «святого» прекрасно помогали царю-антихристу в деле оболванивания своего народонаселения. Этот самый «с в я т о й» потому и перепечатывался Петром, что пел в унисон его идеям. Но и не только его — царя-антихриста, но и его последователям. Ведь Дмитрия Ростовского почему-то печатали всегда лишь самые крупные масоны: Петр Первый и Николай Новиков.

Потому и сам этот западного образца «святитель» указывает на ненужность в Русской Церкви патриаршества. Он ратует за переподчинение Русской Церкви оборотню:

«... святитель Дмитрий Ростовский прямо указывает на то, что православный царь есть живой образ Господа и предводитель воинствующей Церкви» [65, с. 219].

Ну, а если этим царем является сам антихрист?

Вот для него и истреблялась главная преграда — русское церковноначалие. Затем обезглавленной Церкви, следуя все тем же планам, надлежало пройти духовную переориентировку: поклонение Творцу заменить поклонением антихристу, пришедшему во имя свое.

Но если Петру добиться мирового трона так и не удалось, то работу по изничтожению Русской Веры продолжили «иптенцы», густо рассаженные в священном синоде, учрежденном им вместо патриаршества. И эти люди, назначаемые после смерти Петра временщиками и временщицами, к нашему Православию вообще не имели никакого отношения. Вот при каких обстоятельствах был канонизирован масонский протезе — Дмитрий Ростовский.

И если учесть, что сатанинское масонство и Русскую Церковь при Екатерине возглавлял один и тот же человек, то с этой «канонизацией» будет все ясно абсолютно так же, как и с уже нынешней канонизацией Томаса Мора — автора знаменитой «Утопии».

И теперь станет вовсе неудивительно, что масонская ложа **«Скромности»**: «... при мастере стула Мелиссино следовала его системе...» [5, с. 146].

То есть даже система поклонения Бафамету была лично его. Так что этот масонский шабаш на развалинах нашей державы, в свете вышеизложенного, теперь уже не кажется чем-то непонятным и непознанным, но указывает пальцем на «дела» сороки-воровки, именно за них провозглашенной «великой».

А вот как Екатерина забавлялась со своими липовыми священниками:

«Она заставила членов святейшего Синода посещать итальянскую оперу и в письме к Гримму так потешалась над монахами, которым волей-неволей пришлось насладиться «мирским» развлечением: «Святейший Синод был на вчерашнем представлении, и они хохотали до слез вместе с нами»» [105, с. 42].

Но это еще не был предел разгула святотатств:

«... огромная часть монастырских имений была роздана императрицей в дар ее фаворитам...

Закрылись при церквях и монастырях множество школ, больниц и богаделен... Эта реформа была в глазах народа

большим грехом, ибо на пожертвования в пользу церквей и монастырей, о чем было сказано выше, Церковь всегда смотрела как на посвященное Богу» [92, с. 786].

Поселянин приводит цифры ущерба, нанесенного Русской Церкви потомственным петровским протестантизмом, поддержанным его дел наследницей — Екатериной II. Он выражен следующими показателями:

«Из 954 раньше существовавших монастырей почерком пера было осуждено на уничтожение 754, осталось двести, лишь пятая часть русских монастырей!» [98, с. 108].

И не только сами монастыри:

«При Екатерине изымались имения, которые в основном отказывались монастырям по духовным, на помин души. По упразднению братии (было ликвидировано четыре пятых обителей) и сам помин души делался невозможным» [19, с. 413].

То есть не только кресты и церковные Ограды столь странным образом заинтересовали эту сороку-воровку, но и вообще все те пускай даже и мизерные суммы, которые истинно русский человек жертвовал на помин души.

Но не только на имущество, но и на сами наши кресты покусилась эта царевница, с легкостью переступившая через труп своего законного мужа. Даже древнейший в Новгороде храм, устроенный на месте несколько ранее воздвигнутого Владимиром капища Перуну, где ему приносились идольские жертвы, она приговорила к разрушению отнюдь не игрушечному:

«Много бедствий испытал храм истинного Бога, на урочище идольском Новгорода, удержался однако в качестве обителя до 1767 года, и тогда только упразднен... после упразднения первоначальной обители Перыньской, все ее принадлежности перенесены были в Юрьев...» [76, с. 234].

Так что «славные дела» царя-антихриста, полностью продублировавшего основу политики Лжедмитрия, были продолжены самозваной императрицей, с Русской Церковью расправлявшейся подобно своим в этом деле предшественникам. Однако ж данный момент, судя по всему, был не менее критическим, чем тот, когда Петр пожелал снести московские часовни. И русский человек, как и тогда, при царе-антихристе, дружно встал на защиту своих святынь:

«... начались сильные крестьянские волнения...» [96, с. 1427].

Вот где истоки пугачевщины! А нам все талдычили о каком-то таком революционном порыве масс. А бунт-то был, наоборот, — контрреволюционным!

«К [омиссия о духовных имениях] экономии вступила в 1763 г. в заведывание церковными вотчинами. Крестьяне противодействовали бунтами, посланным офицерам, и это побудило Ком. просить императрицу позволить усмирить крестьян...» [96, с. 1427].

И *позволение* это было испрошено весьма вовремя. Ведь на столь тотальный поворот борьбы против Православия даже Петр не отважился! И очень, между прочим, не без основания — он «смолоду пуган». А в его эпоху «дел» открыто выступить против Православия еще было невозможно, так как его 80-тысячного аника-воинства, чтобы усмирить народ, который уничтожит потом 600-тысячное войско петровского коллеги по масонской части — Наполеона Бонапарта, было явно недостаточно. Петр это прекрасно понимал, а потому осторожничал. И кишка у этого самого Бонапарта для тотального уничтожения русского человека открытой военной интервенцией оказалась слабовата против людей, которые не снарядами да пулями супротивничали императору от братства Луксор, но которые лишь топором да вилами по ночам безнаказанно вспарывали животы вооруженных до зубов иноземных солдат (по тысяче в ночь). То есть практически голыми руками удушили в десяток раз большее количество комиссаров, на этот раз Конвента, вторгшихся в составе безбожных революционных колонн под все тем же антихристовым красным знаменем!

Так что «преобразователю» можно было гадить лишь исподтишка, враньем заманивая доверчивых мужичков в свои эпохальные лагеря смерти, втихомолочку вытравливая на корню эту столь упрямую и совершенно неподкупную нацию.

Главной же его заслугой в данном вопросе являлось изобретение системы, по которой русский человек обязан быть вытравлен просто под корень. И это ему частично удалось. Ведь еще к началу царствования Екатерины II в письме к И. И. Шувалову:

«Ломоносов рассматривает причины *убыли* населения...» [75, с. 513].

То есть русское население России, уже после смерти Петра, в период временщиков, все так пока и продолжало сокращаться.

Но для осуществления планов масонской закулисы этого все еще было недостаточно: остававшееся пока еще в живых обобщранное непосильными налогами русское крестьянство требовалось расцерковать.

А ведь для продолжения «дел» «преобразователя» по борьбе с Русской Церковью Екатерина получила в наследство уже целые полчища сработанных Петром иждивенцев-захребетников. Да и армия теперь изрядно возросла, и офицерство в ней промасонилось к тому времени так, что уже вполне можно было начинать новый виток борьбы с русским народом.

Закрепить за собою поддержку дворянства Екатерине позволили реформы свергнутого ею мужа. Манифест Петра III о вольности дворянства сильно увеличил приток иностранцев в нашу страну:

«Дворянство не побоялось презрения верноподданных и толпами стало уходить в отставку. Полки потеряли сотни офицеров, и на прежние места без особого выбора брали иностранцев, благо ехали они в Россию на большое жалованье охотно» [40, с. 31].

Потому количество преданных Екатерине людей резко увеличилось: иноземцам предоставлялась возможность в качестве наемных ландскнехтов иметь в чужом государстве права, превышающие права этой страны природных подданных. Так что лагерь ее сторонников увеличивался вдвое.

Однако ж и она, после начала пугачевщины, все ж перепугалась преизрядно. А потому, вместо начала карательных операций против народа, прекрасно понимая полную бесперспективность против него религиозной войны, предприняла беспроектный вариант:

«... усмирить крестьян другими мерами и согласиться платить в казну оброк в 1,5 рубля с души... И К [омиссия о духовных имениях] отдала земли крестьянам, взяв с них за это 1,5 р. откуп с души» [96, с. 1427–1428].

Таковыми вот подачками ей удалось ликвидировать опасность взрыва пугачевщины в коренных русских областях. Народ вновь обманули, пообещав, что собираемые таким образом деньги будут использованы на нужды монастырей, чье имущество отныне переходит в казну.

Но не всех эти заверения устроили. Самый резкий протест по поводу уничтожения в 1764 г. 4/5 русских монастырей выразил митрополит Ростовский Арсений (Мацевич):

«... распоряжение возмутило Арсения, всегда зорко охранявшего права Церкви...

Как известно, дело кончилось тем, что все вотчины монастырские... отобраны в казну... Множество обителей, среди них и древние, хранившие мощи своих основателей, — упразднены. А монастырские земли розданы громадными подарками, большею частью любимцам Екатерины.

...как очень умный человек он понимал, что его горячие речи, резкие отзывы по этому поводу не изменят прискорбного совершившегося распоряжения. Но он считал своим неременным долгом, хотя и без надежды, ратовать за правду и, ценою собственной участи, стоять до конца за интересы Церкви...

В пылу негодования Арсений подавал в Св. Синод один протест за другим против отнятия у монастырей вотчин и вмешательства светских людей в духовные дела...

В Неделю Православия, когда предаются анафеме враги Церкви, он к обычному чиноположению прибавил «анафему обидчикам церквей и монастырей».

Обо всех этих поступках и отзывах ростовского митрополита было доводимо до сведения Екатерины...

Было назначено в Синоде расследование...» [98, с. 116–118].

Многими чудесами прославлен долгий мученический путь его на Голгофу — в казематы Ревельской темницы, где и принял смерть в заточении стойко ополчившийся против указов об уничтожении церковной собственности русский (малоросский) борец с силами тьмы. И своим мученическим венцом он уже и при жизни предопределил суровое наказание врагам своего Отечества, посчитавшим себя победителями:

«Дмитрию Сеченову он предсказал, что тот задохнется собственным языком; Амвросию Зертис-Каменскому — смерть от руки мясника: «тебя аки вола убьют»; епископу Псковскому Гедeonу: «ты не увидишь своей епархии».

Замечательно, что слова Арсения сбылись в точности над его судьями.

Митрополит Новгородский Дмитрий... умер в ужасных страданиях: действительно, его задушила страшная опухоль языка. Архиепископ московский Амвросий убит во время московской чумы взбунтовавшимся народом... Епископ Псковский Гедeon, вскоре после осуждения Арсения, был удален

по высочайшему повелению в свою епархию и умер по дороге, не доехав до Пскова» [98, с. 120].

Так показал Бог ту кару, которую уготовил уже в сей жизни всем врагам Православия за кошунственное надругательство над русскими святынями. И о каре, постигшей изменников русской веры, знали все, а потому и шли русские люди поклониться находящемуся в заточении борцу за наши древние устои:

«Но распоряжения из Петербурга не могли никому внушить в монастыре, что Арсений — ссыльный преступник, а не митрополит, страдающий за защиту интересов Церкви, не мученик за правду...» [98, с. 121].

Но не только святым провидцем видел русский люд ссыльного митрополита, но и ревнивым оберегателем наших святынь от протянутых к ним грязных рук гонителей Православия. А потому к нему были предприняты новые гонения. Однако любопытство пересилило:

«Екатерина была в Москве, когда через нее провозили Арсения, и государыня пожелала видеть этого человека, ею с какою-то болезненной страстью ненавидимого.

Устроили так, что Арсения провозили садом Головинского дворца и сделали там остановку.

Арсений сидел на лавке и дремал, склонив голову на грудь, когда императрица подошла к нему и пристально на него посмотрела.

Арсений не поднял глаз.

Однако же — новый случай его прозорливости — произнес какие-то слова. Императрица зажала уши и быстро отошла от него.

В Тайной Канцелярии его допрашивали; быть может, пытали...

Коменданту Ревельскому Тизенгаузену императрица писала: «У вас в крепкой клетке есть важная птичка. Береги, чтоб не улетела! Надеюсь, что не подведете себя под большой ответ. Народ очень почитает его исстари и привык считать святым, а он больше ничего, как превеликий плут и лицемер».

Содержать Арсения велено было под строжайшим наблюдением, офицерам и солдатам запрещено было с ним говорить. Можно предполагать, что ему надевали на рот заклепку...

По приезде в Ревель, Арсений сделался болен. К нему послан был доктор, причем с доктора была взята подписка, что, под страхом смертной казни, он не будет спрашивать у больного

об его имени или звании и до конца жизни не станет говорить о том, даже *минами*» [98, с. 123].

Много ранее Екатерина, еще при вступлении на престол, даже на свою коронацию побоялась пригласить Арсения. Она почему-то боялась его всегда — еще задолго до предсказанных им ей страшных обличительных пророчеств:

«... в отношениях этих можно найти какой-то необъяснимый, точно мистический страх Екатерины пред Арсением. Она боялась его и принимала чрезвычайные по отношению к наблюдением за ним меры и тогда, когда он, старый, больной, с налагавшей невольное молчание заклепкой на устах, был заживо погребен в каземате, или, вернее сказать, каменном мешке» [98] (с. 114).

Что так ревниво в лице русского прорицателя Арсения оберегала от огласки Екатерина, прозванная за что-то «Великой»?

Вероятно, то самое «что-то», вследствие которого она приняла именно им предсказанную лютую позорную смерть.

Однако же не менее позорно выглядела и ее жизнь:

«Герцен писал о Екатерине:

«Со всяким днем пудра и блески, румяна и мишура, Вольтер, Наказ и прочие драпи, покрывавшие матушку-императрицу, падают больше и больше, и седая развратница является в своем дворце «вольного обращения» в истинном виде. Между «фонариком» и Эрмитажем разыгрывались сцены, достойные Шекспира, Тацита и Баркова. Двор — Россия жила тогда двором — был постоянно разделен на партии, без мысли, без государственных людей во главе, без плана. У каждой партии вместо знамени гвардейский гладиатор, которого седые министры, сенаторы и полководцы толкают в опозоренную постель, прикрытую порфиroy Мономаха. Потемкин, Орловы, Панин — каждый имеет запас кандидатов, за ними посылают в случае надобности курьеров в действующую армию. Особая статс-дама испытывает их. Удостоенного водворяют во дворец (в комнатах предшественника, которому дают отступной тысяч пять крестьян в крепость), покрывают брильянтами (пуговицы Ланского стоили 8 тысяч серебром), звездами, лентами, и сама императрица везет его показывать в оперу; публика, предупрежденная, ломится в театр и втридорога платит, чтобы посмотреть нового наложника»» [40, с. 158].

Самодержавие

Нам, русским людям, прирожденным государственнымникам, никакого «велосипеда» для созидания монархической державы изобретать не требуется. У нас он давно имеется. Это тот тип государственного устройства, который вывел нашу страну из глубочайшего кризиса еще четырехсотлетней давности.

Сегодня такое же безвластие, какое было в те столь далекие по времени и такие близкие по существу сложившихся проблем Смутные времена XVIIв.

Тогда страну от лютейшего окончательного разорения, подобного сегодняшнему, спасла отнюдь не нами придуманная (очень похоже, что существовавшая еще чуть ли ни с самого дня сотворения мира) система государственного устройства.

А ею, нет в том и малейшего сомнения, является именно та самая народная власть, которая называется: РУССКАЯ МОНАРХИЯ.

И именно Православное Царство, представляющее собой настоящее народовластие, являлось тем макетом общезжития, который отвечал ментальности лишь одного типа человека — русского.

«На Любечском съезде князья клянутся «всею Землею Русской»... Даниил паломник, пробравшись в Иерусалим, возжигает на Гробе Господнем лампаду «за всех христиан Земли Русской». Иначе говоря, у самих истоков русского государственного строительства идея национального единства — но не расового — возникает как-то сразу, как Афина Паллада из головы Зевса: в полном вооружении. Это есть основной факт всей нашей истории, — ее основная идея. И именно этой идеи Русь *не могла* заимствовать от Византии, по той простой причине, что — такой идеи в Византии в заводе *не было*» [126, с. 251].

Византия никогда не являлась не только мононациональным государством, но и никогда не была настоящим монархическим государством. Ведь сама идея монархии уже изначально основана на наследовании, но:

«Из ста девяти византийских императоров своей смертью умерли только тридцать пять: остальные *семьдесят четыре были убиты*» [126, с. 252].

Такова же была и их церковь, которая уже изначально православной могла быть, в лучшем случае, только лишь по своему названию, так как она не брезговала даже освящением царевубийств:

«... патриарх Полуевкт, коронуя царевубийцу Цхимиския, провозгласил новый догмат: таинство помазания на царство смывает все грехи, в том числе и грех царевубийства: «победителей не судят»» [126, с. 253].

Таковы их нравы. И никогда у них не было, да и быть не могло, настоящей монархии: ни в самой Византии, ни в Риме, ни вообще где-либо из государств Западной Европы, называющих себя христианскими. И те случайно произошедшие Исключения, которые оставили по себе столь неизгладимый след в памяти народной, являются лишь фрагментами, когда ими были восприняты элементы именно нашей культуры, а уж никак не наоборот.

И в альтернативу их нравам:

«... у нас за все время нашего государственного существования не было *ни одного* случая официального свержения династии» [126, с. 253].

А ведь законное престолонаследие является полным доказательством исключительно лишь к нам относящейся традиции государственного строительства! Точно так же, как и пост, без которого Православие немыслимо, и государственное строительство без законности наследования не может не быть беззаконным. А потому:

«... была ли в Византии монархия вообще? Основной, самый основной юридический признак монархии — это законное наследование престола» [126, с. 252].

Но почему безграмотная, злобная, раскроенная извечно на феодальные лоскутки Европа в неспособности государственного строительства обвиняла всегда именно нас — тех, которые лишь одни и были на него всегда не только способны, но всегда и жили в таком государстве?

«Русскую государственную одаренность Европе нужно отрицать всегда во что бы то ни стало, вопреки самым очевидным фактам истории, вопреки самым общепринятым законам логики. Ибо, если признать успех наших методов действия, то надо будет произнести суд над самим собой. Нужно будет вслед за нашими славянофилами, а потом и за Шпенглером и Шубартом сказать, что Западная Европа гибнет, что ее

государственные пути — начиная от завоевания Рима и кончая Второй мировой войной, как начались средневековьем, так и кончаются средневековьем, и что, следовательно, данный психический материал ни для какой имперской стройки не пригоден по самому его существу.

...попытки пятнадцати веков кончаются ныне возвратом к методам вандалов, лангобардов и франков» [126, с. 273].

«Банальная точка зрения утверждает, что с феодализмом покончил порох... Это неверно исторически: феодализм надолго пережил изобретение пороха... дух разбоев на больших дорогах страны перешел к разбоям на больших дорогах мира... немцы двадцатого века действуют так же, как и немцы четвертого — в Риме, двенадцатого — в Византии, тринадцатого и пятнадцатого в Литве и Латвии... в психологии народа не изменилось ничего» [126, с. 280].

И для наиболее удобного надувательства этих немцев, строящих для защиты от собственных соседей башни и не могущих никогда меж собою по-человечески договориться, был изобретен парламентаризм. Этот вид «народовластия» обычно сводился к тому, что шумная ватага «народных избранников» принимала лишь то решение, которое заказывал ей ловкий закулисный делец, делающий баснословные деньги на этой самой *политике*. Стоит лишь припомнить кем-то планируемые и только простому обывателю неожиданные падения курса рубля в десятки раз. Ведь именно тогда очередной резкий виток, опустошая банковские счета рядовых граждан, перекладывал все ими прикопленное имущество в карманы «делающих политику» дельцов. И тут стоило уж слишком серьезно закрыть глаза и заткнуть уши, чтобы попытаться не понять той элементарной истины, что случившееся кукловодами было разработано заранее и четко исполнено согласно намеченному плану.

Именно масонами было спровоцировано как восшествие на трон Петра I, так и оставленное им наследие дел в виде бесконечной череды дворцовых переворотов. И главным злом, которое он принес России, было лишение ее некогда установленного порядка наследования трона.

Но все точки над I обычно расставляет смерть. Какова она была у Петра?

«В сентябре 1724 года диагноз болезни выяснился окончательно: это был песок в моче, осложненный возвратом плохо вылеченного венерического заболевания...» [16, с. 585].

А что здесь удивительного? Его бесчисленные пирушки всегда заканчивались одним и тем же! Потому в столь вольной в данных вопросах Франции на него смотрели как на сумасшедшего. Там, по всей видимости, в те времена всю свирепствовал сифилис. Потому садомитские извращения Петра привели его ко вполне закономерному для такого образа жизни заболеванию, от которого и наступила его скоропостижная кончина. И именно по этой причине наш «преобразователь» так и не успел завершить все им намечаемые «славные дела».

Но постыдное заболевание Петра, о котором историк Валишевский весьма скромно пожелал умолчать, всем прекрасно известно, и никаких особых тайн из него уже давно никто не делает. Приведем лишь несколько из них, где в раскрытие особого колорита личности Петра вносятся отличающие его качества:

««... пьяница и развратник... палач и сыноубийца... этот сифилитик и педераст...» (Василевский, 1923)» [46, с. 205].

««Человек ненормальный, всегда пьяный, сифилитик, неврастеник, страдавший психастеническими припадками тоски и буйства, своими руками задушивший сына... Маньяк. Трус» (Пильняк, 1919)» [46, с. 208].

««... этот сифилитик и педераст... которого Лев Толстой, не очень деликатно, но не без серьезных оснований, называл «беснующимся пьяным, сгнившим от сифилиса зверем...»» (Василевский, 1923)» [46, с. 205].

««... больше всего любивший дебош, женившийся на проститутке, наложнице Меншикова... Тело было огромным, нечистым, очень потливым, нескладным, косолапым, тонконогим, проеденным алко-голем, табаком и сифилисом...» (Солоневич, 1940-е)» [46, с. 211].

««С годами на круглом, красном, бабьем лице обвисли щеки, одрябли красные губы, свисли красные — в сифилисе — веки, не закрывались плотно; и из-за них глядели безумные, пьяные, дикие... глаза... — Петр не понимал, когда душил своего сына. Тридцать лет воевал — играл — в безумную войну — только потому, что подросли потешные...» (Пильняк, 1919)» [46, с. 209].

««Пьяный сифилитик Петр со своими шутами...» (Лев Толстой, 1890-е)» [46, с. 211].

Интересен и тот факт, что имя и фамилия возведенной им на трон прошедшей через множество солдат, офицеров и генералов девки, его пассии, ненадолго принявшей наследование его делами, так до сих пор продолжают оставаться неизвестными. Екатерина — это всего лишь прозвище блудницы, коронованной Петром:

«После взятия Мариенбурга Екатерина служила развлечением для русских войск, участвовавших в походе на Ливонию. Сначала она была любовницей одного младшего офицера, который ее бил; затем перешла к самому главнокомандующему, которому скоро надоела. Остается совершенно невыясненным, каким образом она попала в дом Меншикова... Несомненно то, что сначала Екатерина занимала в доме своего нового покровителя довольно низкое положение. В марте 1706 года, приказывая сестре Анне к двум девицам Арсеньевым приехать к нему в Витебск на праздник... Меншиков предвидит, что они могут послушаться его, побоявшись плохих дорог; в таком случае он просит прислать ему хоть Катерину Трубачеву и двух других девок» [16, с. 275–276].

Вообще же обмен любовницами между Петром и его братом по вольнокаменщицкому ордену Меншиковым (а так же садомитским партнером) являлся делом обыденным: «Она бывала поочередно то с царем, то с фаворитом...» [16, с. 277].

Но и не только с ними, но и с «... интимным другом Виллимом Монсом...» [4, с. 172].

Причем, уже и после своего видимого замужества. А когда *интимность* этого *друга* оказалась слишком явно обнаруженной, тогда и пришел конец этой длительной связи, слишком долго в упор «не замечаемой» Петром. Но он в упор «не замечал» таких ее связей достаточно давно:

«Число мимолетных увлечений Екатерины приближается к двум «десяткам. Из будущих членов Верховного тайного совета не воспользовались ее милостями разве что только патологически осторожный Остерман да Дмитрий Голицын, продолжавший смотреть на «матушку-царицу» с высокомерным отвращением» [14, с. 308].

И вот до какой степени Петр был не уверен в своей собственной причастности к рождению появившихся у Екатерины Трубачевой дочерей:

«Казнив Монса, в пылу гнева царь готов был убить и дочерей...» [4, с. 441].

Но со скоропостижной кончиной неудачливого любовника, ретиво исполненной Петром, горячность столько лет обманываемого супруга быстро сошла на нет. Ведь в их среде измена являлась делом слишком обычным и слишком естественным, чтобы на нее вообще можно было обращать какое-либо внимание. Да никто, судя по всему, и не обращал. Потому остается все же не выясненной причина, по которой Петр так странно вдруг взбеленился именно в случае с несчастным Монсом.

А вот что происходило в самом еще начале карьеры будущей императрицы:

«Все время Екатерина оставалась любовницей незаметной и услужливой и не решалась протестовать, когда Петр заводил себе других... Она даже не прочь была заняться сводничеством, стараясь извинять недостатки своих соперниц и даже их измены и вознаграждая за непостоянство их настроений.

Как и когда окончательно пришел Петр к, по-видимому, неосуществимому, безумному и необыкновенному решению сделать из этой девки более или менее законную жену и императрицу?» [16, с. 277–278].

А вот когда: «7 мая 1724 года» [51, с. 760].

В этот день:

«... совершилось в московском Успенском соборе... коронование государыни... Событие было новое для России: до сих пор ни одна из русских цариц не удостоилась такой публичной чести, кроме Марины Мнишек, о которой в памяти народной осталось неотрадное воспоминание» (там же).

То есть даже по части коронации беззаконным царем беззаконной супруги присвоивший себе титул императора Петр полностью копирует Лжедмитрия. Но и здесь просматривается любовь Петра к кошунствам. Ведь он женится на девице:

«... крестным отцом которой при перекрещивании в православие был его сын Алексей (потому она и стала «Алексеевнкой»). И получилось, что женится-то он не только на публичной девке, но еще и на своей духовной внучке...» [14, с. 175].

Так что и здесь без кошунства не обошлось. Таким образом, Петр и здесь собрал полный пучок просто апокалипсических кошунств — усадил на трон русских царей публичную девку, «... взятую «на шпагу» в захваченной крепости, валянную под телегами пьяной солдатней» [14, с. 298].

Которая поэтапно, за какие-то ею используемые особые приемы для удовлетворения обслуживаемых клиентов, переходила «по наследству», что называется, из рук в руки. Пройдя через просто никем необозримую массу петровского мародерствующего воинства:

«Молодая и красивая, она приглянулась генералу Боуру, но ее тут же у него отобрал граф Шереметьев. Вскоре Марта понравилась Меншикову...» [43, с. 274].

Дальнейшее более или менее известно. В конце концов, пройдя через эти самые эскадроны «гусар летучих», она обосновалась в спальне у императора и стала императрицей.

Однако ж не в коня корм. Ведь даже звание императрицы пассиву Петра из грязи не вывело в князи: после смерти своего кровосмесительного мужа-дедушки мы вновь- видим эту девицу, в прошлом более чем легкого поведения, уже теперь престарелую, за своим излюбленным занятием, убеждаясь лишней раз в том, что деньги и положение в обществе таких людей не меняют нисколько:

«... после смерти Петра... властно пробудились столь долго подавляемые инстинкты: грубая чувственность, любовь к самому обыкновенному разврату, низменные наклонности... Она, так много сделавшая, чтобы удерживать мужа от ночных оргий, теперь сама вводит их в обычай, пьянствуя до девяти часов утра со своими случайными любовниками: Левенвальдом, Девьером, графом Сапегой...» [16, с. 300–301].

«Секретарь саксонского посланника Френсдорф сообщал в те дни своему королю:

«Она вечно пьяна, вечно покачивается...»

Меншиков, входя утром в спальню своей правительницы, всякий раз спрашивал:

— Ну, Ваше Величество, что пьем мы сегодня?» [4] (с. 222).

Однако ж историю о «Великих» пишут масоны. А потому мы их читаем и удивляемся. Карамзин:

«Путь образования или просвещения один для народов; все они идут им вслед друг за другом» [46, с. 72].

Совершенно верно: просвещенные светом Люцифера целые народы идут широкой поступью в ад. Однако этот монарх, попытавшийся и нас ко всем иным народам на их ведущую в ад

утоптанную широкую дорогу переориентировать, нашел себе вполне достойную пассивность:

«... Екатерина I была безграмотна» [2, с. 153]. То есть сага о некоей просветительской деятельности Петра I, выдвинутая масоном Карамзиным, выглядит просто вопиюще неубедительно: ведь избранная этим неким таким «просветителем» на царствование женщина была безграмотна! Причем, даже после двух десятилетий жизни при дворе, даже в звании императрицы, она так и оставалась таковой до самой своей кончины.

Тоже, Между тем, следует сказать и о его фаворите — самой центральной при его дворе фигуре. Партнером по однополуму сексу Петра являлся:

«... совершенно неграмотный Меншиков, с трудом изображавший собственную подпись...» [14, с. 237].

Так чем же этот и сам, до определенной поры, безграмотный монарх просветил нас, если его ближайшее окружение было не знакомом с искусством «пряжи из Лецкан» — искусством письма?!

Просветил он страну, судя по всему, светом много иного плана: светом Люцифера. Вот такого рода *свет* Петр I и притащил к нам из-за границы!

И теперь, после подведения итогов деятельности царя-антихриста, злобные бессвязные выкрики Карамзина приобретают особый колорит:

«Иностранцы были умнее русских: итак, надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами...» [46, с. 72].

А в особенности — алхимическими. Ведь именно они лежат в основе той самой тайной организации, которая практически напрямую подчиняла российского историка Карамзина самому лютому ненавистнику России — прусскому королю Фридриху Вильгельму II (Подробно см.: «Противостояние. Три нашествия»).

Но русские люди являлись единственными из народов, упрямо не желающими выходить со всеми иными на давно наезженную ими колею: они слишком хорошо знали — куда она ведет...

А потому Карамзин считает, что:

«Надлежало, так сказать, свернуть голову закоренелому русскому упрямству...» [46, с. 72].

И Наполеон хотел того же, а за ним еще и Адольф Гитлер пытался... А «вожди народов»? Всех не согласных убивали

всеми имеющимися средствами в массовом порядке. И все так же, по-карамзински, хотели нас сделать «способными учиться и перенимать» [46, с. 73].

То есть пытались превратить в себе подобных неандертальцев, не брезгующих пошиванием плащиков из кожи, снятой с голлов своих врагов.

И вот до каких пределов ненависти ко всему русскому доходят откровения этого русофоба, поставленного братьями по ордену во главу русской истории:

««... для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для Русских, и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!.. Россия без Петра не могла бы прославиться» (Карамзин, 1790)» [46, с. 73].

И такое даже как-то странно слышать — ведь этот якобы русский историк русских людей и за людей-то не считает! И все эти бессвязные злобные русофобские выкрики принадлежат не Льву Троцкому (Бронштейну) и не Емельяну Ярославскому (Губельману). Ведь это же автор так называемой «Истории государства Российского»!

Вот такая вот получается история...

Однако ж мы, по своему вопиющему и в этом вопросе неведению, всегда считали национальность нашей барчуковой прослойки, Петром усаженной нам на шею, почему-то исключительно чисто отечественного происхождения. Однако же, как теперь выясняется, она состояла из кого угодно: немцев, поляков, хананеев, даже калмыков, но только не из природных жителей нашей страны — русских. Флагман же навешанных на нас исторических бредней чужебесия не является в этом длинном ряду чем-то из ряда вон выходящим. Как и весь пришлый элемент, рассаженный на нашем теле Петром и его «птенцами»: «... историк Николай Карамзин так же мог похвастаться своим *татарским* происхождением» [107, с. 111].

То есть, что уже и вообще в ворота никакие не лезет, флагманом русской истории являлся человек, не имеющий к нации, о которой сочинял историю, вообще никакого отношения! Мало того, принадлежал своими корнями к народу, имеющему все

основания ненавидеть своих в недавнем прошлом данников и рабов, а теперь господ.

А вот что мы узнаем о его послужном списке в качестве военнообязанного мужчины в рядах русской армии. То есть армии страны, чья история находится в полной зависимости от прихоти мановения его пера:

«Посчитав, что уже отдал долг Родине, Карамзин в 18 лет (!) вышел в отставку с государственной службы и сошелся с масонами» [65, с. 13].

У нас, вообще-то, в 18 лет отказаться от службы в армии считается дезертирством, которое карается законом. Но Карамзин, что теперь выясняется, русским-то вовсе не является. Потому это ему следует все же простить. Однако ж стоит ли прощать его тайную и явную деятельность на стороне организации, всегда стоящей против интересов России? Между тем Карамзин и К^о так перекрутили в наших головах все исторические понятия с ног на голову, что о столь необычном взлете сифилитика Петра, «... подонка и сыноубийцы, возвеличенного в качестве умственного и духовного гиганта» [14, с. 296], после ознакомления с достаточно старательно кем-то упрятанными фактами его биографии, слышать о его бутафорских каких-то там заслугах становится и действительно — все более и более удивительно.

Потому: «... нельзя не отдать Петру Алексеевичу полной дани уважения: не многим удастся так ловко подкупить в свою пользу суд истории» (Писарев, 1862) [46, с. 184].

Тут хотелось бы уточнить: не у многих в спонсорах бывает эмиссар мирового капитала, распоряжающийся для подкупа должностных лиц баснословными сокровищами тамплиеров, хранящимися на счетах швейцарских банков.

Когда Пушкин вознамеривался собрать материал о Петре I, то В. Н. Ягужинская, чьими материалами он хотел воспользоваться, отказала ему в очень резких формах, присовокупив при том:

«Моя бедная свекровь умерла в Сибири с вырезанным языком и высеченная кнутом, а я хочу спокойно умереть в своей постели в Сафарине» [16, с. 53].

Вот что, как теперь выясняется, наиболее весомо способствовало сокрытию правды о Петре. Даже сто лет спустя люди прекрасно понимали, что их может ждать за утечку достоверной информации о царе-антихристе.

Сифилис же не только вносит особый колорит в обвешанную регалиями фигуру, но и роднит Петра с его дел последователем — Лениным.

Вот что сообщает о причине смерти вождя мирового пролетариата Дора Штурман:

«О болезни и смерти Ленина написано много. Тему сифилиса стараются обойти...» [128, с. 151]. Однако «Определение прогрессивного паралича слишком категорично — «сифилическое поражение мозга»...» [там же].

Вот что сообщает о его последних днях Н. Брешко-Брешковский:

««Пухлый, обрюзглый, с лицом дегенеративного азиата, Ленин никогда не был красавцем, но сейчас изгрызаемый, точнее, догрызаемый последней, судорожной хваткой сифилиса, он был отвратителен. Он, желавший, чтобы вся Россия ходила на четвереньках, сам превратился в животное, в разлагавшуюся падаль. Печать чего-то тихого, идиотского, заклеяла весь его облик. Он улыбался, как идиот, и левый, перекошенный угол рта все время точил слюною, цеплявшеюся вожжой за реденькую, ледащую калмыцкую бороденку. Он уже не мог говорить по-человечески. С губ срывалось какое-то бульканье, и нельзя было разобрать ни одного слова. Ни одной человеческой мысли, и, вообще, ничего человеческого в узеньких, мутных, заплывших глазках»¹» [19,356–357].

«Бог лишил его разума и языка. Оставил этому чудищу лишь несколько слов: «вот-вот», «иди», «вези», «веди», «аляля», «гут морген». С таким лексиконом уже нельзя было отдавать людоедских приказов» [19, с. 357].

Такова общая закономерность конца обоих зачинателей этих очень темных дел, названных историками «славными». И как бы масонство не пыталось заретушировать сам момент завершения их деятельности, подрывающей устои русского государства, но факт остается фактом: их жизнь закончилась совершенно одинаково бесславно — под воздействием осложнения венерического заболевания.

Но что они все-таки успели натворить?

Указ Петра о сносе часовен так реализован и не был. Русский народ тогда не позволил ему выполнить задуманное. А потому-то он этот самый народ, ему не подчинившийся, и стремился

¹ Н. Брешко-Брешковский. *Мировой заговор. София, 1924.*

побыстрее сжить со свету. Стройки века — прекрасное прикрытие для зверских расправ над русским человеком. Забить в колодки, следуя «мудрому» опыту Европы, судам фем, можно было практически любого, а в особенности тех, которые что-либо имели (или же, наоборот, не имели) против «чести и достоинства». Вот зверь и свирепствовал, принуждая «птенцов, товарищей и сынов»: больше «слать воров», не особо при этом и шутя. Ведь за неисполнение отпускаемой нормы колодников, обреченных на смерть царем-антихристом, комиссара, приставленного следить «за добрым порядком», ждала лютая кара...

И вот неосуществившуюся мечту Петра по уничтожению народа-богоносца, два столетия спустя, пытался реализовать наследник всех его «дел». Но и вновь, несмотря на полный казался бы успех его предприятия, все та же позорная болезнь преграждает дорогу к власти над поверженным миром и этому претенденту на трон антихриста.

Но с помощью каких средств нашим ненавистникам обычно так легко удается влезать к нам на шею?

Чтобы наиболее безнаказанно можно было человека убить, его сначала надо как следует оболгать. Ведь выступать против применения высшей меры наказания к какому-нибудь Чикатило не станет никто. По такому принципу всегда и действовали наши враги. И если сам процесс убийства проходил гладко не совсем, то в помощь ему запускали целую науку об оболгании памяти убиенного. Именуется же эта наука об оболгании — официальной историей. То есть той частью версии, которая устраивает убивающее Святую Русь повествование о неких самоедах-головотяпах, которых Запад, в лице Петра и Наполеона, Ленина и Гитлера, исключительно якобы из человеколюбия, пришел Немножечко чем-то таким особенным *просветить*.

Мы попались на закинутый для нас крючок — проглотили изобретенную нашими убийцами байку. Потому и оказались ввергнуты в бездну, которая теперь не выпускает нас к свету из теснин мрачных ущелий, закрывающих от нас Солнце Правды.

А Солнце Правды — это и есть Слово. И То самое, Которое и *было в начале*.

Русский порядок

Так что собой все же представляет этот взрастивший титанов и атлантов, богатырей и монахов, а, в конечном счете, нацию (язык), несущую в мир Слово Божие, столь невозможный понимание инородцев и иноверцев, — *РУССКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ?* Постараемся определить.

Самой неотъемлемой его частью, а точнее его основой, является нестяжание земных временных благ. И вот по какой причине:

«ПРИИДИТЕ НЫНЕ, БОГАТИИ, ПЛАЧИТЕСЯ И РЫДАЙТЕ О ЛЮТЫХ СКОРБЕХ ВАШИХ ГРЯДУЩИХ НА ВЫ.

БОГАТСТВО ВАШЕ ИЗГНИ, И РИЗЫ ВАША МОЛИЕ ПОЯДОША.

ЗЛАТО ВАШЕ И СРЕБРО ИЗОРЖАВЕ, И РЖА ИХ В ПОСЛУШЕСТВО НА ВАС БУДЕТ И СНЕСТЬ ПЛОТИ ВАША АКИ ОГНЬ: ЕГОЖЕ СНИСКАТЕ В ПОСЛЕДНИЯ ДНИ.

СЕ, МЗДА ДЕЛАТЕЛЕЙ ДЕЛАВШИХ НИВЫ ВАША, УДЕРЖАННАЯ ОТ ВАС, ВОПИЕТ, И ВОПИЕНИЯ ЖАВШИХ ВО УШИ ГОСПОДА САВАОФА ВНИДОША» [Иак 5, 1–4].

И понимание ответственности за взимание излишеств со своих подданных шло, в первую очередь, от самого правителя русского государства. А потому и все ему иные подчиненные прекрасно знали то, что плата с подданных взимается лишь по минимуму — за охрану государственных границ. Каждая излишне взятая копейка могла перевесить ржавчиной внутреннего содержания червоточины и утащить своею тяжестью в тартар несправедно нажившего ее господина, поставленного для руководства вверенными ему русскими людьми. Потому господа прекрасно при этом понимали, что: *се мзда делателей, делавших нивы ваша!..*

А потому и отношение просматривается много иное, нежели в Те же самые времена в иных странах у иных народов.

«Надменный боярин, богатый гость, разжившийся посулами дяк... — все заискивали в нищем; всем нищий был нужен; все давали ему крохи своих богатств; нищий за эти крохи молил Бога за богачей; нищий своими молитвами ограждал сильных и гордых от праведной кары за их неправды. Они сознавали, что бездомный, хромой или слепой калека в своих лохмотьях сильнее их самих, облеченных в золотные кафтаны. Подобно тому

царь... в неделю мясопустную приглашал толпу нищих в Столовую палату, угощал их и сам с ними обедал» [51, с. 423].

А вот как жил русский человек в еще более древние времена:

«Славяне создавали племенные союзы, нанимали князей для охраны, в общем, жили достаточно неплохо. На селищах находят, например, венецианское стекло. Представьте, сколько должен был стоить стеклянный сосуд, если его в XI веке нужно было привезти из Италии? И это поселение, то есть деревня, даже не город! Здесь же попадаются и раковины каури. А это Индийский океан, между прочим. Бусы из Сирии, украшения с Кавказа и из Византии — у жителей Подмоскovie все было» [84, с. 70].

И какие же сумасшедшие деньги нужно было зарабатывать рядовому жителю нашей деревни, чтобы иметь в своем деревенском обиходе предметы промыслов аж с Индийского океана?!

Окунемся в небольшое исследование причин нашего удивительнейшего достатка, не встречаемого ни в одной стране мира. Вот как, например, оценивался труд переписчиков и переплетчиков книг:

«Несмотря на большое число переписчиков по ремеслу, цена книги была очень высока; Евангелие XIV в., написанное плохо и на дурном пергаменте, стоило около 200 руб. Это, однако, не останавливало спроса на них, так как книга в Древней Руси пользовалась большим почитанием» [96, с. 1386],

А ведь это стадо из трех сотен коров!

Так что готовая книга — это целое состояние.

Но грамотными-то были у нас поголовно все. Именно на это указывают обнаруженные в Новгороде, Старой Русе и Смоленске берестяные грамоты.

Но не только владение письменностью могло приносить столь удивляющие своей значительностью доходы в допетровской Руси, где еще и после смутных времен уровень жизни долгое время оставался очень высок:

«Имеющиеся сведения, относящиеся к 1674 г., говорят о том, что средний заработок в день рабочих-металлистов составлял для мастера 57 коп., для подмастерья — 38 коп., для работника — около 10 коп... По тем временам, учитывая дешевизну продуктов, такая оплата была... одной из самых высоких в мире. На эти деньги даже работник мог купить в день не менее 50 кг ржи, а уж мастер был очень зажиточным человеком» [92, с. 275].

И это даже в те времена, когда предшественниками Петра I позиции русского мастерового были уже достаточно изрядно поколеблены необыкновенно к тому времени возросшим количеством иноземцев Кукуевой слободы, которым на откуп иностранным купцам ушедшими в подражание Западу правителями были к тому времени отданы многие наиболее доходные сферы деятельности русского мастерового человека. Да и крепостное право было уже юридически оформлено «Тишайшим». Но видимость свободы пока оставалась. Потому, во избежание бунтов, заработная плата ещё оставалась прежней — привычной русскому человеку.

Но вот какие доходы долгие годы приучался иметь от своей трудовой деятельности русский человек. При постройке Георгиевской церкви в Киеве Ярославом Мудрым в середине XIV в. было предложено каменщикам:

«...«за труд по наготу в день». За наготу в те времена можно было купить целого барана. Подобный уровень оплаты подтверждается и в *«Русской Правде»*... Однако не только квалифицированные работники получали такую высокую оплату. Батрачка в деревне XII в. получала за сезон (обычно с конца апреля и до октября), кроме содержания на хозяйских харчах, *зривну* кун или 20 ногат, то есть могла купить 20 баранов...

В псковской летописи сохранились сведения о постройке каменной стены в г. Гдове. Зарплата работников на этой стройке составляла 1,5 новгородских деньги в день. По ценам новгородских писцовых книг XV в. за эти деньги можно было купить полбарана или 24 кг ржи» [92, с. 275].

А теперь перекинем-ка эти деньги уже на наш, столь родной, советский заработок рядового, инженера семидесятых-восьмидесятых годов.

Он начинался со ста рублей и не превышал своими размерами, к завершению трудовой деятельности, двухсот. В среднем же он равен 150 руб.

Попробуем найти древнерусский эквивалент этой заработной плате. Для этого необходимо совместить разложенного по косточкам барана с расценками времен социализма на получаемые из него продукты питания и элементы одежды — бараньи шкурки.

Бараний вес, как известно, равен сорока килограммам. Отбросим вес головы, внутренностей и шкурки, что никак не превысит

и 10 кг. То есть 30 кг чистого мяса (правда, все же с костями) умножаем на его цену — 2 руб. 00 коп (официально эта цена была ниже, но только достать такое мясо в реальной жизни было достаточно не просто). Выделанная шкурка в Москве стоила 70 руб. Отнимем 20 руб. за ее выделку. Получим 50 руб. выручки после ее продажи. Однако ж и «рожки с ножками», и внутренности так же шли в дело. То есть тоже чего-то да стоили. Потому прибавим по минимуму — 5 руб. Итого: 115 руб. 00 коп.

Такова цена нашего барана.

Такова же и начальная зарплата молодого специалиста, выпускника вуза или техникума, только поступившего на работу! И лишь много позже, уже к завершению своей трудовой деятельности, его зарплата несколько приблизится к возможности приобретения двух баранов. Однако не в день, но в месяц...

Батрачка в деревне ХПв. получала, живя на всем готовом, в сравнении со средней зарплатой инженера (150 руб.) — втрое больше (20 бар.: 5 мес. = 4 бар./мес. [115 руб. x 4 бар. = 460 руб.: 150 руб. = 3 раза])!

И это еще не все прелести поглотившей наши рабочие руки так называемой «цивилизации». Это в Москве и Ленинграде можно было позволить себе приобрести мясо по 2 руб. 00 коп. за 1 кг. В иных местах такое неслыханное лакомство можно было приобрести только на рынке, где оно стоило как минимум втрое дороже. Итак: (5 руб. x 3 = 15 руб.) + 50 руб. + (6 руб. x 30 = 180 руб.) = 245 руб. x 4 бар. = 980 руб.: 150 руб. = в 6,5 раз.

То есть пасти гусей на Святой Руси, живя весь летний сезон на всем готовом, оказалось в шесть с половиной раз выгоднее, нежели вести строительство даже не в роли рядового каменщика, но инженера в столь некоторыми и по сию пору любимой до слез социалистической державе где-нибудь в Рязани или Куйбышеве, Новосибирске или Нижнем Тагиле.

Рядовой же каменщик на Руси в эпоху Ярослава Мудрого, по нашим выкладкам, получал в 36 раз больше (245 руб. x 22 бар. = 5390 руб.: 150 руб. = в 36 раз)!

А вот уже мастер-металлист эту цифру перекрывал (36 раз x 5, 7 [10 коп. к 57 коп.] =) в 205 раз!

Данных о том, сколько мог зарабатывать по тем временам инженер, просто не имеется. Однако же предположить можно и такое. Ведь кто-то рассчитывал фундаменты, коль они простояли по тысяче лет, а где-то, по некоторым данным, даже и много более.

При смене вывески так называемой экономической формации (президент Путин назвал наш нынешний строй капитализмом) зарплата изменилась отнюдь не в лучшую сторону. Ведь если в городе Москве бюджетный работник и получил возможность покупки барана в месяц (однако ж половину его он теперь должен отдать в уплату за свою квартиру), то в упомянутых нами областях этот пересчет просто невозможен по той простой причине, что люди там сегодня вообще неизвестно на что существуют. При недавней поездке в Дивеево, например, на всех огромных просторах удалось увидеть лишь одно засеянное поле. В деревнях люди живут продажей проезжающим по дорогам москвичам грибов, ягод из леса, фруктов и овощей со своего огорода. Никто нигде не работает, потому как и работать-то негде. Все разваливается и приходит в полное запустение. На заработки приходится ездить в Москву и Московскую область: строить особняки для «новых русских». И считается, что им еще не так пока и плохо — ехать не совсем далеко. А как добраться в Москву на заработки из Новосибирска, Томска или Владивостока?

Так что теперь вообще никакого разговора о баранах быть не может. Ведь чтобы их разводить, их сначала надо на что-то купить. А люди нынешней так называемой «экономической формацией» обобранны начисто — до нитки. Потому избы разваливаются, деревни пустеют — все идет по кем-то заранее обдуманному плану. Но чисто формально — вроде бы как-то само собой...

Но если нынешнюю деревню кормит лес, то каким образом сегодня сводят концы с концами люди в провинциальных городах России — вообще не понятно. Они давно обязаны были все умереть. Но как-то все еще живут...

А до появления звезд над Кремлем и мумии под его стенами в нашей стране, где якобы жилось плохо:

«Средний заработок рабочего в 1912 году составлял 255 золотых рублей в год, в 1913 году — 264. Фунт ржаного хлеба в 1913 году стоил 3 копейки, фунт ситного хлеба из первача — 5 копеек. Килограмм картофеля — полторы копейки... Рабочая лошадь — 73 рубля. Дойная корова — 59 рублей» [83, с. 543].

Но может быть, в той царской России хорошо оплачивался лишь физический труд, а труд интеллектуальный был в страшном загоне?

Вот как до революции «бедствовала» попавшая в ссылку интеллигенция:

«По прибытии на место ссылки интеллигентные люди в первое время имеют растерянный ошеломленный вид...» [145, с. 39]. Однако же впоследствии:

«... мало-помалу пристраиваются к какому-нибудь делу и становятся на ноги; они занимаются торговлей, адвокатурой, пишут в местных газетах, поступают в писцы и т. п. Заработок их редко превышает 30–35 руб. в месяц» [145, с. 40].

То есть в ссылке (!) наша интеллигенция, уж такая бедолажная, получала от 360 до 420 р. в год! А это будет как минимум (цифры даны за 1890 г.) 7 коров. Только лишь одного мяса при таком заработке можно приобрести под две тонны! А это даст возможность бедолажке горемычному — ссылкеному, то есть *государственному преступнику*, обычно по политическим мотивам, откушивать ежедневно по 7 кг свежежаренного аппетитного мяса!

Не многовато ли получится для *государственного-то преступника?! Эдак* вот через каких-нибудь полгода такой вот «ужаснейшей» царской ссылки он будет сильно напоминать откормленного кота из «Возвращения блудного попугая». И эти подробности сообщает нам не страж закона и царского порядка, то есть махровый какой такой ультраправый «реакционер», но самый что ни есть демократ тех времен, что-то вроде нынешних Ковалева-Сахарова, — А. П. Чехов. Ведь он аж на Сахалин отправился в то время, когда еще железной дороги в Сибири не существовало, лишь затем, чтобы поведать «прогрессивной общественности» обо всех творящихся там злоупотреблениях, о которых всегда так надрывно завывала либеральная пресса.

А вот сообщение о том, как прирабатывали каторжники на острове Сахалин при сезонном сборе морской капусты:

«На этом промысле в период времени с 1 марта по 1 августа поселенец зарабатывает от 150 до 200 рублей; треть заработка идет на харчи, а две трети ссылкеный приносит домой» [145, с. 295].

То есть и здесь, даже на краю земли, неквалифицированная работа каторжника предоставляла ему за летний сезон по две коровы.

Итак, вернемся к нашим баранам. И их подсчет нам незачем вести среди высших сословий общества. Ведь это столь странно

ведущее себя общество само себя к смерти и приговорило. Потому о нем разговор не идет.

Что выиграл от революции русский мужик?

Не ведя долгих и утомительных расчетов, здесь достаточно отметить наличие того простого факта, что *возмутившись разумом*, иными словами, *обезумев*, эти самые выбравшиеся из ночежек якобы *голодные рабы*, а на самом деле обыкновенные, не желающие работать тунеядцы, дорвавшись до государственной кормушки вместо уже к тому времени отживших свой век пиявок, то есть Чичиковых с Коробочками, с таким же недюжинным упорством присосались к нашей шее, что от дореволюционных *четырёх с половиной коров* сбитому с толку атеистической пропагандой русскому населению России были оставлены ровно по *три барана* на душу населения. Такова цена этой подмены.

Но если прикинуть поточнее, то все же здесь можно разглядеть и иное: среднестатистический русский крестьянин за год подработки в городе, при обеспечении своего рациона питания из привезенных им с собою съестных припасов, за год работы мог приработать к своему хозяйству две коровы и две лошади (73 руб. x 2 лош. + 59 руб. x 2 кор. = *ровно 264 руб.* — среднестатистический дореволюционный годовой заработок)! Вот почему русский крестьянин, несмотря на ужаснейшие условия жизни в городах, так настойчиво тянулся туда: он хотел сравнительно быстро обзавестись лошадьми и коровами, столь необходимыми для ведения сельской жизни. Но в городе его поджидали густо раскинутые мировым капиталом сети дочерних «Мемфис Мицраим» революционных организаций. Где профессиональные международные аферисты, состоящие в подавляющем большинстве из хананейского племени кровных родственников Петра, убеждали их в необходимости не зарабатывать в поте лица столь требующийся для ведения крестьянской жизни домашний скот, но просто — отобрать у кровососов. Вот и все: так проще — и работать не надо.

Но может, городскому пролетарию питаться досыта, как уверяет советская пропаганда, было действительно не по зубам? Может, потому он так легко и откликнулся на лозунг «грабь награбленное»?

264 руб.: 1,5 коп. за кг картошки = 17 тонн 600 кг! Так ведь столько не съесть не только за год, но и за семнадцать лет!

В нынешние же странные времена, почему-то поименованные капиталистическими, когда в Москве бюджетный работник зарабатывает целого барана, половину которого отдает теперь за квартиру, а от остальной отрезает и еще немалую часть для неимоверно подорожавшего проезда в транспорте, чисто теоретически можно покуситься на четырех баранов в год. Но ведь это сказано лишь о тех регионах страны, где вообще что-то можно заработать. То есть где работой обеспечены практически все.

Во сколько раз имел более этих самых баранов, нами столь усердно подсчитываемых, мастер-металлист при Алексее Михайловиче?!

22 бар. самого низкооплачиваемого металлиста $\times$ 12 мес. = 264 бар. в год. $\times$ 5,7 = 1504,8 бар. в год мастера: на 4 бар. повышенного из «товарищей» в «господина» бюджетного работника, превращенного в донора Запада, обитателя развалин уничтоженного его созидателями труп советского голема = удивительная цифра — в 376,2 раза меньшая, нежели во времена сохи и кайла...

В 370 раз!!!

А ведь в году 22 раб./дня $\times$ 12 мес. = 264 раб./дн. — 22 дня отпуска = 242 раб. дня.

То есть: один неполный день работы высококвалифицированного специалиста на Святой Руси равноценен двум годам **БАРЩИНЫ** при столь теперь знакомом этом странном образе управления нашей страной (при не снимаемых с Кремлевских башен звездах и мавзолее) в созданной для нас резервации, ранее именуемой СССР, а ныне — РФ!

Сверяем наш ответ с зарплатой, установленной *Русской Правдой* Ярослава Мудрого. Баран (ногата) в день каменщика $\times$ 242 = такое стадо баранов, которое вряд ли и за всю свою жизнь удастся вырастить. А чтобы его съесть, потребуется лет тридцать! Но ведь двести дней в году у нас на Руси мясо и малые дети не ели. В таком случае этих баранов, как ни жарь из них в разрешенные дни ежедневные шашлыки в любых количествах, и за всю жизнь просто не съесть!

То есть в наших расчетах все сходится: в древности благосостояние русского человека было несравненно выше, нежели теперь — при «стальном коне», доменных печах, механизации и автоматизации производства и т. д., и т. п.

Так кто же теперь жирует за наш счет, присваивая себе наши денежки?! Какой процент от нами зарабатываемой суммы финансовых средств мы получаем сегодня на руки?!

Так ведь понятно какой. Если предположить, что кустарное производство за все это время ничуть вперед не продвинулось, то 0,38 %. Если же все-таки учесть, что лошадей заменили паровозы, парусные утлые лодчонки — океанские с многотысячным водоизмещением корабли, то еще пару нуликов справа от запятой здесь было бы приписать отнюдь не излишне...

Вот теперь и получается, что за целый месяц неустанных трудов в нашем «раю», теперь уже демократическом, мы имеем возможность получать ровно столько, сколько не самый лучший специалист во времена святорусской государственности с кайлом в руке зарабатывал за каких-нибудь 20 минут работы на **СВОЕЙ** земле. Которая являлась ему матерью родной, а отнюдь не той злобной мачехой, которой мы позволили взамен нами брошенной лихо влезть себе на шею и погонять нас теперь кнутом ранее коммунистического, а теперь так и вообще без всякого названия какого-то странного режима, когда все вроде бы и можно, но ничего не сделаешь...

Тут, казалось бы, все понятно. И давно уж пора возвращать все на круги своя: выбираться из болота режимов, каких-то там непонятных строев и диктатур. Пора возвращаться в лоно своей родной матери — Русской Православной Церкви. Ведь лишь в таком случае вместо бытующих у нас жандармских диктатур способна восторжествовать иная диктатура — *диктатура совести*. Но народ-то вместо того, чтобы увидеть, наконец, истинного виновника их бед и прекратить попадаться во все расставляемые ловушки, продолжает нескончаемую склоку о том, что раньше (при Советах), мол, селедка была все же аж на целых тридцать две копейки подешевле, нежели теперь...

И пока они будут определять, кто все-таки лучше, социалисты или демократы, их карманы все так же беззастенчиво будут опустошаться шайкой грабителей, не знающей поистине никакой меры В стяжательстве.

А скоро уже и на селедку не хватит.

Что делать? Будем сосать лапу, как медведь в берлоге.

Говорят — свобода того стоит...

И не следует думать, что за границей с этим вопросом много лучше. Пусть там и получают в десяток раз более нашего, но это все равно будет отнюдь не выше 0,2 % от действительно ими зарабатываемого. И налоги там за тот же воздух берут, и всемирная корпорация банкиров и там от своих сверхприбылей отказываться отнюдь не собирается, устанавливая для рядового обывателя такие условия, чтобы вся жизнь его превратилась в сплошные тараканьи бега, где прессой расхваливается на все лады насекомые, лидирующие на данном ристалище. Однако этого тараканьего счастливчика еще никто не видел и в глаза. Зато все остальные, его преследующие, являются последними.

Их тараканьи бега у нас при коммунистах заменили стоянием в вечных очередях, а при демократах — стоянием в качестве несметного полчища продавцов на густо заполонивших всю страну рынках. Другая же сторона — покупатели — для самой мизерной покупки обязана весь этот громаднейший базар обойти. Так устроена эта система убивания времени.

И теперь: и те, и другие, и даже третьи — заняты «делом», которое должно привести душу, весьма успешно живущую такого вот рода «делами», прямиком в ад. Таков скрытый смысл всех вышеописанных, систем экономических формаций.

Так при какой же экономической формации можно всего этого избежать?

Сначала об основах устройства того общества, где мы пытаемся отыскать нами некогда утерянную эту самую «формацию».

Русская Правда

««Славянские племенные союзы IX в... были государства, построенные снизу вверх»¹» [123, с. 161].

И вышепоименованные так называемые «низы» даже в эпоху крепостничества, на самом деле, в плане своей духовности так и остались наверху. Лишь они одни и позволили оставить в сохранности нашу исконно русскую культуру:

«Все народные начала, которыми мы восхищаемся, почти сплошь выросли из Православия» (Ф.М. Достоевский) [123, с. 161].

Да и сам русский характер, который столь разительно напоминает собою образец человека именно Святой Руси, мог быть выпестован только лишь Православием. А не произойти из каких-то там серых да темных масс, которые, вопреки утверждениям русофобов, автографами своей *общенародной грамотности* буквально завалили все центральные улицы нынешнего Новгорода еще в XI веке [152]!

Однако ж эта исследованная часть Новгорода, Некогда являвшегося центром огромной торговой республики, выглядит поистине просто песчинкой в городе, мало чем уступающем своей территорией и нынешней Москве.

Но именно наш характер подтверждает наше же генетическое тому самому древнему народу несомненное соответствие. И не могло нас Православие одномоментно якобы полностью перекроить, а грекам, оставя примитивизм в наследство, предоставить возможность и до сего дня все так же оставаться готовыми в любой момент вернуться к занятию, вполне соответствующему их национальному менталитету — обгладыванию бивней мамонта. На самом же деле, они всегда были дикими, а потому дикими и остались. Мы же *всегда* жили по Божьей Правде. И никакими ГУЛАГами ее из нас никому до сих пор вышибить не удалось! И наш возврат к Православию — это и есть подтверждение того самого СЛОВА, которое сообщил Архангел Гавриил Богородице. Он поведал, что рожденный ею Сын:

«... ВОЦАРИТСЯ В ДОМУ ИАКОВЛИ ВО ВЕКИ, И ЦАРСТВИЮ ЕГО НЕ БУДЕТ КОНЦА» [Лк 1,33] [8].

И только лишь среди нашего народа и мог воцариться Христос! И именно потому, что исключительно лишь у нас:

¹ А.Г.Кузьмин. В сб.: *Русский народ...* с. 28–30, 35.

«ЦАРСТВИЮ ЕГО НЕ БУДЕТ КОНЦА»! Именно наша страна, несмотря ни на что, является подножием Престола Господня! А потому только лишь к нашему народу и могла быть обращена эта фраза! То есть именно мы являемся этим самым *домом Иаковли*, о котором здесь идет речь (Подробно см.: «Противостояние. Имя Бога»).

Потому и существует такой исключительно на геномном уровне сконструированный специфически наш характер, не похожий ни на один из имеющихся у множества иных народов мира, который и называется *русским!*

И если этот стержень изымается, то и смысл существования у этого человека тоже изымается. Ведь он не немец и совершенно бессмысленно прибавлять к пфенежке пфенюжку не сможет. Да и не захочет. А раз так, то его путь станет пролегать через кабаки и трущобы, бунты и острожные кандалы.

Вот потому-то и считал Достоевский, что: **«без Православия русский человек — дрянь».**

Наша вера является стержнем построения русского менталитета. А потому: выдерни ее из русского человека и обнаружишь тот самый генотип, который нашел Горький в *ночлежках*. В них мы найдем и пьяницу, и лентяя, и душегубца, и вора.

Вот потому совершенно бесполезно: созывать новых парламентариев, которые нам показались бы на сегодняшний день лучше прежних, чтобы они выдумывали нам законы, якобы жизненно на сегодня необходимые, а затем обвинять всех и вся в неисполнении этих законов. Ведь будь они трижды совершенны персонажам горьковского «Дна» их не соблюсти никогда.

И лишь возврат к корням исконной веры русского человека способен вернуть и исконный вид его государственности, исключительно у него испокон века и существующий, где наши отдельные административные единицы, входящие в Русскую Землю, всегда были построены *снизу вверх*.

И вот каковы основы этого землеустройства:

«... от сельской общины и до всероссийского представительства — должна взвешиваться *правота доводов*, а не число голосов; особые мнения не должны быть просто подавлены голосованием...» [123, с. 193–194].

И если для отдельных групп населения требуются отдельные нормы восприятия моральных ценностей, то к положительным

результатам такая форма управления никогда не приведет. Ведь если мусульманину требуется десяток жен, то узаконивать на государственном уровне эту их привычку и у нас, то есть в среде народа православного, приведет к полному уничтожению народа нашего в пользу ставшего с нами вроде как бы вровень народа иного. Ведь для нас иметь несколько жен — непростительнейший грех. Но и их обычное отношение к «неверным», где за кровь гяура мусульманин не только не наказывается, но и поощряется, настораживает не менее.

А вот и еще пример полной невозможности такого консенсуса, где подобные же противоречия выглядят и еще более вызывающе:

«По учению Шулхан Аруха, гой не должны считаться людьми, еврею строго запрещается спасать гоев от смерти, на гоях можно испытывать любые лекарства и яды, еврею нельзя на суде быть свидетелем в пользу гоя, неевреи хуже собак (Х. Мишнат, 227) и т. д.» [115, с. 146].

«... еврей имеет полное право безнаказанно отбирать у христиан всякое имущество, прибегая при этом к всевозможным уловкам, обману и плутням».

...Талмуд разрешает в отношении христиан всевозможные преступления, но последние должны быть хорошо замаскированы. Можно обманывать и сколько угодно лгать, причём «Баба-Кама» (113 а) говорит: «Имя Божие не профанируется, если гой не замечает, что ты врешь»... Талмуд не только прощает евреям преступления, направленные против христиан, он разрешает и даже более того — *предписывает их...*

«Талмуд повелевает беспощадно истреблять христиан...»

«Нет у нас жертвы, кроме устранения нечистой стороны» (Зогар, 38,6 и пр.)...

«Человека идиота (земного народа) дозвоительно душить в праздник Очищения, приходящий на субботу... Во время заклания еще нужно произносить моления... душить как животных» (Песахим, 49). «Дави ему горло, как зверю, который околеваает не пикнув» (Зогар, 11, 110а). И пр., и пр.

...Мы думаем, что евреи — люди одной с нами души, между тем в действительности тут такая же вечная разница, как между четвероногою овцой и четвероногим волком» [69, с. 247–253].

И если ортодоксальному хасиду непременно требуется к его празднику кровь христианского мальчика (Андрюши

Ющинского, например), то убедить православных родителей этого мальчика согласиться с отдачей их сына в жертву — вещь достаточно не простая. А потому столь требуемого здесь *консенсуса* может и не случиться.

И вот зачем столь требуется им христианская кровь:

«В пасхальные дни жиды должны есть опресноки, а именно маленькие хлебцы, приготовленные одними хахами, в которые влита христианская кровь. Все, знатные и простые, старые и молодые, даже не имеющие еще зубов, должны вкусить этого хлеба, хотя бы кусочек величиной с маслину...» [91, с. 753–754].

И такая разнородность населения России уже в XIXв. никогда бы не позволила Александру II даже при всем его на то желании восстановить порушенное Петром наше самоуправление.

Не случится этого самого консенсуса и теперь: наш исконно русский образ правления ни в коем случае такой разношерстности народных представителей не предусматривает. А потому: *пока русский народ не докажет что он действительно русский, то есть пока не вернется в лоно своей Матери, Русской Православной Апостольской Церкви, ни о каком возврате к нашему исконному государственному устройству и речи быть не может!*

Здесь хотелось бы сказать, что не о разрушенной большевиками империи идет речь. Ведь та странная так называемая империя была построена даже не как самая задвохлая рядовая страна. Эта территория была сконструирована масонами с целью последовательного обирания центра его придатками. То есть не центр обирал колонии, как то делалось Англией или Португалией, но, наоборот, имеющие более благоприятный климат колонии обирали центральные области России. Николай II за свое скоротечное царствование успел лишь несколько уменьшить эти противоречия.

Например: каждому православному храму, что бытовало тысячелетие назад, он вернул школу. Это позволяло русскому человеку и на нашей холодной части империи приобрести профессию, способную кормить его соразмерно затрачиваемому им труду. Но и не только будущая программа высвобождала русского человека от необходимости *собой кормить окраины*. Уже и на своем теперешнем поприще русский человек получил возможность стать на ноги: налоги крестьянству были уменьшены до минимума.

Но государственный переворот свел все его усилия на нет. Потому нам следует начинать все сначала: то есть со времен еще той древней старины, когда на Святой Руси исполнялись лишь русские законы.

Возможно ли такое сегодня произвести в нынешней Москве?

Тут следует ответить совершенно однозначно: нет.

Но что ж в таком случае делать, если голова России безнадежно больна и практически неизлечима? Ведь это пусть и столица России, но уже не с преобладающим русским населением. Ведь одних только азербайджанцев, то есть иностранных граждан из бывшей советской республики, в ней, по некоторым источникам, насчитывается больше миллиона. Да и Подмоскovie теперь насыщено представителями Кавказа и Средней Азии. Так что Москва, растеряв этническую однородность, для воссоздания Святой Руси на сегодняшний день совершенно не подходит.

Но пути восстановления нашей государственности нащупываются. Ряд исконных русских областей (Смоленская, Тульская, Калужская и др.) объявили о введении обязательного изучения в своих школах основ христианской культуры. Восстанавливает порушенные большевиками святыни и Дивеево, которое, во исполнение пророчеств, должно стать новой столицей Третьего возрождающегося Рима.

Так что все идет сообразно целям возвращения русского человека на пути, некогда имеющиеся у Святой Руси. И чтобы воссоздать государство русских, нужно вернуть населяющим его людям их общую точку соприкосновения, которая лишь единственная и способна их объединить. И лишь в таком единственном случае они смогут все вопросы решать сообща — соборно.

Глас же безликой толпы, что нам теперь пытаются приписать, — это, по сути, суд Линча, что соответствовало всегда менталитету совсем не нашему. И этот их способ общежителства мы теперь можем наблюдать на международной арене: вооруженная интервенция в Ирак и Югославию — суть этой примитивистской и ущербной системы именно Западом изобретенного управления. То есть мнение Ирака и Югославии никто учитывать вообще не стал, но было учтено мнение стороны, пожелавшей произвести это нападение. И Нападения эти они производили, как принято у них, по-волчьи: всем скопом на одного, как именно у них и водится.

Но такое нам дико: ведь мы — другие люди. Потому и государственность нам требуется другая: *лишь добрый человек способен понять доброго — злой не поймет:*

«КОЕ БО ПРИЧАСТИЕ ПРАВДЕ К БЕЗЗАКОНИЮ; ИЛИ КОЕ ОБЩЕНИЕ СВЕТУ КО ТЬМЕ; КОЕ ЖЕ СОГЛАСИЕ ХРИСТОВИ С ВЕЛИАРОМ; ИЛИ КАЯ ЧАСТЬ ВЕРНОГО С НЕВЕРНЫМ; ИЛИ КОЕ СЛОЖЕНИЕ ЦЕРКВИ БОЖИЕЙ СО ИДОЛЫ» [2 Кор 6, 14–16] [8].

«Некоторые утверждают, будто надо уметь «уважать веру другого». Но как человек, живущий в истине, может уважать ложь? Это глупость и отступничество! Бог говорит: *«Горе тем, кто зло называет добром, и добро злам, тьму почитают светом, и свет тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое горьким!»* [Ис 5,20]. Это проклятие падает на соглашателей!» [131, с. 43].

Вот потому нашу открытость и доверчивость не просто можно, но и совершенно необходимо использовать лишь там, где мы вправе рассчитывать на полную взаимность. И лишь взаимная Правда способна закрепить справедливые условия договора между людьми: *ложь во благо* нами всегда отвергалась.

Потому только в среде русских людей можно было услышать на проявленные по какому-либо поводу сомнения:

— Вот те Крест!

И следующее затем подтверждение сказанного Крестным Знаменем для русского человека всегда являлось полной гарантией правдивости полученной информации.

И все лишь оттого, что он знал главное:

«... ложной клятвы не любите, ибо все это Я ненавижу, говорит Господь» [Зах 8, 17].

Но менталитет мусульман стоит на иных позициях:

««вводит в заблуждение Аллах, кого захочет...» [Коран 74, 34] ...Он «замышляет хитрость» [Коран 86, 16], ибо «Аллах лучший из всех хитрецов» [Коран 47 (54)]. «Он обманывает» [Коран 4, 141 (142)]» [131, с. 65].

Очень терпимо относящийся к национальному вопросу Владимир Высоцкий, попав впервые на Восток, был просто ошарашен царящими там нравами: «... как тут обсчитывают! Точность обсчета невообразимая. Попросишь пересчитать три раза — все равно на счетах та же невероятная сумма. И ты, восхищенный

искусством и мастерством, с уважением отходишь. Наверное, существуют профессора и кафедры...» [42, с. 109].

А вот и еще вариант отношения к нам Востока, не менее густо расселившегося теперь среди нас, нежели увиденный некогда в его метрополий Высоцким. Мало того, влияние уже данной диаспоры Востока общепризнано, что пытаются примирить нас с данным имеющимся фактом даже анекдоты. Вот какими законами пользуется теперь еще и этот осевший у нас гость:

««То, что еврей получает воровством от нееврея он может сохранить» (Talmud. Sanhedrin (1935). Soncino Edition. 57a. P. 388)» [153, с. 98].

Очень премило и прелюбезно...

Вот еще выдержка:

««Неевреи находятся вне защиты закона, и Бог отдает их деньги Израилю». «Евреи могут использовать ложь (увертки) для того, чтобы перехитрить нееврея» (Talmud. Baba Kamma. (1935). Soncino Edition. 37b. P. 664–665)» [153, с. 98].

Вот к чему просто обязаны приводить на сегодняшний день столь модные братания после мусульман еще и с талмудистами. А мы-то, дураки, все никак в толк не возьмем: откуда берутся деньги у Абрамовичей и Березовских. Так ведь им же просто предписывается обманывать и дурачить нас. Ведь в противном случае они, как получается, не исполняют буквы своего закона. За то и подлежат суровому наказанию...

Хорошо бы нам все-таки поусвоить вышеизложенное: принять к сведению и намотать на ус.

Именно по такой причине:

«Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием?» [2 Кор 6,14].

И это исключительно о нас, которым апостолы имя Бога, в честь усыновления, присвоили даже в наименование (см.: «Противостояние. Имя Бога»), было сказано:

«... вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом» [2 Кор 6,16].

И лишь чистота души народа Иаковля способна вместить в себя то самое сокровенное, о чем иные народы, верующие в иных богов, если и имеют какое-то представление, то очень

и очень уж смутное. А потому Его обращение относится именно к нам:

«... выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я приму вас. И буду вам Отцем, и вы будете Моими сынами и дщерями, говорит Господь Вседержитель» [2 Кор 6,17–18].

И лишь очистив дом своей души от преизобильно льющейся в миру скверны можно говорить о возможности появления мельчайшей частицы столь необходимой для построения порушенного реформаторами и большевиками общества, которое некогда именовалось *русским*. Ведь лишь подобных мельчайших частиц сложение и способно возродить основу устройства нашего общества, являющегося подножием Престола этого мира Создателя, единственно придающего смысл существования человека на земле.

И русский человек непобедим лишь тогда, когда дом его души чист, когда сам он стремится к святости. И лишь из совокупия таких людей и могло состоять то общество, теперь исчезнувшее с лика планеты, где существовало истинное народоправие в единственно правовом во всем свете государстве — Святой Руси.

И красота взаимоотношений человека с человеком в этой стране, лелеемой теперь лишь в сладких грезах, только одна единственная и способна спасти мир!

Метастазы опухоли

И чтобы наше стремление к *красоте* человеческих взаимоотношений не выглядело плодом лишь фантазии, попытаемся припомнить и законы, бытовавшие у нас в те далекие времена, когда наемная работница на полном пансионе зарабатывала в несколько раз больше советского инженера, лишь только пытающегося извечными разъездами по командировкам этот пансион в какой-то степени компенсировать. Для начала уточним — чем это наш менталитет столь серьезно отличен от западного:

«Древние славяне не признавали судьбу, а верили в «единого Бога».

Корни русского самоуправления уходят в глубокую древность. Еще в VI в. император Византии Маврикий писал: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе, их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению... Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, но предлагают им на. выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей». «Эти племена... — рассказывает Прокопий Кесарийский, — не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считаются делом общим...» ...Эти же черты нашего народа выразились в обычае — вече...» [92, с. 753].

Но и впоследствии, когда племенные образования сменяют княжества, порядок самоуправления продолжает оставаться в них прежним. В этих государственных древнерусских образованиях:

«... высшая власть была не у князя, а у веча — народного собрания, которое стояло над княжеской властью и контролировало ее» [155, с. 131].

Разберем основу этого инструмента исконно нашего отеческого народоправия несколько подробнее.

Ну, во-первых, что на сегодняшний день подтверждено даже нашей исторической наукой, данная форма управления существовала не только в Новгороде, но и вообще в любом ином

населенном пункте Русской Земли, включая и деревенские поселения наших пращуров: Во-вторых, сама структура выборности на эти собрания делегатов в корне отличается от наших сегодняшних представлений. Ведь нам долго и упорно внушали:

что на вече сходилась огромнейшая пестрая толпа горожан из всех сословий и решения принимались либо криком, либо большинством голосов;

сравнительно невеликие размеры вечевой площади, обнаруженные в Новгороде, позволили предположить, что на вече приглашались лишь самые богатые люди Новгородской Республики.

Но на самом деле вот на чем всегда основывалось наше народное самоуправление:

«На собрании были старейшины. А почему они названы «вече»? Подумайте. Слово «вече» — вечерняя слава народа — люди, пришедшие к вечеру своей жизни, имеющие ум, опыт жизненный» [115, с. 89].

Именно по этой причине и страна наша всегда именовалась — Отечество. И вот как просто объясняется этот столь нам свойственный уклад жизни:

«Младенцев, детей воспитывала бабушка дома. У отца 5, 6, 7 сыновей, все женятся — под одной крышей живут, и никто не хочет уходить. Почему?» [115, с. 89].

И действительно. Какая причина заставляет жить в тесноте? А вот в чем тут дело. Нам на сегодняшний день, когда наконец ужаснулись скотообразием выросших без воспитания людей, густо заплонивших сегодняшние улицы, по которым и ходить-то теперь крайне опасно, слишком наглядно показано, что детей надо начинать воспитывать еще тогда, когда они пока поперек кровати лежат: когда вдоль лягут — будет уже поздно. Нашим пращурам, имеющим опыт выращивания детей еще начиная с детей Адама и Евы, «польза» кем-то выращенных беспризорников была прекрасно ясна.

Потому самым главным для молодых родителей были не удобства личного проживания, но возможность наиболее качественного воспитания своих детей. Молодым матерям, что и понятно, и иных дел по дому более чем хватало. Потому маленького ребенка старались доверить бабушке.

«Сповит ребенок, лежит. Младенец заплакал, а бабушка над ним молитвочки, да песенки поет. А ребенок уже запоминает и с этим спит» [115, с. 89].

Кто может подменить собою такое воспитание? Никто и никогда. Потому бабушка среди взрослых детей была всегда нарасхват:

«И сыновья, и невестки слушались одного слова, никакого пререкания, чтоб только не отправили с этого жилища. Вот такую давали возможность, что у детей с самой юности дар речи развивался, и песни пели. Был правильный уклад для развития личности» [115, с. 89].

Понятно, каким уважением пользовался и сам глава дома, которому было чему научить подрастающих внуков, которых он принимал на воспитание после бабушки: накопленная веками память поколений передавалась по наследству. Отцу, что и понятно, было некогда. Он поле пахал, сеял, урожай собирал.

А вот деду доставались лишь интеллектуальные виды деятельности: руководство домашними; прочтение молитв, псалмов и глав из Евангелия; вынесение решений по каким-либо хозяйственным вопросам. А ведь самый пик развития умственных способностей мужчины приходится на 60 лет! Так что руководство доверялось не просто старшему мужчине в доме, но самому на тот период умному.

Вот из какого контингента формировался древнейший наш инструмент самоуправления — вече.

«И никогда Бог не оставлял славян, потому что они по естеству жили... Сама природа, сам уклад жизни им давал развитие, возможность формирования для вечной жизни. И это формирование, это благочестие не с юга, не с запада. Это осталось еще, я не сомневаюсь, от Ноя, от Адама» [115, с. 89].

Принадлежность нашего народа к самому древнему на земле этносу, то есть к единственному на земле народу, не подвергнутому вавилонской мутации, теперь доказывается и генетиками [156, с. 7–10]. Так что наши корни, что не может не отметить и сегодняшняя наука, являются и действительно самыми древними на планете. И уходят в седую древность к нашим прародителям: Адаму, Ною, Симу, Палеку (Палеху) ...

Потому и впоследствии именно наш жизненный уклад являлся единственным наиболее приемлемым для выращивания человека, достойного своего Создателя. И никто во всем мире

не имел никогда ничего даже и в самой малой степени приближенного к нему:

«Традиция земского самоуправления, оформленная юридически в сер. XVI в., пронизывает общественную жизнь Древней Руси. Земские соборы — съезды всех сословий государства — проходили в то время, когда по всей Западной Европе царил холод абсолютизма.

Русская монархия вплоть до XVIII в. носила сословно-представительный характер. Россия XV–XVI вв. обладала единственной в то время среди других стран мира системой управления, основой которой было самоуправление на всесословной основе...

Согласно Судебнику 1550, представитель центральной государственной власти (воевода и т. п.) не имел права арестовать человека, не предъявив доказательств его вины представителям местного самоуправления — старосте и целовальнику. Если этого не происходило, то староста и целовальник, по требованию родственников арестованного, могли освободить его и взыскать с представителя администрации штраф за «бесчестье».

Таким образом, первый закон о неприкосновенности личности впервые был принят в Древней Руси, а не в Западной Европе, где он появился только 120 лет спустя» [92, с. 753–754].

Однако же, судя по содержанию новгородской грамоты № 531 [152], этот срок смело можно отнести как минимум еще на пару-тройку столетий вглубь веков. Судя же об удивительнейшей нашей привычке жить свободно, этот ни у какой иной нации в древности не встречающийся закон и составляет основу нашего русского менталитета, накрепко увязанного с поклонением Богу истинному, близкое общение с которым только-то и могло воспитать в человеке такое чувство.

«Хотя наши князья и вели воинственный образ жизни, но в обращении с народом они нередко проявляли черты истинно отеческой заботливости, добродушия и кротости. В народных песнях не слышится ни малейшей жалобы на притеснения со стороны бояр и князей, на худую, тяжелую жизнь, — значит, жить было хорошо [ровно в 370 раз лучше, чем теперь! — А. М.]. За самые тяжелые преступления виновный платился лишь своим имуществом, отдавая определенную законом пеню. К телесному наказанию не прибегали. Слова «да будет мне стыдно» служили порукой в верности и нерушимости принятых на себя

обязательств... Все государственные расходы главным образом ограничивались издержками на содержание князя, его семейства и двора, которые не могли быть тяжелы для населения, так как для покрытия их князья обыкновенно имели свои княжеские села, доставлявшие им все необходимое, свои заповедные леса, рыбные ловли и т. п.» [78, с. 388–389].

«Народный характер российской монархии становится очевиден, если вспомнить, что именно ее народ восстановил в Смутное время» [41, с. 169].

Но когда объявилось у нас столь не свойственное нашему народу некое такое «общежителство», именуемое *крепостничеством*?

В нашей стране эта форма межлюдского общения завелась лишь после того, как густо окружившим троны наших монархов масонам удалось внедрить систему попугайничания у невежественного Запада. Ведь крепостничество в безграмотной Западной Европе бытовало еще за три века до искусственного введения этого вида мракобесия, то есть некоего такого «прогрессивного» вида взаимоотношений между людьми, теперь еще и у нас:

«... законы, капля в каплю напоминавшие отмену русского «Юрьева дня», появились в Англии гораздо раньше, в 1349 г» [15, с. 382].

С тех пор их мужик, лишенный земли, а, следовательно, и собственного жилья, не знал покоя: вплоть до самого последнего времени он был совершенно бесправен, имея в этой жизни только лишь долги, за которые сиживал в тюрьмах, лишался рук или головы, бывал порот кнутом и выгоняем отовсюду на улицу. Где его и поджидал итог их успешной борьбы с перенаселением: петля за бродяжничество.

Но вот, ровно три века спустя, эта мода на мракобесие, благодаря усиленной работе внедренных к нашему двору масонов, была взята за основу общежителства теперь еще и у нас. Началась же эта ушедшая от нашего взора «бескровная» (кровно родственная бесам) революция, как это ни странно выглядит теперь, еще задолго до реформ Петра. Сначала законодательство наше подправила ввалившаяся к нам армада непрошенных пришельцев — татаро-монголов:

«До тех пор князья наши волею-неволею должны были разделять власть с народною властью веча или подбирать себе сторонников в рядах народа. Собственно, они были только правителями, а не владельцами, не вотчинниками, не государями.

Монголы, как по своим понятиям, так и по расчету, естественно, усиливали власть и значение князей насчет веча: легче и удобнее им было вести дело с покорными князьями, чем с непостоянными собраниями веч. Вот отчего все русские князья, побивши челом хану, получили тогда свои княжения в вотчину, и власть их в большей части русских земель очень скоро подавила древнее вечевое право» [51, с. 85].

Дальше — больше. И вот некогда совершенно свободного человека, наконец, связала по рукам и ногам Лжедмитриями и масонством сплетенная для него петля:

«В 1648 году был отменен Юрьев день, и для крестьян была закрыта возможность уйти от помещика. Указ 1648 года запрещал обращаться с жалобами к царю помимо низших инстанций» [41, с. 167–168].

То есть онемечивание русского мироустройства, как теперь выясняется, начинается еще со времен правления Алексея Михайловича. Так что и его слишком уж чрезмерно разрекламированное почитание отеческих законов, когда он якобы отбивал за раз по тысяче земных поклонов, с его делами что-то уж не слишком вяжется. Ведь именно он создал предпосылки для полного переиначивания наших древних порядков — самых совершенных на тот день во всем мире.

Но тут следует заметить, что отмена Юрьева дня была произведена не в первый раз. Первую попытку закабаления русского человека следует отнести еще к царствованию безвольного Федора, сына Ивана Грозного. Но такая совершенно невяжущаяся с русским образом жизни зависимость просуществовала недолго: это в ту пору еще не имеющее под собой почвы модное закордонное новоизобретение, спустя лишь несколько лет, при восшествии на престол Бориса Годунова, за еще полной невозможностью его в ту пору исполнения, пришлось упразднить.

Но вражьи силы не дремали: столетие шла подготовка к закабалению русского человека. А потому при Петре лишь уже чисто юридически оформляется этот отказ от традиции соблюдения Алексеем Михайловичем «Русской Правды» Ярослава Мудрого:

«... в царствование Петра Первого, который указом о единой наследии (1714 г.) вообще закрепил крестьянина за помещиками» [41, с. 168].

Но лишь одним изобретением для русского человека застенка, с тех пор раскинувшегося на огромные расстояния, вся эта эпопея не закончилась:

«Петр закрепостил крестьян, а Екатерина раздала казенных крестьян в частные руки» [41, с. 168].

За такие «подвиги» их и принято называть «великими».

Но даже в лютую годину крепостнического безвременья, спровоцированную усаженным нам на шею царем-антихристом, русский народ, относительно других народов Европы — «свободных», имел куда как много более предпочтительное положение:

«Пушкин присоединяется к мнению Фонвизина, что судьба русского крестьянина счастливее судьбы французского земледельца. Пушкин утверждает, что русский крепостной счастливее даже английского (тогдашнего) рабочего. Описав «ужасы» (не исключая отвратительных истязаний) английских рабочих, Пушкин говорит: «У нас нет ничего подобного. Повинности вообще не тягостны. *Подушная платится миром*, барщина определена законом; оброк не разорителен... Крестьянин промышляет, чем он вздумает, и уходит иногда за две тысячи верст вырабатывать себе деньги... В России нет человека, который не имел бы собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши, *у нас не иметь коровы знак ужасной бедности*. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу он ходит в баню, умывается по несколько раз в день»...

...Пушкин справедливо находил, что на Западе (даже в Англии) отношения между высшими и низшими сословиями отличаются гораздо большей униженностью, доходящей до подлости. Вспомните таких «рабов», как живая Арина Родионовна, и сочиненный, то есть списанный с натуры Савельич» [69, с. 208–209].

Не меньшей удивительностью отличаются воспоминания об этих самых неких якобы «рабах» у Н. В. Гоголя. Когда он ехал в очередной свой вояж по России:

«... попалась навстречу девочка с миской земляники. Гоголь хотел купить, а девочка отдала ягоды даром, сказав: «Разве можно брать деньги со странников»» [127, с. 459].

То есть с людей, идущих по миру с сумой: вот за кого девочка-крестьянка приняла путешествующего барина. Русская девочка, очевидно, еще не зная, в какую одежду одеваются зажиточные

люди, подала барину милостыньку. Подала земляничкой, но отдала бы, думается, все то, что у нее на тот момент было под рукой: ведь странникам на Святой Руси, где и проживала эта девочка, всегда было принято подавать. Проезжий же барин жил в совершенно другой стране, хоть и в той же казалось бы самой. Вот тогда-то, думается, Николай Васильевич и задумался: а кто же из них двоих является нищим? Ведь торгующие чужими душами Плюшкины со Коробочками, что просто непревзойденнейше он отобразил в своей поэме, с высоты своего блошиного взгорка всерьез считают себя хозяевами тех людей, чьи дети им самим готовы подать милостыньку, напрочь при этом отказываясь принять за это хоть какую-либо компенсацию. И им невдомек, что кто-то там порешил считать их своею собственностью: этих засевших на их теле инфузорий они просто не замечают, хоть и понимают, что какая-то мелочная душонка все ж попивает их густую сочную кровушку. И давно пора бы стряхнуть с тела эту присосавшуюся надоедливую вошь, да все как-то пока руки не доходят.

Девочка не разбиралась в одеждах. Ей было еще неизвестно, какой покроей платья предпочитают высшие слои общества. А встретился ей проезжий человек на дороге, ведущей в Оптину пустынь. Потому, очевидно, он и был ею легко принят за странника, которому русский человек всегда дает приют и кормит бесплатно. Но жизнь таких людей, как тогда, вероятно, понял Гоголь, он знал слишком плохо. А потому был так сильно поражен поступком девочки.

Так как же вдруг случилось, что приписанное нам «тысячелетнее рабство» самими нами оказалось вдруг не обнаружено?!

Сначала о неких якобы «перепродажах» русских людей — оптом и в розницу.

Любой, так сказать, «перепроданный» русский человек, если ему такое не пришлось бы по вкусу, мог взять да и уйти. Вот пример, над которым и сами коммунисты, не понимая, что роют себе при этом яму, будут рукоплескать просто взахлеб:

«Сравнительно недавно вполне точно, по документам, установлено, что дед Ленина, Николай Васильевич Ульянов (1764—1836), был крепостным крестьянином деревни Андросово Сергачского уезда Нижегородской губернии. Отпущенный в 1791 году помещиком на оброк... спустился вниз по Волге

до устья, уже не захотел вернуться и в конце Концов стал «вольным» астраханским мещанином» [50, с. 199].

То есть ушел просто так — надоело на кого-то батрачить. А потому с барышом и не воротился — присвоил его себе: дело, судя по всему, в те времена обыденное.

И ни о каком возможном конфликте с барином этого крепостного крестьянина нам не известно. То есть не вернулся он с барышом не из чувства мести или недовольства, а просто так.

Но если был бы еще какой-либо конфликт, то и разговору о невозвращении вообще никакого не было бы. Потому пробовать помещикам выказывать какие-то там свои особые права на судьбу русского человека было просто бесполезно: он мог уйти в любой момент, если ему что-либо здесь, на месте своего изначального обитания, не слишком понравится. Ведь пойти по миру с сумой никому запрету не было! А значит, любой, так сказать, «перепроданный» крестьянин, даже обремененный на борзую, что было особо модно смаковать в репино-некрасовских кругах, мог просто собрать пожитки да и уйти куда ему вздумается! Поиск же беглого стоил, думается, денег немалых. Ведь и полиции у нас было в восемь раз меньше, чем во Франции.

Так откуда же возникла эта странная легенда о перепродажах русских людей оптом и в розницу?

Эта странная версия, судя по всему, могла возникнуть только после захвата власти в нашей стране большевиками. Ведь исключительно лишь им была необходима легенда о некой «тысячелетней рабе», которую именно они якобы от чего-то особенного затем и освободили. Потому мнения Репино-Некрасовского образца, по запланированной программе невероятно раскрученные пропагандой захвативших власть в стране интернационалистов, им оказались в самый раз. Но достаточно серьезные нестыковки этих версий с действительностью слишком заметны и просматриваются невооруженным глазом за версту.

Вот что нам на эту тему сообщает Ключевский, и в мыслях не имея как-либо скрасить создавшуюся тогда ситуацию:

«... бестолковые поборы, какими помещики обременяют своих крепостных, вынуждая их на долгие годы бросать для заработков свои дома и семьи и «бродить по всему почти государству»» [49, с. 523].

То есть вот отчего, как теперь выясняется, страдал некими изобретателями «тысячелетней рабы» чуть ли ни колючей

провоолокой притороченный к барскому полю русский крепостной: он полжизни где-то шлындал по своим делам, даже в самых кошмарных сновидениях не представляя, что за его душу какие-то там баре ведут какой-то там такой торг. Он мог в любой момент оказаться в любой точке своей огромнейшей страны: от Чукотки до Польши и от Финляндии до Сахалина. Никаких ограничений в передвижении по своей стране он, как теперь выясняется, вовсе не испытывал. Ведь даже в самые страшные времена, бироновские, Ломоносову, например, доводилось часто видеть:

«... крестьян, которые, по тогдашнему выражению, «скитались стадами»» [75, с. 121].

То есть даже и тогда, когда мужское население России, Петром уменьшенное наполовину, стараниями его «птенчиков» все так и продолжало уменьшаться, что сопровождалось голодом и эпидемиями, русский человек, не связанный никакими удавками, лишь теперь, как получается, для него и изобретенными, скитался по свету «стадами». То есть в количестве слишком немало, чтобы его миграций в хлебные волости можно было как-нибудь попытаться не заметить, объявив его накрепко прикованным к не принадлежащей ему барской земле.

А шатались-то, между прочим, *крепостные*:

«Указы за указами следовали против нищенства, все было напрасно. В 1734–1736 годах шатались по дорогам толпы *помещичьих людей*...» [51, с. 909].

Между них, что и естественно, совершенно свободно бродили и беглые. Им предлагали воротиться к этим их самым *крепостникам*:

«... давались беглым милостивые сроки, в которые дозволялось воротиться с побега и остаться без наказания. Но охотников на такие милости и при Анне Ивановне, как и при прежних государях, являлось немного» [51, с. 909].

Понятно дело, в надежде все ж заставить крестьян воротиться к их «хозяевам» государство ежегодно проводило огромное количество беглых русских людей через Тайную канцелярию. После чего из наотрез не желающих возвращаться обратно крестьян набралось слишком много изуверченных палачами так называемых *колодников*, которых государство никак не желало кормить за свой счет. Это понудило правительство издать указ:

«... отдавать их в работы частным лицам с платою им по 24 рубля в год...» [51, с. 909].

Но если учесть, что они, так сказать, «срок мотают» и все это заработанное должно предназначаться им исключительно на пропитание, то их ежедневный рацион должен был бы составить до 7 кг мяса. Для колодников — нормально. Праздно же по всей стране шатающиеся, что и понятно, могли за свою работу запросить много более.

Однако ж произвол господ, пытавшихся выбить из русского человека больше, чем он мог произвести, и бремя непомерных налогов, узаконенных еще Петром, понуждали крестьянина покидать земли своих пращуров и скитаться на чужбине в поисках лучшей доли. А смог бы взять да и уйти со своей фабрики считающийся *свободным* извечно ходящий в должниках у работодателя англичанин?

Да тут полиция на следующий же день с ног бы сбилась, разыскивая правонарушителя! И уж не в удивление увидеть испортого в кровь, чуть живого этого самого «свободного»! Мало того, не только не освободившегося от своих долгов, но и рискующего после этого попасть так и вообще — на каторгу.

И это все потому, что из англичанина работодателю требовалось выжать денег еще, а потому забить до смерти или искалечить парочку из каждой дюжины беглецов — дело обыкновенное и отнюдь не разорительное; Ведь своей земли у англичан, именуемых «свободными», все равно нет. То есть ни у кого из этих самых «свободных» нет ни кола и ни двора! Потому и жить-то им зачастую просто негде: жилье приходится снимать. А потому завтра эту парочку покойников заменят пятеро вновь и исключительно лишь по собственной инициативе нанявшихся на работу. Ведь другой формы заработка, кроме как найма к мироеду, у них вообще не имелось и в помине!

У нас же каждая живая душа — денег стоила. То есть тех самых денег, которые барину, к которому она была приписана, требовалось ежегодно сдавать государству. А потому эта самая «острастка» грозила полным и мгновенным разорением самодура. Крестьяне такого не поймут и поступят в данном случае двояко: либо одновременно разбегутся, почуяв пришествие на их головы супостата, что оставит этого нелюдя даже не просто без гроша за душой, но в больших долгах у государства,

либо самого его кончат. А затем явятся на следующий же день в полицию — ведь лучше еще здесь на каторге пострадать, чем затем за смертоубийство вечность маяться. Потому и полиции у нас требовалось, несмотря на огромнейшие наши территории, в пять раз меньше, чем в той же Англии. Но был и третий вариант протеста:

«В 1735 году, после двухлетних неурожаев, обеднел везде народ, и повсюду умножились разбойничьи шайки...» [51, с. 910].

Воевать с ними было достаточно опасно. Потому приставленный для войны с ними полковник Редкий полностью бездействовал, лишь беря взятки с тех лиц, с кого можно было их взять. А потому:

«... разбойники в следующем 1738 году самым безобразным способом давали о себе знать на Волге и на Оке: они грабили плававших по этим рекам торговцев, нападали на помещичьи усадьбы и мучили жестокими истязаниями владельцев и их дворовых, не давали также спуска казенным таможням и кабакам, убивали целовальников и голов и забирали казенные сборы. Они как будто не сознавали большого греха в своих поступках, жертвовали церкви материи, награбленные у купцов, покупали колокола и нанимали священников служить панихиды по умерщвленным на разбоях» [51, с. 910].

То есть когда ввиду тяжелейшего в ту пору налогового бремени обыкновенный отказ русского человека от не приносящих необходимого дохода работ успеха не приносил, тогда он брался за оружие и громил прежде всего государственные учреждения, терзавшие его непосильными налогами. Не менее спокойно и рассудительно он изводил и усаженного ему на шею барина, убийство которого теперь даже за грех не считал. Так что когда терпенью приходил конец, тогда приходил конец и терзающим народ нововведениям, которые либо полностью игнорировались, либо просто-напросто физически истреблялись все те лица, которые пытались отстаивать право государства на обирание русского человека до нитки. Тут все становилось на свои места: страшен русский бунт!

Однако ж и в армии, где указами царствующих особ, следуя модам заграницы, производились попытки введения физического наказания солдат, русский человек применил вновь столь свойственную ему форму протеста: стал самовольно покидать

ряды таких странных воинских формирований. И это понятно: русский человек по природе своей не жандарм и не каратель. Ведь подобного рода части, состоящие именно из добровольно поступивших на службу к царю-антихристу лиц, могли существовать в качестве карательного органа лишь в долгие годы все ведущейся им нескончаемой войны.

Но его гвардия, что и естественно, к моменту смерти зачинателя «славных дел» уже выслужилась из рядовых и осела в верхах созданного Петром общества. А для набора подобного же нового войска не хватало самого главного — Петра. Набираемый же исключительно по призыву, то есть в приказном порядке, а не как вольнонаемный, русский человек жандармских функций выполнять совершенно не желал. И заставить его убивать себе подобных не мог никто. Попробовали заставить его работать палачом насильно — ввели палочную дисциплину. Но вот что из этого только вышло:

«... сухопутное войско не состояло в своем надлежащем комплекте, постоянно в бегах считалось тысяч до двадцати и более» [51, с. 910].

То есть треть изобретенного для истребления собственного народа воинства, предназначавшегося для ведения войны с массово разошедшимися по лесам крестьянами, постоянно находилась в бегах. Что и не позволяло воплотиться всем планам по обузданию этого столь непокорного народа.

Но вот интересный момент. Советская историография с поразительным восторгом сообщает о декабристах, которые в ту пору русского человека так страстно желали осчастливить: от чего-то там такого особенного освободить. Вот теперь и посмотрим — от чего.

Идеолог декабризма Пестель, как теперь выясняется, ратовал не за отмену крепостничества, но за создание некоей новой структуры, способной де обеспечить эту самую якобы нам слишком на тот день все еще недостающую «свободу», которую должны поддерживать не памфлеты, лозунги и стихи, но усиленная служба безопасности, именуемая им «Высшим благочинием». И вот как Пестель желал обустроить свое фискально-палаческое детище:

«Естественно, чины «внутренней стражи» должны получать самое высокое жалованье: «Содержание жандармов и жалование их офицеров должно быть втрое против полевых войск...»

...численность «ревнителей благочиния» предполагается огромная: «Для составления внутренней стражи, думаю я, 50 000 жандармов будут для всего государства достаточны».

Для сравнения: тогдашний Корпус внутренней стражи, в который входили и жандармские, части, к 1825 г. насчитывал всего *около пяти тысяч человек...*» [15, с. 460].

А между тем:

«... к 1842 г. штаты многократно руганного и предаваемого анафеме III отделения составляли... 40 человек...» (там же).

Вот почему как крепостной крестьянин, например, Николай Васильевич Ульянов, так и практически любой иной житель нашей земли имел полную возможность уйти туда, куда ему заблагорассудится. Ведь на всю нашу страну, самую огромную в мире, которая своей территорией раз в 100 превышала пределы той же самой Англии, приходилось всего 5 тыс. жандармов и 40 человек охранного отделения!

Пестель, для обеспечения этой самой своей «свободы», требовал увеличить количество только жандармов, как минимум, в десяток раз. Мало того: требовал своим жандармам многократного повышения жалованья.

Для чего же ему понадобилось такое резкое усиление карательного аппарата?

Так ведь все эти самые их «демократии» только и держатся на чрезмерно раздутом репрессивном аппарате, совершенно однозначно указывая нам: для чего они вообще затеваются.

А смута затевалась достаточно серьезная:

«В 1823 году в Киеве состоялся тайный съезд «союза Благоденствия», где решено было совершить ряд убийств и ввести в России временное правительство. Декабристы порешили убить не только императора Николая I, но и всю его семью (!) ...Крови взалкали аристократы, запамятавав, что Франции подобный эксперимент обошелся...» [100, с. 131] «... по разным оценкам, от 3,5 до 4,5 млн. человеческих жизней» [50, с. 103].

Где сами зачинщики и были уничтожены в самую еще первую очередь.

Так по какой же причине отъевшиеся на русском дереве жизни короеды столь яростно подгрызали сук, на котором сами же и сидели? Зачем вообще потребовалось вроде бы и нужды ни в чем не ведающим Коробочкам-Собакевичам, второе

столетие кряду благополучно пропивающим на пирах бьющуюся через край энергию русского человека, во все эти сомнительные революции играть?

Да их попросту надули! И поймали, что самое смешное, на ту же глупую уловку, из-за которой затем найдут свою Иудину петлю их последователи в 1917 году.

И вот каковы мотивы их упорного незамечания итогов тогда еще только что прошедшей, буквально у них на глазах, революции во Франции:

«... основным мотивом, подвигнувшим декабристов на мятеж, было желание освободиться от своего кредитора, то есть — императорской фамилии. Шеф жандармов Дубельт так и пишет: «Самые тщательные наблюдения за всеми либералами, за тем, что они говорят и пишут, привели надзор к убеждению, что одной из главных побудительных причин, породивших отвратительные планы «людей 14-го декабря», было ложное утверждение, что занимавшее деньги дворянство является должником не государства, а императорской фамилии. Дьявольское рассуждение, что, отделившись от кредитора, отделяются от долгов, заполняло главных заговорщиков, и мысль эта их опережала...» [15, с. 460–461].

Тут с шефом жандармов следует не согласиться лишь в одном: отнюдь не главные заговорщики питали себя иллюзиями лишь чисто экономического характера. Дело обстояло с точностью до наоборот: поддерживавшее главных заговорщиков дворянство требовало «продолжения банкета». Не хотелось ему, уже давно прокутившему свои капиталы и находящемуся по уши у государства в долгах, садиться в долговую яму или хотя бы, в лучшем случае, заканчивать свои пиры. Руководители же этого самого «восстания», типа Пестеля, прекрасно знали: чем заманить в революцию наиболее влиятельных людей светского общества. Потому и в планах намечаемого переворота просто обязаны были отразиться интересы исключительно лишь тех лиц, которые принимали участие в заговоре, организованном тайным масонским обществом. Основным же пунктом в этих планах являлась четкая прослеживаемая теперь параллель: масонство — еврейство.

«Было что-то мазохистское, суицидное в поведении дворянства и интеллигенции. Евреев еще было не видеть, но судя по «Конституции Пестеля», даровавшей им равноправие

и учреждавшей в России Синагогон, они были рядом, в суфлерской будке» [100, с. 132].

То есть организацию, курирующую планы Пестеля, правильнее называть не просто масонской, но жидомасонской.

Но и здесь нет ничего особенного. Ведь подобные же планы вынашивал и Наполеон, принявший в Египте от масонов чин императора. Причем, именуется сегодня эта организация, в прошлом — братство Луксор, организация Ротшильдов-Рокфеллеров, — «Мемфис-Мицраим». А ведь Мицраим — это кровный брат Ханаана, проклятого Ноем. И именно на этом наречии потомка Хама, *заклейменного проклятьем*, и совершают свои мессы как колдуны и чернокнижники, масоны и астрологи, так и адепты ортодоксального иудаизма.

Вот в чем заложена основа этого столь странного требования Пестеля о создании в России Синагогона

А в основу плана декабристов входило не что иное, как обуздание русского народа слишком в ту пору, как получается по Пестелю, чувствующего себя в своей стране вольготно.

И исключительно против этого народа выстраивались всегда планы масонов, руководящих Пестелями. В их планы входило устроить этому ну никак не желающему сходить с дороги своих пращуров народу кровавую баню, которая либо выбьет из-под ног этого извечного упряма столько враждебное братьям вероисповедание, либо просто уничтожит его физически.

А для того Пестель и потребовал в 10 раз, и это, понятно дело, как минимум — лишь для начала, увеличить репрессивный аппарат. Ведь на тот день вероятность возможности выловить ушедшего от «хозяина» крепостного крестьянина, по отношению к «свободному» англичанину, при учете нашего на тот день от них в этом вопросе «отставания» 1: 5, равнялась 1: 500!

То есть на каждые 500 выловленных и отправленных на каторгу, высеченных или повешенных «свободных» англичан, в лучшем случае с вырванными ноздрями и обрубленными конечностями, мог приходиться лишь один русский человек! Но при этом убивать его никто никакого и права не имел. Так ведь и в случае самоуправства барчука самому ему башку отхватить могли все в те же 500 раз проще, нежели в той же «старушке Англии»! Поди еще доберись сначала из какого-нибудь захолустного Урюпинска до этого самого столь спасительного для барчука жандармского отделения!

Ведь сама огромность территории нашей страны спастись от самосуда предоставляет самодуру в 100 раз шансов меньше, чем все в той же старушечке Англии! Но ведь и количество самих этих жандармов, способных упасти барчука от самосуда, и еще куда как меньше: в 5 раз! И если кому просто даже сказал чего не того, то «ты барин того, смотри»: кругом дебри и мужичины бродят с топорами, да и глядят на тебя все косо — не приучены они здесь получать плетей по ягодицам, как все в той же старой доброй Англии: выпоротый мужик, со товарищи, встретит тебя на узкой глухой дороженьке! Так что ты, барин, того, не балуй: смотри — башку свернут в пять секунд — ойкнуть не успеешь...

А ведь во Франции, в сравнении со все той же «старой и доброй», жандармского войска, на душу населения, было и еще вдвое больше! Каковы шансы выживаемости у нашего самодура в сравнении еще и с ними?!

Так что никаких цепей, которые попытался набросить на него Петр, — русский человек не носил. И пусть не сладко ему жилось в те лютые эпохи последователей Петра и введенной им государственной системы обирания до нитки, но работать в качестве раба, ничего за свой труд не получая, он тоже не соглашался. Поэтому толпами и скитался, бродяжничая. И его хватали, били, рвали ноздри, но работы задарма от него добиться так и не смогли.

И так тянулось, судя по всему, до того самого момента, пока Екатерина II, после ограбления ею русских монастырей, под угрозой грандиозного бунта, просто обязанного тогда произойти в защиту Православия, чтобы уйти от неизбежности гражданской войны, срочно пошла на радикальные уступки и уменьшила бремя налогов до разумных пределов.

Так что не благодетельство Екатерины позволило русскому человеку тогда вновь вернуться на свою землю, но лишь неслыханное воровство этой сороки-воровки, покусившейся на богатства Церкви, в тот самый момент обезглавленной Петром и напрямую управляемой масонами. Понятно дело, раны зализывать нашему крестьянину, после полувека правления Петра с его «птенцами», пришлось достаточно долго. А никто о его в XVIII веке необыкновенном процветании и не говорит — его просто терзать в тот момент перестали. И с того самого момента он жил сам по себе; в достаточном отдалении от верхних слоев общества, которые в тот момент жили в каком-то параллельном

обособленном мирке, рядовому жителю, страны становящемуся все более непонятным. Баре проживали в каком-то невообразимом спектакле, на который русский человек весьма охотно хаживал поглазеть. Но отнюдь не завидовать этой их странной жизни, как может нам теперь на первый взгляд показаться, но подивиться чудачествам, которые тем приходится над собою выделять, чтобы успешно нести свою нелегкую службу при дворе. То есть корчить из себя шутов, по мнению русского крестьянина, являлось нелегкой *работой* барина, обремененного несением государственной службы.

И здесь закрадывается вопрос: а как у нас обстояло дело с возможным в те времена подобием «первой брачной ночи» в странах Западной Европы?

Ответ В сущности Отечественной войны 1812 года, когда лишь за месяц сидения в Москве войска французов от руки безоружных подмосковных крестьян потеряли более 30 тыс. солдат. Сколько *сотен* тысяч солдат революционной Франции они, только лишь под ударами «навозных вил», потеряли до этого и после этого, если обратно через Неман перешло лишь несколько тысяч обмороженных «шер ами», то есть шаромыжников, из числа некогда Великой армии неприятеля?

С самого первого дня вторжения к нам 666-тысячного воинства врага и дня не проходило без потерь десятков, сотен и даже тысяч вражеских солдат на нашей территории. И это в тот момент, когда наша армия, вообще-то предназначенная для защиты мирного населения своей страны от вторжения неприятельских войск, полностью бездействовала:

Мы долго молча отступали:

Досадно было — боя ждали.

Боя, после которого, в полной независимости от его исхода, можно будет в полон к неприятелю сдать и столь ненавистную масонам обеих армий столицу русских — Москву. Сдать неожиданно: вместе с ее святынями, позволив предать их мерзости запустения. А тогда главнокомандующие обеих армий: масоны Кутузов и Наполеон, а так же сам российский император Александр I, масон же, провозгласят общее замирение всех воюющих в ту пору стран и объединят их под общим руководством Наполеона Бонапарта. Ведь именно его, императора от братства Луксор, и должны были в тот момент объявить мировым

диктатором. И именно он мировой масонской закулисой, как и несколько ранее до того Петр, был подготовляем для принятия на себя титула антихриста. То есть лжехриста.

Но никто, судя по всему во исполнение вышеуказанных действий, особых зверств на территории проживания русского человека творить в ту пору вовсе и не намеревался. Ведь врывавшиеся в западно-русские селения мародеры вели себя точно так, как вели они себя несколько ранее — в захвачиваемых ими странах Запада.

Но если там захватчикам полагалось творить все (отдавание чести их девиц там считалось делом вполне естественным и никто против этого не выступал — ведь не выступал же никто в тех рядовых и чуть ли ни повседневных «случаях», когда выданная замуж невеста, вместо законного своего супруга, в момент расставания со своей невинностью, обязана была, по их законам, сожительствовать с господином, в чьих рабах числилась эта так сказать «свободная» жительница этого «белого» континента), то уже у нас такой номер не проходил. Мы, за честь своих девиц, что резко менталитет русского человека отделяет от менталитета Запада, оказывали в подобных же ситуациях слишком серьезное сопротивление. Сами же девицы, в момент безвозмездной передачи нашими войсками наших территорий врагу, вели себя много иначе, чем фрейлины Запада — у нас нет такой западной привычки: отдаваться не по любви, но по прихоти насильника. Потому путь врага был устлан трупами. Трупами, что и понятно, с обеих сторон: война с самого первого дня приняла характер народной.

И здесь в поведении русских людей ничего особо нового не прослеживается. Ведь если на Западе прелюбодеяние поддерживается даже их законами, например, «правом первой брачной ночи», то уже в наших законах, являющихся неотъемлемой частью сводов правил, взятых из жизни по Евангелию, такая вольность является преступлением и наказывается вполне сурово. Ведь законная супруга этого господина может вполне обоснованно подать в суд на своего мужа, уличенного в измене, после чего может выходить замуж повторно. Он же, после случившегося, жениться права больше не имеет! И его естественным путем на Святой Руси является дорога в монастырь... В противном случае — он преступник рецидивист, за что и ответит соразмерно своим преступлениям.

Так что просто животные порядки заграницы, где богачи буквально узаконивали свои права на беззаконие, лишь подтверждают, что их религией никогда не являлось Христианство, основной свод законов которого, Евангелие, прелюбодеяние среди своих приверженцев наотрез отвергает. Потому порядки святоотеческие — наши — от их диких порядков отстоят достаточно далеко.

И в отличие от ныне изобретаемых версий по истории, нам всегда было ясно, что лишь на Руси может существовать настоящий порядок. И исключительно в силу нашей ментальности, полностью основанной на Православии.

У них же человек человеку всегда был волком. Потому право богатого на бесчестье невесты бедняка у них являлось законом. Потому приход иноземного войска, грабившего и насилующего все что шевелится, для них тоже — норма поведения над завоеванными: «Горе побежденным»!

И если облеченный властью или имеющий деньги человек у них имел право обтирать ноги обо всех остальных, то вот какова участь в странах Запада всех этих несчастных «остальных». Вот как, например, в середине XVIIIв. поживал «свободный» немец:

«Горожане, даже не работающие непосредственно в рудниках, приветствовали друг друга словами «gluckauf» («Счастливо выбраться наверх!»). Несчастные случаи в рудниках и гибель шахтеров были постоянными спутниками рудокопов, получавших мизерную плату за свой поистине каторжный труд. Недельный заработок рудокопа был 18–27 грошей, из которых несколько грошей уходило еще на свечи для шахты, которые рабочий приобретал за свой счет» [75, с. 175].

Ломоносов, попав в это царство беспросветного примитивизма, просто не мог не обратить внимания на:

«... черты отсталости иностранной техники, которые она влachte за собой как наследие неизжитого средневековья» [75, с. 180].

«В своих «Первых основаниях металлургии» Ломоносов вспоминал виденных им в Саксонии «малолетних ребят», которые, «несмотря на нынешнее просвещение, еще служат на многих местах вместо толчейных мельниц», то есть толкут и растирают насыщенную серой и сурьмой руду. Тогда как, замечает Ломоносов, легко было бы сделать для этого механические приспособления наподобие мельниц: «для лучшего ускорения работы и для

сбережения малолетних детей, которые в нежном своем возрасте тяжкою работою и ядовитой пылью здоровье тратят и на всю жизнь себя увечат»» [75, с. 180].

«Чем дольше жил Ломоносов за границей, тем отчетливей видел он повсюду проявления косности, невежества, нищеты и рабства» [75, с. 180].

Но у немцев были еще только лишь цветочки той самой западной цивилизации, которую столь упорно хотел усадить на тело России Петр. Ведь и во всех иных даже самых теперь наиболее расхваливаемых странах Запада их пещерный примитивизм распространял и пещерные порядки:

«... в той самой «цивилизованной» Британии всего двести пятьдесят лет назад шотландские шахтеры работали в *рабских* железных ошейниках, а за кражу вешали *детей* лет 12–14» [15, с. 535].

Но и в самой Англии борьба с «перенаселением» велась никак не менее кровавадно. Вот чем отмечен там момент поворота к этому самому их сегодняшнему «прогрессу», когда, по их же выражению, «овцы съели людей»:

«Крестьяне, лишённые земли, превратились в пауперов-нищих, согласных работать на капиталистических предприятиях за гроши, лишь бы не сдохнуть с голоду. Тех, кто не хотел работать на новых хозяев и продолжал бродяжничать, казнили безжалостно. Англичане в пору первоначального накопления вешали детей за украденную булку...» [45, с. 15].

И вот где лежат истоки их жизнеустройства, столь выглядящего для нас непривычным. Ведь Запад принято теперь только расхваливать на все лады:

«В царствование Генриха Восьмого (1509–1547) более 72 тысяч человек (около 2,5 % *всего* населения страны) было казнено за «бродяжничество и воровство»... эти «бродяги и воры» — согнанные с земли крестьяне...

И стратегическая задача была выполнена — созданы огромные поместья «нового типа», где на чужой земле работали наемные батраки (До сих пор в Англии более 95 % тех, кто непосредственно работает на земле — *арендаторы*)» [15, с. 536].

Не размягчились их нравы и к «просвещенному» XIX веку:

«... по тогдашним британским законам смертная казнь полагалась по 69 статьям уголовного кодекса, в том числе за кражу любой собственности стоимостью больше 6 пенсов,

и за действия, которые мы сейчас назвали бы «мелким хулиганством», а тогдашний британский закон называл иногда «угрозой общественному спокойствию» [ну это вновь фем — уже в XIX веке! — А. М.]. Само представление о том, кто такой «преступник» и «уголовник», весьма своеобразно в государстве, где 20-летнего парня могут приговорить к смертной казни за то, что он украл овцу (стоимостью в шиллинг, то есть в 12 пенсов), чтобы сварить бульон умирающему отцу; где девушку 16 лет, дочь боевого офицера, погибшего в Индии, публично секут плетью и приговаривают к 25 годам каторги...

Парень не взошел на эшафот только потому, что его отправили в Австралию (его отец тем временем умер, так и не поев перед смертью горячего).

А его будущая жена, совсем молоденькая девушка, офицерская дочь, попадает на том, что вместе с двумя подружками украла у богатой старухи шаль стоимостью 10 пенсов. Девушки умоляют судей снизить к ним: всем трем, дочерям вполне почтенных, но умерших родителей, стало буквально нечего есть. Они не могли найти никакую работу и несколько дней до «преступления» слонялись по улицам без кола и без двора, не имея и куска хлеба. «Порядочные девушки работают! — обрывают их присяжные, и их вердикт звучит: — Виновны по всем пунктам!» Судья буквально набрасывается на девушек, стучит на них кулаком и ведет себя так, словно к нему привели самых страшных рецидивистов со всей Англии, а не перепуганных голодных девочек. Единственное, о чем спорят судьи и присяжные: украли они на десять пенсов и подлежат смертной казни! Но, с другой стороны, их трое... Значит, каждая украла всего на три и три десятых пенса, так? Значит надо не казнить, надо избрать другое наказание. Только эта формальная логика, а вовсе не объяснение их обстоятельств спасает девушкам жизнь!» [14, с. 219–220].

Таковы их нравы. И не окажись у них на тот момент уймы незастроенных территорий, передумали бы другу дружку почище всяких фем — лишь пользуясь своими законами якобы самыми среди всех иных передовыми.

Бытовали в «доброй» Британии новшества и иного плана:

«... произошел «промышленный переворот» — в производстве начали применяться машины. Один человек теперь мог

¹ Фальк-Ренне А. Где ты, рай? М., 1989.

наткать столько ткани, сколько раньше ткали несколько десятков. Ребенок лет восьми теперь мог работать там, где еле справлялся взрослый мужчина» [14, с. 222].

И что ж вы думаете, в свете данных технических новшеств теперь ввели у себя в обиход представители этой старой как западный мир и такой же просто до убийственности «доброй» Англии?

«Жутковатая деталь — на многих фабриках специально использовали станки, приспособленные к росту ребенка...» [14, с. 222]!!!

Так что этот их просто сумасшедший по нашим русским меркам мир губила и погубит *выгода* (эти нравы сегодня пытаются привить и нам). Ведь как только эти культуртрегеры смекнули, что с работой на усовершенствованных станках справится и ребенок, так тут же и оборудовали этот станок исключительно *лишь для ребенка!*

И здесь остается только удивляться, как им не взбрестило подобным образом использовать труд, скажем, детей ползункового возраста? А что? Ему все равно куда ползать, так пусть ползает по какому-нибудь особому заданию. Или вот грудничковому, например. Орет себе самопроизвольно. Так пусть орет для какой-либо особой необходимости: родителям не в обузу — деньги прирабатывает — и всем хорошо...

Тут что-то они не все до конца продумали. Но то было давно. Сегодня, например, они освоили изобретение, позволяющее пользоваться даже не трудом, но *телом* убиенных ими чуть еще зародившихся детей...

А такое уже следует рассматривать никак не иначе, чем возврат к узаконенному *людоедству*. Так что этот просто *пещерный регресс* Запада — на лицо.

В нами же рассматриваемые времена в их, как теперь нам преподносят — «раю», наблюдалась еще в данном вопросе некоторая «отсталость»: не все производители станков поддерживали эту «здоровую» инициативу фабрикантов-передовиков. Из-за таких недотеп Западу приходилось, в сфере обеспечения своих граждан рабочими местами, даже пользоваться некоторыми «усовершенствованиями»:

«... к большим станкам приставляли ящики — чтобы работники лет 8–10 могли бы дотянуться до рабочей части станка» [14, с. 222].

— А что? Удобно и выгодно: детям платить меньше. Рабочий же день для всех один: от 12 до 14 часов. Притомился

ребеночек — пальчик ему резакон, видите ли, отхватило — не беда: покалеченных — на свалку истории. Новых набрать, еще не изуродованных, — только свисни. И, опять же, изысканнейший вид борьбы Британского местечкового джентльменства с очень опасным по тем временам явлением: перенаселением собственной страны. Причем, перенаселением вполне здоровыми людьми! Такое «безобразие» срочно требовалось устранить. Тому более «чем «здоровая инициатива» «усовершенствований»: «к большим станкам приставляли ящики...»

Так прогрессировала и в модном XIXв. извечная борьба Запада с перенаселением своих территорий, давно и безнадежно зараженных болезнью аборигенов Карибских островов — людоедством.

Но и XX век, еще более прогрессивный, лишь указал на то, что представители этой хваленной арийской расы прогрессируют лишь в одном — во все большем изощрении в своем излюбленном занятии — убийстве людей. Всем еще сомневающимся Адольф Гитлер это теперь доказал более чем внятно.

Но что мы все о Британии, Франции да Германии, где выбор бродягам был двояк: либо в солдаты, где палки капрала, несмотря на утверждение короля Фридриха, все же несколько лучше пули неприятеля, либо ближайший сук и петля, чем заканчивали там, в солдаты поступить не успевшие. То есть, как теперь их именуют, — бродяги. Потому-то и наши такие же вот якобы «бродяги» за границу что-то уж не слишком устремлялись подрабатывать: там, пожалуй, «подработаетесь»... О том они не знать не могли.

А вот какая картина предстала взору наших солдат, когда под предводительством Суворова они попали в самые благодатные края в Европе — на юг континента:

«Русские солдаты в походе рассуждали о богатстве итальянской земли и бедности ее жителей. Орошенная бесчисленными каналами, густо населённая, плодородная земля эта казалась истинным раем. Но поселяне... довольствовались лапшой из кукурузной муки, редко приправленной каплей оливкового масла. Мясное и рыбное было для них недоступно. Маленький стаканчик красного домашнего вина из остатков винограда, смешанных с водой, довершал их обед. На вино настоящее имел право лишь старший в доме. На базаре все было дорого, особенно лакомство — лягушки, привозимые живыми в салфетках и покупаемые только вельможами.

— Даже зелено-золотистые жуки, называемые у нас хрущами, рассказывал офицер, составляют их любимую пищу, как для нас земляника или клубника» [74, с. 382].

Сюда следует добавить и наличие в каждом городке, через который наши солдаты на тот момент проходили, толп голодных ободранных детей, выпрашивающих у них кусочек хлебушка.

Так что и здесь была такая страшная нищета, которая никак не могла не поразить русского человека, увидевшего этот их западный «рай» воочию. И, самое во всем этом странное, что ведь именно его, то есть русского человека, ужаснувшегося увиденной здесь дикостью порядков, но никак не нищего, ободранного, изголодалого, бездомного попрошайку-итальянца, вопреки здравому смыслу, именуют теперь в историях историков неким таким «рабом».

Однако же и до сих пор превратить нас в рабов, несмотря на все потуги масонства, так никто и не смог, даже большевики. Ведь пусть и покуражились они поначалу, превратив нашу общину в отображение ее в уродливом зеркале, именуемом колхоз, но не совсем полностью удалось им охомутить русского человека своею лживой пропагандой. Ведь оставшийся у нас менталитет, столь помогший нам победить в пору суровой войны, все равно со временем подточил и разрушил их над нами владычество.

В крепостной же еще России на защите интересов русского крестьянина всегда стояла чисто русская способность жить миром, то есть сообща. Эта ячейка нашего общества, известная еще с незапамятных времен, защитила русского человека и в этот раз.

«В повседневных делах даже община помещичьих, т. е. крепостных, крестьян обладала значительной самостоятельностью, тем более общество государственных крестьян или бывших помещичьих после освобождения. Секрет определенной независимости в том, что помещик или государство были заинтересованы взять с деревни свою долю, а как именно эта доля будет обеспечена, все связанные с этим трудности считали выгодным переложить на самих крестьян. Правда, бывали во времена крепостного права и такие помещики, которые вдруг грубо вторгались в хозяйственные дела своей деревни, но их было немного, и печальный опыт их собственного разорения — в результате разорения крестьян — служил предостережением для других...» [92, с. 872–874].

Но не только в деревне, но и в городе никакие злоупотребления, когда из зависимого человека работодатель пытался

вытянуть последние жилы, ни к чему хорошему для работодателя не приводили:

«... на суконных фабриках не обходилось без важных столкновений между хозяевами и наемными рабочими. Первые жаловались, что рабочие от них убегают, последние, что хозяева их дурно содержат и притесняют. В таких недоразумениях виноватыми чаще признавались рабочие: их били плетью и ссылали в Рогервик, но фабриканты от этого не выигрывали, а лишившись рабочих, не скоро находили новых, и дело их останавливалось» [51, с. 1010].

Так что вышибание из человека последних физических ресурсов при попытке наименьшей оплаты его труда у нас никак не прививалось — мы не заграница — и за произведенную работу требуем соответственной произведенным затратам оплаты труда. В противном случае для русского человека лучше в каталажке пересидеть, чем работать задаром.

И вот для каких нужд крестьянам обычно требовались эти где-либо прирабатываемые финансовые средства:

«Нередко землю покупала община в целом. Помещики, владевшие общиной, как правило, не препятствовали этому — ведь это укрепляло хозяйство крестьян и соответственно гарантии дохода помещика... Случалось, что крепостные крестьяне, купив сообща землю в соседнем уезде, полностью туда переселялись. Но продолжали платить оброк своему помещику...

Из хлеба, собранного миром для общественной запашки, «общество назначает месячину за службу мужей солдаткам с их детьми... так же престарелым и одиноким, пережившим свои семейства, дабы оные не скитались по миру»» [92, с. 872–874].

Общественная защита бедных, нетрудоспособных, вдов, стариков, сирот гарантировалась всем крестьянским миром.

История доносит до нас голоса очевидцев из разных губерний России:

««Когда же какого-либо крестьянина постигнет несчастье, например выгорит у него дом, то крестьяне из сострадания к нему помогают в свободное от своих работ время, возят ему задаром дрова, с катища — бревна на новый дом и пр., преимущественно в воскресенье» (Вологодская губ.)...

«В случае постигшего домохозяина несчастья, например пожара, мир дает бесплатно лес для постройки, если кто заболает,

то мир бесплатно исправляет его хозяйственные работы: убирает хлеб, сено и т. п.» (Новгородская губ.)...

«Каждый член общества трудится, выходя на работу для вспашки поля или уборки урожая захворавшего домохозяина или бедной вдовы, вывозит лес на постройку сгоревшей у кого-либо из своих членов избы, платит за участки, отведенные беднякам, больным, старым, сирым, за отпускаемый им бесплатно лес на починку избы, материал на изгороди и отопление, хоронит за свой счет, вносит подати за разорившихся, поставляет лошадей для обработки поля хозяину, у которого они пали или украдены, несет хлеб, холст и прочее погорельцу, поит, кормит, одевает сирот, поселенных в его избе, и мн. др.» (Тверская губ.).

Крестьянская община была одной из главных стабилизирующих основ русской жизни. О необходимости ее сохранения говорили лучшие умы России» [92, с. 611–612].

Но разрушение общины было неизбежно. Ведь главным составляющим жизнеспособность русской взаимоподдержки друг друга был наш русский менталитет, полностью основанный на единстве и крепости веры. К началу же XXв., вследствие ужасающего безверия, охватившего умы подавляющей части общества, участь русской общины была предрешена. Это был итог двухвековой антицерковной кампании, семена которой были в свое время щедро рассеяны на русской почве царем-антихристом.

Между тем настоящим закабалением русского человека, как ни парадоксально это звучит, было именно его так называемое царем-либералом «раскрепощение», то есть якобы от чего такого «освобождение». На самом же деле:

«... огромное большинство крестьян уже были заложены в казне и фактически принадлежали ей... крепостная реформа являлась, как впоследствии крестьянский банк, на выручку помещному банкротству... большинство оскудевших помещиков спало и видело откупные...» [69, с. 211].

Так что этот царь-демократ выручал из неволи вовсе не народ русский, как принято почему-то считать, а барина, к тому времени давно благополучно прокутившего свое состояние. Но это вовсе и не удивительно: введенный Петром в совершенно свободной стране этот дикий феодализм и обязан был закончиться только лишь тем, чем и закончился — банкротством. Ведь именно в нашей стране он был явлением совершенно инородным.

«Когда выяснилось, что крестьяне отойдут не даром, большинством дворян реформа была встречена сочувственно, как ликвидация неудачного хозяйства с угрожающим впереди разорением...

...Государь с благородной откровенностью объявил дворянам, что «нужно делать революцию сверху, не дожидаясь, когда она явится снизу». В самом деле... неизбежна была анархия снизу, и, стало быть, дворянам надо было выбираться из развалин прошлого подобру-поздорову...» [69, с. 211–212].

Так выглядела сложившаяся тогда ситуация.

Но как все вышеизложенное состыковать со столь целенаправленно внушенной нам версией «о тысячелетней рабе»?

«Что в России не было рабства, а держалось крепостное право, это свидетельствуют не только наше законодательство и русская наука, но и европейские ученые (например, Ингерм, автор «Истории рабства»)... Народ русский — один из величайших в свете, и приравнивать к неграм его могут только люди злонамеренные или невежественные» [69, с. 213–214].

А уж затем ленинские Демьяны Бедные это репино-некрасовское бурлачество так раздули, что мы долгое время никак не могли понять того, что именно нам пыталась внушить советская историческая наука. Даже будучи малыми детьми, мы подспудно понимали, что никакими рабами наши предки никогда быть не могли. Это сидит у нас в крови — на генетическом уровне. Там же находится и наше несомненное перед любыми инородцами превосходство.

Потому Пушкин, видя всю лживость инородческой о нас версии, писал, что: «русский народ составляет «вечный предмет невежества и клеветы писателей иностранных»» [75, с. 275].

Но и не только, что самое удивительное, иностранных, но и своих же доморожденных:

«Если бы в «Русской женщине» Некрасова герой, вместо того чтобы работать в руднике, ловил для тюрьмы рыбу или рубил лес, то многие читатели остались бы не удовлетворенными» [145, с. 144].

И это и понятно — критика дореволюционной России существовала не для того, чтобы поддерживать правду в описаниях той обстановки писателями, но лишь для того, чтобы удовлетворить вкусы либералов, ратующих за изменение существующих

порядков. А порядки эти, даже на Сахалине, то есть в те времена на острове-тюрьме, существовали следующие:

«... начальник отделения департамента полиции исполнительной, коллежский советник Власов, пораженный всем, что он встретил на каторге, прямо заявил, что *строй и система наших наказаний служат развитию важных уголовных преступлений*... исследование каторжных работ на месте привело его к убеждению, что их в России *почти не существует*... каторга перестала быть высшею карательною мерой» [145, с. 144].

Мало того: «Устав о ссыльных разрешает жить вне тюрьмы...» [145, с. 96].

Ну какая же это каторга? Все это указывает на непрогляднейшую: «Отсталость нашего устава о ссыльных» [145, с. 144].

Оно и понятно: ведь где-нибудь «в старой доброй Англии» этим каторжникам так доставалось, что время от времени долетающий на свободу об этом слух вмиг исполнял свою воспитательную программу. Он нагонял на «свободных» англичан такой ужас, что смерть могла считаться более предпочтительна, нежели каторжные работы. Здесь же:

«... на Сахалине немало семейных каторжников, мужей и отцов, которых непрактично было бы держать в тюрьмах отдельно от их семей...» [145, с. 96].

А потому жили они с самого первого дня этой самой столь нам на все лады расписываемой большевиками страшной царской каторги со своими семьями в отстроенных им за счет государства избах, мало того, получая от него же немалые субсидии, на которые лишь на одни вполне можно было жить!

Да узнай англичане о том, какой их ждет за совершение преступления курорт, что б стало с «доброй старой Англией» за какие-нибудь считанные десятилетия?

Недоверчиво настроенный к царскому правительству Антон Павлович Чехов, решивший совершить дальний вояж на остров Сахалин, являющийся в то время островом-тюрьмой, с целью выявления возможных беззаконий, о чем ему было внушено либералами, жалуется на суровое отношение властей к добровольно отправившемуся за своим отцом семейству:

«... дети и подростки... получают от казны кормовые, которые выдаются только до 15 лет...» [145, с. 82].

Так ведь в прежние времена в шестнадцать уже женили. Так что ж, до гробовой доски теперь государство обязано детей каторжников на своем счету содержать?

Расскажи про такое шведам, у которых за срубленный в лесу сучок кишки к дереву прибивали, или немцу, который всю жизнь, считаясь при этом неким таким «свободным рудокопом», начиная с одиннадцати лет из рудника носа не высывал, но пахал за краюху хлеба от зари и до зари, — засмеют...

Так что здесь следует все же согласиться с Антоном Павловичем, что виновато в том, что мы только лишь теперь о себе узнаем: «... полное отсутствие гласности» [145, с. 145].

Которое он сам между тем приписывает царскому режиму, большевиками поименованному «кровавым», но отнюдь не тому режиму, который явился причиной нашего полного незнания о себе ничего.

А вот как жилось нашим ссыльно-каторжанам в так называемой «тюрьме народов» на «злой» царской каторге:

«Сахалинский ссыльный, пока состоит на казенном довольствии, получает ежедневно: 3 ф. печеного хлеба [1,2 кг], 40 зол. мяса [160 г], около 15 зол. крупы [60 г.] и разных приварочных продуктов на 1 копейку [советские (1980 г.) 12–15 коп., постсоветские (2006 г.) 20–40 руб.]; в постный же день мясо заменяется 1 фунтом рыбы [400 г]» [145, с. 297].

При таком харче «срок мотать» — истинное наслаждение! Ай-яй-яй, что б стало со старушечкой Англией, введи им такое хоть на самый малый период?

А вот как описывает свои мытарства по сибирским тюрьмам еще один правозащитник:

«П. Ф. Якубович пишет¹ о 90-х годах прошлого века [XIXв. — А. М.], что в то страшное время в сибирских этапах давали кормовых 10 копеек...» [121, с. 351].

И если в среднем по Сибири на эти деньги можно было купить несколько килограммов хлеба и несколько литров молока, то в Иркутской губернии, по словам все того же Якубовича: «... фунт мяса стоит 10 копеек, и «арестанты просто бедствуют»» (там же).

Этим их «бедствиям» сильно удивляется Солженицын, на своем горбу испытавший все прелести сталинских лагерей: фунт мяса на человека в день — таким умопомрачительным

¹ «В мире отверженных», М., 1964, т. 1.

количеством съестного в стране победившего социализма и на свободе-то в те годы было не разжиться! А при «проклятом царизме», да и то в самых не богатых на кормовые места, такую роскошью ежедневно потчевали даже в тюрьме...

Сравниваем с «доброй» заграницей, которую *в отсталости устава о ссыльных* не заподозришь никогда:

«... в саксонских и прусских тюрьмах заключенные получают мясо только три раза в неделю, каждый раз в количестве, не достигающем и 1/5 фунта [80 г.]...» [145, с. 297].

То есть в лучшем случае в количестве, ровно в пять раз меньше! Да и то: лишь трижды в неделю!

Так что очень не зря считается, «... что германские тюрьмоведы боятся быть заподозренными в ложной филантропии...» [145, с. 297].

Вот теперь, валяжно обгладывая косточки нами обнаруживаемых в русских тюрьмах избыточных мясных фунтов, выковыривая застрявшие косточки из десен, можно и пофилософствовать: по какую сторону нашей государственной границы находилась та самая пресловутая «тюрьма народов».

Но и это еще не все прелести сравнения жизни каторжан с жизнью арестантов западноевропейских тюрем. Ведь Антон Павлович сообщает не о скрученных бечевую по рукам и ногам несчастных арестантах, но о вынужденных поселенцах острова Сахалин, которые сверх вышеуказанного могут наловить рыбы, собирать грибов, а картошки-то, картошки насажать... И которые, в подавляющем своем большинстве, вообще ничего не делают. А сидят на берегу и с грустной миной вглядываются вдаль — срок, так сказать, «мотают».

А вот что творилось в период «мрачного» царистского «мракобесия» в самой что ни есть «глубине сибирских руд». И все, между прочим, на том же самом ужаснейшем краю света — Сахалине:

«Рудничные арестанты в четыре летние месяца получают усиленное довольствие, состоящее из 4 ф. хлеба [1,6 кг] и 1 ф. мяса [400 г] ...» [145, с. 302].

Так что очень не зря царские тюрьмы никогда с курортом не сравнивали: на курортах по полкило мяса на день не отваливают. Там рацион все же несколько поскромней.

Вот как жилось каторжанину на много руганной большевиками царской каторге!

Но и это было еще не все:

«... сахалинские врачи... заявили, что, ввиду условий работ на Сахалине, сурового климата, усиленного труда... отпускаемого теперь довольствия недостаточно...» [145, с. 302].

То есть с полкоровы на год — это, как теперь выясняется, нашей либеральной медициной забраковывалось. Требовалось нормы для особо опасных преступников особо увеличить!

Что здесь сказать? Такая вот у нас на поверку была тюрьма...

А вот как царское правительство одевало арестантов:

«Каторжным, как мужчинам, так и женщинам, выдается по армяку и полушубку ежегодно...» [145, с. 303].

Ну это просто Клондайк! Если бы имелась машина времени, то весь совок, в полном своем составе, прознав, где такой дефицит раздают, разом ринулся бы на царскую эту каторгу — за полушубками!

Но и по части обувки там творился такой же «беспредел»: «... в год четыре пары чирков и две пары бродней...» [145, с. 302].

То есть и по этой части — кум королю... Куда им такая прорва обувки?

А это чтоб шпындать по берегу взад и вперед, вглядываясь вдаль на чуть заметную полосу материка, и соленую слюну точить с извечными этими самыми воздыханиями об утерянной своей свободе горемычной.

И если принять на веру некрасовские завывания, то становится достаточно странным то обстоятельство, почему же это никто в этой самой ими столь усердно руганной переруганной царской России, столь якобы забитой и зашуганной, нищей и убогой, в каторгу угодить почему-то не слишком-то и стремился. Ведь у нас, в представляющей собой сладкие грезы демократической дореволюционной общественности России — свободной от царизма стране — стране Советов, даже телогрейка и та на два года выдавалась. Но это «на свободе». А у них, то есть в «тюрьме народов», даже на каторге (!), — ежегодно по полушубку! И по полкило мяса на день с двумя буханками хлеба — в рудниках...

Так как же питались и одевались русские люди в те руганные переруганные всеми времена на *свободе*?!

«В середине семнадцатого века четырнадцатимиллионное население России составляло лишь половину совокупного населения Франции и Англии (27 миллионов человек). К 1800 г. соотношение изменилось в пользу России (36 миллионов против

39 миллионов Англии и Франции). Соотношение еще более изменилось в пользу России к началу нашего века (129 миллионов против 79 миллионов)» [141, с. 6].

То есть не слишком-то людские порядки, царящие в Западной Европе, обуславливали и достаточно невысокий процент прироста там населения. Таковы плоды бытовавшей у них этой всеми теперь воспеваемой якобы самой человечной из человеческих культур.

Но вот чем следует объяснять столь разительное несоответствие их системы общежития с нашей. У нас:

«Преднамеренно никто зла не творил. А отдельные преступления потому и вызывали такой большой резонанс, что случались сравнительно редко. На чистой белой скатерти и пятнышко заметно» [72, с. 54].

Это пятнышко и попытался размазать в огромное пятнышко наш главный «правозащитник» XIX века — А. П. Чехов. Но результат его исследования, что и понятно, оказался совершенно противоположным задуманному и указывает теперь на полную абсурдность выдвигаемых желтой прессой тех лет обвинений в отношении правопорядков дореволюционной России. Но и по сей день в этом плане ничего не изменилось: богатый Запад, жирующий за счет всего остального мира, трясется за свою жизнь и жизнь своих детей, которых воруют, сажают на иглу и т. д., и т. п. Мы — другое дело:

«... русский менталитет, русское Православие, русская социальная защищенность — вот, пожалуй, единственная сила, которая еще может спасти мир» [72, с. 54].

То есть наша способность противостоять агрессии что внешней, что внутренней является единственной альтернативой постоянно возводимой Западом тюрьмы, чей конечный смысл — воцарение антихриста.

Итоги преобразований

Вот теперь и постараемся подытожить все нами рассмотренные величайшие свершения, которые последовательно довели нашу страну до ее сегодняшнего состояния.

Самым великим из «творений» Петра является введение им даже не феодальных, но именно рабовладельческих отношений на единственной свободной от данного недуга части планеты — Русской Земле. И особенность внушенного нам мифа о «реформаторе» — полное никем непонимание смысла произведенных Петром реформ. Но всему виной его слишком ранняя смерть от дурной болезни. В противном случае, думается, Петр доказал бы, что с его нововведениями не только к рабовладельческим отношениям, но и к каменному топору можно было бы очень быстро и без задержек опуститься. А там и к людоедству приступить — ведь столько вкусных тел стрельцов он некогда без голов на площади без какого-либо применения побросал, да по кремлевским стенам поразвешал. Чувствуется, что дай ему Провидение времени до конца отточить намеченные им пыточно-палаческие мероприятия, то не ушла бы от его топора живой ни одна человеческая душа. Тогда бы он доказал, что отнюдь не зря в народе звался антихристом.

Однако ж здесь следует все же отметить, что страну он изуродовал достаточно искусно. Видать, учеба у Запада пошла ему впрок. Мало того, что начатые им процессы оказались совершенно необратимыми, созданный им раскол общества теперь просто обязан был вызреть в страшный и уродливый нарыв, который затем столетиями рос и увеличивался в размерах. И, несмотря на отчаянные усилия последних наших православных царей выправить ситуацию, устранив неотвратимо надвигающиеся бури и потрясения, так все же и прорвался, выплеснув всю созревшую в нем гниль в виде революций и революционеров на мостовые российских городов.

Так кто же изобрел эти байки, с детских лет столь упорно внушаемые нам, о некоем великом кормчем, якобы самом народном из всех царей: дивном бомбардире Петре Алексеевиче? Кто перекрасил и перештопал этого лютого душегубца и палача в идеального защитника Отечества от орд иноплеменных? Кто вручил ему титул основателя величайшей из империй

и устроителя в ней справедливейшего на весь свет правопорядка? Кто объявил его величайшим за всю историю России воителем и первым флотоводцем? Кто навесил на этого Петрушку, ерника-кентавра, шутовски исполнявшего роль протодьякона во всешутейшем и всепьянейшем синоде, лавры устроителя в нашей стране художеств и ремесел, заводов и фабрик, солеварен и мануфактур, корабельных верфей и пресловутого «окна в Европу»?

Историки — вот кто истинный, но не единственный виновник. И первым из них значится сочинитель всем известной «Истории государства Российского», считающийся флагманом российской исторической науки, Николай Карамзин. И его версию, ничуть и не попытавшись вникнуть в суть разбираемой проблемы, подхватили и многие иные ему наследующие историки и сочинители.

Однако ж правду о Петре говорили уже давно. Но она всегда кем-то отодвигалась на задний план, и вновь ему пелись дифирамбы.

А ведь если как следует разобраться, то окажется, что не мирволили Петру самые влиятельные исторические личности своего времени: как Фридрих Великий, так и Вольтер; как Герцен, так и Лев Толстой. Но ведь и историки вполне свободно высказывали свои о нем мнения: как Ключевский, так и Мережковский; как Соловьев, так и Устрялов. Церковные историки Е. Поселянин, архимандрит Серафим (Соболев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) — все обвиняли Петра в его незаконных действиях относительно Русской Церкви.

Часто обвиняли Петра и близкие к временам его «дел» иностранные авторы. Сохранились о том вышеприведенные свидетельства Корба, Гвариента, Фокирода (Германна), Вильбоа, Вокердота, Лувиска, Бергмана, Пелльница (Барона Карла-Луи), Геррье, Бюрнета, Ливулла, Бергольца.

А больше всего компрометирующего Петра материала оказалось у Костомарова — казалось бы, наиболее мирволящего к затеям Петра автора исторического повествования о той кровавой эпохе: в вышеприведенном тексте употреблено более сотни отрывков, взятых из его работы «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей».

Так что практически все сколько-нибудь значимые писатели и историки никак не могут обойти те из его дел, которые в славности заподозрить уж никак невозможно.

Вот и закончим данное повествование цитатами тех из них, которые в своих высказываниях обобщают деятельность Петра как не только не имеющую ничего в себе великого, но как страшную и кровавую череду пыточных застенков и казней, закончившуюся приходом временщиков, лишь продолживших люютую политику покинувшего этот мир зверя.

А. П. Ланщиков такими словами подводит итог деятельности царя-антихриста напомнившего о себе в клубах дыма рухнувших американских небоскребов:

«Действительно ли, что Петр I пробил «окно в Европу» и тем самым установил торговые и культурные связи с Европой?

Оказалось, что нет. Достаточно было ознакомиться хотя бы с таможенными тарифами, действовавшими при царе Алексее Михайловиче...

Действительно ли, что Петр I дал толчок развитию русской промышленности и русской торговли?

Оказалось, что тоже нет. Петр I организовал потешное войско... Точно так же он создал потешную промышленность...

Действительно ли, что Петр I дал простор наукам и образованию?

И на этот вопрос приходится отвечать отрицательно. Разумеется, крестьян, которых начали продавать на рынках, как скот или как негров в Америке, никто учить не собирался. Отсюда-то и ведет свою историю безграмотная русская деревня...

Кто же и когда снимет Россию с трехсотлетней дыбы, чтобы она могла спокойно исторгнуть свой последний стон и с облегчением испустить свой последний вздох?

России уже не суждено возродиться, снятые с креста или с дыбы уже не возрождаются.

Они или воскресают. Или не воскресают» [104, с. 510].

А вот что писал Лев Тихомиров:

«... учреждения Петра были фатальны для России, и были бы еще вреднее, если бы оказались технически хороши. К счастью, они в том виде, как создал Петр, были еще неспособны к сильному действию» [134, с. 322].

То есть если бы эти на первый взгляд необходимые на тот день стране фабрики и мануфактуры не развалились еще в самом

своем зачатке, то каторжный труд, введенный на них Петром, стал бы нормой.

Наконец приведем слова достаточно авторитетного для наших современников всех мастей (красных и зеленых, белых и коричневых) выдающегося историка середины XX столетия Льва Гумилева:

«При Екатерине II родилась петровская легенда — легенда о мудром царе-преобразователе, прорубившем окно в Европу и открывшем Россию влиянию единственно ценной западной культуры и цивилизации. К сожалению, ставшая официальной в конце XVIII в. легендарная версия не была опровергнута ни в XIX, ни в XX столетиях. Пропагандистский вымысел русской царицы немецкого происхождения, узурпировавшей трон, подавляющее большинство людей и по сию пору принимает за историческую действительность.

На самом же деле все обстояло не совсем так, а вернее, совсем не так» [29, с. 298].

И здесь стоит лишь подивиться тому весьма странному обстоятельству, что всего вышеперечисленного для верной оценки деятельности Петра даже в начале XXI столетия оказалось все еще почему-то недостаточно. А потому бум в деле прославления некоего такого царя-реформатора, воспетого в балладах чудесного гения-бомбардира Петра Алексея, представляющего собой якобы величайшую чуть ли ни из всех сколько-нибудь известных в нашей истории фигур, уже к началу нового тысячелетия достиг поистине астрономических размеров. Таких, что правда о нем, гласящая о просто редкостном душегубце и клятвопреступнике, святотатце и злодее, как-то затерлась и затерялась среди множества памфлетов хвалебных од. Средства массовой информации, как советские, так и постсоветские, бравурно вещали о некоем колоссе — созидателе нынешнего нашего общественного устройства.

Но они, как это ни печально, все-таки правы: именно Петру I мы и обязаны тем страшным и уродливым устроением нынешней нашей государственности, которая, повторяя лютые годы правления «реформатора», ежегодно так все и выкашивает миллионы русских людей, производя из некогда многолюдной хлебосольной страны безжизненную пустыню.

Почему такое происходит?

История учит, что *народ, позабывший свое прошлое, не имеет будущего*. Потому, не определив от каких времен нам досталась то самое уродливое «разбитое корыто», у которого после всех перипетий судьбы народу страны России весьма закономерно довелось очутиться, совершенно не понять: в какую сторону следовало бы направлять свои стопы для отыскания нами утерянного истинного пути, ведущего в нашу древнюю страну — Святую Русь. Ту самую, при которой уровень благосостояния батрачки из деревни был много выше советского инженера. Но именно она, нам ставшая теперь далекой, а нынешним нравам и совершенно чуждой, выпестовала: Никиту Кожемяку и Алешу Поповича, Пересвета и Александра Невского, Дмитрия Донского и Илью Муромца, чьи нетленные мощи, слишком выразительно указывая на менталитет их владельца, и по сей день покоятся в Антониевой пещере Киево-Печерской Лавры.

Но где, спрашивается, «мощи» нам разрекламированного Петра, топором, плахой и виселицей направившего путь нашей державы в сторону примитивистских людоедских культур и человеческих жертвоприношений?

Они давно сгнили.

Его флот, представляющий собою лишь на скорую руку наструганную корсарскую флотилию «а-ля Стенька Разин», сгнил очень быстро, не дожив даже до правления его дочери.

Фабрики и мануфактуры, в виду отсутствия обезземеленных нищих людей, готовых трудиться под кнутом надсмотрщика за самые жалкие копейки, продержались и еще меньше: русский человек не желал работать без соответствующего вознаграждения за производимый труд. Не желал он и мириться с несправедливостями работодателя, за что бывал осуждаем судьями несправедливости. Это, однако, желания работать задарма ему не добавляло.

Выпестованная Петром армия убийц, уничтожившая половину мужского населения России и половину населения русских западных земель, сегодня объединенных в отдельную страну под наименованием Белоруссии, а так же немалую часть мирного населения Прибалтики и Швеции, полным своим составом ушла на повышение. Но заменившая эти жандармские части молодежь, набранная по призыву, функции своих предшественников выполнять отказалась. Так что и в военной области

деятельность реформатора кроме как никчемной ломкой дров назвать не предоставляется возможным.

Но и о самих дровах сказать следует так же вполне определенно: он из них всегда что-нибудь в астрономических масштабах «строил» лишь для того, чтобы поскорее эти «дрова» уничтожить. Но в России извести все леса под ноль оказалось просто невозможно: здесь их слишком много. А потому человек мог свободно в эти леса уйти и затеряться от петровских «прогрессивных» нововведений: рабского труда на фабриках и заводах, немыслимых поборов немыслимыми налогами, очередных наборов в жандармерию, именуемую армией, строительства чужеземного образца кораблей, совершенно неприспособленных для плавания в наших северных водах и т. д., и т. п.

То есть страна Россия реформам реформатора оказалась не по зубам. Что теперь, к счастью для нас, вполне определенно и выясняется. Так что Лев Тихомиров очень не зря утверждает, что реформы Петра оказались «неспособны к сильному действию».

Но вот появилась возможность оглянуться по сторонам и определить наше нынешнее, с помощью революций и революционеров всех мастей достигнутое достояние.

Оглядываемся и видим: все то же — «разбитое корыто»... Куда нам дальше? Кто знает? У кого спросить?

Библиография

1. Архиепископ Аверкий. Четвероевангелие. «Сатись». СПб., 1995.
2. Аграшенков А. В., Блинов Н. М., Бякина В. П. и др. Мир русской истории. Энциклопедический справочник. «Вече». М., 1997.
3. Алексеев Ю. А. Военно-исторический календарь 1995. Журнал «Военные знания». М. 1994.
4. Анисов Л. Иезуитский крест Великого Петра. «Алгоритм». «Эксмо» М., 2006.
5. Гершензон А. М., Довнар-Запольский М. В., Кульман Н. К., Мельгунов С. П., Тарле Е. В., Херасков И. М. и др. Массонство в его прошлом и настоящем. Издание «ЗАДРУГИ» и К. Ф. Некрасова. Репринтное воспроизведение издания 1914 года. Том I. СПб «ИКПА». М., 1991.
6. Беликов П., Князева В. Рерих. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». М., 1972.
7. Белицкий Я. М. Богословское-на-Могилах. «Московский рабочий». М., 1990.
8. Бескровный Л. Г., Кавтарадзе А. Г., Ростунов И. И., Головаченко В., Помарнацкий А. В. Александр Васильевич Суворов. Издательство «Наука». М., 1980.
9. БИБЛИЯ — книги Священного Писания ВЕТХОГО и НОВОГО ЗАВЕТА. Библейские общества. М., 1995.
10. БИБЛИЯ — книги Священного Писания ВЕТХОГО и НОВОГО ЗАВЕТА на церковнославянском языке. Российское библейское общество. М., 1997.
11. Блох И. История проституции. История нравов. «АСТ-ПРЕСС» фирма «РИД». С.-Пб., 1994.
12. Брагин М. Кутузов. «Молодая гвардия». М., 1975.
13. Бурлак В. Москва подземная. Вече. М., 2006.
14. Буровский А. Петр Первый. Проклятый император. «Яуза». «Эксмо». М., 2008.
15. Бушков А. Россия, которой не было. ОЛМА-ПРЕСС. ОАО ПФ «Красный пролетарий». М., 2005.
16. Валишевский К. Петр Великий. «Современные проблемы». М., 1912.
17. Вашкевич Н. Н. «Системные языки мозга». Разгадка Ноева ковчега. Белые альвы. М., 2007.
18. Воробьевский Ю. Падут знамена ада. М., 2000.

19. Воробьевский Ю. Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Издательский дом «Российский писатель». М., 2003.
20. Воробьевский Ю. Террорист номер 0. М., 2006.
21. Воскресная служба. Даниловский благовестник. М., 2003.
22. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. Военное издательство. М., 1987.
23. Голицын Ю. Тайные правители человечества или тайные общества за кулисами истории. «Золотой век». «Диамант». С.-Пб., 2000.
24. Голощапова З. И. Кучинский остров Андрея Белого. Серебряные нити. М., 2005.
25. Священник Горбунов А. Тайна зверя. Опыт истолкования пророчеств Апокалипсиса. М. 2005.
26. Гриневич Г. С. Энциклопедия русской мысли том I. Православная письменность. Результаты дешифровки. Общественная польза. М., 1993.
27. Гриневич Г. С. Православная письменность. Результаты дешифровки. Том II. Летопись. М., 1999.
28. Гуль Р. Красные маршалы. «Молодая гвардия». М., 1990.
29. Гумилев Л. Н. От Руси до России. М., Издательство «ДИ-ДИК», 1993.
30. Дарол А. Тайные общества. «Крон-пресс». М., 1998.
31. Дичев Т., Николов Н. Зловещий заговор. «Витязь». М., 1994.
32. Дмитриев И. Путеводитель от Москвы до С. — Петербурга и обратно. Университетская типография. М., 1839.
33. Дух христианина. № 7 (73), 1.04.2008 г.
34. Протоиерей Дмитрий Дмитриевский. История Православной Церкви. Книгоиздательство т-ва И. Д. Сытина, М., 1915. «Русский хронограф». М., 2003.
35. Дни воинской славы. Выпуск 1. Центральный дом российской армии. Информационно-методический центр. М., 1996.
36. Дьяченко Г., протоиерей. Полный церковнославянский словарь. «Отчий дом». М., 2000.
37. Емельянов В. Н. Десионизация.
38. Жеребцов А. Тайны алхимиков и секретных обществ. «Вече». М., 1999.
39. Маршал Г. К. Жуков Воспоминания и размышления. Том 1. Издательство агентства печати «Новости». М., 1978.
40. Западов А. Новиков. «Молодая гвардия». М., 1968.

41. Захаренков В., Шутов М. Русская бездна. ТОО «Природа и человек». М., 1997.
42. Зоркин В. И. Смутное время. АО «Форма-Пресс». М., 1996.
43. Измайлова И. А. Петр I. Убийство императора? «Нева». СПб., 2005.
44. История Второй мировой войны 1939—1945. В XII томах. Воениздат М., 1975.
45. Калашников М. Геноцид русского народа. Что может нас спасти. «Яуза». М., 2005.
46. Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В. Русские о Петре I. Опыт аналитической антологии: «Фора». Иваново, 1994.
47. Кардель. Адольф Гитлер — основатель Израиля. «Русский Вестник». М., 2004.
48. Карпов В. Взять живым. «Советский писатель». М., 1980.
49. Ключевский В. О. О русской истории. «Просвещение». М., 1993.
50. Кожин В. Правда сталинских репрессий. ООО «Алгоритм-Книга». М., 2006.
51. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. «Эксмо». М., 2006.
52. Коробов Ю. В., Эрнст Ф. А. и др. Человеколюбие как элемент военного искусства. МККК. М., 2000.
53. Красиков В. А. Неизвестная война Петра Великого. «Нева». СПб., 2005.
54. Крылов А., Тырин Ю. Старатель. Еще о Высоцком. «Аргус». М., 1994.
55. Кутузов Б. П. Церковная «реформа» XVII века. Издательство ИПА «ТРИ-Л». М., 2003.
56. Лажечников И. И. Последний Новик. Издательство «Правда». М., 1987.
57. Ларионов В. Е. Православный ключ к «коду Да Винчи». Издательство «Дар». М., 2006.
58. Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. Издательство МАРТ. М., 1996.
59. Лесной С. Откуда ты, Русь? «Алгоритм». «Эксмо». М., 2006.
60. Линдсей Д. Ганнибал. Издательство иностранной литературы. М., 1962.
61. Лобов В. Н. О долге и чести воинской в Российской армии. Воениздат. М., 1991.

62. Макаренко В. В. Ключи к дешифровке истории древней Европы и Азии. «Вече». М., 2005.

63. Манягин В. Апология Грозного Царя. Издательство «Библиотека Сербского Креста». М., 2004.

64. Манягин В. Г. Третий Рим. Белый дом. МОО Святая Русь. М., 2002.

65. Манягин В. Г. Правда Грозного царя. «Алгоритм». «Эксмо». М., 2006.

66. Марич М. Северное сияние. Книга вторая. «Вышэйшая школа». Минск, 1987.

67. Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Том 1. «Лествица». Барнаул, 2006.

68. Мельников Ф. Е. Что такое старообрядчество. Том 8. «Лествица». Барнаул 2007.

69. Меньшиков О. М. Письма к русской нации. Издательство журнала «Москва». М., 2002.

70. Меньяйлов А. Дурилка (утонченные приемы скрытого управления). Записки зятя главраввина. «Крафт +». М., 2003.

71. Мережковский Д. С. Антихрист (Петр и Алексей). Панорама. М., 1993.

72. Минин Ю. П. Разгадка русской азбуки — смысл жизни. Издатель Воробьев. М., 2001.

73. Мирек А. М. Красный мираж. ООО «Можайск-Терра». 2006.

74. Михайлов О. Суворов. «Молодая гвардия». М., 1973.

75. Морозов А. Ломоносов. «Молодая гвардия». М. 1961.

76. Муравьев Н. А. Путешествие по святым местам русским. Часть II. Типография III отд. собств. Е. И. В. Канцелярии. С. П. Б., 1846. Репринтное издание «Книга» — СП «Внешбиберика». М., 1990.

77. Нарочницкая Н. Протестантизм и Православие. ОАО Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». М., 2003.

78. Святой Александр Невский. Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. М., 2001.

79. Непомнящий Н. Н. Энциклопедия загадочного и неведомого. Самые невероятные случаи. Издательство «Олимп», Издательство «АСТ». М., 2001.

80. Нечволодов А. Сказания о Русской Земле. Книга 1. Государственная типография С.-Пб., 1913. Репринтное издание: Уральское отделение Всесоюзного культурного центра «Русская энциклопедия», «Православная книга». 1992.

81. Нечволодов А. Сказания о Русской Земле. Книга 3. Государственная типография С.-Пб., 1913. Репринтное издание: Уральское отделение Всесоюзного культурного центра «Русская энциклопедия», «Православная книга». 1992.

82. Нечволодов А. Сказания о Русской Земле. Книга 4. Государственная типография С.-Пб., 1913. Репринтное издание: Уральское отделение Всесоюзного культурного центра «Русская энциклопедия», «Православная книга». 1992.

83. Николай II: Венец земной и небесный. «Лествица». М., 1999.

84. «Огонек-регионы» 2003 № 1. ООО «Издательство «Огонек-пресс»». М., 2003.

85. Орехов Д. Подвиг Царской Семьи. Русские святые XX столетия. Издательский дом «Невский проспект». С.-Пб., 2001.

86. Архимандрит Пантелеимон. Тайны загробного мира. «Благовест». М., 1997.

87. Паршев А. П. Почему Россия не Америка. Крымский мост — 9Д, Форум. М., 2000.

88. Пензев К. Русский Царь Батый. «Алгоритм». М., 2006.

89. Перевезенцев С.В. Царь Иван IV Грозный. Русский Мир. М., 2005.

90. Пиккуль В. Реквием по каравану PQ-17. «Роман-газета», № 9 (991), 1984.

91. Платонов О. А. Терновый венец России. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против Христианской цивилизации. «Родник». М., 1998.

92. Платонов О. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации». М., 2000.

93. Подобедова О. И. Древнерусское искусство. Издательство «Наука». М., 1980.

94. Покровский В. Он выбрал Крест. «Покров». М., 2006.

95. Полный богословский энциклопедический словарь. Том I. Издательство П. П. Сойкина. «Возрождение». С.-Пб., 1992.

96. Полный богословский энциклопедический словарь. Том II. Издательство П. П. Сойкина. «Возрождение». С.-Пб., 1992.

97. Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог. Военное издательство Министерства обороны СССР. М., 1965.

98. Поселянин Е. Русская Церковь и русские подвижники XVIII в. Издание книгопродавца И. Л. Тузова. Гостиный двор. СПб., 1905.

99. «Православный набат» № 22. М., 2007.
100. Пранов В. Закон выживания подлейших. Издательство «Десница». М., 2002.
101. Прокофьев В. Андрей Желябов. «Молодая гвардия». М., 1960.
102. Прокофьев И. И. Древняя русская литература. «Просвещение». М., 1988.
103. Прошин Г., Раушенбах Б. В., Поппэ А., Херрман Й., Литаврин Г. Г., Удальцова З. В., Рыбаков Б. А., Крянев Ю. В., Павлова Т. П.. Как была крещена Русь. Политиздат. М., 1989.
104. Псалтирь. Трифонов Печенегский монастырь. Ковчег. Новая книга. М., 2000.
105. Раковский Л. Кутузов. Лениздат. Л., 1986.
106. Раковский Л. Генералиссимус Суворов. Адмирал Ушаков. Лениздат. Л., 1987.
107. Ранкур-Лаферьер Д. Россия и русские. Научно-издательский центр «Ладомир». М., 2003.
108. Рид Д. Спор о Сионе. Издательство «Твердь». М., 1993.
109. Протоиерей Александр Рудаков. Краткая история Христианской Церкви. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1879. Издательство Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1999.
110. Рагинский М., Ларионова А., Володина Р. СС в действии. Издательство «Прогресс». М., 1969.
111. Решин Е. Г. Генерал Карбышев. Издательство ДОСААФ СССР. М., 1973.
112. Священник Рожнов В. О тайне воскресения России. Курск, 2001.
113. «Русский дом» № 10, 2000.
114. Саушкин Ю. Г. Москва. Географическая характеристика. Государственное издательство географической литературы. М., 1955.
115. Игумен Симеон. Россия, пробудись! Старцы о глобализации и об антихристе. ООО «Империиум пресс». М., 2005.
116. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). Самодержавие духа. «Царское дело». С.-Пб., 1995.
117. Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Топонимия Москвы. Издательство «Наука». М., 1982.
118. Советская Военная энциклопедия. Тт. 1—8. Военное издательство МО. М., 1976.

119. Соколов Ю. Ф. Выдающиеся российские полководцы глазами современников (IX—XVII вв.). Институт военной истории МО РФ. М., 2002.
120. Соколова Л. В. Литература Древней Руси. Биобиблиографический словарь. «Просвещение». «Учебная литература». М., 1996.
121. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАг. ИНКОМ НВ. М., 1991.
122. Солженицын А. И. Двести лет вместе. Часть 1. «Русский путь». М., 2001.
123. Солженицын А. И. Россия в обвале. «Русский путь». М., 2002.
124. Соловьев С. М. Сочинения. Книга VIII. История России с древнейших времен. Тома 15—16. «Мысль». М., 1993.
125. Соловьев С. М. Сочинения. Книга VII. История России с древнейших времен. Тома 13—14. «Мысль». М., 1991.
126. Солоневич И. Народная монархия. Наша страна. Буэнос-Айрес, 1973.
127. Солоухин В. А. Время собирать камни. Издательство «Правда». М., 1990.
128. Солоухин В. А., Збарский И. Под «крышей» мавзолея. «Полина». Тверь. 1998.
129. Ставров Н. Вторая мировая. Великая Отечественная. Том I. «Август-Принт». М., 2006.
130. Ставров Н. Вторая мировая. Великая Отечественная. Том III. «Август-Принт». М., 2006.
131. Священник Даниил Сысоев. Брак с мусульманином. Церковь. Каноны. Общество. Издательство пророка Даниила на Кантемировской. М., 2007.
132. Тарасов К. Память о легендах белорусской старины голоса и лица. Издательство «Полымя». Минск, 1984.
133. Татищев В. Н. История Российская.
134. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998.
135. Толстой А. Н. Петр Первый. Воениздат. М., 1980.
136. Триста лет царствования дома Романовых. Ассоциация «Информ-эко». М., б/г.
137. Трубецкой С. Е. Минувшее. «ДЭМ». М., 1991.
138. «Труд», 3 октября 1975 г.

139. Тынянов Ю. Кюхля. Издательство художественной литературы. Ленинград, 1964.
140. Протоиерей Андрей Устюжанин. Как вести себя верующему. Даниловский благовестник. М., 1999.
141. Уткин А. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. «Русич». Смоленск, 2000.
142. Фомин С. Россия перед вторым пришествием. Свято-Троицкая Сергиева лавра. Сергиев Посад, 1993.
143. «Царь колокол». № 1. М., 1990.
144. Чернобров В. А. Энциклопедия загадочных мест Земли. «Вече». М., 2000.
145. Чехов А. П. Из Сибири. Остров Сахалин. Издательство «Правда». М., 1985.
146. Чуковский Н. К. Беринг. «Молодая гвардия». М., 1961.
147. Игумен Иосиф (Шапошников), Шипов Я. А. Московский Патерик. Издательство «Столица». М., 1991.
148. Шифман И. Ш. Ветхий Завет и его мир. Политиздат. М., 1987.
149. Шипов А. В., Шведов Ю. Н., Алексеев Ю. А., Авдеев В. А. и др. Рубежи ратной славы Отечества. Издательский дом «Звонница-МГ». М., 2002.
150. Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. Издательство социально экономической литературы. М., 1961.
151. Яковлев Н. 1 августа 1914. «Молодая гвардия». М., 1974.
152. Янин В. П., Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1962—1976 годов. «Наука». М., 1978.
153. Розанов Г. Л. Последние дни Гитлера. Издательство Института международных отношений. М., 1962.
154. Агаян Ц. П. Россия в судьбах армян и Армении. Издательство «Наука» М., 1978.
155. Фрянов И. Я. Загадка крещения Руси. «Алгоритм». М., 2007.
156. «Русский Вестник», № 21, 2008.
157. Безнин М. А., Баландин Н. И., Башенькин А. Н. и др. Старинные города Вологодской области. Кириллов. Краеведческий альманах выпуск 2. «Русь». Вологда, 1997.

Содержание

Часть 1 ЭПОХА «СЛАВНЫХ ДЕЛ»	3
Призрак в подкованном ботфорте	3
Слово и дело	5
Шаромыжная шваль и чухонская шушера	35
Друзья, товарищи и сыны	49
Церковь Петра	55
Охота на людей	81
Финансовая политика	97
Загадки родословной	112
Силуэты заговора	126
Наступательная оборона Москвы	140
Череда позорищ, признанных заслугой	151
Ученик-переросток	180
И все-таки — подкидыш	188
Трусость и жестокость	204
Гродно, Полтава и Прут	221
Война на море и за морем	239
Антирусская политика Петра	251
Город-монстр	260
Кровеносные артерии державы	276
Реки вспять	315
Часть 2 ПЕТРА ТВОРЕНИЕ	324
Кровавый масонский след в русской истории	324
Самодержавие	354
Русский порядок	366
Русская Правда	376
Метастазы опухоли	384
Итоги преобразований	417
Библиография	423

Алексей Алексеевич Мартыненко

**ЗВЕРЬ НА ПРЕСТОЛЕ,
или правда о царстве Петра Великого**

Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ № 3076.

ООО «Профессионал»
т/факс 8(495) 778-48-02
сайт: www.soc-book.ru
электронная почта: nikitin@soc-book.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати—ВЯТКА».

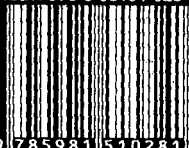
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36

<http://www.gipp.kirov.ru>

e-mail: pto@gipp.kirov.ru

ISBN 978-5-98151-028-1

9 785981 510281